

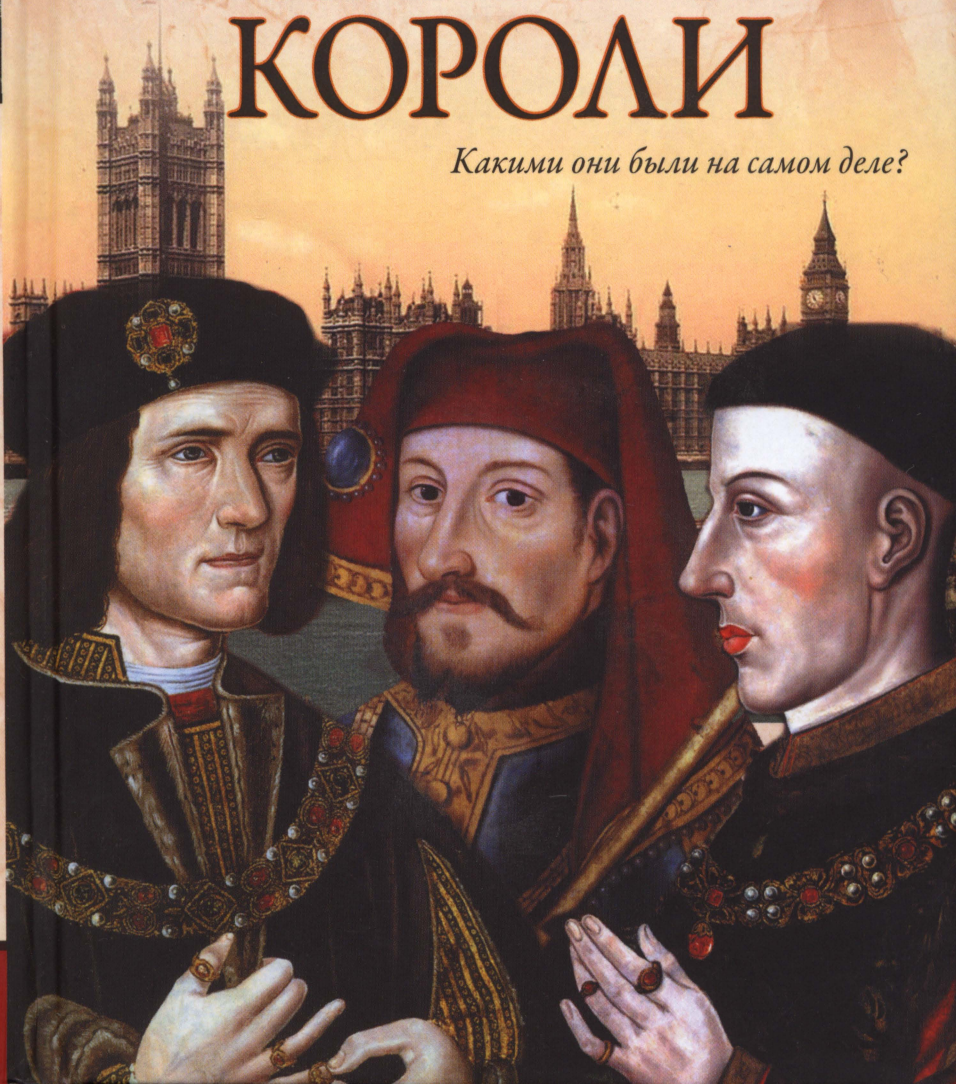
Джон
Норвич

■ Джон Норвич ■

ИСТОРИЯ АНГЛИИ И ШЕКСПИРОВСКИЕ КОРОЛИ

Какими они были на самом деле?

ИСТОРИЯ АНГЛИИ И
ШЕКСПИРОВСКИЕ КОРОЛИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ДЖОН
НОРВИЧ

■ Джон Норвич ■

ИСТОРИЯ АНГЛИИ
И
ШЕКСПИРОВСКИЕ
КОРОЛИ

Астрель
МОСКВА

УДК 94(410)(092)+821.111.09
ББК 63.3(4Вел)-8+83.3(4Вел)
Н82

John Julius Norwich
SHAKESPEARE'S KINGS

Перевод с английского И.В. Лобанова

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Felicity Bryan Associates Ltd. и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 27.07.12. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 2000 экз. Заказ № 1497.

Норвич, Д.

Н82 История Англии и шекспировские короли / Джон Норвич;
пер. с англ. И.В. Лобанова. — М.: Астрель, 2012. — 414, [2] с.

ISBN 978-5-271-43630-7

Всякий, кто читал шекспировские бессмертные «пьесы-хроники», уверен: король Эдуард III был образцом благородства, Ричард III — беспринципным убийцей, легкомысленный и обаятельный Генрих V — гениальным полководцем, Генрих VI — легковерным простаком.

Но какое отношение все это имеет к исторической реальности?

В своем исследовании «История Англии и шекспировские короли», равно интересном как для историков и литературоведов, так и для всех, кто знаком с произведениями Шекспира, сэр Джон Джулиус Норвич анализирует, насколько подлинные образы английских монархов XIV — XV веков соответствуют трактовке великого драматурга.

УДК 94(410)(092)+821.111.09
ББК 63.3(4Вел)-8+83.3(4Вел)

© John Julius Norwich, 1999
© Перевод. И.В. Лобанов, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Посвящается Питеру Карсону, который на протяжении тридцати лет направлял меня, дал мне столь много добрых советов и подсказал, в том числе, идею этой книги.

Шекспир был величайшим мастером драматургии. В его пьесах нет утомительных логических рассуждений. Они наполнены яркими личностями, в сравнении с которыми все мы чувствует себя сегодня ничтожными подделками и шутами.

Г.Л. Менкен

Содержание

Предисловие 25

1. Эдуард III и Черный Принц (1337–1377)

Убийство Эдуарда II. — Судьба Гавестона. — Восшествие на трон Эдуарда III. — Владения. — Смерть Карла IV. Претензии Эдуарда к Франции. — Встречные претензии Франции. — Феодализм и вассальная зависимость. — Начало Столетней войны. — «Эдуард III», первый и второй акты. — Вторжение Эдуарда во Францию. — Битва при Слейсе. — Битва при Слейсе в пьесе «Эдуард III». — Осада Кале. — Битва при Пуатье. — Осада Кале и битва при Пуатье в пьесе «Эдуард III». — Окончание пьесы. — Последние годы правления Эдуарда III. — Черный Принц в Бордо. — Нахера. — Болезнь и смерть принца. — Смерть Эдуарда 39

2. Юный Ричард (1377–1381)

Дети Эдуарда III. — Проблема наследования. Коронация Ричарда. — Мать Ричарда «прекрасная дева Кента». — Отец Ричарда Черный Принц. — Дядя Ричарда Джон Гонт. — Разрушение дворца Гонта толпой после суда над Уиклифом.

Примирение лондонцев с Гонтом. — Папский раскол. — Англия на стороне Урбана VI. — Истоки крестьянского восстания. — Наступление на Лондон. — Бесчинства повстанцев. — Столкновения в Майл-Энде и Смитфилде. — Последствия восстания..... 78

3. Фавориты и апеллянты (1381—1388)

Брак. — Жизнь при дворе. — Еда. Одевания. — Портреты. Высокомерие и безответственность. — Фавориты. — Моубри, де Вер, Берли. — Джон Гонт. — Крестовый поход Нориджа. — Инцидент с Латимером. — Шотландская экспедиция. — Джон Гонт отправляется в Испанию. — Конфликт с парламентом по поводу отставки Суффолка. — Депутация Глостера и епископа Илийского. — Учреждение парламентского совета. — Отношения с севером. — Судьи расценивают совет как противозаконный. — Возвращение Ричарда в Лондон. — Глостер, Арундел и Уорик ополчаются против короля. — Соглашение в Вестминстере. Вероломство короля. Де Вер идет на Лондон. — Рэдкот-Бридж. — Апеллянты предъявляют ультиматум. — «Безжалостный парламент». — Казни. — Обещание короля. — Забота о престиже.....97

4. Месть короля (1388—1398)

Ричард берет на себя управление королевством. — Джон Гонт. — Итоги испанской экспедиции. — Возвращение. — Попытки канонизировать Эдуарда II. — Ссора с лондонцами. — Беспорядки в Чешире. — Смерть королевы. — Первая ирландская экспедиция. — По приказу Ричарда тело де Вера перевозят в Англию. — Второй брак Джона Гонта. — Бракосочетание Ричарда с Изабеллой Французской. — Коронация. — Парламент в Вестминстере, январь 1397 года. — Петиция Хакси. — Вестминстер-Холл. — Ричард обрушивается на Глостера,

Арундела и Уорика. — Их осуждение на парламенте в сентябре. — Приговоры. — Новые герцогства. — Парламент в Шрусбери. — Болингброк обвиняет Моубри.....	124
--	-----

5. *Триумф Болингброка (1398—1400)*

Вступление к пьесе «Ричард II». — Поединок в Ковентри. — Изгнание. — Дорогостоящие прощения и вынужденные займы. — Смерть Джона Гонта. — Шекспировский образ Гонта. — Конфискация владений. — Мания величия. — Ричард отправляется в Ирландию. Болингброк высаживается в Рейвенскаре. — Усмирение роялистов. — Ричард возвращается из Ирландии. — Захват. — Свержение и вступление на престол. — Речь Генриха. Коронация. — Наказания. — Интерпретация Шекспира. — Ричарда отправляют в Понтефракт. — Заговор. — Участь Ричарда. Реакция Генриха.....	139
---	-----

6. *«Король Генрих IV». (Часть первая) (1400—1403)*

Король Генрих IV. — Воспитание, первые странствия. — Проблемы: парламент, Франция, Шотландия, Уэльс. — Шотландская кампания. Восстание Глендоуэра, уэльская кампания. — Визит Мануила Палеолога. — Отправка королевы Изабеллы во Францию. — Женитьба на Иоанне Бретонской. — Первая часть «Генриха IV» Шекспира. — Пленение Мортимера Глендоуэром. — Вторая уэльская кампания. — Хомилдон-Хилл. — Конфликт с Хотспером по поводу пленных. — Трактовка Шекспира. — Характеристика Хотспера — Фальстаф/Олдкасл. — Разгульный образ жизни Хэла. — Военные деяния. Бунт Перси. Битва при Шрусбери — Шекспировская версия бунта и приготовлений к битве — Битва по Шекспиру	160
--	-----

7. «Король Генрих IV». (Часть вторая) (1403—1413)

Проблемы с парламентом. — Досаждают французы. — Новая кампания против Глендоуэра откладывается ради борьбы за трон. — Бунт графа-маршала и архиепископа Йоркского. — Арест. — Пятое вторжение в Уэльс. Король заболевает. — Болезнь короля. — Возрастающая ответственность принца Уэльского. — Скаредность парламента. — Французы нападают на Бордо. — Падение Харлеха и финал восстания Глендоуэра. — Состояние здоровья короля продолжает ухудшаться. — Сложное положение принца. — Бургундская и Орлеанская фракции во Франции. — Принц посылает в Бургундию армию во главе с Арунделом. — Бофорты исключаются из совета. — Принц удаляется в Мидлендс. — Король отправляет армию во главе с Кларенсом на помощь арманьякам. — Фиаско. — Принц набирает ополчение и идет в Лондон. — Короля поражает апоплексический удар. — Смерть. — Гробница. — Пьеса. — Шекспировская история Генриха IV. — Прессование событий. — Заболевание короля. — Пощечина главному судье. — Изображение Нортумберленда и Джона Ланкастера. — Инцидент с короной. — Пятый акт 182

8. Гарфлёр и Азенкур (1413—1415)

Генрих V. — Коронация. — Лолларды. — Сэр Джон Олдкасл. — Виселицы на Сент-Джайлз-Филдз. Генрих притязает на французскую корону. — Миссия Бофорта. — Неисполнимые требования. — Приготовления к войне. — Заговор в Саутгемптоне. — Флотилия выходит в море. — Осада Гарфлёра. — Марш к Азенкуру. — Сражение. — Истребление пленных. — Потери с обеих сторон. — Празднования в Лондоне. — Мрачное настроение короля 205

9. *Конец авантюрам (1415—1422)*

Смерть дофина. — Поражение Дорсета у Вальмона. — Французы осаждают Гарфлёр. — Сражение в устье Сены. — Визит императора Сигизмунда в Англию. — Альянс в Кентербери. — Незадачливая конференция в Кале. — Приготовления к новому походу. — Взятие Кана и других городов. — Смерть второго дофина. — Королева провозглашает себя регентом, а герцога Иоанна Бесстрашного — губернатором Франции. — Убийство Арманьяка. — Королева и герцог входят в Париж, дофин бежит. — Осада и взятие Руана. — Переговоры с королевой и герцогом в Мёлане. — Взятие Понтуаза. — Встреча герцога и дофина на мосту в Монтеро. — Убийство Иоанна Бесстрашного. — Договор в Труа. — Брак Генриха с Екатериной. — Взятие Санса и Мелена. — Генрих казнит шотландских наемников. — Вступление в Париж. — Возвращение в Англию. — Поражение и гибель Кларенса под Божэ. — Последняя кампания Генриха. — Бесчеловечность. — Болезнь и смерть. — Гробница. — Участь Екатерины 224

10. *«Король Генрих V» (1414—1420)*

Хронологические затруднения. — Роль «хора». — Надуман ли инцидент с теннисными мячами? — Саутгемптонский заговор. — Здравость ума Карла VI. — Флюэллен. — Гарфлёр. — Принцесса Екатерина. — Азенкур. — Триумфальное возвращение в Лондон. — Примирение французов и англичан. — Обольщение Екатерины..... 236

11. *Король Генрих VI: детство и юность (1422—1445)*

Рождение Генриха. — Бедфорд, Глостер, Бофорт. — Бесперспективность войны. — Англия теряет поддержку во Франции. — Коронация дофина. — Жанна д'Арк. — Гибель Солсбери. — «Битва селедок». — Пленение Жанны

д'Арк. — Сожжение. — Коронация Генриха в Париже.
Примирение Франции и Бургундии в Аррасе. — Смерть
Бедфорда. — Склад характера Генриха VI. —
Освобождение Карла Орлеанского. — Падение герцога
Хамфри. — Возвышение Суффолка. — Маргарита
Анжуйская. — Брак с Генрихом 251

12. «Король Генрих VI». (Часть первая) (1422—1453)

Авторство. — Историческая достоверность. — Источники.
Лапидарность. — Фальстаф. — Жанна д'Арк. — Гибель
Солсбери. — Личность Толбота. — Сражение с Жанной
д'Арк. — Второй акт. — Неисторичное отвоевание Орлеана. —
Графиня Овернь. — Сцена в саду Темпла. — Посещение Ричардом
Йорком умирающего Мортимера. — Третий акт. — Вражда
между Бофортом и Глостером. — Выстраивание образа
Ричарда Йорка. — Взятие Руана Жанной д'Арк. —
Путаная хронология. Толбот становится графом. —
Четвертый акт. — Коронация Генриха во Франции. — Две
армии. — Гибель отца и сына Толботов. — Пятый акт. —
Удивление Эксетера при виде Бофорта в облачении
кардинала. — Предполагаемые браки Генриха. — Сцены
с девственницей. — Появление Маргариты Анжуйской. —
Мир 264

13. Король Генрих VI. Буря надвигается (1445—1455)

Карл VII извлекает пользу из перемирия. — Арест и
смерть герцога Хамфри. — Смерть кардинала Бофорта. —
Суффолк захватывает власть. — Ричард Йорк назначается
в Ирландию. — Сомерсет возобновляет французскую
войну. — Англичане терпят поражение при Форминьи. —
Заточение Суффолка. — Гибель. — Восстание Джека
Кэда. — Возвращение Йорка из Ирландии. — Первый поход
на Лондон. — Права Сомерсета на трон. — Усиление вражды

между Йорком и Сомерсетом. — Второй поход Йорка на Лондон. — Обещание короля арестовать Сомерсета. — Нарушение данного обещания. — Заболевание и помешательство короля. — Рождение сына. — Арест Сомерсета. — Йорк становится протектором. — Солсбери назначается канцлером. — Король выздоравливает. — Йорк, Солсбери и Уорик удаляются на север. — Третий поход Йорка на Лондон. — Первое сражение в Сент-Олбансе. 281

14. «Король Генрих VI». (Часть вторая) (1441—1455)

Уступка Анжу и Мена. — Разные Уорики. — Шекспир продлевает протекторат. — Королевство раздирается фракциями. — Элеонора Кобем. Наказание. Смерть герцога Хамфри. — Надуманная речь герцога Йорка. Хамфри не убивали. — Королева и Суффолк в любовниках не состояли. — Обстоятельства смерти кардинала Бофорта. — Обезглавливание Суффолка. Восстание Кэда. — Возвращение Йорка из Ирландии. — События двух лет в одной сцене. — Поведение Йорка в Блэкхите. — Дети. — Сент-Олбанс..... 296

15. Война роз (1455—1475)

Компрессия времени. — Ричард Йорк претендует на трон. — Битва при Уэйкфилде. — Мортимерс-Кросс. — Второй Сент-Олбанс. — Эдуард провозглашает себя королем. Битва при Таутоне. — Эдуард на севере. — Интриги Маргариты. — Хеджли-Мур и Хексем. — Женитьба на Елизавете Вудвилл. — Реакция Уорика. — Союз с Кларенсом. — Кларенс женится на Изабелле Невилл. — Поход на Лондон. — Робин из Редесдейла. — Битва при Эджкоте. — Пленение Эдуарда. — Освобождение. — Бунт Уэлса. — Битва на «Лузкоут-Филд». — Уорик и Кларенс скрываются во Франции. —

Обращение к Людовику XI с просьбой о помощи. —
 «Примирение» Уорика с Маргаритой Анжуйской. —
 Уорик и Кларенс возвращаются в Англию. —
 Предательство Монтегю. Эдуард бежит в Голландию. —
 Генрих VI восстанавливается на троне. — Эдуард
 высаживается в Рейвенскаре. — Кларенс предает Уорика.
 Эдуард входит в Лондон и вновь коронуется. — Битва при
 Барнете. — Гибель Уорика. — Маргарита высаживается
 в Уэймуте и идет к Тьюксбери. — Битва при Тьюксбери. —
 Бойня. — Участь Эдуарда, принца Уэльского. —
 Участь Маргариты. — Участь Генриха VI..... 311

16. «Король Генрих VI». (Часть третья) (1455–1475)

Исторические искажения. — Драматизация «Акта
 согласия». — Битва при Уэйкфилде. — Второй акт. —
 Мортимерс-Кросс. — Второе сражение в Сент-Олбансе. —
 Битва при Таутоне. — Вымышленное участие в ней
 Джорджа и Ричарда. — Третий акт. — Блуждание
 Генриха VI. — Уорик при французском дворе в роли свата
 просит руки Бонны для Эдуарда и возвращается в Англию
 его ярим противником. — Акт четвертый. — Дискуссия по
 поводу брака Эдуарда. — Пленение Эдуарда и его побег в
 Голландию. — Эдуард высаживается в Рейвенскаре. —
 Генрих снова в Тауэре. — Барнет. — Тьюксбери. —
 Насильственная смерть принца Уэльского. — Убийство
 Генриха VI. — Заключение. — Подлость и злодейство
 Ричарда..... 336

17. Король Эдуард V (1470–1483)

Странная экспедиция во Францию в 1475 году. —
 Соперничество между Кларенсом и Глостером. — Две
 противоположности. — Наследство Уорика. — Брак
 Ничарда. — Кларенс становится параноиком. — Суд

и утопление в бочке с мальвазией. — Ричард на севере.
Оккупация Эдинбурга. — Смерть Эдуарда IV. —
Всевластие Вудвиллов. — Борьба с ними Ричарда и
Бекингема. — Ричард захватывает Эдуарда V и везет в
Лондон. — Казнь Риверса. — Ричард и Эдуард V въезжают
в Лондон. — Ричард выманивает герцога Йорка из
убежища в Вестминстере. — Заседание совета в Тауэре
13 июня. — Арест и казнь Гастингса. — Проповедь доктора
Шоу. — Выступление Бекингема в ратуше. — Петиция к
Ричарду с просьбой принять корону. — Ричард присягает в
Вестминстер-Холле. — Коронация. —
Принцы в Тауэре.....350

18. Час расплаты (1483—1485)

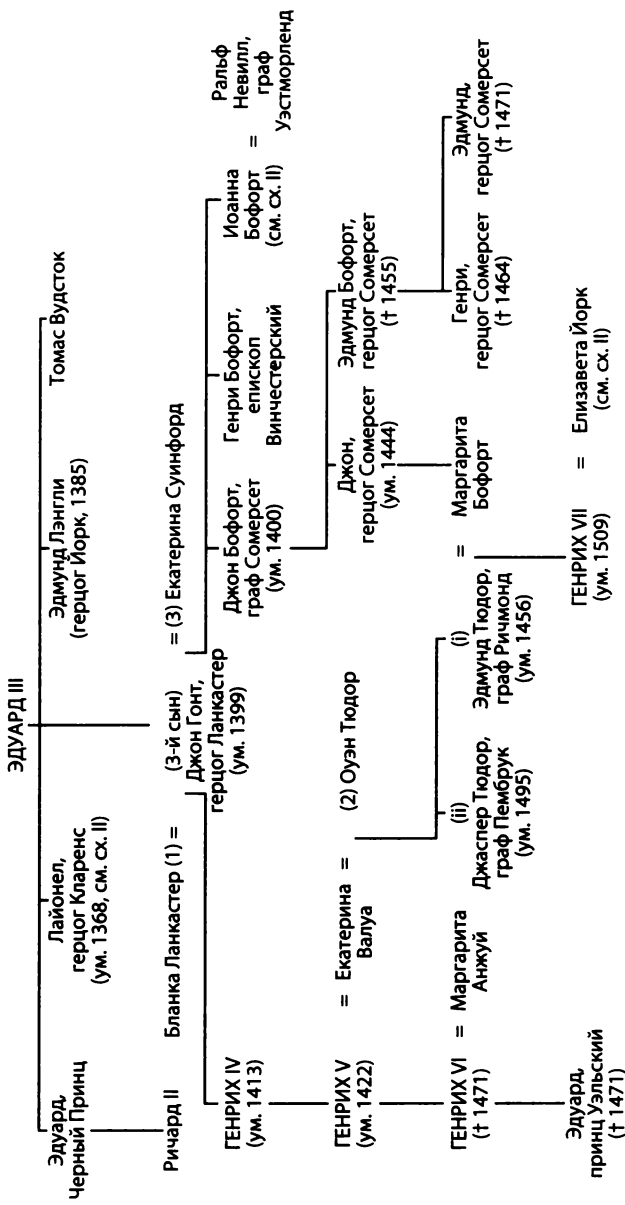
Триумф на севере. — Мятеж Бекингема. — Роль Мортонa. —
Маргарита Бофорт. — Провал мятежа. — Казнь Бекингема.
Ричмонд обретает сторонников. — Присоединяются
беженцы-повстанцы в Ренне. — Тревоги Ричарда. —
Возрастающая угроза Ричмонда. — Договор с Бретанью. —
Генрих укрывается в Анжу. — Теплый прием со стороны
французского двора. — Прибытие Оксфорда. — Замок
Хаммес под Кале. — Смерть королевы Анны. — Ричард
намеревается жениться на Елизавете Йорк. — Его
публичное признание в Клеркенуэлле. — Генрих Ричмонд
высаживается в Милфорд-Хейвене. — Маршрут
передвижения войск. Босворт. — После Босворта. —
Негуманное обращение с телом погибшего Ричарда.....367

19. «Король Ричард III» (1471—1485)

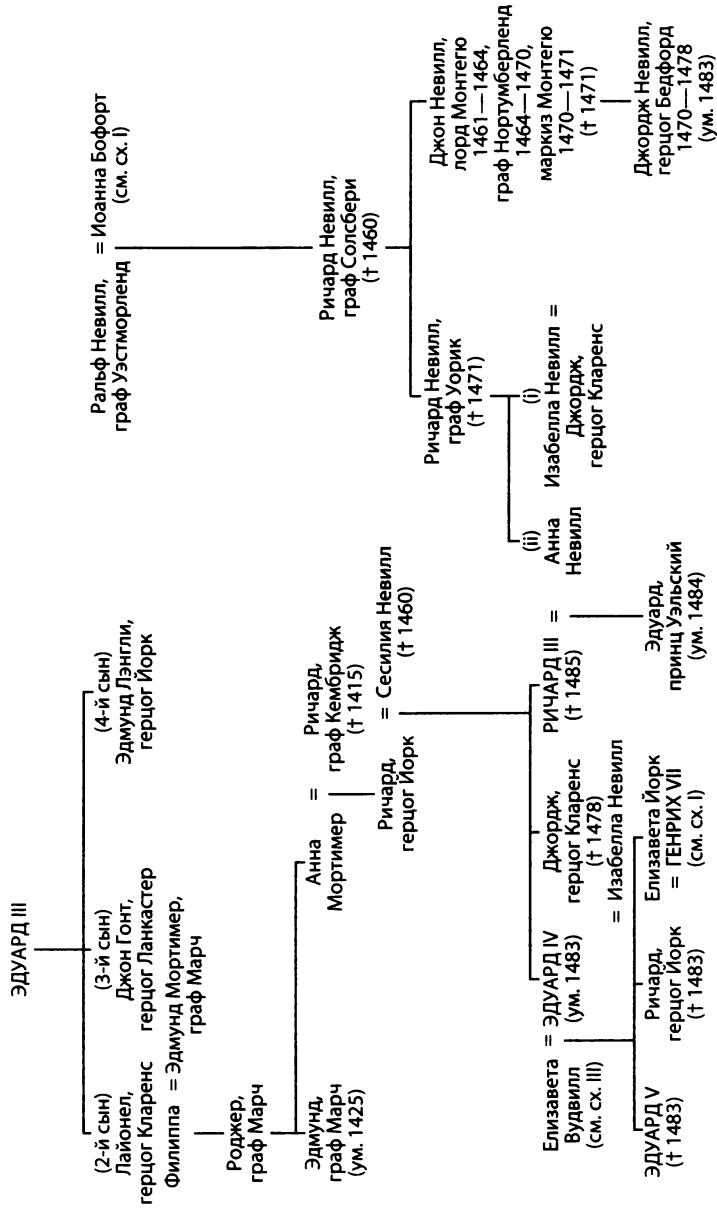
Две легенды. — Проблемы с датированием сцен. — Первый
и второй акты. — Хронология. — Смерть Кларенса. —
Стенания. — Игнорирование драматизма первой схватки

Ричарда с Вудвиллами. — Третий и четвертый акты. — Путь Ричарда к трону. — Убийство малолетних принцев. — Кончина королевы Анны. — Босворт. — Гибель Ричарда.....	384
Эпилог.....	400
Хронология	406
Библиография.....	411

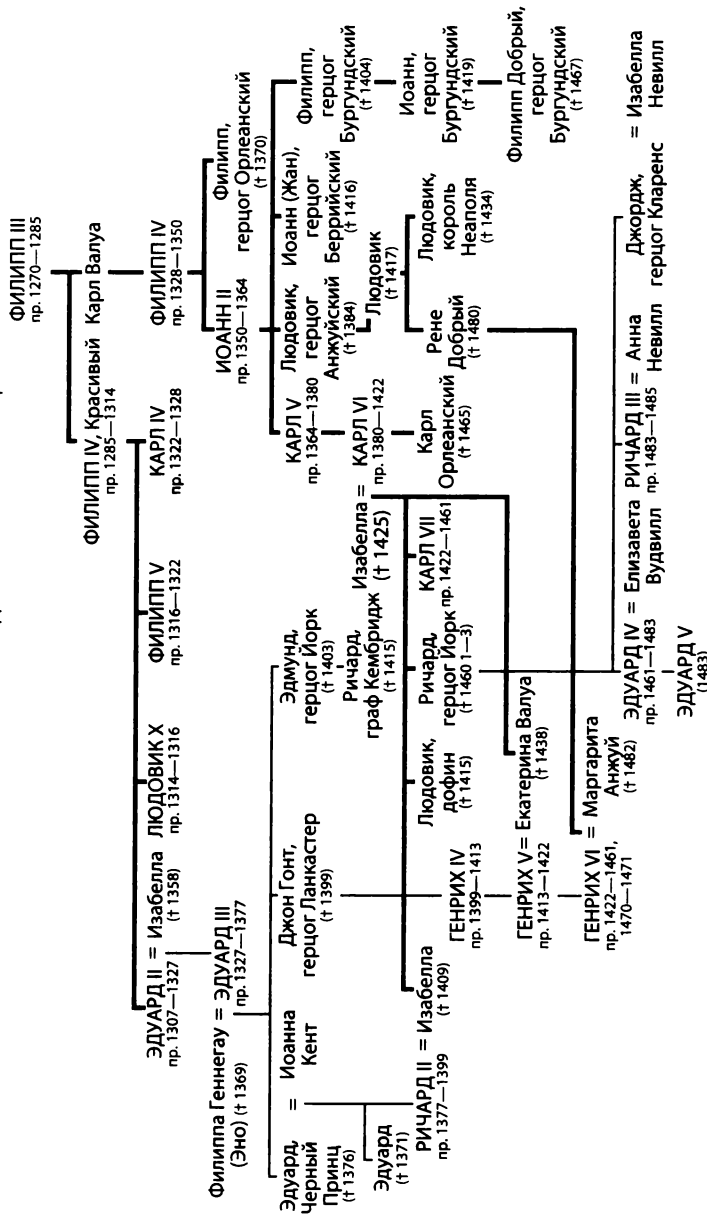
СХЕМА I. ДОМА ЛАНКАСТЕРОВ, ТЮДОРОВ И БОФОРТОВ

СХЕМА II. ДОМА МОРТИМЕРОВ, ЙОРКОВ И НЕВИЛЛОВ

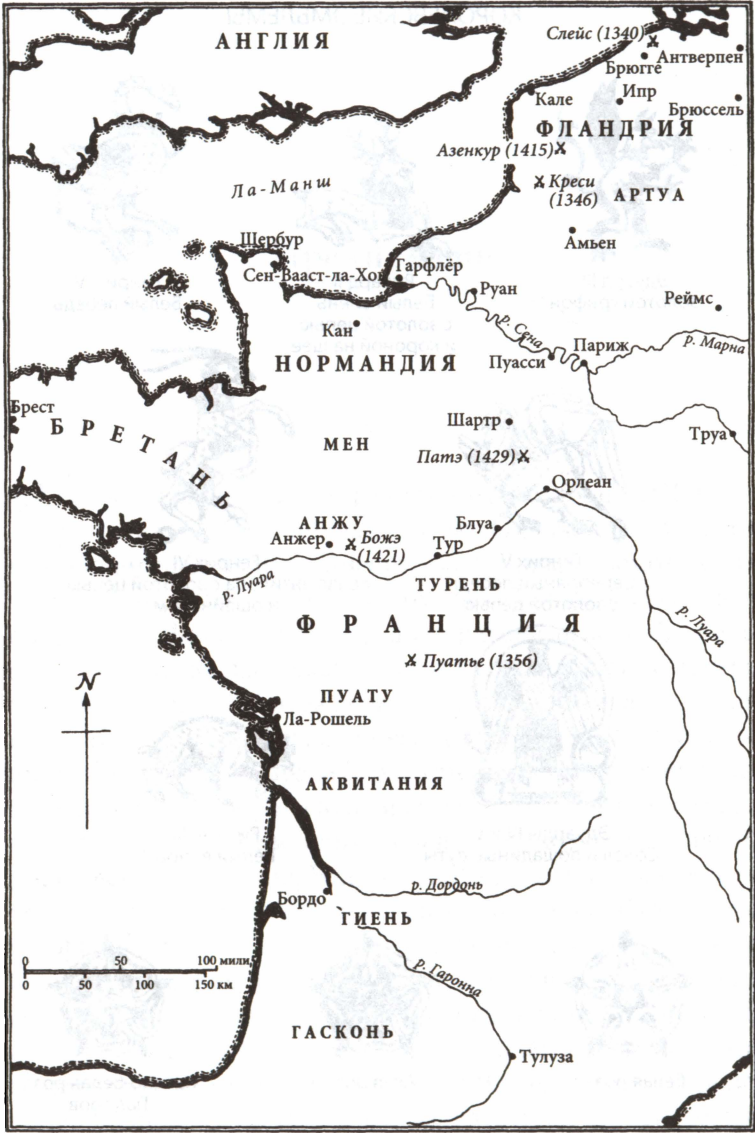
СХЕМА III. КОРОЛЕВСКИЕ ДОМА АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

Полужирная черта — французская ветвь генеалогического древа, тонкая черта — английская ветвь.

КОРОЛЕВСКИЕ ЭМБЛЕМЫ

Эдуард III
Золотой грифон

Ричард II
Белый олень
с золотой цепью
и короной на шее

Генрих IV
Белый лебедь

Генрих V
Серебряный лебедь
с золотой цепью

Генрих VI
Белая антилопа с золотой цепью
и ошейником

Эдуарды IV и V
Сокол и лошадиные путы

Ричард III
Белый вепрь

Белая роза

Алая роза

Красно-белая роза
Тюдоров

Белая роза как знак Йорков существовала давно; алую розу в качестве эмблемы Ланкастеров ввел в употребление, видимо, Генрих VII. Таким образом, шекспировская сцена с выбором роз в саду Темпла является и художественным вымыслом, и историческим анахронизмом.

Предисловие

Впервые я окунулся в мир исторических хроник Шекспира, когда мне было пятнадцать лет. Однажды, на дневном и вечернем спектаклях, я вместе с родителями посмотрел обе части «Генриха IV» в «Новом театре» Лондона. Нам очень понравился Фальстаф Ральфа Ричардсона, и, конечно, большое впечатление произвел Лоуренс Оливье в роли Хотспера, в особенности его манера делать паузы, напоминающие легкое заикание, на словах, начинающихся с «w»: они придавали неповторимую выразительность надменным монологам шекспировского героя. Но больше всего меня потрясло ощущение сверхъестественного переноса во времени в жизнь средневековой Англии. Ведь эти люди действительно когда-то ходили по той же земле, на которой теперь обитаем мы, говорил я себе, они испытывали те же эмоции, так же сокрушались, ненавидели и любили. Тогда же я впервые задумался и над извечным вопросом: а насколько реальна жизнь, изображаемая на сцене? Где история действительная, а где ее драматургическое истолкование? В следующий раз я испытал подобное чувство через двадцать лет в «Олдуиче», на спектакле Джона Бартона и Питера Холла «Война роз», продолжавшемся два дня. И это ощущение соприкосновения с далекой эпохой было еще сильнее: представление дополня-

лось программой, историческим резюме и, о чудо, подробным описанием генеалогического древа Плантагенетов. Как я жалею, что не сохранил эти шедевры театральной летописи! Не исключено, отчасти и по этой причине — из желания восстановить потерю — мне пришлось в голову написать книгу, которую вы держите в руках.

Возможно, мне следовало назвать ее «Некоторые из королей Шекспира»: представлены они, естественно, далеко не все. В нее не вошли ни мифический король Лир, ни псевдоисторический государь Цимбелин. Не касался я «Короля Иоанна», пьесы, которая со всеми ее шероховатостями полностью или почти полностью все же написана Шекспиром; не включен и «Генрих VIII», большая часть которого, вероятно, принадлежит перу Джона Флетчера. Предмет моего исследования — печальная история семейства Плантагенет, породившая девять драм. Грандиозная серия начинается «Эдуардом III», продолжается двумя частями «Генриха IV», «Генрихом V», тремя частями «Генриха VI» и завершается «Ричардом III». Два монарха, хотя и относятся к Плантагенетам, остались за рамками исторической драматургии. Не удостоился отдельной пьесы и Эдуард IV, при котором англичане лет двенадцать жили в условиях мира, хотя он эпизодически появляется во второй и третьей частях «Генриха VI» и затем в «Ричарде III». Проигнорирован (что менее удивительно, поскольку юный монарх пробыл на троне всего несколько недель) его сын, малолетний и простодушный Эдуард V, самый несчастный король в истории Англии, оставивший след только тем, что стал наглядным примером злодейства своего дяди.

Определенное недоумение может вызвать включение в обойму шекспировских хроник «Эдуарда III». Должен сказать: приступи я к работе над книгой годом раньше, наверняка тоже обошел бы вниманием эту пьесу. Мне было известно, что ее считают апокрифом: один или два немецких исследователя в XIX веке с большой осторожностью пытались приписать авторство Шекспиру. Сам я еще не читал пьесу,

она не вошла ни в Первое фолио, ни в какие-либо последующие многотомные издания Шекспира. Вдруг совершенно неожиданно это произведение обрело хозяина. В 1998 году оно появилось в Новом Кембриджском издании шекспировских пьес, а сейчас, когда я пишу эти строки, аналогичный вариант драмы, как мне известно, включается в Арденовское издание*. Читатели могут обратиться к этим выпускам в поисках свидетельств, либо подтверждающих, либо опровергающих причастность Шекспира к созданию этого произведения. У меня же нет никаких сомнений в том, что оно признано академическим сообществом. Возможно, пьеса и не является творением исключительно одного Шекспира — много ли таких произведений? — но, похоже, основная ее часть написана его пером. По крайней мере в ней немало фрагментов, которые написать под силу только Шекспиру:

К о р о л ь Д а в и д:

Не скоро наши конники уймутся:
Ни удилам, ни шпорам молодецким
В бездействии заржаветь не дадут,
Позолоченных панцирей не сложат
И вязовых упругих копий мирно
На стены городские не повесят;
Из перевязей кожаных не вынут
Своих мечей-кусак, пока не скажет
Ваш государь: «Довольно! Пощадите!»**

---

* Пьеса «Эдуард III» включена в русское пятитомное издание шекспировских произведений Брокгаузом — Ефроном в 1902—1905 гг. как «приписываемая Шекспиру»: Шекспир В. Полное собрание сочинений. Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1905. Т. 5. — *Примеч. пер.*

** Пер. В. Лихачева: Шекспир В. Полное собрание сочинений. Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1905. Т. 5. И далее выдержки из произведений Шекспира приводятся по следующим изданиям:

Аутентификация «Эдуарда III» — полный текст пьесы приводится в приложении — была ниспослана мне самим небом. Эдуарда можно считать патриархом королей, от него, так или иначе, произошли все государи, фигурирующие в нашем повествовании. Знакомство с этой незаурядной личностью открывает путь к пониманию практически всех основных событий в огромном историческом эпосе Шекспира, связанных и со Столетней войной, и с Войной Алой и Белой розы, и с низложением внука Эдуарда — Ричарда II, и с кровавыми амбициями его праправнука Ричарда III. История его жизни достойна отдельного рассказа. При помощи Шекспира я и попытался ее изложить.

Имея теперь в распоряжении тридцать девятую пьесу драматурга*, мы могли бы выстроить практически непрерывную линию повествования, в которой, правда, остался бы довольно значительный пробел протяженностью почти в полвека. «Эдуард III» заканчивается сентябрем 1356 года, когда после битвы при Пуатье на сцене появляются Черный

«Эдуард III». Пер. В. Лихачева. Полное собрание сочинений. Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1905. Т. 5.

«Трагедия о короле Ричарде II». Пер. А.Л. Курошевой. Шекспир В. Полное собрание сочинений. В 8 т. Под ред. А.А. Смирнова. М.-Л.: Academia, 1937. Т. 3.

«Ричард II. Хроника в 5 актах», пер. А. Курошевой. Уильям Шекспир. Собрание сочинений в 8 томах. М.: «Интербук», 1997. Т. 4.

«Генрих IV». Пер. Е. Бируковой. Полное собрание сочинений. В 8 томах. М.: «Искусство», 1959. Т. 4.

«Генрих V». Пер. Е. Бируковой. Полное собрание сочинений в восьми томах. М.: «Искусство», 1959. Т. 4.

«Генрих VI». Пер. Е. Бируковой. Полное собрание сочинений. В 8 томах. М.: «Искусство», 1957. Т. 1.

«Ричард III». Пер. А.Д. Радловой. Полное собрание сочинений. В 8 томах. М.: «Искусство», 1957. Т. 1.

В русских переводах пьес даются несколько иные написания английских имен и географических названий. — *Примеч. пер.*

* Если считать и пьесы «Перикл, царь Тирский» и «Два знатных родича», которые обычно входят в большинство полных собраний сочинений драматурга, хотя они и не были включены в Первое фолио.

Принц и его пленник Иоанн II Французский. Действие следующей пьесы, «Ричард II», открывается конфликтом между Томасом Моубри (Моубреем) и Генрихом Болингброком в апреле 1398 года, и она охватывает только последние полтора года горемычного правления Ричарда. Это обстоятельство создает одну существенную проблему для зрителя: из пьесы трудно понять, чем же король провинился, если его лишают трона. Ясно, что он обошелся несправедливо с кузеном, отобрав у него владения. Однако другой монарх мог бы его и казнить. В равной мере трудно уловить, почему и каким образом Болингброку удалось привлечь на свою сторону почти всю нацию и с невероятной легкостью захватить корону. Почему Ричард стал непопулярен в стране? Почему в последние годы правления он так и не обратился к подданным за поддержкой? Ответить на эти вопросы можно лишь в том случае, если проследить весь его жизненный путь.

Читатель, интересующийся главным образом исторической подоплекой шекспировской драмы, найдет нужную информацию в 2, 3 и 4 главах. Лишь в главе 5 я вновь обращаюсь к Шекспиру. Ведь вторая моя задача заключается в том, чтобы выяснить, насколько сценическое отображение исторических событий совпадает с реальностью. Задача непростая. Прежде чем уличать Шекспира в отклонении от действительности, мы должны сами установить ее истинность. Подобно драматургу нам приходится полагаться на свидетельства современников, собранные и препарированные ранними хронистами. Конечно, за четыре столетия, минувших со времени написания пьес, появились новые данные, о существовании которых Шекспир даже и не догадывался. Тем не менее и для нас, как и для драматурга, основным источником остаются эти старые хроники.

Академические издания обычно перечисляют около полудюжины источников, и самыми авторитетными по-прежнему остаются хроники Жана Фруассара (для «Эдуарда III» и, вероятно, для «Ричарда II»), Эдуарда Холла и Рафаэля Холиншеда: их имена постоянно упоминаются и в моем по-

вествовании. Фруассар родился в Валансьене около 1337 года. В 1361 году он приехал в Англию, где прожил восемь лет, много путешествовал по стране, пользуясь покровительством королевы Филиппы, которая сама была родом из Геннегау (Эно). Вернувшись в 1369 году во Францию, Фруассар приступил к работе над первой из четырех книг своих «Хроник» — ярким и колоритным описанием Столетней войны: Шекспир наверняка был знаком с текстом, переведенным на английский язык в 1523—1525 годах Джоном Берчером (Бурше), лордом Бернерсом. Из всех хронистов только его, прирожденного писателя и поэта, можно и сегодня читать с истинным удовольствием.

В сравнении с ним два английских хрониста выглядят просто прилежными и добросовестными трудягами. Эдуард Холл, правительственный чиновник при дворе Генриха VIII, начал корпеть над своим сочинением «The Vnion of the Two Noble and Illustre Famelies of Lancastre and York» («Соединение двух благородных и сиятельных домов Ланкастеров и Йорков») около 1530 года. Книга была опубликована в 1548 году, через год после его смерти. На Рафаэля Холиншенда (нам известна лишь дата его смерти — около 1580 года) его работодатель, издатель Реджинальд Вольф, возложил титаническую миссию — написать историю мира от потопа до дней королевы Елизаветы. Неудивительно, что он задачу не выполнил, и в 1577 году вышла в свет небольшая работа — «The firste volume of the chronicles of England, Scotlande and Irelande... conteyning the description and chronicles of England from first inhabiting unto the Conquest»*. В действительности его хроники охватывают огромный период времени вплоть до дней жизни самого автора. Читать их нелегко, но они являются первым авторитетным описанием истории Англии на английском языке. Шекспир пользовался

---

* «Первая книга хроник Англии, Шотландии и Ирландии... содержащая описание и хроники Англии от первых поселений до ее завоевания». — *Примеч. пер.*

вторым, расширенным и слегка поправленным цензурой изданием 1587 года в работе и над историческими хрониками, и над трагедиями «Макбет» и «Король Лир», и над комедией «Цимбелин».

В Арденновском и Новом Кембриджском изданиях Шекспира приводятся и другие, менее значительные источники. Среди них следует упомянуть труд поэта, современника Шекспира Сэмюэла Даниэля: его «First Fowre Bookes of the ciuile warres between the two houses of Lancaster and Yorke»* были опубликованы в 1595 году. Это была только первая часть грандиозной эпической поэмы, которую Даниэль хотел закончить правлением Генриха VII, но, дойдя до бракосочетания Эдуарда IV, решил написать историю Англии в прозе. Он был превосходным поэтом — некоторые его сонеты считаются лучшими из всех когда-либо сочиненных на английском языке, — и в 1604 году его не случайно назначили распорядителем пиров у королевы. Можно не сомневаться в том, что Шекспир знал его произведения; их влияние четко прослеживается в поздних пьесах — «Ричарде II», в обеих частях «Генриха VI» и в «Генрихе V».

Хотя драматург в целом следует источникам, в его пьесах достаточно и отступлений. Иногда цензор требовал внести какие-то изменения, иногда из-за нехватки актеров Шекспиру приходилось убирать из текста малозначительные персонажи и приписывать их поступки другим действующим лицам. Встречаются и примеры проявления обыкновенной небрежности. Однако в большинстве случаев, когда Шекспир отходит от исторической правды, делает он это с одной целью — улучшить пьесу. Он же был все-таки драматургом, а не хронистом. Для него более важным явилось создание драматических коллизий, а не слепое копирование хроник. Кроме того, Шекспир был молод и неопытен. В числе самых ранних его пьес оказались такие серь-

---

* «Первые четыре книги о гражданских войнах между домами Ланкастеров и Йорков». — *Примеч. пер.*

езные драмы, как трилогия «Генрих VI» и «Ричард III», а всю серию исторических хроник он завершил, когда ему еще не исполнилось тридцати шести лет. Невероятно сложная задача — сценическими средствами отразить целую эпоху, которая и сегодня считается одной из самых бурных в истории Англии. Отсюда и вынужденные вольности, и неточности, и совмещения двух, а то и трех разных событий, происходивших с разрывом, измеряющимся месяцами и даже годами, в одной сцене. Удивительно то, как все же автору удавалось сплести разнообразные сюжетные нити в единое эпическое полотно и создавать в целом правдивое, несмотря на отдельные огрехи, представление об эпохе. Студент, решивший изучить этот период в истории Англии только лишь на основе шекспировских пьес, может сделать некоторые ложные умозаключения, но его общее понимание данного времени, в том числе и правления Ричарда III, будет более или менее верным.

Свои исторические драмы Шекспир писал, не придерживаясь хронологии. Общепринято считать, что он начал с трилогии «Генрих VI». К работе над первой частью трилогии драматург, видимо, приступил в 1589 году; в следующем году написал вторую часть, а в 1591-м — третью; в этом же году он создал и «Ричарда III». Затем появился «Эдуард III», в 1592—1593 годах. Потом он отвлекся на «Укрощение строптивой», «Двух веронцев» и «Короля Иоанна». Лишь в 1595 году Шекспир вернулся к серии исторических хроник, написав «Ричарда II». После этого драматург снова переключился на другие темы: «Ромео и Джульетта», «Сон в летнюю ночь», «Венецианский купец». В 1596—1597 годах он создал «Генриха IV» в двух частях, которые спровоцировали его написание третьей пьесы — чисто фальстафовой — «Виндзорские насмешницы». И наконец в 1599 году Шекспир завершил серию «Генрихом V».

В ряду исторических хроник «Генрих V» занимает особое место. Помимо того что это произведение венчает цикл ис-

торических драм, на которые автор потратил десять лет своей жизни, оно является самым выдающимся его творением в этой серии из девяти пьес и признается всеми как его единственный патриотический панегирик, прославляющий истинного короля-героя. По крайней мере королеве пьеса бы наверняка понравилась, если бы ей довелось увидеть спектакль. Когда двадцатипятилетняя Елизавета принимала корону — в 1558 году, — Англия была нищей страной с хилой армией и флотом. Уже через тридцать лет — и в основном благодаря усилиям Елизаветы — она превратилась в мощную державу, разгромившую «Непобедимую армаду», самую большую военно-морскую флотилию, когда-либо подходившую к ее берегам, не потеряв при этом ни одного корабля. Америка, открытая менее столетия назад, предоставила англичанам такие ресурсы, о которых они не могли и мечтать. Подданные Елизаветы почувствовали в себе новые силы, обрели незнакомые прежде чувства уверенности и гордости, веры в свою королеву, собственное мужество, морское могущество и, самое главное, в свой национальный язык, который вдруг расцвел и зазвучал по всей стране — от королевского двора до окраин.

Что же случилось? Конечно, Англия была древним государством, обладавшим старейшей в Европе, после папства, политической системой. Со времени нормандского завоевания минуло уже пятьсот лет, и короли правили здесь и раньше — на протяжении предыдущих пяти веков. Страна стала распадаться еще при Эдуарде III, процесс гниения продолжился при его внуке Ричарде, только усилившись в результате его низложения, а после короткой ремиссии во время правления Генриха V окончательно вышел из-под контроля при его идиоте сыне. Война роз продолжалась с небольшими перерывами до гибели Ричарда III при Босворте. И только лишь при Генрихе Тюдоре пришло спасение. После столетнего хаоса Тюдоры наконец создали современное государство, которое ко времени появления на свет Уильяма

Шекспира, родившегося в День святого Георгия в 1564 году*, жило в мире и процветало. Что же способствовало переменам? Как монарх мог трансформировать нацию? И что это за должность такая — монарх?

Вопросы закономерные и непростые. В XVI веке на них можно было ответить только со сцены. Книги были предметом роскоши и по карману лишь ученым и богатым интеллектуалам. Театр же был доступен для всех социальных слоев, кроме бедноты, которую такие высокие материи вообще мало интересовали. А какие возможности подмостки представляли молодому честолюбивому писателю!

Не случайно, наверное, именно на исходе XVI столетия и стали особенно популярны исторические пьесы. Прежде, скажем в 1585 году, зритель знал только одну такую пьесу — «Король Иоанн», написанную не Шекспиром, а Джоном Бейлем, уроженцем Суффолка, с 1536 года служившим епископом Оссори в Ирландии. Лишь в последнем десятилетии — после разгрома «Испанской армады» в 1588 году, на фоне бурного роста национального самосознания — начали одна за другой выходить из-под пера писателей исторические драмы. Среди них можно упомянуть такие, например, произведения: анонимная пьеса, основанная на версии Бейла, «The Troublesome Raigne of King John»** (почти наверняка вдохновившая и Шекспира на создание собственного варианта); «The Famous Victories of Henry the Fifth»***, тоже анонимная пьеса; «Sir Thomas More»**** и «The Downfall of

---

* Днем рождения Шекспира традиционно считается 23 апреля. В приходской церкви сохранилась запись о его крещении 26 апреля. В те времена высокой смертности младенцев крещение обычно происходило через день или два после рождения ребенка. Совершенно точно известно, что Шекспир умер тоже в День святого Георгия. Есть какая-то символика в том, что великий драматург появился на свет божий и покинул его в день святого, покровителя Англии.

** «Смутное царствование короля Иоанна». — *Примеч. пер.*

*** «Славные победы Генриха V». — *Примеч. пер.*

**** «Сэр Томас Мор». — *Примеч. пер.*

Robert, Earle of Huntingdon»* (основной ее автор Энтони Манди ассоциирует своего героя с Робинот Гудом); «Edward I»** Джорджа Пила. Одни из них написаны получше, другие — похуже, но в любом случае заслуживает внимание лишь одно произведение, которое можно поставить в ряд шекспировских творений, — превосходная трагедия Кристофера Марло «Эдуард II».

Судьбы шекспировских хроник сложились по-разному. Меньше всего, то есть почти ничего, нам известно о перипетиях «Эдуарда III». Пьеса была издана в 1596 году, и на титульном листе было сказано лишь о том, что она «sundrie times plaied about the Citie of London» («Неоднократно ставилась в городе Лондон»). В следующий раз, похоже, ее поставили уже в 1986 году в театре Лос-Анджелеса «Глоуб плейхаус», через год — в уэльском театре «Клуид», открывшемся в городе Моулд, потом в Кембридже и, как это ни удивительно, в Таормине в Сицилии. Остается лишь надеяться на то, что через четыреста лет забвения обретение пьесой статуса шекспировской привлечет к ней внимание и театральных деятелей, и публики.

Непростая сценическая жизнь, правда, по иным причинам, и у пьесы «Ричард II». Впервые зритель увидел ее 7 февраля 1601 года — накануне незадачливого восстания графа Эссекса. Затем, уже 30 сентября 1607 года, пьесу поставила команда военно-морского корабля «Дракон», находившегося у берегов Сьерра-Леоне. Подмостки странные, но гораздо менее шаткие, чем сцена театра «Друри-Лейн», где в 1681 году власти запретили постановку Наума Тейта, не выдержав даже двух представлений, несмотря на то что драматург тактично изменил имена персонажей и назвал пьесу «Сицилийский узурпатор». Низложение монарха — во все времена тема щекотливая, и Карла II вряд ли стоит осуждать за излишнюю привередливость. Тем не менее только лишь

---

* «Падение Роберта, графа Хантингдона». — *Примеч. пер.*

** «Эдуард I». — *Примеч. пер.*

в XIX столетии пьеса приобрела давно заслуженную популярность — с Эдмундом Кином и его сыном Чарлзом в главных ролях. Самой удачной, как мы знаем по откликам, была постановка Чарлза Кина в 1857 году с потрясающей сценой вступления в Лондон печального Ричарда и триумфатора Болингброка.

С самого начала несомненным успехом пользовалась пьеса «Генрих IV» — главным образом благодаря неотразимому очарованию Фальстафа. (Брюзжали только викторианцы, вообще редко бывавшие чем-нибудь довольны.) В силу каких-то причин постановщики долгое время предпочитали убирать политические и исторические пассажи и фокусировали все внимание на обворожительном старом нечестивце. Только лишь в 1913 году — и не в Лондоне, а в Бирмингеме — Барри Джексон дал публике возможность услышать весь шекспировский текст*.

Удивительно — с точки зрения актерской игры и сценичности, — но «Генрих V» игнорировался с января 1605 года, когда пьесу смотрела вся знать на рождественском пиршестве при дворе, и до ноября 1735 года, когда ее поставил ирландский актер Генри Гиффард в своем новом театре на Гудменз-Филдз. С того времени роль короля-воителя с удовольствием исполняли такие актеры, как Кембл, Макреди и Чарлз Кин, хотя Дэвид Гаррик избрал для себя роль Хора. Понятное дело, особый спрос на эту патриотическую пьесу возник в годы войны. Лондонцы в Рождество 1914 года, возможно, хотели бы увидеть в облике доблестного Генриха кого-нибудь еще, а не пятидесятишестилетнего Фрэнка Бенсона. Но, надо заметить, эта постановка для них все-таки была предпочтительнее версии мисс Мэри Слейд и ее компаньенок, представленной ею через два года. «Генрих V» и «Ричард III» в серии исторических хроник выделяются еще тем, что на их

---

* Отец, обожавший Шекспира, говорил мне, что настоящего Фальстафа он видел только в облике шестидесятипятилетнего комедианта Джорджа Роуби в «Театре его величества» в 1935 г.

основе дважды были сняты художественные фильмы*. В киноленте Лоренса Оливье, созданной в 1944 году — величайшее его достижение уже в силу трудностей военного времени и мизерного бюджета, — особый акцент, естественно, делается на патриотизме. Фильм Кеннета Браны, снятый через сорок пять лет, намного глубже: в нем нет никакой эффектности, режиссер концентрирует наше внимание на том, что война — это прежде всего грязь, кровь и страдания.

Три части «Генриха VI» всегда были и остаются самыми слабыми в каноне шекспировских исторических драм. Нам ничего не известно о ранних постановках этих пьес, если только не посчитать за первую часть пьесу «Harey the vj», которую театральная антрепренер Филипп Хенслоу упоминает в дневнике как сыгранную труппой «Слуги лорда Стрейнджа» 3 марта 1592 года. В Лондоне, кроме одноразового показа первой части в «Друри-Лейн» в 1738 году для неких «дам из высшего общества» и недельного представления второй части в 1864 году, эта трилогия в оригинале не ставилась вплоть до 1923 года, когда ее два вечера подряд вдруг продемонстрировал Роберт Аткинс в театре «Олд-Вик»**. Энтузиастам Шекспира пришлось ждать еще двенадцать лет — до лета 1935 года, чтобы посмотреть разом все исторические хроники на фестивале, устроенном директором театра «Пасадена плейхаус» Гилмором Брауном. За последние полвека постановки трилогии были крайне случайны и редки. (Я уже упомянул «Войну роз» Бартона-Холла, скомпонованную из трех частей «Генриха VI» и «Ричарда III», которую мне довелось посмотреть в первый и, боюсь, в последний раз в «Олдуиче» в субботу, 11 января 1964 года.)

Теперь о «Ричарде III», самой выдающейся исторической хронике Шекспира. Трудно поверить, но эта драма игнори-

---

* На самом деле есть и третий фильм о Ричарде III, двухсерийная лента Фрэнка Бенсона, снятая в Стратфорде в 1911 г.

** Необходимо добавить, что Фрэнк Бенсон ставил в Стратфорде вторую часть трилогии в 1899, 1901 и 1909 гг., а всю трилогию показал в 1906 г. в цикле из семи исторических хроник.

ровалась театрами большую часть XVII века и еще сто пятьдесят лет существовала в нелепой версии, скомпонованной актером-драматургом Колли Сиббером из фрагментов «Ричарда II», второй части «Генриха IV», «Генриха V», третьей части «Генриха VI» и собственных вставок. Публика смогла увидеть действительно оригинальную шекспировскую пьесу только в 1845 году, когда ее поставил Сэмюел Фелпс, но и тогда зрителю почему-то больше импонировала версия Сиббера. В 1861 году Фелпс сделал новую постановку, однако пьеса зажила своей собственной жизнью только на исходе XIX века: Фрэнк Бенсон регулярно показывал ее с 1886 по 1915 год. Настоящего Ричарда зритель увидел в 1944 году в облике Оливье — сущего дьявола, образ которого актер-режиссер воссоздал через одиннадцать лет и в знаменитом фильме. Время идет, теперь и его блистательное исполнение роли Ричарда, и игру Ральфа Ричардсона в образе Бекингема, а Джона Гилгуда в образе Кларенса затмил новый фильм, снятый в 1995 году на «Баттерси пауэр стейшн» с сэром Йеном Маккеленом в заглавной роли.

Незаметно, но я занялся критикой, что совершенно не входит в мои полномочия. Всем, кто интересуется текстами, датами, источниками и комментариями, я рекомендовал бы обратиться к Арденовскому и Новому Кембриджскому изданиям Шекспира, самым основательным и авторитетным на сегодняшний день*. Моя же цель простая и скромная: дать поклонникам Шекспира что-то вроде справочного пособия, которое и мне хотелось бы иметь, когда полвека назад передо мной впервые открылся увлекательный мир шекспировских историй.

Джон Джулиус Норидж (Норич, Норвич)
Касл-Комб, ноябрь 1998 года

---

* Работая над книгой, я обращался в основном к Арденовскому изданию и только при анализе «Эдуарда III» пользовался Новым Кембриджским.

1

Эдуард III и Черный Принц (1337—1377)

Король Эдуард:

И вот ответ мой Иоанну, герцог:
Явиться не замедлю я — но как? —
Не на поклон к нему, как раб смиренный,
А требуя поклона от него,
Как мощный победитель. Измышления
Убогие его насквозь я вижу;
Личины нет — и наглость вся открыта.
Так от меня он вправду ждет присяги?
Скажи ему, что мой венец он носит
И должен гнуть колени, где ни ступит.
Не герцогство ничтожное мне нужно,
А все его владенья; если ж в этом
Он вздумает упорствовать — тем хуже:
Все перья оборву тогда на нем
И на простор спроважу нагишом.

«Эдуард III»

Понедельник, 21 сентября 1327 года, замок Беркли, Глостершир. В этот день здесь убили Эдуарда Плантагенета, в то время уже бывшего короля Англии Эдуарда II. Он был низложен восемь месяцев назад. Дорожа своим любовником Пирсом Гавестоном, графом Корнуоллом больше, чем честью, он обесславил английскую корону так, как никто

другой из монархов за всю историю страны. Слабохарактерный и бесцветный, Эдуард II не мог, да и не хотел, противостоять амбициям и алчности фаворита, бессовестно использовавшего свою власть над королем для удовлетворения честолюбивых замыслов. Прояви он хоть немного терпимости и почтения к английским баронам, возможно, они и отнеслись бы ко всей ситуации философски. Но король пренебрегал ими, возмущал их несносным поведением и высокомерием. Не прошло и двух месяцев после коронации в 1308 году, как они потребовали от Эдуарда убрать Гавестона. В ответ он назначил фаворита наместником в Ирландию, а через год ненавистный молодой человек вновь был рядом с королем, такой же гнусный и наглый.

Однако и бароны уступить не собирались. В 1311 году Гавестон был навсегда изгнан из королевства. Но на следующий год Эдуард официально объявил о возвращении графа и восстановлении его во всех правах. Король тем самым вынес ему смертный приговор. 19 мая 1312 года Гавестона схватили в Скарборо и через месяц публично казнили на Блэклоу-Хилл недалеко от Уорика. Самому Эдуарду каким-то образом удалось продержаться на троне еще пятнадцать лет. Слабодушие и нерешительность, пьянство и нескончаемый поток катамитов — среди них был и Хью ле Деспенсер, заменивший Гавестона, — довели его до неминуемого краха. Восстала против Эдуарда II собственная жена, королева Изабелла Французская, заставившая его в союзе с любовником Роджером Мортимером капитулировать. 20 января 1327 года он был низложен, а через восемь месяцев, 21 сентября, его настигла самая омерзительная смерть, какую только можно представить*.

---

* Джон Тревиса, родившийся в Беркли в 1326 г., писал в переводе «Полихроникона» Хигдена (с собственными интерполяциями): Эдуарда убили, «воткнув раскаленный вертел в сокровенное заднее место». Такой отвратительный способ умерщвления, очевидно, был избран, с тем чтобы не было следов на теле во время похорон в соборе Глостера, но, возможно, и по причине того, что его нашли достойным для человека, подзревавшегося в склонности к мужеложству.

Его сын и наследник, тоже Эдуард, в четырнадцать лет стал богатейшим и могущественнейшим правителем в Европе. На Шотландию он позариться не мог: у нее были свои короли, и правил ею тогда Роберт I Брюс, тринадцать лет назад разбивший его отца при Баннокберне. Ирландия и Уэльс, хотя и продолжали мутить воду, теоретически оставались доменами Эдуарда, как и Гасконь, для него еще более важная, поскольку занимала значительную часть юго-западной Франции. Конечно, английские владения на другой стороне пролива уже были не те, что прежде. Два столетия назад его далекий прапрапрадед Генрих II мог считать себя хозяином почти половины территории современной Франции, владея землями по праву феодального наследования или брака с Элеонорой Аквитанской. Он распоряжался, помимо Гаскони, Нормандией, Бретанью, Меном, Туренью, Анжу, Пуату, Гиенью и Тулузой. С того времени практически все они отпали, осталась одна Гасконь.

В 1328 году — через год с небольшим после коронации Эдуарда — в Париже умер король Карл IV, не оставив, как и его два брата, сына-наследника. И тогда Эдуард решил, что теперь появился шанс не только вернуть утерянные провинции, но и прибрать к рукам всю Францию. Он заявил французам: законной наследницей является его мать Изабелла, сестра покойного короля. Французы возразили: согласно древнему Салическому закону, корону не может наследовать женщина, и потому она должна перейти к сыну дяди Карла, Филиппу Валуа. Эдуард, в свою очередь, ответил: какие бы правила ни устанавливал Салический закон, он приходится племянником усопшему королю и является более близким родственником, нежели Филипп, который ему всего лишь кузен.

Интересно, как бы развивалась европейская история, если бы восторжествовала точка зрения Эдуарда и Франция объединилась с Англией под одной короной. Естественно, французам такая перспектива совершенно не устраивала. Филипп уже был регентом. Шестнадцатилетний Эдуард жил

по ту сторону пролива, представлял тот самый дом Плантагенетов, который для Гаскони был головной болью, и, кроме того, все еще не достиг совершеннолетия. Филиппа должным образом короновали в Реймсе как Филиппа VI в мае 1328 года, и Эдуарду пришлось, пусть и против воли, признать его королем. Самолюбие Эдуарда было задето еще и потому, что в отношениях между двумя монархиями существовала давняя — со времен Вильгельма Завоевателя — и болезненная проблема, характерная для феодализма: сюзерен одной страны являлся и вассалом сюзерена другого государства. В такой ситуации одному из них было затруднительно навязывать свою волю, а другому — противно или даже невозможно подчиняться. Права Эдуарда на французские земли сомнению не подвергались. Однако вопрос оставался открытым — имел ли он над ними полный сюзеренитет или владел ими в качестве фьефов?

Собственно, для французов все было предельно ясно: король Франции обладал сюзеренитетом по формуле *superioritas et resortum* (суверенитет и апелляционная юрисдикция), гарантировавшей жителям Гаскони право в случае необходимости обращаться в Париж. Англичанам не нравилось ограничение их полномочий. Законники по обе стороны пролива спорили больше столетия, пока не поняли, что проблема неразрешима. Эдуард в 1329 году все-таки приехал в Амьен и присягнул Филиппу. Через восемь лет, 24 мая 1337 года, французский монарх объявил о конфискации Гаскони «ввиду многочисленных случаев превышения власти, бунтарства и актов неповиновения, совершенных против нас и нашего королевского величества королем Англии, герцогом Аквитанским». Отношения между двумя монархиями уже были накалены до предела вторжением Эдуарда в Шотландию, давнюю союзницу Франции. Декларация Филиппа нанесла им последний удар, и 7 октября Эдуард решил предъявить свои права не только на Гасконь, но и на всю Францию, провозгласив себя «королем Франции и Англии». Началась война, продолжавшаяся сто лет.

Обсуждением прав Эдуарда на французскую корону и открывается первая сцена пьесы*. Для аудитории даются разъяснения обоснованности его притязаний, они подтверждаются Робертом, графом Артуа**, затем входит французский посланник герцог Лотарингский, безапелляционно требующий, чтобы Эдуард в сорокадневный срок явился к королю Франции и принес оммаж за Гиенское герцогство. Гневный ответ английского сюзерена выносится нами в эпиграф к данной главе. Сцена волнующая и драматичная, но в интересах исторической достоверности мы считали бы необходимым сделать два уточнения. Во-первых, Эдуард уже присягнул восемь лет назад, хотя и без должного пиетета (он отказался предстать перед французским королем с непокрытой головой и не опоясанным мечом). Во-вторых, и Артуа и герцог Лотарингский называют своего хозяина Иоанном Валуа: королем Франции в 1337 году в действительности был Филипп VI; Иоанн II наследовал ему в 1350 году***. Но это лишь мелкие огрехи в сравнении с теми, которые встретятся нам дальше. Герцог Лотарингский с негодованием выпроваживается, и его место в центре всеобщего внимания занимает комендант замка Роксборо (теперь Роксбург) сэръ Уильям Монтегю****.

---

* Как уже упоминалось в предисловии, мы вовсе не исходим из того, что каждое слово в пьесе принадлежит Шекспиру. Мы ссылаемся на него повсеместно в данной главе только потому, что не считаем необходимым вдаваться в дискуссии по поводу аутентичности каждого отдельного фрагмента.

** В действительности Роберт не был графом Артуа. После смерти деда графство перешло к кузену Роберта. В 1334 г. он бежал в Англию, и Эдуард, видя во французском дворянине-ренегате ценное подспорье в достижении своих целей, одарил его графством Ричмонд.

*** Редактор Нового Кембриджского издания великодушно информирует нас о том, что Шекспир «намеренно игнорировал существование Филиппа VI, желая представить французского противника Эдуарда в кампании, длившейся с 1337 по 1356 г., в одном лице».

**** Имеются и определенные сомнения в отношении идентификации Монтегю, однако вряд ли есть смысл в том, чтобы подробно останавливаться на этой проблеме.

С появлением Монтегю обозначаются две интриги: зло- вредность Шотландии и любовь короля к графине Солсбери. Монтегю сообщает о том, что «союз» с шотландцами «дал щели и распался»:

Едва король-клятвопреступник сведал,
Что отбыли от войска вы обратно,
Как все забыл и принялся нещадно
Окрестности громить: сперва взял Бервик,
Потом Ньюкестл опустошил и отнял
И, наконец, добрался, кровопийца,
До замка Роксборо, где угрожает
Погибелью графине Солсбери*.

В действительности Эдуард не заключал никакого «союза» с Шотландией. Напротив, сражения вскоре после битвы при Баннокберне возобновились и спорадически продолжались до перемирия, объявленного в 1328 году в связи с обручением Давида, четырехлетнего сына Брюса, ставшего потом королем Шотландии Давидом II, и Иоанны, сестры Эдуарда: в 1332 году оно было нарушено шотландцами, захватившими Берик. Ньюкасл пал только в 1341 году, тогда же, по свидетельству Фруассара**, сэр Уильям Монтегю обратился к королю за помощью. Все эти исторические нюансы для драматурга не имели значения — для него было важнее создать впечатление почти непрекращающейся войны по границам

---

* Здесь и далее имена и географические названия в выдержках из хроник Шекспира приводятся в том виде, в каком они даны в русских переводах его произведений. — *Примеч. пер.*

** Жан Фруассар, величайший прозаик своего времени, родился в Валансьене графства Геннегау (Эно) около 1337 г. В 1361 г. он приехал в Англию по приглашению королевы Филиппы и прослужил при королевском дворе до ее смерти, случившейся через восемь лет, часто посещал континент. Писатель находился при дворе Черного Принца в Бордо, когда здесь в 1367 г. родился Ричард. Его хроники, содержащие пространные выдержки из работ соотечественника Жана Ле Бея, начинаются 1322 г. и завершаются на исходе столетия.

с Шотландией, приносившей бедствия подданным Эдуарда на севере страны, и богатым и бедным.

Эдуарду надо было воевать, выражаясь современным языком, на два фронта, и самым грозным противником ему был, конечно же, французский король. Для войны с ним он поручает старшему сыну Эдуарду — Нэду* — набирать армию по всем графствам и одновременно посылает запросы о помощи тестю — графу Геннегау (Эно) и даже императору Священной Римской империи Людовику IV**. Пока идут приготовления — «сколько рати собрать удастся, с той и двинемся», — Эдуард решает выступить против короля Давида и освободить леди Солсбери из осажденного замка: на его зубчатых стенах графиня и появляется в начале второй сцены.

Подлинность дамы загадочна — во многом благодаря путаному описанию Фруассара и других, менее авторитетных, авторов***. Возможно, этот персонаж выведен на основе Алисы Монтегю, чей муж Эдуард управлял замком графа Солсбери в Уорке: именно ее, как нам известно, король и пытался без малейшего успеха соблазнить. Как бы то ни было, графиня подслушивает разговор Давида и герцога Лотарингского, прогуливающих внизу под стенами, о том, какую расправу они учинят в Англии, и затем глумится над ними, когда шотландцы собираются бежать, узнав о подходе войска Эдуарда. Однако главное ее предназначение в пьесе состоит в том, чтобы привнести мотивы любви, чести, верности и долга. Этой животрепещущей теме посвящена вся длинная первая сцена второго акта. Здесь, помимо прекрасной поэзии, поднимается и сакраментальная нравственная проблема, которая встает перед отцом дамы графом Уориком (его историческое правдоподобие столь же сомнительно, как и дочери).

---

* Эдуарду, Черному Принцу, в 1337 г. было семь лет. — *Примеч. пер.*

** В русском переводе пьесы Эдуард надеется на помощь князя Голштинского и властителя Германии. — *Примеч. пер.*

*** Во всех подробностях эта проблема рассматривается в Новом Кембриджском издании, с. 186.

Король требует, чтобы он уговорил дочь уступить, и граф, оставшись один, рассуждает:

Скажу, что позабыть супруга надо
И королю объятия открыть;
Скажу, что преступить обет не трудно,
Но трудно получить потом прощенье;
Скажу, что вправду добр лишь тот, кто любит,
Но доброта не есть еще любовь;
Скажу, что сан ее бесчестье смоем,
Но от греха все царство не избавит;
Скажу, что я обязан убеждать,
Но ей вольно со мной не соглашаться*.

В конце концов графиня охлаждает пыл Эдуарда, предлагая ему вначале убить ее мужа и собственную жену. После этого затянувшегося лирического отступления мы переходим к главной теме — войне с Францией.

Хотя Эдуард обосновался с семьей в Антверпене раньше, на территорию Франции он вторгся лишь осенью 1339 года. Интервенты редко считаются с местным населением, но английская армия, похоже, вела себя особенно гнусно. Солдаты грабили и опустошали все на своем пути. В Ориньи они дотла сожгли монастырь и устроили массовое изнасилование монахинь. Если Эдуард мерзким поведением вояк хотел спровоцировать французского короля на битву, то почти достиг своей цели. Когда французская армия наконец встретилась близ Сен-Кантена с английской ордой, Филипп предложил Эдуарду сойтись с ним в единоборстве — рыцарские традиции еще не умерли, — предоставив ему самому выбрать

---

* В оригинале акцент сделан на чести:
I'll say, it is my duty to persuade,
But not her honesty to give consent.
(Скажу, мог долг тебя просить,
Но не честь твою, чтоб уступить.) — *Примеч. пер.*

место для схватки и попросив лишь о том, чтобы там не было деревьев, канав и хляби. Эдуард охотно согласился. Ему было двадцать пять лет, он находился в расцвете своих физических и духовных сил и жаждал сражений. Он регулярно участвовал в рыцарских турнирах, а кузен и предлагал ему не что иное, как славный рыцарский поединок. Однако стоило Эдуарду принять вызов, как Филипп передумал. Фруассар предполагает, что король прислушался к советам своего дяди, короля Неаполя Роберта Анжуйского, и некоего известного астролога. Надо думать, причина была иная. Лазутчики доложили: английский король сильнее, и английское воинство гораздо сплоченнее, чем ожидалось. Как бы то ни было, Филипп возвратился в Париж. Англичане, злословя по поводу трусости французов, отошли в Брюссель и остались там зимовать.

Настроение Эдуарда заметно поднялось, когда в январе 1340 года фламандцы, готовые союзники англичан вследствие взаимовыгодной торговли шерстью, поддержали его притязания на французскую корону. Он незамедлительно смешал французский герб со своей геральдикой, заказал новую печать с флер-де-лис и ввел обычай надевать ало-голубые сюркоты*, украшенные леопардами и лилиями, которые долгое время мирно соседствовали на геральдическом щите Англии. Однако фламандцы, отдавшие предпочтение не французской, а английской короне, в первую очередь и прежде всего были и оставались торговцами, то есть людьми, понимавшими толк в деньгах. Когда король надумал вернуться в Англию и заняться снабжением своей армии, они вежливо настояли на том, чтобы он оставил у них жену и детей как гарантов оплаты долгов. Даже корона королевы Филиппы была заложена купцам Кёльна.

Тем временем французы активизировались в проливе. Еще в 1338 году их каперы совершили налеты на Портсмут и Саутгемптон, и в октябре Эдуард приказал вбить столбы поперек

---

* Тканевая накидка на рыцарские доспехи. — *Примеч. пер.*

Темзы, дабы предотвратить аналогичное нападение на Лондон. В следующем году нападением подверглись Дувр и Фолкстон. Наконец к середине лета 1340 года Эдуард подготовил флотилию к отплытию из эстуария Темзы: около 200 кораблей, которые могли взять на борт 5000 лучников и тяжеловооруженных латников с лошадьми, оружием и провиантом. Их сопровождало, по описанию современника, «большое число английских леди, графинь, баронесс, дам рыцарей и жен бюргеров, пожелавших навестить королеву Англии в Генте». Но прежде чем корабли Эдуарда подняли якоря, патрули, дежурившие в проливе, донесли: французская флотилия, вдвое более многочисленная, ждет его в устье реки Цвин возле маленького городишка Слейс — в те годы служившего портом для Брюгге. Канцлер, архиепископ Кентерберийский Джон Стратфорд, несмотря на полную готовность к выходу в море, посоветовал королю отменить экспедицию. Эдуард отверг его возражения, лорд-канцлер в знак отставки передал свою печать брату Роберту, епископу Чичестера, и после полуночи 22 июня флотилия отправилась в путь.

Во второй половине дня, когда его корабли подходили к побережью Фландрии, Эдуард уже сам мог лицезреть огромную армаду, собранную против него Филиппом: 400 парусников или даже больше, «так много», писал Фруассар, что «их мачты напоминали лес». Своими гигантскими размерами особенно выделялись 19 судов. Эдуарда все это не смущало. Остаток дня он потратил на то, чтобы обеспечить, насколько это было возможно, безопасность для женщин и расстановку кораблей таким образом, чтобы между двумя парусниками с лучниками обязательно находился парусник с тяжеловооруженными латниками. И ранним утром наступившего дня Иоанна Крестителя* он повел свои корабли прямо в гавань.

А то, что происходило дальше, напоминало скорее бойню, а не битву. Французы сражались героически, но их кораблям

---

* Иванов день, 24 июня. — *Примеч. пер.*

было так тесно в узком заливе, что они едва могли передвигаться. Эдуард напал с наветренной стороны, его лучники, стрелявшие с платформ или «башен», сооруженных над палубами, осыпали вражеские суда тучами стрел, а острые носы английских парусников пропарывали их корпуса словно картон. Лучники на какое-то время замирали, и тогда в дело вступали латники, перебиравшиеся на палубы к французам, добывая их врукопашную. Сражение длилось девять часов, а когда закончилось, англичане торжествовали: они захватили 250 французских кораблей, в том числе флагманский, а остальные парусники были потоплены, погибли два адмирала. Рыба в заливе наглоталась столько французской крови, говорили будто бы потом, что если бы Господь наградил ее даром речи, то она заговорила бы по-французски.

Последние три акта пьесы целиком посвящены победам Эдуарда III во Франции. Они построены в основном на описаниях Фруассара и Холиншеда битв при Слейсе и Креси (1340 и 1346 годы соответственно), осады и завоевания Кале в 1346—1347 годах и сражения при Пуатье в 1356 году. Хронологически третий акт должен был начинаться с битвы при Слейсе, и первая сцена вроде бы происходит где-то на фламандском побережье, и даже слышен грохот сражения, но дальнейшие строки ясно указывают на приготовления к сече при Креси, случившейся через шесть лет. Вся сцена отдана на откуп французам, видимо, для того, чтобы познакомить нас с главными антагонистами Эдуарда, впервые предстающими перед нашими глазами. В перечне «действующих лиц» они именуется как «король Франции Иоанн и его сыновья — Карл (герцог) Нормандский и Филипп». Мы уже ранее отметили нежелание драматурга считаться с королем Филиппом VI, которого он явно путает с Иоанном II, его сыном и преемником. Но здесь мы имеем дело с еще большей путаницей. Герцогом Нормандским в 1340 году был не Карл, а сам Иоанн, будущий король. С другой стороны, «Филипп» никак не мог быть тогда сыном Иоанна — будущий Филипп Сме-

лый, герцог Бургундский, родился лишь в 1341 или 1342 году — и «им» скорее всего был брат Иоанна Филипп, герцог Орлеанский.

Говоря о «нашем флоте из тысячи судов», король явно преувеличивает свое могущество. Холиншед упоминает 400 кораблей, а Фруассар пишет о «120 крупных кораблях помимо прочих». О французском флоте нам ничего более не сообщается, и разговор переключается на обсуждение склада характеров англичан, «этих кровожадных и мятежных Катилин», их союзников — «пивом налитых голландцев, всегда с губами, мокрыми от пены». Конечно, они и в подметки не годятся союзникам Франции — «суровым полякам и отважным датчанам, королям Богемии и Сицилии». Как по сигналу послушно появляются Иоганн Люксембургский, король Богемии и польский военачальник. Однако они, конечно, выходят на сцену преждевременно. Как мы увидим позднее, слепому королю Иоганну предстоит погибнуть в битве при Креси, в которой и поляки и датчане участвовали в качестве наемников*. Но до этого сражения еще шесть лет.

Внезапно разговор нарушается. На сцене возникает «матрос» и красочно описывает английскую флотилию:

Суда идут величественным строем,
Рогатый полумесяц представляя;
На корабле под адмиральским флагом,
А также и на тех, что образуют
Как бы его почетную охрану, —
Красуются обоих королевств
Гербы соединенные.

Тут же начинается битва. Король и Филипп прислушиваются к шуму битвы, звучащей вдалеке. «Матрос»

---

* Фруассар упоминает о том, что Роберт Мудрый, король Неаполя и Сицилии, отговаривал французского короля от сражения с англичанами. Однако его не было при Слейсе и он умер за три года до сражения при Креси.

возвращается и теперь уже рисует нам ужасающую картину побоища:

Кругом от крови раненых все море
Окрасилось в багряный цвет так быстро,
Как будто кровь широкими ручьями
Из кораблей простреленных лилась.
Здесь голова оторванная, там
Поломанные руки, ноги, словно
Сухая пыль, подхваченная вихрем, —
По воздуху летели и кружились.

Всего лишь пять лет отделяло пьесу «Эдуард III» от поражения «Испанской армады», и нет ничего удивительного в том, что отзвуки недавней победы прозвучали в словах «матроса». Флотилию Эдуарда он называет «кичливой армадой», и определенные эмоции у современников должен был вызвать образ «рогатого круга луны»: «Испанская армада», до того как на нее напали англичане, шла по Ла-Маншу походным строем в виде полумесяца*. А дальше уж совсем прямая аналогия с поражением испанцев:

Немало «Nonpareil» наш отличился,
А также и булонский «Черный Змий»,
Которому из кораблей нет равных.
Но тщетно! Ветер, волны, вся природа
Восстала против нас, врагам на счастье —
И к берегу пришлось открыть им путь.
Тут и конец. Моргнуть мы не успели,
Как разгромили нас и одолели.

В битве при Слейсе англичане одержали свою первую крупную победу на море, и Эдуард, кроме того, завладел

---

* «Смертная луна пережила затмение», сонет 107. (Автор ассоциирует эту поэтичную строку с победой английского флота, однако бытуют и другие трактовки: к примеру, недуг королевы Елизаветы.)

сравнительно надежным и важным плацдармом для своих экспедиционных сил. Французская армия — в отличие от флота — пока еще бездействовала и воевать не желала, фламандские союзники становились все менее галантными, и когда ближе к осени постаревшая графиня Геннегау (Эно), теща Эдуарда и сестра Филиппа, явилась из монастыря, где она до этого пребывала, и предложила заключить перемирие, монархи с готовностью согласились. Короли подписали его 25 сентября 1340 года в Эплешене близ Турне, определив срок действия до середины будущего лета.

Таким образом, первую фазу кампании Эдуарда во Франции лишь условно можно считать успешной. Да, он действительно разгромил французский флот и приобрел союзников во Фландрии. Но теперь ему предстояло испытать все неприятности, с которыми неизбежно сталкиваются интервенты на чужой территории: раздражающую разобщенность и растянутость линий коммуникаций и снабжения войск, постоянные набеги оскорбленного противника, пользующегося преимуществами, которыми обычно обладают защитники своей земли. Эдуарду были нужны стремительные и убедительные победы, подобные той, какую англичане одержали при Слейсе. Он не мог позволить себе втянуться в затяжную войну на истощение, тратить силы и время на длительные и нудные осады. Однако именно на такую участь обрекла его оборонительная стратегия Филиппа, и полное торжество английского короля над французским коллегой так и не состоялось.

В продолжение пяти лет после заключения перемирия в Эплешене не прекращались спорадические и бесплодные сражения в Бретани и Гаскони: там двое самых способных молодых командующих Эдуарда, сэр Уолтер Мэнни и кузен короля Генрих, граф Дерби, сумели отвоевать довольно много городов и замков, но затем уступили их старшему сыну Филиппа Иоанну, герцогу Нормандскому. Тем не менее к началу лета 1346 года Эдуард подготовил внушительную армию — около 4000 тяжеловооруженных латников и 10 000 луч-

ников, которых уже ждали в Портсмуте 700 парусников. Сведения о том, куда они должны идти, а это были самые большие на тот момент в истории Англии экспедиционные силы, держались в строжайшей тайне, чтобы французы рассеяли свой флот по всему проливу; даже английские капитаны получили приказы с печатями и строгим наказом вскрыть их только после отплытия. По мнению Фруассара, экспедиция направлялась в Гасконь, где Дерби продолжал удерживать Эгийон, и у нас нет основания для того, чтобы подвергать сомнению его версию*. По крайней мере флотилия действительно взяла курс на запад, но через три дня ветер переменился и корабли оказались у корнуоллского берега. Здесь они почти неделю простояли на якорях, и, похоже, тогда сэра Годфри д'Аркур, французский рыцарь-изгнанник, последние два года служивший при английском дворе, убедил короля в необходимости изменить план операции.

«Сир, — сказал он будто бы королю, — Нормандия богаче всех в мире. Ручаюсь своей жизнью: если вы сойдете там, никто не восстанет против вас. Люди не приучены к войне, а все рыцари сейчас в Эгийоне с герцогом. Города и крепости совершенно незащищенны, и ваши люди получают такие блага, которые позволят им пребывать в богатстве еще двадцать лет. Ваш флот доставит вас почти до самого Кана. Если вы последуете моему совету, то и вы, и все мы от этого только выгадаем».

Сэр Годфри говорил сущую правду. Эдуарду импонировало и то, что высадка в Нормандии отвлечет французские войска из Гаскони, и он поможет графу Дерби без утомительного и долгого морского похода к нему на выручку. Главная угроза исходила от армии короля Филиппа: она была сильнее и могла перехватить англичан, прежде чем они успеют соединиться с фламандскими союзниками. Однако Эдуард знал,

---

* Майкл Пак («Король Эдуард III», с. 149) полагает, что король с самого начала нацеливался на Нормандию, а пошел в сторону Корнуолла только для того, чтобы сбить с толку французов.

как осторожен Филипп, и мог, не утруждая себя колебаниями, пойти на риск. Он дал приказ капитанам повернуть обратно, и его армия высадилась в маленькой гавани Сен-Вааст-ла-Хог* на восточной стороне полуостров Котантен 12 июля.

По причинам, не совсем ясным**, армия тридцать шесть часов оставалась на берегу и лишь потом двинулась на северо-восток, круша, сжигая и мародерствуя. Без особых усилий были взяты и разграблены не обнесенные стенами города Барфлёр и Карентан, а за ними и Кан. Мог пасть и Руан — тогда англичане овладели бы всей нижней Сеной, — не приди французская армия вовремя на помощь. Эдуард, не располагая ни временем, ни средствами для длительной осады, свернул вправо, дав Филиппу повод подумать, что он все-таки на самом деле направляется в Гасконь, и перебрался через Сену у Пуасси, примечательного тем, что здесь родился Людовик Святой и располагался королевский дворец, которым особенно дорожил французский монарх.

Отпраздновав Успение Пресвятой Девы Марии лучшими винами своего кузена, Эдуард продолжил путь в направлении Пикардии и Нижних стран (Нидерландов). На Сомме ему снова улыбнулась фортуна: мосты находились где-то ниже, но был отлив, армия перешла реку вброд, а когда подошли французы, вода поднялась и преградила им дорогу. Эдуард получил в свое распоряжение двенадцать часов для отдыха и поиска подходящего места для предстоящего сражения. Он остановился у Креси, в 12 милях к северу от Абвиля, возле небольшой речки Май: перед ним расстилалась долина, име-

---

* Порт находился примерно в десяти милях севернее пляжа «Юта», где американская 4-я дивизия высаживалась 6 июня 1944 г.

** Возможно, заминка случилась из-за того, что король получил травму. По свидетельству Фруассара, он оступился и, падая, стукнулся о землю так, что у него из носа хлынула кровь. Рыцари, окружавшие его, восприняли падение как плохое предзнаменование и упрашивали Эдуарда вернуться на борт. «Зачем? — ответил король. — Это очень добрый знак. Он означает, что земля по мне соскучилась». В эту историю можно было бы поверить, если бы то же самое не говорили Вильгельм Завоеватель и, как мне помнится, Юлий Цезарь.

новавшаяся Вале-де-Клер, а позади его темнел густой лес. Король взял на себя командование центром, поставив на левом фланге графа Нортгемптона, а на правом — шестнадцатилетнего принца Уэльского*, которого должны были опекать сэр Годфри д'Аркур и сэр Джон Чандос.

Французская кавалерия — 8000 всадников, генуэзские арбалетчики, 4000 человек и наемники из Польши и Дании, появилась только ближе к вечеру в субботу, 26 августа, и сразу же пошел проливной дождь. Пехота отстала, и уже по этой причине битву надо было отложить на завтра. Филипп, осмотрев позиции, так и решил, но рыцари, шедшие в авангарде, игнорировали его приказание и продолжали подниматься по склону холма, пока английские лучники не обрушили на них первую лавину стрел. Отступить уже было поздно, в бой ввязалась почти вся армия. Генуэзцы упрямо шли вперед, но тетивы на их арбалетах намокли от дождя, вечернее солнце светило прямо в глаза, а лучники Эдуарда, сохранившие свои тетивы сухими, пряча их в шлемы, успевали выпустить в шесть раз больше стрел. Итальянцы в конце концов не выдержали и побежали назад, прямо под копыта французской кавалерии, которая давила их сотнями, пока сама не попала под шквал стрел. Французы снова и снова шли в атаку, однако, по крайней мере в центре и на левом фланге англичан, успеха не имели.

Угрожающее положение сложилось на правом фланге, где командовал юный принц Уэльский. Здесь французские рыцари, германские и савойские наемники, пренебрегая стрелами, вступили в рукопашную схватку с английскими латниками. В какой-то момент, свидетельствует Фруассар, принц упал на колени, и его прикрыл знаменосец Ричард де Бомонт, державший над ним штандарт Уэльса до тех пор, пока сын короля снова не поднялся на ноги. Графы Уорик и Оксфорд, бившиеся рядом с ним, отправили к королю рыцаря сэра

---

* Нет ни малейших оснований для предположений, будто прозвище Черный Принц, объясняющееся, вероятно, черными доспехами, было дано ему при жизни. Оно появилось не ранее XVI в.

Томаса Нориджского с настоятельной просьбой о помощи. Эдуард лишь спросил: жив ли сын, мертв или ранен? Узнав, что принц цел и невредим, но жизнь его в опасности, король отослал сэра Томаса обратно, наказав: «Передайте им — пусть мальчик сам добывает себе имя. Если так угодно Господу, то он одолеет врага и завоюет славу и себе, и тем, кому я его доверил».

Принц, окруженный соратниками, все-таки смог отбиться от наседавших французов. С наступлением сумерек король Филипп полностью утратил способность управлять ходом сражения, и его армия начала распадаться. Битва продолжалась и в темноте, а утром стало ясно, что треть французской армии полегла на поле брани. В числе убитых оказались, помимо брата короля герцога Алансонского, его племянник Ги де Блуа, герцог Лотарингский, граф Фландрский, 9 французских графов, более 1500 рыцарей и слепой Иоганн Люксембургский, король Богемии, настоявший на том, чтобы его привели на поле битвы и позволили нанести хотя бы один удар мечом. Спутники Иоганна, не желая потерять короля, привязали его коня поводьями к своим лошадям и «настолько углубились в потасовку, что остались там лежать на земле, ни один из них не вышел оттуда живым; на следующий день рыцарей так и нашли, лежащих вокруг своего сеньора, и рядом коней, привязанных друг к другу». Тело Иоганна обмыли в теплой воде, завернули в чистое льняное полотно, за упокой души короля отслужил обедню епископ Дарема, а принц Уэльский присвоил его эмблему из трех страусовых перьев и девиз «Ich dien» — «Я служу»: эту символику и по сей день использует его очень дальний преемник — нынешний принц.

Рассвет принес плотный туман — в конце августа не редкость для Пикардии, — и графы Арундел, Нортгемптон и Суффолк, взяв с собой внушительный отряд конных рыцарей, отправились на поиски короля Филиппа и других знатных французов, которые могли попытаться скрыться. Короля они не нашли, но им встретились французские пехотинцы, с которыми находилось несколько высокопоставленных церков-

ных служителей, в том числе архиепископ Руана и главный приор ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Никто из них даже и не слышал о битве, и все они думали, что натолкнулись на своих соотечественников. Английские рыцари не были настроены на проявление милосердия. Они хладнокровно умертвили всех церковников и большинство пехотинцев — их погибло вчетверо больше, согласно одному преданию, чем в реальном сражении.

Король Эдуард — опять же по свидетельству Фруассара — все время находился на ветряной мельнице, которую он избрал в качестве командного пункта, и ни разу не надел шлем. Но битву выиграл он, а не сын. Победу одержали его стратегия, тактическое мастерство и выдержка, резко контрастировавшая с импульсивной бестолковостью оппонента*. Очевидно и другое: Эдуард лучше всех понимал то, в каком направлении развиваются методы ведения войны. Стрела, выпущенная из длинного лука умелыми руками, могла пробить кольчугу и даже стальной нагрудник кирасы с расстояния ста и более ярдов, а это означало, что отныне можно было остановить любую кавалерийскую атаку. Артиллерийские средства в том зачаточном состоянии, в каком они находились в то время, пригодны были лишь для осадной войны. Только через столетие пушки и мушкеты докажут свое превосходство над силой тетивы и преимущество снова перейдет на сторону наступления, а не обороны.

Но что же случилось с королем Филиппом? Его дважды выбивали из седла, дважды ранили, на его глазах погиб знаменосец, и он сражался так же отважно, как все. С помощью Иоанна, графа Геннегау (Эно), ему удалось бежать с поля боя и, пользуясь темнотой, добраться до замка Лабруа. Сенешаль,

---

* Хронист аббатства Сен-Дени отметил еще одну причину поражения французской армии: «Простые солдаты носили столь тугие и короткие рубахи, что при каждом наклоне обнажали свои срамные части тела. Дворяне, с другой стороны, наряжались экстравагантно, украшались хвастливыми плюмажами. Господь, оскорбленный таким непотребством, и послал короля Англии покарать французское воинство».

разбуженный среди ночи, поинтересовался, кто так настойчиво требует принять его в столь поздний час. «Открывай скорее, — ответил Филипп. — Я главное достояние Франции». Возможно, он был прав. Как через десять лет подтвердит участь его сына, захваченного в плен под Пуатье, Франция будет не в состоянии даже выкупить собственного короля.

Из Слейса мы переносимся сразу на шесть лет вперед, в атмосферу приготовлений к битве близ Креси. Краткая вводная сцена, построенная на описании Фруассара, показывает нам французов, бегущих от английского воинства. В следующей сцене, третьей, появляется Эдуард, а за ним вскоре мы видим и его сына, Черного Принца. Сын с гордостью перечисляет взятые им города — в действительности они брали города вместе — и сообщает, что французская армия «в сто тысяч воинов» уже выстроилась и готова дать сражение. Принц едва успевает закончить свой доклад, как входят «король Иоанн»* и его свита. Мы становимся свидетелями еще одной нафантазированной сцены — словесной перебранки двух королей. Эдуард дает «Иоанну» последний шанс для отказа от престола:

Готов ли ты отречься, Валуа,
Покуда серп не тронул ржи иль в пламя
Не превратилась вспыхнувшая ярость?

Его предложение с презрением отвергается:

Я знаю, Эдуард, твои права;
Но, прежде чем я отрекусь постыдно,
Равнина станет озером кровавым
И в бойню вся окрестность превратится.

В реальной жизни короли не встречались друг с другом перед сражением. Не выступали они перед войсками и с пла-

---

* См. предыдущие примечания.

менными речами, подобными той, с которой обращается к своей рати французский монарх. Полностью вымышлено церемониальное вручение доспехов Черному Принцу королем Эдуардом и пэрами. В драматургическом отношении все эти эпизоды совершенно оправданны, а облачение юного принца в доспехи особенно волнующе. Трудно воссоздать на сцене зрительное представление о битве (хотя Шекспир и пытается это делать), поэтому драматург прибегает к другим художественным приемам отображения психологической остроты конфликта. Вначале происходит довольно выразительная словесная баталия, затем мы видим яркую и торжественную церемонию вручения принцу лат и оружия, эмоционально предвещающую битву. Одновременно нам дается возможность полюбоваться воинской доблестью юного принца, рвущегося в бой с такой страстью, что отцу приходится приставить к нему опытного и благоразумного воина лорда Одли*.

Ход самого сражения передается двумя эпизодами, заимствованными у Фруассара и Холиншеда. В первом эпизоде «король Иоанн» и герцог Лотарингский (в битве при Креси погиб, хотя в пьесе об этом даже не упоминается) наблюдают за бегством французской армии, в чем они обвиняют генуэзских наемников, которые, если верить Холиншеду, сражались не так уже плохо и отступили не сразу:

«В третий раз генуэзцы с воплями бросились вперед, продвинулись на выстрел и свирепо отпустили тетивы своих арбалетов. Тогда шагнули вперед английские лучники, и их стрелы полетели в такой массе и так густо, что казалось, будто пошел снег. Когда стрелы ударили и пронзили генуэзцам головы, руки, грудь и другие части тела, многие из них

---

* Лорд Одли — в реальной жизни сэр Джеймс Одли — в пьесе изображен стариком: например, принц французский Карл в ходе перебранки двух монархов называет его «старичиной хилым». В действительности во время битвы при Креси ему было чуть более тридцати лет. (В русском тексте пьесы выражение «aged impotent» переведено как «мозгляк несчастный». — *Примеч. пер.*)

побросали арбалеты, оборвали тетивы и повернули назад в замешательстве и растерянности...

Латные всадники наскочили на них, раздавили и поубивали их в большом числе; английские лучники целились туда, где было больше добычи; острые стрелы вонзались в тяжеловооруженных всадников и их лошадей; множество лошадей и людей попадало среди генуэзцев, а англичане все стреляли и стреляли... Такая была давка, что один человек не мог обойти другого; у англичан были пешие воины с огромными ножами, они нападали на тяжеловооруженных латников, убивая их во множестве, и лежали на земле павшие графы, бароны, рыцари и оруженосцы».

Потом перед нами разворачивается знаменитая сцена, в которой король Эдуард отказывается послать подмогу сыну, оказавшемуся в отчаянном положении, отвергая просьбу даже самого Одли:

Одлей, довольно!
Ты жизнью отвечаешь, если к принцу
Пошлешь хоть одного солдата. Нынче
Его отваге юной суждено
Созреть и закалиться: проживи
Он столько же, как Нестор, — будет помнить
Всю жизнь о славном подвиге.

Принц, как мы знаем, не прожил столько лет, как Нестор, не бился он и в том месте сражения, где погиб старый король Богемии, чье тело сын триумфально демонстрирует отцу как «жатву первую меча, снятую в преддверье смерти». Однако у нас нет никакого права сомневаться в том, что он сражался доблестно и заслужил посвящение в рыцарство, совершаемое родителем в присутствии лордов. В действительности юноша был посвящен в рыцари еще в июле, почти сразу по прибытии в Нормандию. Шекспир же, конечно, мыслит не историческими, а драматургическими категориями. Торжественная

церемония посвящения героя принца в рыцари служит завершающим аккордом в повествовании о замечательной победе англичан и добавляет положительных эмоций соотечественникам*.

Похоронив павших, Эдуард двинулся к Кале. У него не было законных оснований для того, чтобы претендовать на этот город: он никогда не принадлежал англичанам. Даже французов долгое время отпугивали топкие низины, преграждавшие доступы к нему. Лишь в XIII столетии графы Булонские, осознав стратегическое значение прибрежной деревни, превратили ее в мощный и процветающий город-крепость. Приглянулся город и королю Англии. Кале расположен в самом узком месте Ла-Манша, от города до английского берега всего двадцать две мили. Здесь можно было создать наступательный плацдарм, гораздо более удобный, чем в портах Фландрии. Отсюда легче и добираться до Гаскони, и держать под контролем восточные подступы к Ла-Маншу. Однако не так-то легко было овладеть городом. Его защищали высоченные крепостные стены, двойной ров, пополняемый самим морем, и немалый гарнизон, которым командовал бесстрашный (хотя и страдавший подагрой) рыцарь Жан де Вьенн. Брать город штурмом было бессмысленно, предстояла долгая и томительная осада. В начале сентября англичане разбили лагерь на топкой и плоской равнине, продуваемой всеми ветрами, и скоро выстроили целую деревню, которую Эдуард повелел назвать Вильнев-ле-Арди. (Англий-

---

* Совершенно очевидно то, что эту сцену не должны завершать последние шесть строк — они выпадают из контекста, и их следовало использовать где-то в другом месте. Диссонанс комментируется в Новом Кембриджском издании, с. 133, мы же не будем останавливаться на этой детали. (Полагали бы уместным привести эти строки. Эдуард спрашивает принца Уэльского, указывая на знамя, в которое было возвращено тело короля Богемии, союзника французов: «Скажите, что изображает это?» И принц отвечает: «Пеликана. Он клювом раздирает грудь и кровью, из сердца исходящую, питает детенышей; девиз же: «Sic et vos», — по-нашему: «Вы так же поступайте».)

ский двор все еще любил французский язык.) Англичане хотели вести осаду со всеми удобствами.

Минула зима, весна, лето — Кале не сдавался. Осада в целом проходила успешно, если не считать вреда, чинимого нормандскими каперами английскому флоту, патрулировавшему рейд: они потопили не меньше 15 судов. А в октябре 1346 года поступили неприятные известия с родины: шотландцы, извечные союзники французов, перешли Твид и хозяйничают в палатинате Дарем. Эдуарда это не смутило. Он предвидел такой поворот событий и оставил рекрутов, набранных на севере, на попечение Невиллов, Перси, архиепископа Йоркского Уильяма Зуша и других местных магнатов, поручив использовать их в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств.

Вскоре ему сообщили: рекруты навалились на шотландцев в Невиллз-Кроссе под Даремом, разгромили и взяли в плен их короля Давида II*. Потом до него дошло еще две хороших вести. Сэр Томас Дагуорт захватил в Ла-Рош-Дарьене Карла де Блуа, притязавшего на герцогство Бретань, а в Гаскони французская армия сняла осаду Эгийона и ретировалась за Луару. Однако Эдуард не отказался от намерений покорить Кале. Город теперь был полностью блокирован и с суши, и с моря: его могла спасти только наземная экспедиция. Минуло одиннадцать месяцев, но французские войска не спешили на помощь обреченному гарнизону.

Наконец на исходе июля 1347 года армия короля Филиппа появилась на холме у Сангатта в одной-двух милях западнее Кале. Его ошеломило то, что он увидел. Деревня Вильневле-Арди превратилась в настоящий город с улицами и ры-

---

* Шотландцы понесли еще одну существенную потерю — лишились знаменитого Черного распятия, выполненного из эбенового дерева с вставкой частицы Животворящего Креста Господня. Распятие оставила им умершая в 1093 г. святая Маргарита, жена короля Малькольма Канмора. Англичане увезли с собой реликвию и выставили ее в соборе Святого Кутберта в Дареме. Там она хранилась до Реформации, во время которой исчезла безвозвратно.

ночной площадью, которую по средам и субботам заполнял торговый люд. Здесь, как свидетельствует Фруассар, действовали галантерейные и мясные лавки, ларьки с одеждой, хлебом и другими предметами первой необходимости, и все товары и продукты доставлялись из Англии или Фландрии. Конечно, Филиппу ничего не стоило бы стереть с лица земли этот маленький городок, если бы он сумел до него добраться. Эдуард заранее позаботился о том, чтобы лишить его такой возможности. Он погрузил на корабли лучников, катапульты и бомбарды и расставил суда по всему мелководью от Сангатта до Кале, полностью перекрыв путь по берегу. Филипп мог воспользоваться лишь дорогой, тянувшейся за дюнами по болотам и топям, но она еще проходила и через мост в Ньёле, который охранял с лучниками и латниками кузен Эдуарда граф Дерби, недавно прибывший из Гаскони. Даже предварительная беглая рекогносцировка, проведенная без содействия англичан, убедила Филиппа: ситуация безнадежная. Он по традиции предложил помериться силами в генеральном сражении на подходящем для обеих сторон поле, но вовсе не удивился, когда получил отказ. Наутро король увел свою армию.

Уход сюзерена лишил Жана де Вьенна последних надежд на спасение. В Кале люди были на грани голодной смерти. Фруассар сообщает, что командующий уже изгнал «немошных и никудышных», неспособных активно участвовать в защите города, но нуждающихся в еде, примерно 1700 человек. Удерживать крепость и дальше было бы чистейшим безумием. Жан де Вьенн дал знак о готовности уступить город при условии, если король гарантирует безопасность для всех его жителей. Эдуард ответил категорическим отказом: осада Кале стоила ему немалых денег, он потерял множество солдат и моряков и целый год своего времени. Однако после возвращения послов лорда Бассета и сэра Уолтера Мэнни, доложивших о том, что в таком случае город продолжит борьбу, Эдуард пошел на попятную. Опять же по свидетельству Фруассара, Мэнни снова отправился в город с но-

выми требованиями: 6 видных граждан должны явиться к королю босыми, с непокрытыми головами и петлей на шеях, имея при себе ключи от города и замка. С ними король поступит так, как ему заблагорассудится, а остальных граждан пощадит.

Условия Эдуарда были оглашены на городской площади, и первым вышел вперед самый богатый и знатный из жителей Кале мэтр Эсташ де Сен-Пьер. К нему присоединились еще пятеро горожан. Их раздели, оставив только рубахи и подштанники, повязали вокруг шей петли, вручили ключи, и Жан де Вьенн проводил необычную делегацию к воротам города, сидя на пони и держа меч перевернутый вниз острием в знак смирения. Представ перед королем, они опустились на колени, передали ключи и попросили проявить к ним милосердие. Эдуард и слушать их не стал, приказав казнить. Тщетно взывал к милосердию сэр Уолтер, и только после того как перед ним упала на колени беременная Филиппа, моля его пощадить граждан Кале, король наконец смилостивился:

«Королева поблагодарила его от всего сердца, встала с колен и заставила подняться горожан. Потом она сняла с них петли и отвела в свои покои. Там им дали новые одеяния и сытно накормили. Затем каждого одарили шестью ноблями, провели в сохранности через английскую армию и поселили в разных городах Пикардии»*.

В субботу, 4 августа 1347 года, король Эдуард торжественно вошел в Кале и повелел изгнать из него всех жителей. Несчастливым гражданам было запрещено что-либо брать с собой. Дома, имущество, мебель, пожитки — все оставалось

---

* У нас нет ни малейшего повода для того, чтобы сомневаться в правдивости истории о самопожертвовании граждан Кале. И лондонцы в память о них установили в 1915 г. в саду Вестминстерского дворца знаменитую скульптурную группу Родена, заказанную Национальным фондом собраний произведений искусства.

для колонистов, которых король завозил из Англии. Их потомки распоряжались городом более двух столетий, пока Кале не был отвоеван французами 7 января 1558 года.

В продолжение последующих девяти лет война практически не велась. «Черная смерть» обрушилась на Францию в январе 1348 года, а в июле она поразила и Англию. За десять лет чума погубила треть населения стран от Индии до Исландии. Но и для тех, кто уцелел, жизнь была тягостной.

Несколько малозначительных стычек имели место в Гаскони и Бретани, на исходе 1355 года Эдуард даже высадился в Кале с другой армией, но, очевидно, передумал затевать новую кампанию, поскольку через месяц вернулся обратно в Англию. Несмотря на старания пап, длительного мира тем не менее не предвиделось по причине того, что к нему не стремился ни один из антагонистов. Эдуард мог успокоиться только после обретения французской короны. Иоанн II, сын Филиппа, наследовавший отцу в 1350 году, оказался чрезмерно пылким и импульсивным романтиком, чья одержимость рыцарскими деяниями не раз выходила боком для него самого и для Франции. Пока монархов отвлекали другие заботы, но борьба могла возобновиться в любой момент.

В том же году, когда Эдуард отменил в Кале новую экспедицию, его двадцатипятилетний сын, Черный Принц, наместник отца в Гаскони, отправился с армией в поход по юго-западу Франции. Он не смог взять Нарбон и Каркасон, но натворил немало бед и разрушений вокруг. В 1356 году принц повел себя еще наглее, совершая набеги вверх-вниз по Луаре, и король Иоанн, решив все-таки наказать его, призвал всех дворян и рыцарей собраться в Шартре в начале сентября. Призыв Иоанна был встречен с необычайным энтузиазмом: на него откликнулись почти все именитые люди королевства. Армия сформировалась превеликая: помимо 4 сыновей короля, находившихся пока еще в юношеском возрасте, в ней были коннетабль Франции Готье де Бриенн, 2 маршала, 26 герцогов и графов, 334 баннерета,

несчетное множество менее знатных господ и рыцарей, и все они явились со своими дружинами. Холинshed упоминает три баталии по 16 000 человек в каждой, в общей сложности 48 000 воинов, и наверняка преувеличивает. Какой бы ни была реальная цифра, огромная по тем временам сила перешла в разных местах Луару и погналась за англичанами, настигнув их воскресным утром 18 сентября в долине речки Мьоссон в семи милях к югу-востоку от Пуатье*.

Французы чувствовали себя уверенно. Во-первых, они обладали несомненным численным превосходством: у Черного Принца было 10 000—12 000 человек, не более. Во-вторых, король Иоанн мог с полным основанием рассчитывать на то, что интервентам остро не хватает продовольствия. Весь день противники изучали расположение войск друг друга и готовились к сражению, а кардинал Талейран де Перигор, присланный папой, сновал между лагерями, тщетно пытаясь их помирить. Черный Принц, если бы мог, предпочел бы избежать битвы и предложил освободить без выкупа всех пленников и возвратить замки, которые он оккупировал. Иоанн потребовал, чтобы Черный Принц сдался ему персонально и привел с собой сотню рыцарей. Принц, естественно, отверг ультиматум, и битва неминуемо началась утром следующего дня с восходом солнца.

Странно, но французы не учли уроки своего поражения при Креси и не подготовили лучников-дальнобойщиков, чтобы ответить англичанам их же оружием: Иоанн прекрасно знал, как убийственны английские стрелы. Он решил вначале отправить вперед небольшой отряд, около 300 конных рыцарей, чтобы они смяли первые ряды англичан, а вслед им бросить основной костяк армии — пеших воинов: многочисленные болотины, каналы и изгороди не позволяли сразу же послать в атаку и кавалерию. Его тактика обернулась зло-

---

* На месте битвы при Пуатье теперь располагается ферма Ла-Кардинери (в прошлом Мопертюй) на расстоянии около мили к северу от бывшего бенедиктинского аббатства Нуайе.

счастьем. Рыцари — цвет французской армии, среди них был и коннетабль, и оба маршала — попали под традиционный шквал английских стрел, и после этого побоища битву уже можно было считать проигранной. Французы бились отважно и отчаянно, но англичане их все-таки одолели, а когда сражение закончилось, в числе пленных оказался и сам король Иоанн. Черный Принц отнесся к нему с подчеркнутой любезностью. Как свидетельствует Фруассар, вечером после битвы принц устроил в его честь торжественный ужин, пригласив на пиршество и других знатных пленников, в том числе 13 графов, архиепископа и 66 баронов. «Он сам смиренно подавал кушанья к столу короля и других благородных господ... демонстрируя, что не достоин сидеть рядом с таким могущественным государем и таким доблестным воином». Через семь месяцев принц персонально сопроводил Иоанна в Лондон.

После пленения Иоанна II, оставившего Францию на попечение девятнадцатилетнего дофина, война, казалось, могла бы и закончиться. Эдуард так не думал. Для него наконец появилась возможность нанести последний, завершающий удар и завладеть французской короной. Он сражался еще четыре года, иногда вполне успешно, но ожидания его не оправдались и в начале 1360 года ему пришлось согласиться на мирные переговоры. В небольшой деревушке Бретиньи близ Шартра Черный Принц и дофин 8 мая обговорили условия мирного договора, подлежащие утверждению их отцами. Французы должны были удовлетворить притязания Эдуарда на Гасконь и Пуату, уступить различные графства и города в Северной Франции, в том числе Кале. Им следовало также отдать Ла-Рошель, портовый город-крепость, имевший для Англии особое значение, поскольку являлся центром соляной торговли. Франции предстояло выкупить своего короля за три миллиона золотых крон: его освободят после внесения пятой части общей суммы. Не менее сорока высокогородных заложников должны были гарантировать выплату остальных денег в течение шести лет. Король Англии, в свою

очередь, отказывался от притязаний на французскую корону и какие-либо другие регионы страны.

Когда короли в октябре встретились в Кале, Эдуард выставлял новое требование: он заявит об отказе от своих притязаний только после передачи ему всех земель, оговоренных в Бретиньи, не позднее 1 ноября 1361 года. Это была явная и бесчестная уловка: такие вопросы невозможно решить за один год. На самом же деле Эдуард просто хотел оставить за собой право выбора. Он с легкостью согласился смягчить условия погашения суммы выкупа, хотя, как показали последующие события, деньги можно было вообще не платить. Летом 1363 года сбежал один из заложников, второй сын короля Иоанна герцог Анжуйский. Расстроенный отец тут же изъявил желание вернуться в Лондон. Советники настойчиво отговаривали его от такого неразумного поступка, но он остался непреклонен. «Если вере и чести суждено исчезнуть, — сказал он будто бы, — то они должны сохраниться по крайней мере в сердцах и словах государей». Через неделю после Рождества Иоанн покинул Париж, посреди зимы пересек Ла-Манш и в январе 1364 года прибыл в Лондон. Спустя четыре месяца король умер «от неизвестного недуга». Эдуард повелел отслужить заупокойную мессу в соборе Святого Павла, и лишь потом тело Иоанна отвезли во Францию и похоронили в Сен-Дени.

А нам пора вернуться к нашей пьесе. В первой сцене четвертого акта мы присутствуем при разговоре лорда Маунтфорда с графом Солсбери*. В роли Маунтфорда выступает, по всей видимости, Иоанн IV де Монфор, притязавший в 1341 году на Бретанское герцогство, предназначавшееся для племянника Филиппа VI, и присягнувший Эдуарду III. К сожалению, он в том же году попал в плен и закончил свой жизненный путь узником Лувра. В пьесе он возведен в ранг герцога, и действие происходит вроде бы в Бретани. Однако

---

* В русском тексте пьесы — граф Монфор. — *Примеч. пер.*

следующий эпизод — Солсбери поручает одному из французских пленников добыть для него охранную грамоту, чтобы беспрепятственно добраться до Кале и присоединиться к королю, — явно основан на аналогичной истории, рассказанной Фруассаром. В ней же идет речь не о Солсбери, а о другом рыцаре Эдуарда — сэре Уолтере Мэнни, осаждавшем крепость Эгийон, проскакавшем затем через всю Францию и прибывшем в Кале ко времени его капитуляции. Таким образом, драматург изменил и место события, и его участников. Он также дал пленному — не идентифицированному Фруассаром — вымышленное имя Вильер.

Сцена вторая переносит нас к стенам Кале, где мы оказываемся сразу же после отбытия короля Филиппа. Кажется странным, конечно, то, что Эдуард повелевает начать осаду, которая уже в действительности идет почти год, что подтверждается и появлением шестерых несчастных горожан — из числа тех 1700 человек, упоминавшихся Фруассаром: они сетуют на свою судьбу, король велит их накормить и дать денег. Потом мы видим лорда Перси, прибывшего с двумя добрыми вестями: захвачен король Шотландии, а королева, несмотря на беременность, уже в пути и скоро приедет. После этого сам король, не прибегая к услугам сэра Уолтера Мэнни, провозглашает требования к гражданам Кале и дает им на размышления два дня.

Поскольку историю шестерых граждан Кале можно отобразить только в присутствии Филиппы, мы вправе были ожидать, что ей будет позволено появиться уже в следующей сцене. Однако эта сцена, третья, преподносит нам очередной хронологический сюрприз. Она делится на две части. Вначале мы наблюдаем продолжение сюжета об охранной грамоте для Солсбери (в развитие разговора между Солсбери и Маунтфордом в первой сцене): Вильер просит Карла Нормандского подписать ее*. Карл поначалу возражает, и между ними

---

* В данный момент герцогом Нормандским в действительности был будущий король Иоанн II (см. выше).

завязывается дискуссия по поводу верности клятвам и законам рыцарства, что в общем-то никак не связано с дальнейшими событиями. В конце концов герцог уступает доводам Вильера, и охранная грамота для Солсбери подписывается.

Затем, хотя Карл по-прежнему остается на сцене, мы внезапно переносимся на десять лет в будущее, на поля у Пуатье. Король Иоанн (теперь это действительно король Иоанн, поскольку его отец Филипп VI умер шесть лет назад) сообщает Карлу (теперь он трансформировался в старшего сына Иоанна, родившегося в 1350 году, герцога Нормандского со времени восхождения на трон отца) о том, что Черный Принц окружен и обречен на поражение, так как существенно уступает французам в численности армии. Первая часть его утверждения не исторична: войска Черного Принца никогда не оказывались в таком положении. Второе замечание более правдоподобно, хотя он явно преувеличивает свои силы, оценивая их в «шестьдесят тысяч человек». Карл в ответ рассказывает отцу притчу о птицах. О предсказании «как только рать твоя от птиц вся задрожит» писали и Фруассар и Холиншед, но в связи с битвой при Креси, произошедшей десять лет назад.

Далее следует весьма далекое от реального события описание самой битвы. Оно начинается с разговора между принцем и его другом лордом Одли, сражавшимся с ним бок о бок при Креси. Черный Принц подтверждает то, о чем до него говорил король Иоанн:

На поле у Кресси французских мошек
Рассеяли мы дымом боевым;
Теперь же их миллионы закрывают
Прекрасное пылающее солнце,
Не оставляя нам иной надежды,
Как на слепую тьму зловещей ночи.

Одли живописует французскую армию почти столь же красочно, как прежде «матрос» докладывал своему королю об английском флоте перед битвой при Слейсе, а принц отвеча-

ет почти в духе знаменитого спича Генриха V, произнесенного в День святого Криспина перед сражением при Азенкуре. Затем три французских герольда поочередно измываются над Черным Принцем — что напоминает нам об аналогичной истории с теннисными мячами в «Генрихе V». Принц с презрением их выдворяет, после чего вместе с Одли морально готовит себя к неминуемой смерти.

Вдруг небо темнеет, наступает зловещая тишина, и над французской армией сразу же начинают летать стаи воронья. Предсказание сбывается, поднимается паника, французские солдаты бегут с поля боя. К французскому королю приводят лорда Солсбери, которому так и не удалось осуществить свой замысел*. Иоанн повелевает его казнить, но Солсбери предьявляет охранную грамоту, подписанную Карлом Нормандским, стоявшим, к радости пленника, рядом. Между Карлом и отцом возникает дискуссия, проходящая примерно в том же ключе, как и предыдущий диспут между Карлом и Вильером в третьей сцене четвертого акта. Король наконец уступает и позволяет пленнику продолжить свой путь в Кале. И дает ему такое наставление:

На западе ты встретишь холм высокий...
Брось беглый взгляд: увидишь, как железным
Кольцом охвачен бедный принц. Оттуда
Спешу в Кале, к отцу, — пусть знает он,
Что сын расплющен мной, а не сражен,
И что над ним еще беда витает:
Явлюсь к нему, когда он и не чает.

Тем временем благодаря воронью ход битвы переменялся, бежала вся французская армия. Взят в плен король, и его

---

* Охранную грамоту Солсбери выдали девять или десять лет назад, и столько же времени англичане уже хозяйничали в Кале. Невольно спрашиваешь себя: неужели так долго Солсбери добирался до Кале? Разве Пуатье находится на пути из Бретани в Кале? Для драматургии это не имеет никакого значения, потому что осада Кале и битва при Пуатье происходят практически одновременно.

доставляют к Черному Принцу. Однако принца, похоже, больше беспокоит судьба друга лорда Одли: его тяжело ранили, но, как мы узнаем позднее, не смертельно.

Сцена первая пятого акта — и последняя в пьесе — возвращает нас в Кале, чтобы закончить историю его героических граждан. «Двухдневный срок еще не истек», но шестеро добровольцев предстают перед королем в «одних рубахах, босые и с петлями на шеях». Вначале он приговаривает их к казни, тогда вмешивается королева, и Эдуард соглашается сохранить им жизнь. Для разнообразия появляется некий Джон Копленд, которому посчастливилось полонить при Невиллз-Кроссе короля Шотландии Давида. Хотя Эдуард поручил жене Филиппе управлять страной в его отсутствие, Копленд решил доставить пленника лично ему и соответственно привез его в Кале. Королеве, понятно, это не понравилось, однако Эдуарда удовлетворили льстивые объяснения Копленда, и он не сходя с места производит его в рыцари.

Сразу же входит с трагическими вестями о сыне короля лорд Солсбери:

Там десять тысяч конницы ретивой,
За нею вдвое больше копыеносцев...
...а посредине,
Как белая на небосклоне точка...
Как на цепи медведь, — наш принц прекрасный,
Готовый каждый миг к тому, что будет
Французскими собаками растерзан.
И начался вдруг смертный перезвон...
Войска сошлись; когда же мы не в силах
Уж были различать, где друг, где недруг...
Тогда застлала взоры нам слезами
Мрачнее дыма черного кручина.

Все цепенеют от ужаса, королева уже оплакивает сына, взбешенный король грозит мщением, но тут появляется герольд и сообщает о прибытии принца, целого и невредимого,

в сопровождении Одли, очевидно, успевшего оправиться после ранений; вместе с ними входят и их пленники — король Французский Иоанн и его сын Филипп. Эдуард пользуется случаем высмеять плененного монарха:

Вы, Иоанн Французский, верны слову:
Сказали, что придете скорее,
Чем мы предполагаем, — так и вышло...

Принц произносит пламенную патриотическую речь, но завершать пьесу предоставляет отцу:

Итак, война окончена, милорды...
...день иль два
Здесь проживем и, с помощью Господней,
Направимся домой, куда, надеюсь,
Мы пятеро — два короля, два принца
И королева — счастливо прибудем*.

И заканчивая пьесу, Шекспир, если ее, конечно, писал Шекспир, обращается с историей так же вольно, как и прежде. После битвы при Пуатье Эдуард и Филиппа во Франции не находились, хотя в Кале они были. Короля Шотландии Давида в Кале никто не привозил, он после пленения в 1346 году и до выкупа в 1357-м пребывал в Лондоне и Одихеме в Гэмпшире. В контексте драматургического повествования эти детали неразличимы. Возможно, именно вследствие того, что пьеса «Эдуард III», как предполагается, создавалась не одним автором, в ней и содержится значительно больше исторических неточностей, чем в других произведениях. Кто бы ни был ее автором, факт остается фактом: для него историческая достоверность имела в лучшем случае второстепенное

---

* В русском переводе, очевидно, вкралась неточность. В английском оригинале пьесы идет речь о трех королях (Англии, Франции и Шотландии). — *Примеч. пер.*

значение. Основные вехи в жизни Эдуарда отражены, и зритель, предварительно не ознакомившийся с данным историческим периодом, получает о нем почти правильное представление.

Теперь вкратце о последних печальных годах жизни Эдуарда. В 1362 году он передал Гасконь и Пуату во владение и управление старшему сыну. Черный Принц устроился в Бордо столь роскошно и изысканно, что с его двором, как писал Герольд сэра Чандоса, не мог сравниться ни один чертог, когда-либо существовавший с рождения Христа*. Принц потчевал за своим столом «более восьмидесяти рыцарей и вчетверо больше оруженосцев», его обслуживало полчище пажей, камердинеров, дворецких, лакеев, конюхов, охотников, сокольничих, а сам он предпочитал, чтобы ему прислуживал только лишь рыцарь с золотыми шпорами. Его пригожая супруга Иоанна наряжалась в такие одеяния, каких не имела ни одна английская королева: ходила в мехах, бархате и парче, украшенная редкостными драгоценностями. Двор принца был «обителью чести и благородства, щедрости и великодушия, радости и веселья, и весь народ, все подданные любили его безмерно».

Герольд скорее всего не ошибался, если имел в виду английских подданных. Коренные жители Гаскони и Пуату его восторга не разделяли. Не могли они изъявлять радость уже по той причине, что вся эта роскошь и великолепие создавались за их счет, непомерными налогами, возраставшими из года в год. Еще один повод для недовольства: англичане относились к ним как к людям второго сорта и занимали практически все важные или доходные должности. Мятежные настроения особенно усилились с начала 1367 года, когда принц позволил себе втянуться в борьбу между Педро Жес-

---

* Герольд сэра Джона Чандоса — его подлинное имя неизвестно — написал в стихах на французском языке чрезмерно хвалебную биографию Черного Принца.

токим, королем Кастилии*, чьи подданные восстали, и его незаконнорожденным единокровным братом доном Энрике Трастамарским. Педро всецело поддерживал Эдуард, король Англии; его два сына в скором времени женятся на испанских инфантах, а сам кастильский монарх навлек на себя ненависть сына и преемника Иоанна — Карла V: он по принуждению женился на его свояченице, потом бросил ее и, по всей вероятности, убил. Его трон зашатался, и он обратился за помощью к Черному Принцу. А тот, всегда горевший жаждой сражений, сразу согласился и повел свою армию через Пиренеи, где к нему присоединился брат — Джон Гонт. 3 апреля 1367 года под Нахерой принц выиграл свою третью величайшую битву, которую можно поставить в один ряд со сражениями при Креси и Пуатье, разгромил дону Энрике и восставил Педро на престоле Кастилии.

Однако славная победа близ Нахеры вовсе не восхитила гасконцев. Во-первых, она для них ничего не значила. Во-вторых, после того как Педро отказался возместить расходы на экспедицию (а этого и следовало ожидать), принц обложил жителей Гиени новым ежегодным налогом на очаги. Терпение людей лопнуло, и они воззвали к французскому королю. Карл V, умный и даровитый молодой человек, предвидя возможные осложнения, обратился за консультациями к видным юристам, направив запрос даже в Болонью. Внимательно изучив толкования законников, он в декабре 1368 года уведомил Эдуарда о том, что полагает правомерным поддержать жалобу граждан и делает это настоящим письмом. Эдуард возмутился, расценив послание французского короля как непростительное вмешательство в его полномочия, и вновь заявил о претензиях на корону Франции. Карл, в свою очередь, объявил о конфискации всех его французских земель. Создалась конфликтная ситуация, почти аналогичная той, которая возникла при деде французского короля Филиппе VI

---

* Кастилия и Арагон были отдельными королевствами до бракосочетания Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской в 1469 г.

тридцать два года назад. Но тогда Эдуарду было двадцать пять лет и его переполняли силы и энергия молодости. Теперь же ему исполнилось пятьдесят семь лет, он заметно дряхлел и уже не мог на равных тягаться со своим молодым и задорным соперником.

Немощность постаревшего короля могли с лихвой компенсировать военные таланты старшего сына, однако здоровье Черного Принца тоже пошатнулось. Вскоре после битвы под Нахерой он заболел дизентерией, после которой у него открылась водянка. К концу 1367 года вся его неуемная энергия улетучилась. Он располнел и обрюзг, а через два года «из-за болезненной тучности едва мог забраться на коня». Во время осады Лиможа в 1370 году принц отдавал команды, находясь в паланкине; его зверский приказ умертвить 3000 жителей без учета возраста и пола, вероятно, в какой-то мере был вызван невыносимой физической болью, которую он теперь испытывал постоянно. Принц возвратился в Англию в январе 1371 года в возрасте сорока лет и замкнулся в своем поместье в Беркхамстеде. Здесь он прожил еще пять лет, совершив вместе с отцом лишь одну непродолжительную вылазку во Францию в 1372 году, и умер в День святой Троицы, 8 июня 1376 года. К тому времени Гасконь была практически потеряна. Джон Гонт и его соратники ничего не могли поделать с французами, укрывшимися за стенами городов и замков, отказывавшимися сражаться, но и не сдававшимися. Вскоре отпала Бретань, и ко времени заключения двухгодичного перемирия в Брюгге в 1375 году Англия владела во Франции только лишь городом Кале и узкой полосой побережья от Бордо до Байонны — невелико наследие досталось сыну Черного Принца Ричарду, на чью голову корону возложили уже через два года.

Король Эдуард пережил Черного Принца на год с небольшим. В воскресенье, 21 июня 1377 года, перед празднеством Дня Иоанна Крестителя, он скончался в своем дворце в Ричмонде. Он правил более полувека — довольно долго, — однако последние пятнадцать лет его жизни были омрачены рано

наступившей старческой немощью (умер король в возрасте шестидесяти четырех лет). Она поразила его душу и тело, лишив способности держать под контролем и тщеславное своекорыстие придворных, и интриги своей метрессы Алисы Перрерс. Его состояние стало резко ухудшаться сразу же после кончины королевы Филиппы в 1369 году. Филиппа терпела отношения Эдуарда с Алисой. Она даже поручила ей надзирать за спальней. Но Филиппа благотворно влияла на короля, давала советы, подбадривала, напоминала о долге и не позволяла перебарщивать с зельем. Утратив ее, он постепенно впал в старческий маразм.

За время деятельного правления Эдуард показал себя если не великим, то по крайней мере хорошим королем. Его отец Эдуард II опорочил английскую корону, а Эдуард III, наследовав ему в возрасте четырнадцати лет, возродил ее престиж и вернул народу чувство собственного достоинства. Высокий, могучий, с густой длинной золотистой шевелюрой и бородой, он и выглядел настоящим королем, и поступал как истинный государь, не знавший усталости ни в битве, ни на охоте, ни, как говорили, в постели. Он не блистал умом, но обладал той долей здравомыслия и самоуверенности, которая зачастую позволяет человеку казаться умнее, чем он есть на самом деле. При Креси, Пуатье и во многих других битвах его армии своей доблестью и военным искусством добыли и себе, и своему королю такую славу, какой не имел ни один английский монарх за все времена. Хотя его личная жизнь была далеко не безупречной, он завоевал почитание, уважение и даже любовь подданных, которую они выказывали ему до последних дней. Его смерть опечалила не только англичан. Заклятый враг Карл V Французский заказал заупокойную мессу в Сент-Шапеле в Париже. Обедню отслужили, писал Жан Фруассар, «с такой пышностью и великолепием, словно усопший король приходился ему братом». Не скоро Англия снова станет такой же, какой была при Эдуарде III.

2

Юный Ричард (1377—1381)

В каком смысле те, кого мы называем господами, знатнее нас? Каким образом они это заслужили? Почему они держат нас в рабстве?.. Идемте к королю — он молод — и расскажем ему о том, как нас притесняют, скажем, что мы хотим перемен, и если они не произойдут, то мы все изменим сами. Если мы выйдем с честными намерениями и все вместе, то многие из тех, кого называют сервами и держат в неволе, последуют за нами, чтобы добиться свободы. И когда король увидит нас и выслушает, он исправит зло по доброй воле или по принуждению.

Джон Болл, процитирован Фруассаром

Королева Филиппа родила Эдуарду двенадцать детей, в том числе семерых сыновей. Пятеро выжили, и старшим среди них был Черный Принц. За ним по возрасту следовал Лайонел, герцог Кларенс, умерший тридцатилетним в 1368 году. Третьему суждено сыграть в нашей истории, которую мы собираемся излагать, самую главную роль. Он родился в 1340 году в Генте (Нидерланды), и его принято называть Джоном Гентом или Гонтом. В 1359 году его обручили с кужиной Бланкой Ланкастер, родившей ему сына Генриха, а

после смерти тестя он стал герцогом Ланкастером. Титул принес ему огромные владения на севере, и Джон, уже имевший три графства — Лестер, Линкольн и Дерби, — сразу же превратился в самого богатого и могущественного магната в Англии. Бланка умерла рано, в 1369 году — Джеффри Чосер посвятил ей свою поэму «Книга герцогини», — и в 1371 году Джон женился на Констанции, старшей дочери и наследнице Педро Жестокого, короля Кастилии и Леона; Гонт притязал сначала на его титулы, а потом и на корону, но не добился ни того ни другого.

Четвертый сын, Эдмунд Лэнгли, родился в королевском поместье Кингз-Лэнгли в 1341 году, получил титул графа Кембриджского в 1362 году и герцога Йоркского — в 1385-м. Заботливый отец устроил для него брак с младшей дочерью Педро, сестрой Констанции Изабеллой. Хотя Эдмунд дважды выступал в роли «хранителя королевства», он, как мы увидим позже, не отличался ни интеллектом, ни выдающимися способностями. Младший сын Томас Вудсток, родившийся в 1355 году — после появления на свет еще трех девочек, — похоже, слыл интеллектуалом, поскольку имел одну из самых богатых частных библиотек в Англии. Правда, помогла ему собирать манускрипты богатая жена Элеонора, одна из наследниц Хамфри Боэна*, графа Херефорда, Эссекса и Нортгемптона.

Судьба принцесс сложилась менее счастливо. Две девочки умерли в детстве. Две дочери — Мария и Маргарита — вышли замуж, соответственно за Иоанна IV, герцога Бретани, и Джона Гастингса, графа Пембрук, но замужество оказалось для них столь тягостным, что они недолго прожили после венчания. Старшая принцесса, Изабелла, стала женой Ангеррана де Куси**, одного из самых богатых и знатных рыцарей

---

* Иные написания: Богун, Бохен, Боюн (Bohun). — *Примеч. пер.*

** Рыцарю уделяется повышенное внимание и в блестящем историческом описании XIV в. Барбары Такман «Далекое зеркало» (*A Distant Mirror*).

среди сорока французских заложников, содержавшихся в Англии до выплаты выкупа за короля*. В расчете на то, что де Куси поселится в Англии навсегда, Эдуард одарил его титулом графа Бедфорда и посвятил в рыцари недавно учрежденного ордена Подвязки**. (Рыцарь при первой же возможности, появившейся после смерти тестя, вернулся во Францию и отправил обратно в Англию нелюбимую жену и дочь Филиппу.)

Порядок наследования короны в XIV столетии не был столь четко определен, как в наши дни. После смерти Черного Принца претендовать на трон могли по крайней мере три кандидата. На первом месте стоял, естественно, Джон Гонт, старший из выживших сыновей усопшего короля. Имелись основания для претензий на престол, правда, гораздо меньшие, и у Эдмунда Мортимера, графа Марча, зятя брата Джона — Лайонела, герцога Кларенса: на похоронах он шел за гробом вместе с тремя сыновьями Эдуарда. Однако Эдуард, несмотря на немощь, оказался человеком предусмотрительным. Фруассар свидетельствует:

«В Рождество 1376 года он устроил в Вестминстере пышное и торжественное празднество, повелев появиться на нем всем прелатам, графам, баронам и рыцарям Англии. И там подняли и подвели к королю Ричарда, сына принца (Черного Принца), которого он в присутствии всех упомянутых лордов, объявил наследником короны Англии после своей смерти и усадил рядом с собой. Потом он попросил всех

---

* См. гл. 1.

** В последнее время немало исследований проведено для подтверждения древней истории, изложенной еще Селденом и Полидором Вергилием: юная графиня Солсбери — у короля с ней тогда завязалась любовь — обронила подвязку на балу в Кале в 1347 г., устроенном в связи с покорением города, а Эдуард подобрал ее, повязал вокруг своей ноги и сказал ухмыляющимся придворным: «*Honi soit qui mal y pense*» («Позор тому, кто плохо думает об этом»). Если все так и было, то не стала ли графиня потом его невесткой? (См. далее.)

прелатов, баронов, рыцарей, правителей городов, портов и таможен Англии присягнуть ему в знак признания его своим королем».

Наверняка на рождественском торжестве было немало людей, сомневавшихся в разумности передачи короны десятилетнему мальчику. Королевские недоросли могут принести массу неприятностей. Без сомнения, больше подходил на роль преемника Джон Гонт, и он уже де-факто являлся регентом. Однако герцог не пользовался популярностью, особенно в Лондоне, и Эдуард, сам наследовавший корону в возрасте четырнадцати лет, видимо, решил, что лучше, если Джон будет править страной через племянника, а не лично. И в четверг, 16 июля 1377 года, архиепископ Кентерберийский Симон Садбери короновал в Вестминстере отрока Ричарда, сына Эдуарда Черного Принца и Иоанны — «прекраснейшей девы Кента» — и самого настолько благолепного, что его сравнивали с Авессаломом*. Коронация непозволительно затянулась, еще больше времени занял государственный банкет, главный герой дня так утомился, что наставнику, сэру Саймону Берли, пришлось доставлять его обратно во дворец на руках, и новый король потерял по дороге туфлю.

Иоанна Кентская произвела на свет второго сына ровно в десять утра в День Крещения Господня (Святого Богоявления), в среду, 6 января 1367 года, в аббатстве Святого Андрея в Бордо. Первые четыре года своей жизни он провел в обществе старшего брата, названного Эдуардом в честь отца и деда и родившегося двумя годами раньше в Ангулеме, но брат умер в возрасте шести лет и Ричард так и остался единственным ребенком в семье. Много лет спустя его кузен Генрих Болингброк заявит, будто родитель Ричарда вовсе не Черный Принц, а некий священник в Бордо. Подобные наветы не редкость, однако в данном случае они почти наверняка были

---

* Адам из Уска, «Хроники».

беспочвенными. Все, что мы знаем об Иоанне, указывает на ее верность мужу и их взаимную любовь.

Семья Ричарда вернулась в Англию в год кончины его брата, последующие шесть лет — до коронации — он провел, надо полагать, с родителями в Беркхамстеде, и нам об этом периоде его жизни практически ничего не известно. Очевидно, все это время главную роль в формировании его личности играла мать. Поскольку она продолжала влиять на него до самой смерти, наступившей в 1385 году, считали бы уместным рассказать о ней поподробнее. Иоанна родилась в 1328 году и была дочерью Эдмунда Вудстока, графа Кента, шестого сына короля Эдуарда I. Через два года отца обезглавили за оппозицию вдове Эдуарда II Изабелле Французской и ее любовнику Роджеру Мортимеру*, после чего королева Филиппа взяла Иоанну на воспитание при дворе своего кузена Эдуарда III. Свое прозвище «прекраснейшей девы Кента» Иоанна получила заслуженно: по словам Фруассара, она была *«en son temps la plus belle de tout la roiaulme d'Engleterre et la plus amourese»* («в то время самой красивой и желанной возлюбленной во всем английском королевстве»). Естественно, ее окружало много поклонников, в том числе и Уильям де Монтакьют, граф Солсбери. Однако она успела влюбиться в его мажордома сэра Томаса Холланда и вступить с ним в матримониальные отношения. Так случилось, что, прежде чем состоялась официальная брачная церемония, Холланда призвали на войну, и граф Солсбери, воспользовавшись его отсутствием, женился на Иоанне. Сомнительно, чтобы она по доброй воле согласилась на вторичное обручение. Как бы то ни было, когда Холланд в 1349 году возвратился домой, он добился от папы восстановления своих супружеских прав, Иоанна вернулась к нему, и они, насколько нам известно, счастливо прожили вместе одиннадцать лет до его смерти в 1360 году.

---

* См. гл. 1.

Иоанна, графиня Кентская, со времени кончины брата, случившейся восемь лет назад, и в тридцать два года оставалась молодой и неотразимо красивой и привлекательной женщиной, и очень скоро на нее обратил внимание Черный Принц. Однако появились некоторые препятствия. Принц не только приходился ей двоюродным племянником, но был еще и крестным отцом ее старшего сына Томаса Холланда: духовное родство для церкви создавало такую же проблему, как и физическая близость. Вмешался король — ему тоже нравилась очаровательная графиня, — уговорил папу, и они обвенчались в Ламбете в октябре 1361 года. До конца своих дней и в Англии, и в Аквитании Иоанна в роли жены и вдовы была любима всеми, а больше всего своим сыном Ричардом.

В силу обстоятельств Ричард рос в основном под влиянием матери, а не отца. Первые четыре года мальчик вообще его редко видел: Черный Принц воевал. Когда же семья возвратилась в Англию, он уже был тяжело болен, немощен и к тому же опечален смертью старшего сына, которому всегда отдавал предпочтение. Нельзя сказать, что принц плохо относился к Ричарду; ему были не по душе его хрупкость и неважные физические данные. Он не мог смириться с подобными недостатками и считал, что мальчик должен вырасти таким же рыцарем и воином, как отец. Наставникам Ричарда было строго наказано развивать в нем силу и выносливость, учить военному искусству. В результате в характере мальчишки укоренилось чувство неполноценности, которое он не мог преодолеть всю жизнь, и оно только лишь обострялось завышенными представлениями о монаршей власти, королевской крови и честолюбивыми помыслами стать не просто хорошим, а великим государем. Задевали самолюбие блистательные успехи единоутробных братьев Томаса и Джона Холландов. Оба они были старше: Томасу — семнадцать, а Джону — четырнадцать или пятнадцать лет, и прекрасно владели всеми приемами, необходимыми для битвы и рыцарских

турниров. В год, когда родился Ричард, Томас уже был посвящен в рыцари Черным Принцем в Кастилии.

Хотя во время коронации юному королю было только десять с половиной лет, регентства как такового не существовало. Опекуншей оставалась мать, а делами государства занимался совет из двенадцати человек, в котором почему-то не оказалось дядей Ричарда. С другой стороны, реальная власть принадлежала, конечно же, Джону Гонту, герцогу Ланкастерскому. Его положение в королевстве было уникально: он фактически владел третьей территории страны и в продолжение многих лет содержал огромную дружину — 125 рыцарей и 132 оруженосца, — внушительную личную армию. Роскошному Савойскому дворцу герцога на Темзе* его племянник мог только завидовать. Ясно, что такому магнату ничего не стоило бы нарушить мир в королевстве. В конце концов, Джон Гонт был старшим из выживших сыновей Эдуарда III, во время коронации Ричарда ему исполнилось тридцать семь лет, и он обладал всеми качествами, которые даются зрелостью и опытом и которые, со всей очевидностью, отсутствовали у юного племянника. Его способности особенно пригодились бы в свете последних неудач, постигших Англию во Франции, и герцог с легкостью мог заявить о своих правах на корону. Даже после коронации он мог оспорить легитимность Ричарда, опротестовав либо решение папы в 1349 году одобрить брак его матери с сэром Томасом Холландом, либо папское позволение ей в 1361 году выйти замуж за Черного Принца. Такие демарши имели место в прошлом, и Джон Гонт с его деньгами и влиянием вполне мог добиться успеха. Надо отдать ему должное: он ничего этого не сделал и верно служил королю.

Это вовсе не означает, что они ладили друг с другом, а сам герцог пользовался любовью и уважением соотечественни-

---

* Дворец в XIII в. построил Питер (Пьер), граф Савой, дядя жены Генриха III Элеоноры. Он занимал пространство, на котором сейчас расположены отель «Савой», театр и часовня, набережная Виктории, Набережные сады и западное крыло Сомерсет-Хауса.

ков. Насколько он был могуществен, настолько и ненавистен. Отца и старшего брата в живых уже не было, и только его одного следовало винить в упадке благосостояния страны. Не могли не вызывать зависть и раздражение и простолудинов и дворян несусветное богатство герцога и наглая роскошь его двора. Все хорошо знали также, что, несмотря на обхаживание жены, с помощью которой герцог хотел заполучить трон Кастилии, он относился к ней пренебрежительно, предпочитая ласки гувернантки своих дочерей Екатерины Суинфорд. Перед восшествием на престол племянника распространялись и другие слухи, менее обоснованные, но столь же нелицеприятные. Говорили, например, о том, будто бы Гонт вовсе и не сын Эдуарда, а его якобы подбросили в Гентское аббатство и подменили им дочь, рожденную Филиппой, будто герцог отравил сестру своей первой жены и только ждал удобного случая, чтобы отравить Ричарда, будто он вступил в сговор с папой против короля.

В начале 1377 года произошел скандал. Протеже герцога Джон Уиклиф, оксфордский радикал, уже прославившийся проповедями против церковной иерархии, предстал перед судом епископов по обвинению в ереси. Расценив его вызов на суд как и выпад против собственной персоны, Гонт поручил четверым богословам выступить в защиту Уиклифа, но когда герцог явился на заседание в собор Святого Павла со свитой вооруженных людей, стало ясно, что он не намерен выслушивать речи ни обвинения, ни защиты. После яростной словесной перепалки с епископом Лондона Уильямом Кортни, приведшей всех присутствующих в замешательство, он пригрозил ввести в городе военное положение. Герцог поступил опрометчиво. Уильяму Кортни и его коллегам-епископам не составило никакого труда взбудоражить лондонцев предупреждениями о посягательстве на их гражданские права, и вскоре многотысячная толпа осадила Савойский дворец, люди вывесили герб Ланкастеров обратной стороной в знак измены на Чипсайде и гонялись за любым человеком, попавшимся на глаза в герцогской ливрее. Сам Джон Гонт скрыл-

ся у невестки, вдовствующей принцессы Иоанны, на другой стороне реки в Кеннингтоне.

Благодаря усилиям того же епископа Кортни толпу все-таки удалось успокоить. Мэра, главного зачинщика мятежа, убрали, а на Чипсайде установили мраморную колонну с ланкастерским гербом, повернутым так, как надо, на позолоченном щите. Однако конфликт был улажен только после восхождения на трон Ричарда. В присутствии делегации лондонцев, явившихся к новому королю с прошением посетить город и разрешить конфликт с герцогом Ланкастерским, Гонт театрально упал на колени перед монархом-отроком и воззвал к его милосердию. Ричард, конечно, простил их, моментально завоевав репутацию миротворца. Все были удовлетворены тем, как удалось погасить разгоравшийся опасный кризис, однако разгром Савойского дворца оказался лишь прелюдией к гораздо более серьезному и длительному противостоянию.

Первые четыре года правления Ричарда, по выражению одного видного историка, были «до чрезвычайности скучны»*. Это замечание справедливо в отношении самого королевства, в то время как за его пределами происходили знаменательные события. В марте 1378 года умер Григорий XI и начался знаменитый церковный раскол, вызванный борьбой двух пап, избранных практически одним и тем же конклавом с небольшим интервалом, за признание монархиями Европы. Проблему создал переезд папства в Рим, инициированный Григорием за полтора года до своей смерти, чему противились французские кардиналы, желавшие, чтобы Святейший престол оставался в Авиньоне, где он находился с 1307 года. Из двух кандидатов конклав сначала избрал Урбана VI, отдавшего предпочтение, вопреки ожиданиям, Риму. Это его решение вкупе с диктаторскими замашками вынудило кардиналов заменить понтифика Климентом VII, сторонником

---

* Энтони Стил, «Ричард II», с. 44.

французского варианта. Поскольку Франция и Шотландия поддержали Климента, то Англия соответственно заняла сторону Урбана, заимев одновременно и нового могущественного союзника в войне с французами. В самой же Англии ничего особенного не случилось, шла закулисная борьба между отдельными группировками, суетившимися возле трона, никаких кардинальных решений не принималось.

Неожиданно летом 1381 года кажущееся внешнее благополучие нарушилось. В Кенте, Эссексе и Восточной Англии, Гэмпшире и Сомерсете, Нортгемптоншире, Йоркшире и Уирроле вспыхнули крестьянские восстания. Они возникли неспроста. Начало им было положено еще тридцать пять лет назад, во времена «Черной смерти», приведшей к острой нехватке рабочих рук. В недалеком прошлом виллан или серв всю жизнь оставался там, где родился, на земле, которую обрабатывал, подвергаясь нещадной эксплуатации. Он не только служил сеньору, но и облагался поборами, названия которым давно позабыты. Крестьянин платил господину меркет (merchet) — в случае замужества или беременности дочери, лэрвит (lairwite) — штраф за разврат и прелюбодеяние, гериот (heriot) — при вступлении в наследство после кончины отца. Если же он сам умирал, то его сеньор забирал у семьи лучшую голову скота, лучший предмет его одежды, а после смерти жены крестьянин отдавал хозяину лучший предмет ее одежды, их лучшую кровать, и аналогичные пожертвования делались в пользу Церкви. Когда разразилась эпидемия чумы, ситуация коренным образом изменилась. У крестьянина появилась возможность оторваться от хозяина, стать предметом купли-продажи, свободно передвигаться и продавать свой труд за наиболее высокую оплату.

На практике все было гораздо сложнее. Неизбежно подскочили и заработки и цены. Парламенты, обеспокоенные развалом установившегося социального порядка, стали прибегать к законодательным мерам, с тем чтобы остановить миграцию крестьян. Еще в 1351 году был утвержден «Статут

о рабочих» и введен запрет на переезд в поисках лучших условий оплаты труда. Впоследствии запреты еще более ужесточились: с начала шестидесятых годов нарушителей уже наказывали клеймением.

Естественно, драконовские меры вызвали недовольство крестьян, впервые осознавших свое истинное значение. В знак протеста они начали объединяться в лиги — предвестники современных профсоюзов — и отказываться работать на хозяев по старинке. Землевладельцам, столкнувшимся с тем, что мы сегодня называем стачками или забастовками, пришлось пойти на уступки. Принуждать к исполнению новых законодательных мер оказалось делом трудным, и в шестидесятых — семидесятых годах появился целый класс бродячих работников, определяющих и оплату и условия труда и способных выкупать арендованные участки земли. Йомен, независимый и знавший себе цену фермер, уже не желал, чтобы им помыкали. В то время особенно популярно было двестише об Адаме и Еве:

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Кто у них был господин?*

Вопрос, конечно, интересный, но он явно не вставал перед английским парламентом, когда в 1379 году палата общин, дабы компенсировать расходы на войну, ввела подушный налог, который обязывалось платить все взрослое население страны. Мера, безусловно, должна была вызвать бурю негодования, но этого поначалу не случилось, так как налог ударял больше по карману людей богатых, а не бедных. Трудности испытывали сборщики податей: уклонение от налогов приняло массовый характер и в казну денег поступало мало. На следующий год парламент устроил мзду — с одного грота**

---

* Эти слова долгое время приписывались Джону Боллу, одному из вождей восстания; в действительности стихотворная поговорка появилась намного раньше, она встречалась в проповедях начала XIV в.

** Серебряная монета достоинством четыре пенса. — *Примеч. пер.*

с головы до трех — и потребовал взимать их равно как с богатых, так и с бедных слоев населения.

Это была ошибка. К весне 1381 года очаги смуты уже пламенели во многих районах страны, особенно на юго-востоке, а 1 июня полыхнул настоящий пожар. В Брентвуде (Эссекс) комиссию верховного королевского судьи Роберта Белкнапа, приехавшую разбираться с недоимками, встретили более чем враждебно. Во время потасовки были убиты трое присяжных, сам сэръ Роберт чудом уцелел — его отпустили с условием, что он впредь никогда не будет заниматься подобными расследованиями. Бунт быстро распространился по всему графству и перекинулся через реку в Кент. Там 6 июня мятежники из Грейвсенда напали на замок Рочестер и выпустили на свободу всех узников. То же самое произошло в Мейдстоуне: в числе освобожденных арестантов оказался пламенный оратор-священник Джон Болл, отправленный в заточение за подстрекательские проповеди архиепископом Кентерберийским Симоном Садбери. В Мейдстоуне впервые заявил о себе и человек по имени Уот Тайлер, «кровельщик», которому суждено возглавить восстание: Фруассар предсказательно назвал его «отвратительным и злобным типом». Под предводительством Тайлера, имевшего, похоже, определенную военную подготовку, и Джона Болла, идейного вдохновителя, мятежники двинулись на столицу, разграбив по пути дворец архиепископа в Кентербери. Пройдя за два дня 70 миль, в среду, 12 июня, они уже были в Блэкхите, в восточных предместьях Лондона.

Четырнадцатилетний король к тому времени перебрался из Виндзора в Лондон и, проявив благоразумие, поселился в Тауэре*. Безусловно, Ричард знал о грозящей опасности, но, видимо, она не тревожила его сверх меры. С самого начала мятежники дали понять: они ополчились не против короля, а против его министров — архиепископа

---

* Тауэр в те времена был и крепостным дворцом, и тюрьмой.

Садбери (одновременно и канцлера), казначея сэра Роберта Хейлза и Джона Легга, парламентского пристава, отвечавшего за сбор подушного налога в Кенте. Им претят также все церковники, адвокаты и толстосумы — и прежде всего люди вроде Джона Гонта, способного заплатить подушный налог за полдюжины графств, но предпочитавшего кичиться и выставлять свое богатство напоказ, что по отношению к ним и несправедливо и унижительно. Правда на их стороне. Даже грабежи они вершат во имя равенства. Подобно легендарному Робину Гуду они грабят богатых, помогая беднякам. Их совесть чиста. Девиз мятежников — «король и община»; цель — помочь сюзерену исправить зло; они искренне надеются на то, что всего этого можно достичь одним росчерком пера. Исполнив свою миссию, они мирно разойдутся по домам.

С учетом обстоятельств вряд ли стоит удивляться тому, что король утром 13 июня решил переправиться через реку в Гринвич, где его ожидал «кровельщик» Тайлер с друзьями, и вступить с ними в переговоры. Понятно и волнение Садбери, Хейлза и их коллег, испугавшихся грозного вида внушительной толпы, собравшейся на другом берегу, когда к нему приблизился королевский барк, и не позволивших королю сойти с судна. Им вообще не надо было бы появляться. Внезапный разворот и бегство королевского барка к Тауэру и взбесили мятежников, и побудили к еще более решительным действиям: теперь ничто не могло отвратить их от набега на Лондон. Не имея пока возможности переправиться через реку, они опустошили церковь Святой Марии в Саутуарке — ныне собор, — открыли ворота тюрьмы Маршалси, а в Ламбете сожгли всю документацию канцлерского суда. После этого повстанцы двинулись к Лондонскому мосту; подъемник то ли в результате измены, то ли из-за устрашающей многочисленности толпы был уже опущен, и они прошли по нему без помех.

Теперь мятежники могли делать в столице все, что угодно. Они захватили тюрьму Флит, освободив заключенных,

разграбили Нью-Темпл, собственность рыцарей ордена Святого Иоанна Иерусалимского и близлежащий дом Хейлза. Затем повстанцы направились по Флит-стрит к Савойскому дворцу; лондонцы давно ждали повода для расправы над своим заклятым врагом. Началась дикая оргия разрушения, имущество самого богатого в королевстве дома растаптывалось или выбрасывалось в Темзу, здание сгорело дотла. На этот раз, как нам сообщают хронисты, обошлось без мародерства: таков был приказ Тайлера. Когда кто-то из его людей попытался что-то украсть, его поймали и кинули в огонь. К счастью, самого Гонта во дворце не было — он в это время вел переговоры с шотландцами. Можно не сомневаться: окажись он дома, вряд ли ему удалось бы уйти оттуда живым.

Повстанцы потом двинулись к цитадели рыцарей Святого Иоанна в Клеркенуэлле, разгромили и дворец, и церковь, и госпиталь*; штаб-квартира ордена, как нам сообщают хронисты, горела семь дней. Тем временем из Эссекса прибыл отряд Джека Строу, где-то на окраине Лондона соединился с дружиной из Хартфордшира, и они вместе пошли по северному берегу Темзы, завладев сначала Хайбери, а затем и Майл-Эндром. Здесь Строу приказал своим отрядам остановиться. Наступил черед короля действовать. Вечером того же дня Ричард со стен Тауэра обратился к толпам, собравшимся внизу на зеленой лужайке, и пригласил всех желающих встретиться с ним завтра на пустыре Майл-Энда. Ввиду той паники, которая обуяла его министров всего лишь несколько часов назад, не исключено, что это предложение он сделал по собственной инициативе. В любом случае оно свидетельствует о незаурядном мужестве, проявленном малоопытным четырнадцатилетним подростком.

---

* От церкви сохранилась часть алтаря и крипты XII в. Сторожка, образующая мост над Сент-Джонс-лейн, датируется 1504 г. После роспуска Генрихом VIII английского ордена рыцарей Святого Иоанна сторожка исполняла самые разные функции. Одно время при правлении Елизаветы I в ней размещались офисы распорядителя празднеств, который также лицензировал пьесы. Здесь часто бывал Шекспир.

Утром в пятницу, 14 июня, юный король, посоветовав Садбери и его друзьям бежать по реке, поскакал из Лондона в сопровождении мэра Уильяма Уолурорта на переговоры с повстанцами. По дороге из королевской свиты обратно в город вернулись несколько вельмож, а Ричарду не терпелось поскорее встретиться с мятежниками лицом к лицу. Прибыв в лагерь повстанцев, король увидел, что они настроены решительно, но не враждебно. Вожаки преклонились перед ним, выказывая свое глубочайшее почтение, заверили его в том, что мятежники не ищут себе другого сюзерена и признают Ричарда государем, однако желают, чтобы им выдали людей, которых они считают «предателями». Король ответил: никто не может быть назван предателем без судебного процесса, проведенного в соответствии с законом; если суд обвинит кого-то в предательстве, то они могут поступить с таким человеком как им угодно. Затем вожди повстанцев зачитали петицию с требованиями упразднить крепостничество и предоставить крестьянам право продавать свой труд на основе свободного волеизъявления и обоюдных договоренностей и пользоваться землей при ежегодной арендной плате четыре пенса за акр. Ричард не моргнув глазом согласился с претензиями, пообещав выдать соответствующие грамоты, скрепленные Большой государственной печатью, и послать в местности, откуда прибыли повстанцы, королевские знамена в знак благоволения и покровительства. После этого, не мешкая, король дружески распрощался с мятежниками. Ричард уступил им практически по всем пунктам, но по крайней мере он установил с ними добрые отношения и мог рассчитывать на то, что повстанцы, удовлетворившись его обещаниями, спокойно разойдутся.

В город Ричард возвращался вполне довольный своими достижениями, однако вскоре настроение его испортилось. Вернувшись в Лондон, он узнал, что разъяренные толпы завладели Тауэром. До сих пор никто не знает, как это могло случиться. Гарнизон, и нам об этом известно от хронистов, насчитывал 600 тяжеловооруженных латников и столько же

лучников — воинов, хорошо обученных, многоопытных и надежных. Без сомнения, они были в состоянии справиться с неорганизованным и в основном безоружным сбродом простонародья. По каким-то причинам гарнизон не оказал сопротивления и не защитил тех, кого был обязан оберегать. Бунтовщики вломились в часовню, где молились Садбери, Хейлз, Легг и лекарь Джона Гонта, монах Уильям Эпплтон, схватили их, притащили на Тауэрский холм, обезглавили, пронесли отрубленные головы по городу и выставили для всеобщего обозрения на Лондонском мосту, водрузив на пики. Мало того, чернь ворвалась в покои матери короля, напугав ее до смерти. Бунтари разнесли вдребезги ее ложе, а один разбойник, по словам женщины, даже позволял себе фамильярное обхождение, хотя в целом ей не нанесли никаких серьезных повреждений. После того как толпа ретировалась, мать Ричарда отвезли на лодке в замок Бейнард в Блэкфрайерз*, куда вскоре прибыл и ее сын.

Бунтовщики из Эссекса и Хартфордшира вроде бы на какое-то время угомонились. Главную опасность представляли Уот Тайлер и повстанцы из Кента. Посему в субботу, 15 июня, король Ричард, помолившись в Вестминстерском аббатстве, отправился на новую встречу с Тайлером, назначенную теперь в Смитфилде, в открытом поле, служившем удобной площадкой для торговли крупным рогатым скотом (там и по сей день действует мясной рынок). С самого начала было ясно, что разговор не будет столь же легким, как на Майл-Энде. Уже неделю Тайлер властвовал в городе и пользовался непререкаемым авторитетом среди повстанцев. Успех вскружил ему голову. Он повел себя высокомерно, приблизился к королю не пешком, как подобает подданному, а на коне, словно нарываясь на ссору. И претензии на этот раз были куда более серьезные, чем запросы мятежников из

---

* Замок почти полностью сгорел во время Великого пожара в 1666 г. Уцелела лишь одна башня, сохранявшаяся до 1720 г. Артефакты, обнаруженные в ходе раскопок, проведенных в 1972—1974 гг., представляли интерес только для археологов.

Эссекса. Тайлер потребовал ни много ни мало конфискации всех церковных владений, ликвидации любого владычества за исключением королевского сюзеренитета и устранения всех епископов, кроме одного. Юный король, стараясь не замечать оскорбительной наглости оппонента, примирительно пообещал исполнить его требования. Видимо, согласился он слишком поспешно, чем вызвал подозрения у Тайлера, сразу же ставшего еще надменнее. Разговор не клеился, вельможи в свите короля занервничали, и наконец мэр Лондона Уолуорт, не сдержавшись, проорал какой-то приказ. Моментально к Тайлеру ринулась группа людей, его стащили с коня, и едва он успел встать на ноги, как на него накинулся один из оруженосцев, по имени Стандиш, и ударил палашом.

Наступил критический момент. Видя, как упал их вождь, повстанцы угрожающе двинулись вперед. Королевский отряд многократно уступал в численности, и его без труда можно было бы перебить. Многие из повстанцев имели длинные луки, и, как свидетельствует один хронист, в воздухе уже замелькали стрелы. И снова разрядил ситуацию король. Он поднял руку, призывая всех к спокойствию, и, обращаясь к толпе, спросил рассудительно и как бы в изумлении: чего им еще надо? Они признают его своим королем, другого у них нет. Он исполнил все их желания. Почему же они не хотят разойтись с миром? Страсти понемногу улеглись. Вскоре появился мэр, успевший ускакать в город и вернуться с армией вооруженных добровольцев, тут же окруживших повстанцев. Но Ричард предпочел не чинить расправу над бунтовщиками. Для него было достаточно заменить на Лондонском мосту голову Садбери головой Тайлера и простить его соратников.

Нет никаких сомнений в том, что королевская рать спаслась во многом благодаря мужеству и хладнокровию своего четырнадцатилетнего монарха. Сам же король поспешил отблагодарить верных слуг. На Крекенеуэлл-Филдз он извлек меч и посвятил в рыцари мэра Уолуорта и еще двух лондон-

цев, проявивших особую ему преданность. Только после этой церемонии он отправился в замок Бейнард, где его ждала встревоженная мать.

Крестьянское восстание длилось менее недели. Оно покончило с ненавистным подушным налогом, но сами его участники практически ничего не добились. Восстановился мир, пришел в себя и король — до такой степени, что стал сожалеть об уступках мятежникам. Когда в Эссексе 23 июня его попросили подтвердить исполнение обещанных гарантий, король саркастически ответил: «Вилланами вы были, вилланами и останетесь». 2 июля в Челмсфорде он пошел еще дальше, провозгласив об аннулировании помилований, «данных второпях», а через день или два король прискакал в Сент-Олбанс и председательствовал на суде, приговорившем пятнадцать главарей бунтовщиков, в том числе и Джона Болла, к смертной казни.

С учетом нравов того времени обращение с участниками восстания вряд ли можно назвать чрезмерно жестоким. Не было ни пыток, ни принудительных свидетельств, ни массовых гонений на невинных людей, ни приговоров, без того чтобы не провести хоть какое-то судебное расследование. На удивление большое число бунтовщиков понесли очень мягкие наказания, а многие были прощены. 30 августа король объявил о прекращении арестов и казней. Но факт остается фактом: Ричард нарушил данное им слово. В наши дни мы не считаем обязательными обещания, данные под угрозой или по принуждению. Трудно сказать, был ли у Ричарда какой-либо иной выход из того трудного положения, в котором он оказался на Майл-Энде или в Смитфилде. Для XIV века современные правовые и моральные нормы малопригодны. Чтобы пользоваться уважением и почитанием подданных, король в особенности должен был дорожить своей честью. Ричард не сдержал слово, и этого ему не простят. Не поможет и поддержка парламента, сначала утвердившего, а потом отменившего всеобщую амнистию. Так

или иначе, к концу года казалось, словно и не было этого самого серьезного для английского короля кризиса со времен нормандского завоевания.

Возможно, обе стороны конфликта тогда этого и не осознавали, но они получили хороший урок на будущее. Землевладельцев — от высшей аристократии до самого мелкого сельского помещика — силой заставили понять то, насколько они зависимы от тех, кто обрабатывает их земли и ухаживает за скотом. К этим людям нельзя относиться как к безмолвному имуществу. Крестьяне тоже многое узнали. Да, они вилланы, и вилланами формально будут оставаться и в продолжение значительной части следующего столетия. Однако их положение в целом окрепло: они осознали истоки своей неудовлетворенности и нашли способы борьбы за существование. Объединившись, они могут стать устрашающей силой. Первая попытка применить эту силу обернулась неудачей, но только лишь из-за наивной и слепой веры в своего короля. Таких глупостей они больше себе не позволят.

3

Фавориты и апеллянты (1381—1388)

Г о н т:

Гнездится тысяча льстецов в короне,
Чей круг не больше головы твоей...
О, если бы твой дед предвидеть мог,
Как сын его же сына — сыновей
Его погубит, — он не допустил бы,
Чтоб ты сейчас позорил так себя:
Заранее тебя б он низложил,
Раз ты себя позором низлагаешь...

«Ричард II»

События лета 1381 года ускорили процесс возмужания Ричарда, и завершился он бракосочетанием с имперской принцессой Анной Богемской, состоявшимся через неделю после его пятнадцатилетия, 14 января 1382 года. Династические браки уже давно служили одним из важнейших инструментов дипломатии, а этому супружескому союзу особое значение придавал папа Урбан, видя в нем эффективное средство борьбы против своего соперника Климента. В самой же Англии женитьба Ричарда не вызвала большого восторга. Анна, дочь короля Богемии, императора Священной Римской империи* от четвертой жены Елизаветы Померан-

---

* Императоры Священной Римской империи были главными защитниками христианства на Западе со времен Карла Великого, коронованного на Рождество в 800 г.

ской, и правнучка слепого Иоанна Люксембургского, столь славно, если не сказать безрассудно сражавшегося при Креси*, не тронула сердца англичан. Если судить по ее изображению на общей с мужем гробнице в Вестминстерском аббатстве, а подобные произведения погребального искусства обыкновенно приукрашивают усопшего, то она явно красотой не блистала, и ее лицо было пухлое и непривлекательное. Кроме того, ее семья, несмотря на аристократизм, была вовсе не богата, и Анна досталась Ричарду бесприданницей. Перед бракосочетанием ему пришлось даже выдать ее брату заем в размере пятнадцати тысяч фунтов. Ни по каким параметрам она не могла сравниться со своей главной конкуренткой, очаровательной и страстной Катериной, дочерью Бернабо Висконти, правителя Милана, у которого помимо тридцати восьми детей имелись и реальные богатства: итальянец предлагал за титулование своей красавицы королевой Англии «столько золота, что не счесть». С другой стороны, богемский брак напрочь отрывал Люксембургский дом от французского семейства Валуа и поднимал международный престиж Ричарда как зятя императора, хотя, конечно, такие проблемы были совершенно безразличны будущим подданным Анны.

К счастью, Ричард полюбил ее не с первого взгляда: оба они еще были, по сути, детьми, а сам король испытывал на себе сильное влияние матери. Перемены начались после смерти Иоанны в 1385 году. К тому времени и Анна освоилась в Англии и приобрела популярность. Ее многочисленная и космополитичная свита революционизировала быт при дворе. Жизненному укладу во дворцах и Эдуарда III, и Черного Принца был присущ военный аскетизм: минимум формальностей и этикета, и женщинам полагалось знать свое место. При Ричарде все изменилось. От солдафонства не осталось и следа, во всем образе жизни появились изысканность и утонченность, новые условности, никогда прежде в Англии

---

* См. гл. 1.

не существовавшие и наверняка абсолютно неприемлемые и для отца, и для деда короля. Зримо выросло присутствие женщин — обольстительных дам из Австрии, Богемии, Франции, Германии, Венгрии и даже Польши, и они не коротали время, как раньше, за вышивкой, а предпочитали музицировать, петь или танцевать, демонстрируя самые модные шаги и движения тела, привезенные с континента.

Зародился необычайный интерес к еще двум компонентам неведомой прежде «*douceur de vivre*» («сладкой жизни») — кулинарии и одеяниям. Роскошные обеды «самого блистательного и царственного хлебосола среди христианских королей» прославились на всю Европу. К счастью, до нас дошла его поваренная книга «*The Forme of Cury*», содержащая 196 рецептов*. Но бесполезно искать в ней даже упоминаний жареной говядины, дичи или баранины, которые, по представлениям обывателей, якобы не сходили с королевских столов. Чаще встречается фарш или паштет, а натуральный вкус мяса растворяется в несусветных количествах сахара и экзотических специй. Впервые также массовый характер приобретает пошив элегантно мужской одежды. Прежде и короли (за исключением церемониальных поводов), и их подданные одевались просто и практично. Именно при Ричарде возникла мода, а портняжничество превратилось в настоящее искусство. Вошли в обиход наплечники, узкие талии, тугие чулки, туфли с длинными заостренными носами, головные уборы, напоминающие тюрбаны: все эти элементы повседневного наряда стали *de rigueur* — обязательными для молодых людей при дворе, а в холодную погоду к ним добавлялся *houperlande* — широкий, с огромными рукавами длинный плащ, ниспадающий почти до земли. Любой наряд не-

---

* Книга подарена Эдмундом Стаффордом королеве Елизавете I; позднее вошла в собрание «Харлеанской библиотеки», в 1780 г. отпечатана для Общества любителей древности. Вот, к примеру, один из рецептов: фаршированный фазан с греческим вином, корицей, гвоздикой и имбирем; см. Джервас Мэтью, «Двор Ричарда II» (*Gervase Mathew, The Court of Richard II*), с. 23–25.

пременно дополнялся украшениями: брошами на туниках, эмблемами на поясах, воротниках и рукавах, цепочками на шеях. Причем женщины рядом с мужчинами выглядели чуть ли не бесцветными и скучными. Королю не было никакой надобности следовать моде, он ее задавал. Ему же принадлежит изобретение, пережившее века и сохранившееся до наших дней — носовой платок — согласно отчету королевского гардероба, «необходимый для вытирания и высмаркивания носа». Ричарду приписывают и такое нововведение в мужской костюм, как *codrпесе* — гульфик, однако в том виде, в каком он защищал или подчеркивал мужские достоинства в Средние века, современные джентльмены надевают его только по особым случаям.

Гурман и модник, Ричард был еще и выдающимся интеллектуалом, увлекался литературой. Уже в тринадцать лет он начал скупать книги, и перед смертью, как сообщают хронисты, у него имелось несколько десятков томов — редкостная по тем временам библиотека: книгопечатание появилось лишь через столетие. Ричард охотно покровительствовал искусствам. На королевских банкетах не менестрели, а целая команда придворных поэтов, среди которых, естественно, выделялся Джеффри Чосер, декламировала свои вирши и поэмы на двух языках: Ричарда с полным основанием можно считать первым со времен нормандского завоевания королем Англии, свободно заговорившим по-английски.

И все-таки от отца и деда Ричарда кардинально отличала другая его особенность — он совершенно иначе понимал предназначение королевской власти. В представлении и Эдуарда III, и Черного Принца король был прежде всего воителем, полководцем, ведущим армии в битвы, а в перерывах между сражениями исполнявшим роль государственного деятеля и законодателя. Корона и помазание, возможно, и наделяли его особой Божьей милостью и правом властвовать над подданными, но монарх оставался таким же человеком, как и все другие люди, ступал по той же земле и испытывал

такие же физические и духовные потребности, открытый, простой и доступный для всех. Ричард же с малых лет усвоил, что короли — это некие отдельные существа. Коронация окончательно убедила его в своей исключительности. Скорее всего он ничего не знал о теориях Византийской империи, выдававших императора за наместника Бога на земле, равного апостолам и витающего где-то между небом и простыми смертными, но, без сомнения, согласился бы с ними. По его понятиям, король исполнял не военную, а религиозную миссию. Трижды ему пришлось в силу необходимости вести войска в битву, но Ричард был уверен, что король не должен это делать. Его настоящее место — трон. Ричард много раз руководил рыцарскими турнирами из королевской галереи, а сам решительно отказывался участвовать в них в отличие от отца и деда, очень любивших мужские схватки. Сюзерен Англии не мог допустить того, чтобы его принародно вышибли из седла.

Возможно, именно благодаря тщеславию мы теперь имеем возможность лицезреть его реальный облик на двух портретах, которые Ричард первым из английских королей догадался оставить потомкам. (К ним надо еще присовокупить и надгробное изображение.) Один из них находится в Вестминстерском аббатстве. Судя по всему, он запечатлен в ранней юности, в полном монаршем облачении, с высокой золотой короной на голове, хотя портрет наверняка написан в более поздние годы. Король-отрок смотрит прямо на нас, сидя на троне; выражение лица, обрамленного густыми темно-рыжими волосами, суровое; тонкими длинными пальцами он скорее не держит, а придерживает скипетр и державу. Глаза под изогнутыми крутой дугой бровями широко раскрыты, словно раздвигая набухшие, тяжелые веки; взгляд холодный и безжалостный.

Второй портрет — так называемый «Диптих Уилтона» — выставлен в Национальной галерее в Лондоне; его можно вполне отнести к шедеврам живописи. На левой панели Ричард изображен благоговейно преклонившимся перед Ма-

донной; справа Богородица с Младенцем на руках окружена ангелами в голубых одеяниях. Пурпурная мантия испещрена фигурками белых оленей — эту эмблему можно рассмотреть на нагрудном знаке и на ангелах. За королем стоят монаршие святые Эдуард Исповедник и Эдмунд Мученик, а также Иоанн Креститель. По контрасту с портретом в Вестминстерском аббатстве здесь лицо Ричарда излучает воодушевление и восторг, его руки с длинными изящными пальцами вновь обращают на себя наше внимание. Символика картины предельно ясна: король Ричард на равных со своими великими предшественниками удостоивается наивысшей Божьей благодати. Даже ангелы нацепили на себя его эмблемы.

На обоих полотнах заметно отсутствие одной важной детали — смирения. Нет ничего удивительного в том, что мы не находим ее в официальном государственном портрете, представленном в Вестминстерском аббатстве, — действительно самом раннем произведении такого жанра в истории английской живописи. В подобных портретах вряд ли уместны такие психологические подробности. В «Диптихе Уилтона» можно обнаружить намек на некоторое самоуничижение или по крайней мере повинение: Ричард стоит на коленях. Но это всего лишь *politesse* — проявление учтивости. Три фигуры, стоящие за ним, серьезны и торжественны, а помимо благоговейного взгляда мы еще видим, что он смотрит Мадонне прямо в глаза и на его губах застыла улыбка. Во всем мире это означает только одно — приглашение к разговору.

До бракосочетания в январе 1382 года всем казалось, что из Ричарда получится неплохой король, но после венчания его словно подменили. Он стал чрезвычайно самоуверен, эгоистичен и капризен. Малейшее возражение приводило его в ярость, в бешенстве Ричард извергал потоки оскорблений и брани, теряя и королевское и обыкновенное человеческое достоинство. Когда в декабре 1381 умер Эдмунд Мортимер, граф Марч, оставивший наследником семилетнего

сына, король раздал его владения своим приближенным, и это был не единственный случай. На потакание прихотям и фаворитам Ричард тратил колоссальные средства, и ему приходилось занимать деньги у всех, кто мог их ссудить. Под залог королевских драгоценностей он заимствовал 2779 фунтов стерлингов у сэра Роберта Ноллиса (Ноулза), а вскоре заложил и корону муниципалитету Лондона, получив еще 2000 фунтов. Когда лорд-канцлер Ричард Скруп попытался урезонить юного монарха, тот лишил его должности, поступив своевольно и противозаконно: назначение и смещение с этого поста являлось прерогативой парламента. А когда Уильям Кортни, возведенный в сан архиепископа Кентерберийского в 1381 году, выразил сомнения в отношении подбора советников, король выхватил меч и пригрозил казнить его не сходя с места.

Оба инцидента указывают на самый большой порок короля Ричарда — слепую привязанность к фаворитам. Хронист Томас Уолсингем считал, что они были «рыцарями скорее Венеры, а не Беллоны», привив Ричарду женские повадки и отвратив его от мужских занятий вроде охоты, в том числе и соколиной. Нам трудно оспаривать мнение летописца, но совершенно ясно, что это были люди легкомысленные, алчные, пустоголовые, озабоченные только удовольствиями и исполнением своекорыстных помыслов. Поначалу в любимцах короля числился Томас Моубри, унаследовавший в 1383 году графство Ноттингем. Он был на год старше Ричарда и вроде бы считался достаточно смазливый молодым человеком, хотя, по всей вероятности, не обладал какими-либо определенными способностями. Королю он вскоре наскучил, и отношения между ними окончательно прекратились в 1385 году, когда Моубри женился на дочери королевского опекуна, ненавистного графа Ричарда Арундела. Моубри сменил более смазливый Роберт де Вер, 9-й граф Оксфорд. Де Вер приходился королю дальним родственником, на несколько лет опережал его в возрасте и был женат на его двоюродной сестре Филиппе де Куси, внучке Эдуарда III; прав-

да, это обстоятельство не мешало ему у всех на виду поддерживать скандальную любовную связь с одной из придворных дам королевы, привезенных из Богемии, Агнессой Ландскрон. Одного этого факта достаточно для того, чтобы усомниться в достоверности свидетельств о гомосексуальности и графа и короля, приводимых некоторыми хронистами. Люди, лично знавшие Ричарда и Роберта, сказали бы, что их вкусы и предпочтения не имели такой направленности. С другой стороны, неумеренная и экспансивная демонстрация Ричардом своей любви к графу Оксфорду и готовность, с которой тот принимал от короля подарки в виде денег, земель и титулов, конечно, могли пробудить воспоминания о Гавестоне.

Надо заметить, что ни Моубри, ни де Вер, несмотря на пост гофмейстера (*chamberlain*), ни кто-либо другой из фаворитов короля не обладали реальной властью. В те времена она принадлежала лорд-канцлеру, а им тогда был Майкл де ла Поль, граф Суффолк, и еще одной важной персоне — вице-гофмейстеру, давнему наставнику и опекуну Ричарда, сэру Саймону Берли, ставшему теперь одним из богатейших магнатов в королевстве. Он оказывал влияние на короля и непосредственно, и через Иоанну Кентскую, а после ее смерти через юную королеву, которую самолично привез из Богемии. Обе женщины всецело доверяли ему, и Ричард относился к наставнику с таким почтением, какого не удостоивался ни один другой член правительства.

Закономерный вопрос: а что делал в это время его дядя, Джон Гонт? Герцог Ланкастерский по-прежнему оставался важной фигурой и занимался делами, в которых и был больше всего силен. Он находился с дипломатической миссией в Шотландии, избавившей его от треволнений крестьянского восстания: ее некоторый успех* помог снизить непопулярность среди подданных, а надругательство над его собственностью даже вызвало в них определенную дозу симпатии. Герцог вновь обратил внимание на Испанию, где недавняя

---

* Герцогу удалось договориться о перемирии, которое сохранялось до 2 февраля 1383 г.

смерть дона Энрике Трастамарского, в 1368 году наследовавшего кастильский трон тестя Джона — Педро Жестокого*, возродила его прежние надежды на трон. Когда весной 1382 года парламент возобновил свои заседания, Джон Гонт призвал палату общин утвердить заем в размере 60 000 фунтов на формирование армии. Его воззвание было отвергнуто, и герцог выдвинул новое предложение: сам король должен повести экспедиционные силы во Францию и проучить такого же юного Карла VI. Как только войска окажутся в Гаскони, он это уже знал, их можно будет без труда перебросить в Кастилию. Но парламент опять не проявил энтузиазма. Наконец туманная возможность осуществить замысел появилась в октябре. Епископ Херефорда предложил два варианта борьбы с врагами Англии за рубежом: экспедиция в Испанию, которая получит ранг Крестового похода, поскольку новый кастильский король Хуан I выступил в поддержку Климента VII на папском престоле, либо Крестовый поход против сторонников Климента во Франции и Фландрии, который возглавит Генрих Деспенсер, епископ Нориджский.

Поначалу казалось, что планы Джона Гонта осуществляются, но французы его опередили: вторглись во Фландрию, заняли Ипр и Брюгге, реквизировав товары местных английских купцов и фактически заблокировав торговлю шерстью, служившую одним из главных источников поступлений в казну. Снова возникла угроза французской интервенции в Англию. Сразу же позабылись и замыслы Джона Гонта, и кастильские раскольники — все взоры устремились на епископа Нориджского. Деспенсер искренне рассчитывал на то, что возглавит настоящий Крестовый поход, поддержанный Церковью и финансируемый истинными верующими. Экспедиция затевалась в атмосфере истеричного энтузиазма: папа Урбан объявил о полном отпущении грехов для всех, кто внесет вклад в эту миссию; создавалось впечатление,

---

* См. гл. 1.

будто все английские леди дружно снимали с себя и несли епископу свои золотые и серебряные украшения.

Генрих Деспенсер был человеком храбрым, служил в Италии под знаменами папы, приобрел некоторый военный опыт, однако ему никогда не доводилось командовать армией в реальном сражении и он совершенно не подходил для исполнения возложенной на него миссии. Проигнорировав последнюю попытку короля отозвать его из похода, он вышел 16 мая 1383 года из Сандвича, высадился в Кале, направился во Фландрию и соединился там в июне с фламандским войском. Самым разумным для него было бы пойти к Брюгге — овладеть им, возможно, было бы легче. Епископ же решил осадить Ипр и заранее обрек себя на неудачу: в его армии не имелось осадного снаряжения. Рекрутам, недавно набранным, необученным и интересующимся главным образом грабежами, осада быстро надоела, и многие из них дезертировали. В начале августа ему донесли о подходе внушительной армии герцога Филиппа Бургундского, и епископ дал приказ ретироваться. Крестовый поход Деспенсера ничего не достиг, а только дискредитировал Церковь, благословившую его: банды мародеров, действовавшие от ее имени, разоряли и грабили дружественную страну. Поэтому никто не удивился, когда осенью лорд-канцлер де ла Поль объявил импичмент епископу и его военачальникам. Деспенсера лишили мирских владений, вернув их ему, правда, через два года; капитанов — некоторые из них принимали от французов взятки, хотя потом и мужественно сражались в арьергарде отходившей армии епископа, — подвергли тюремному заключению, правда, на странно короткие сроки. Все они отделались, можно сказать, легким испугом.

У Джона Гонта провал экспедиции епископа Нориджского и последующее уничтожение всех, кто был к ней причастен, вызвали сочувственное Schadenfreude*. Он все еще не отка-

---

* Это немецкое слово, вошедшее в английский язык, обычно понимается как «злорадство». — *Примеч. пер.*

зался от замысла завладеть Кастилией, а его шансы возросли после смерти португальского короля Фердинанда в октябре 1383 года: Португалия прекратила поддерживать Климента, и ненавистный Хуан остался в одиночестве. Однако после недавнего фиаско можно было позабыть о финансовых дотациях парламента; Гонту пришлось вновь заняться дипломатией, в чем он действительно был искушен: во Фландрии заключил перемирие с Карлом VI, а чуть позже возобновил перемирие и в Шотландии.

Гонту было полезно отсутствовать в Лондоне: его отношения с племянником испортились. Посеял раздор фаворит короля Роберт де Вер, постоянно напоминавший Ричарду о том, что ему исполнилось семнадцать лет: в этом возрасте сюзерены избавляются от наставников и начинают править самостоятельно. Подлил масла в огонь монах-кармелит Джон Латимер. Когда парламент в апреле 1384 года заседал в Солсбери, этот святой отец, отслужив обедню, сообщил королю о заговоре Гонта, намеревающегося его убить. Ричард поверил монаху, предъявил обвинения дяде, но, выслушав его достойное и убедительное опровержение, распорядился арестовать Латимера и провести тщательное расследование. Об инциденте скоро позабыли бы, если бы ватага рыцарей — среди них был и единоутробный брат короля Джон Холланд — не учинила самосуд. Они напали на Латимера и его эскорт, доставлявший монаха в тюрьму, захватили кармелита и во время допросов замучили пытками до смерти.

Такова по крайней мере общепринятая версия истории. Тем не менее вполне возможно, что Латимера убили не из-за желания узнать правду, а, напротив, ради ее сокрытия. Могло оказаться, что явно необоснованные обвинения Гонта были сфабрикованы де Вером для того, чтобы от него избавиться. Если бы несчастный монах раскрыл источник своей информации, то ее авторов ждали бы большие неприятности. Как бы то ни было, инцидент все равно имел свои последствия. Ричард долго не мог простить своего другого

дядю, с которым у него до этого были нормальные отношения, вспыльчивого Томаса Вудстока, младшего брата Джона Гонта, за то, что он, узнав о навете, ворвался к нему в покои и свирепо пригрозил убить любого — в том числе и короля, — кто посмеет обвинить в измене герцога Ланкастера.

К тому времени, когда парламент снова собрался на заседание осенью 1384 года, поведение короля внушало еще больше опасений. С каждым днем Ричард становился все своевольнее и не внимал ничьим советам, подпав под полное влияние своих близких друзей и приспешников. После крестьянского восстания и катастрофического исхода норджской экспедиции престиж Англии за рубежом был низок, как никогда прежде, но это Ричарда мало волновало, хотя он уже и вышел из детского возраста. Без зазрения совести пользуясь всеми благами и привилегиями, которые давало ему монаршее положение, он не выказывал ни малейших признаков ответственности и самодисциплины, сорил деньгами и взрывался приступами гнева на любое критическое замечание. Надо было чем-то отвлечь короля от лизоблюдов. Не согласиться ли с Гонтом и не отправить ли короля во главе армии во Францию? После небольшой дискуссии парламент утвердил субсидию на армию, и, несмотря на очевидное нежелание Ричарда, начались приготовления к походу. Однако планы герцога снова сорвались. Угрожающая ситуация создалась в Шотландии.

В последнее время отношения со строптивым и беспоконным соседом улучшились благодаря усилиям Джона Гонта. Добивался он согласия с шотландцами не из альтруизма; мирная обстановка на границе позволила бы осуществить долгожданную испанскую экспедицию. Для этого ему пришлось употребить все свое дипломатическое искусство и выдержать несколько словесных баталий с Перси, Невиллами и другими влиятельными магнатами. Когда в феврале 1383 года истек срок последнего перемирия, герцог снова побывал на севере и подписал договор с Генри Перси, графом

Нортумберлендом, о том, что он будет обеспечивать безопасность северных районов в обмен на щедрые субсидии короля. Дипломатия Гонта была в целом успешной, но она не учла французов, для которых дружба с Шотландией — «стародавний альянс» — служила важным подспорьем в борьбе с Англией.

В начале 1384 года Карл VI послал шотландцам небольшое войско, демонстрируя им свою поддержку, а на следующий год уже отправил солидный контингент под командованием главного французского адмирала Жана де Вьенна. В Лондон поступали и сообщения о концентрации мощной ударной силы в Слейсе. Все указывало на то, что Карл VI собирается напасть с двух сторон — вторгнуться в Англию одновременно и с севера, и с юга. Угроза возникла нешуточная.

Таким образом, летом 1385 года великая экспедиция, готовившаяся к отплытию во Францию, была переориентирована на Шотландию. Лучше бы король оставался дома. Неудача, постигшая его, сравнима с фиаско епископа Нориджского, хотя виноват в ней не он один. К примеру вряд ли можно возлагать на Ричарда ответственность за пьяную драку под Йорком, в которой его единоутробный брат Джон Холланд, участвовавший год назад в похищении Латимера, убил наследника графа Стаффорда. Король даже поклялся поступить с Холландом как с обычным убийцей, а их мать Иоанна Кентская от расстройств вскоре умерла. В равной мере нельзя его корить за то, что он, дойдя до Эдинбурга, так и не завязал сражение с французской армией. Жан де Вьенна, узнав о его подходе, увел свое войско в окрестности Карлайла, откуда французы, пограбив неделю или две малочисленные и примитивные деревни Камберленда, вернулись на родину. К тому времени и королю наскучило в Шотландии. Не желая иметь дела с шотландской зимой, он тоже предпочел возвратиться домой. Он задержался ненадолго лишь для того, чтобы удостоить двух младших дядей Эдмунда Лэнгли

и Томаса Вудстока герцогствами*, соответственно Йорком и Глостером, а верного лорд-канцлера Майкла де ла Поля — графством Суффолк. После этого, не выпустив и не потеряв ни одной стрелы, король отправился обратно в Лондон, где и распустил армию.

Джона Гонта, чье ланкастерское войско составляло две трети королевской армии, нежелание короля прислушиваться к его мнению и бестолковая экспедиция в Шотландию еще раз убедили в том, что ему нет места в Англии. Если у него и есть какое-то будущее, то оно находится на Иберийском полуострове, где, как он полагал, ситуация все больше складывалась в его пользу. При помощи небольшого отряда английских добровольцев — в основном лучников — португальцы смогли раз и навсегда избавиться от кастильского ига. Им надо было теперь свергнуть короля Хуана, сторонника Климента, и они заверили Гонта в том, что добьются этого и станут его отважными и верными союзниками, когда он предъявит свои законные права на корону. Герцог снова обратился к парламенту, ему ассистировали посланники из Португалии, и на этот раз ассамблея была настроена благожелательно. Угроза французского нападения сохранялась, в порты Ла-Манша прибывали войска, интервенция могла начаться в любой момент. Молниеносная кампания за Пиренеями должна радикально изменить баланс сил в Западной Европе. Карлу VI тогда придется отказаться от вторжения в Англию и заняться другими делами. 8 марта 1386 года Ричард на королевском совете признал дядю королем Кастилии, а 9 июля Джон Гонт отплыл с армией из Плимута. Дома остались любовница Екатерина Суинфорд, их четверо внебрач-

---

* До Эдуарда III титул герцога в Англии имел только король, именуясь, например, герцогом Аквитанским. В 1337 г. Эдуард наделил герцогством Корнуолл старшего сына, Черного Принца, а в 1351 г. пожаловал герцогство Ланкастер троюродному брату Генри Гросмонту, графу Дерби, самому верному (и успешному) военачальнику, чья дочь Бланка впоследствии стала женой Джона Гонта. Сам Гонт и его брат Лайонел получили титул герцога в 1362 г.

ных детей и его законный старший сын Генрих Болингброк, граф Дерби, которому герцог поручил блюсти интересы семьи. С собой он взял испанскую жену Констанцию и их трех дочерей: Филиппу, Елизавету и Екатерину. Елизавета недавно была выдана замуж за сэра Джона Холланда, констебля армии и единоутробного брата короля: Ричард все-таки простил его за потасовку под Йорком. О том, насколько разумно было брать в дальнюю дорогу юных девиц Филиппу и Екатерину, мы узнаем позднее.

В ретроспективе кажется странным то, что герцогу Ланкастеру и его армии позволили покинуть страну именно тогда, когда французы подтягивали в Слейс войска для вторжения через пролив. Все лето прибрежные города на юго-востоке Англии жили в постоянной тревоге, ожидая нападения. Но пришел и быстро промелькнул сентябрь, а французские корабли так и не появились. 1 октября в Вестминстере начал заседать парламент, и к тому времени стало ясно, что в этом году никакого нашествия не будет и можно, по выражению одного нынешнего историка, «без опаски насладиться раздуванием внутреннего кризиса»*. Буря назревала давно, и первый гром грянул после того, как лорд-канцлер Майкл де ла Поль, теперь граф Суффолк, запросил очередную внушительную субсидию на обеспечение обороноспособности королевства. Повышение налогов всегда чревато конфликтами, надо было найти козла отпущения, и им сделали графа Суффолка, обвинив его во всех бедах, свалившихся на Англию. Обе палаты — лордов и общин — сформировали делегацию и отправили ее к королю во дворец Элтем** с требова-

---

* Стил А., «Ричард II», с. 120.

** В миле или двух к юго-востоку от Гринвича все еще стоит старый, обнесенный рвом дворец Элтем. Со времен Эдуарда III он служил королевской резиденцией. При Эдуарде IV в семидесятых годах XV столетия его перестраивали, и Большой зал с грандиозной готической крышей датируется примерно этим периодом. От того здания, в котором бывал король Ричард, практически ничего не сохранилось.

нием уволить канцлера, а заодно и казначея Джона Фордема, епископа Даремского. Требование явно чересчур категоричное и дерзкое, но ответ короля делегатов тем не менее озадачил. По запросу парламента, сказал им Ричард, он не выгонит даже поваренка из кухни.

Король отреагировал спонтанно и неумно, лишь озлобив, а не урезонив сословия. Они вряд ли могли рассчитывать и на то, что Ричард повинуется им и предстанет перед парламентом. В конце концов стороны пришли к компромиссу: король согласился принять в Элтеме депутацию из сорока рыцарей, которые изложат ему все претензии. Конечно, Ричарду было бы гораздо проще иметь дело с этой толпой рыцарей, а не с двумя представителями, появившимися вместо них во дворце: собственным дядей герцогом Глостером и его ближайшим другом и сподвижником Томасом Арунделом, епископом Илийским, братом ненавистного графа Ричарда. Не так-то легко сбить с толку и запугать этих двух господ, особенно Глостера: ему исполнился тридцать один год, он был на двенадцать лет старше короля и вовсе не собирался уступать надменным и женоподобным юнцам, которыми окружил себя племянник. За день или два до встречи король еще больше прогневил дядю, даровав Роберту де Веру титул герцога Ирландии и принизив тем самым статус самого Глостера, лишь недавно удостоенного такого же сана: по его мнению, Ричард должен был знать, что этот титул предназначен только для принцев крови. Дав понять, что он говорит от имени палат и лордов и общин, Глостер напомнил королю: закон обязывает монарха раз в год созывать парламент и лично присутствовать на слушаниях; в противном случае ассамблея будет считаться недееспособной и через сорок дней подлежит роспуску. Ричард сначала попытался изобразить недоумение и негодование, обвинив дядю в подстрекательстве к мятежу и пригрозив призвать на помощь родственника, короля Франции, на что Глостер резонно ответил: Карл тогда предпочтет расправиться не с его врагами, а с ним самим. Если Ричарду дорога корона, то он должен из-

менить поведение. Королю следует не только убрать Суффолка и Фордема и снизить налоги, но и избавить двор от никчемных, бездарных и спесивых прихвостней и править страной так, как и подобает ответственному государю. Если он этого не сделает, тогда парламент исправит сложившуюся ситуацию, руководствуясь «известным статутом и недавним прецедентом».

Глостер блефовал: не существовало никакого статута, позволявшего свергнуть короля, а низложение Эдуарда II было неконституционно. Но прецедент, законный или противозаконный, все же имел место, и упоминание о нем произвело эффект. Прошло всего лишь шестьдесят лет с того времени, когда прадеда короля Эдуарда II, выражаясь современным языком, признали профессионально непригодным и лишили трона. Его тоже довели до такого состояния фавориты, и Ричарду вовсе не хотелось повторить его участь. Мрачный и подавленный, Ричард вернулся в Вестминстер, посидел на сессии парламента 23 октября, уволил Суффолка и Фордема, заменив их соответственно епископами Илийским и Херефордским. Суффолка судили, но семь обвинений, выдвинутых против него, оказались настолько тривиальными, что четыре из них были с него сняты, а остальные три сохранились для проформы. Отбывал он условное тюремное заключение в Виндзорском замке, откуда его вскоре выпустили.

Пока все обошлось, но худшее было еще впереди. 20 ноября 1386 года парламент учредил «Большой постоянный совет», имеющий целью раз и навсегда покончить с фаворитами, реформировать систему управления и принять необходимые меры для эффективной борьбы с врагами. Никак не скажешь, что в него вошли одни оппозиционеры. Из четырнадцати комиссаров только трое — Глостер и оба Арундела — открыто выступали против короля; архиепископ Йоркский Александр Невилл был правоверным роялистом; остальные относились к числу тех людей, с которыми всегда можно договориться. Гораздо более неприятными для короля были

полномочия совета. Он распоряжался и большой и малой государственными печатями и всеми финансовыми делами, а король обязывался исполнять все его ордонансы, даже если они приняты с минимальным большинством голосов, и осуждать любого, кто посмеет воспротивиться его решениям. Ричард мог удовлетвориться только тем, что совет наделялся полнотой власти лишь на двенадцать месяцев. Если бы король милостиво согласился признать его, то он по истечении срока тихо и мирно закончил бы свое существование.

Но Ричард не согласился, а выразил решительный протест, заявив, что ни он сам, ни корона не должны никоим образом подвергаться давлению и парламента и совета. Назначив своего друга сэра Джона Бошама* стюардом королевского двора (*steward of the household*) и нарушив обещание принимать такие решения только с ведома совета, Ричард провел Рождество в Виндзоре в обществе теоретически осужденного и опального графа Суффолка. В феврале 1387 года он отбыл из Вестминстера в продолжительное путешествие по Мидлендсу и северу Англии, с тем чтобы набрать и сторонников, и королевскую армию в Чeshire и Северном Уэльсе. Рекрутирование проводилось якобы для нового Ирландского герцогства де Вера, которое Ричард хотел использовать в своих целях. Так или иначе, сформировалось сильнейшее войско чеширских лучников и валлийских копейщиков, ставших в последующем его главной опорой. Во время этой же поездки, в августе 1387 года, сначала в Шрусбери, а через неделю в Ноттингеме король получил то, в чем больше всего нуждался: правовые аргументы против оппозиции.

Подсказки ему дали судьи, самые главные в стране: сэр Роберт Тресилиан, верховный судья королевской скамьи, сэр Роберт Белкнап, верховный судья общих тяжб, и трое его коллег: сэр Уильям Берг, сэр Джон Холт (Хоулт) и сэр Роджер Фултхорп. Через год они скажут, что их принудили, в чем, конечно, можно сомневаться. Заключение судей было впол-

---

* Иное написание — Бичамп (*Beauchamp*). — *Примеч. пер.*

не здоровое. Совет явно оскорблял короля, а импичмент королевских служащих был признан противозаконным еще в 1377 году. Судьи рекомендовали: совершено вторжение в прерогативы монарха, и те, кто «посягнул на королевскую власть», подлежат наказанию как изменники.

Именно такой вывод и был нужен Ричарду. Но он еще не был готов к решительным действиям. И судей и свидетелей заставили поклясться в том, что они будут хранить в тайне этот вердикт до того момента, когда король возвратится в Лондон и сможет объявить о нем с максимальным эффектом. Ричард вернулся в столицу 10 ноября 1387 года и даже сам удивился восторженному приему, который оказали ему жители города, встретившие его как героя и толпами шедшие за ним сначала к собору Святого Павла, а потом к Вестминстеру. Причины ликования не совсем ясны. Английские моряки, одержав под командованием графов Арундела и Ноттингема блистательную победу у Маргита над объединенной франко-испанской флотилией и разрушив затем фортификации Бреста, вернулись домой с невероятным количеством трофейных вин, распроданных по сказочно низким ценам. Но с того времени минул почти год. Маловероятно, чтобы так долго могли сохраняться восторги, а тем более вина. Народный энтузиазм объяснялся скорее тем, что короля не было в городе почти десять месяцев, а он становился особенно популярным во время отсутствия. Возможно, лондонцы уже не надеялись увидеть его снова.

Восторга жителей не разделяли два главных антагониста короля — герцог Глостер и граф Арундел. Несмотря на секретность, они раньше времени узнали о судебном вердикте и решили первыми нанести удар. Оппозиционеры отказались явиться к королю по его вызову, укрывшись в Харингее, располагавшемся в нескольких милях к северу от Лондона, где к ним присоединился Томас Бошам, граф Уорик. Отсюда они переместились в Уолтем-Кросс в Хартфордшире и начали рассылать прокламации и письма знатным гражданам

города и церковным деятелям, стремясь набрать в свой лагерь как можно больше сторонников. Реакция на их призыв была столь бурной, что Ричарду, еще недавно испытывавшему радость от встречи с лондонцами, пришлось не на шутку встревожиться. Фавориты, в том числе и архиепископ Йоркский, настаивали на том, чтобы дать бой бунтарям, однако слишком много оказалось людей вроде старого сэра Ральфа Бассета Дрейтона, которые с готовностью отдали бы жизни за короля, но не за герцога Ирландского и его друзей. К счастью, восемь из четырнадцати членов возмутительного совета предпочли не воевать, а урегулировать конфликт. Именно они 14 ноября прискакали в Уолтем и попросили Глостера, Арундела и Уорика прекратить противоборство. В ответ мятежная троица предъявила «апелляцию» (*accusatio*) в отношении ближайших сподвижников Ричарда — Суффолка, де Вера, Тресиана, архиепископа Йоркского и сэра Николаса Брембра, бывшего мэра Лондона, у которого король занял 1300 фунтов стерлингов, а делегаты пригласили бунтовщиков отправиться вместе с ними в Вестминстер, где их ждет король.

От приглашений такого сорта отказываться трудно, и через три дня, 17 ноября, трое апеллянтов предстали перед королем в Вестминстер-Холле. Однако войска они не выпустили и могли навязывать условия, опираясь на силу. Их требования были предельно ясны: пятерых фаворитов, в отношении которых предъявлена апелляция, надо арестовать, содержать в заточении до сессии следующего парламента и судить как преступников. Наверно, апеллянты немало удивились, когда король сразу же с ними согласился и даже назначил день слушаний — 3 февраля 1388 года. Конечно, Ричард вовсе и не собирался устраивать суд над своими фаворитами. Какими бы другими пороками король ни обладал, он не предавал друзей и сознательно обеспечил себя резервом времени в одиннадцать недель для того, чтобы позаботиться об их безопасности. Он уже знал, как поступить и с апеллянтами, но пока заманил их в свои палаты, дабы отпраздновать примирение.

Вероломство короля вскрылось в считанные дни. Судебные приказы, выпущенные от его имени парламенту, предписывали «всем избранникам забыть о недавних раздорах». Сомнительно даже, что был арестован кто-либо из пятерых фаворитов. Лишь одному Брембру довелось встретиться с судьями. Тресириан спрятался где-то в Лондоне; архиепископ Йоркский сбежал на север, переодевшись приходским священником; Суффолк под видом мелкого торговца переправился через Ла-Манш в Кале в надежде найти приют у брата в замке. Ему, правда, пришлось немного понервничать, когда губернатор сэра Уильяма Бошам, брат Уорика, посадил его на судно, шедшее в Халл, однако он вскоре все-таки оказался на континенте и остался там навсегда. Только де Вер занялся делом: отбыл в Честер, имея при себе письма короля с поручением к констеблю сэру Томасу Молинию мобилизовать всех наличных резервистов. Глостер со своими соратниками, узнав об этих приготовлениях, тоже начал набирать войска во главе с сыном Джона Гонта, двадцатилетним Генрихом Болингброком*, графом Дерби и зятем Арундела Томасом Моубри, графом Ноттингемом, — этим двум благородным молодым джентльменам предстоит играть все более заметную роль в нашем повествовании.

Назревающее противоборство закончилось довольно быстро. Когда де Вер, намереваясь вернуться в Лондон, понял, что апеллянты блокировали главную дорогу из Нортгемптона, он решил перейти из долины Северна в верховья Темзы, следуя по Фосс-Уэю к городу Стоу-он-де-Уолд. Оттуда он мог двигаться либо по дороге на Сиренстер, менее опасной, но отдаляющей его от Лондона, либо напрямик через Берфорд к Рэдкот-Бриджу. Де Вер избрал последний вариант и попал в западню. Болингброк уже ждал его на реке, а когда фаворит оправился от шока, с тыла появился

---

* Подобно многим принцам крови этого периода Генрих Болингброк получил свое имя по названию места рождения — отцовского замка Болингброк в Линкольншире.

Глостер. Оставив своих людей на произвол судьбы, де Вер бросился наутек вниз по течению и вскоре исчез в надвигающейся декабрьской тьме. Через день или два он тоже оказался на другой стороне пролива. Ему суждено было прожить еще пять лет, но в Англию он больше не вернулся.

После столкновения у Рэдкот-Бриджа уже не могло быть и речи о примирении; в ноябре истек двенадцатимесячный срок полномочий совета, и уже не имелось никаких юридических оправданий для действий Глостера и его друзей. В конце декабря 1387 года, когда минуло Рождество, армия дошла через Оксфорд до Лондона и встала лагерем в Клеркен-Филдз, уже открыто выступив против короля. Перепуганный Ричард укрылся в Тауэре; 28 или 29 декабря была предпринята попытка провести переговоры при посредничестве архиепископа Кентерберийского, поскольку стороны уже совершенно не доверяли друг другу, лорды-апеллянты выдвинули ультиматум, а у ворот ждали команд около пяти сот их вооруженных сторонников. Они и прежде намекали на возможность низложения короля; теперь предположение превратилось в реальную угрозу*.

Ричард полностью лишился боевого духа. Желая любой ценой удержать корону, он выпустил новые судебные приказы для предстоящего парламента — уже без каких-либо кичливых оговорок. Король предписывал шерифам изловить пятерых беглецов, представить их перед судом и не противился, когда уполномоченные совета, уже юридически не имевшие на это права, перевернули вверх дном его двор и только в одной кладовой нашли около сотни излишних слуг. И аресту теперь подлежали не пятеро сановников. Ордера были выданы еще на задержание сэра Саймона Берли, потерявшего два поста — вице-гофмейстера и губернатора Пяти портов (а также Дуврский замок вместе с должностью), сэра

---

* М.В. Кларк («Исследования XIV века», с. 91—95) предполагает, что Ричард все-таки был низложен, но Глостер и Болингброк не смогли договориться относительно преемника, вернули его на трон и сделали вид, как будто короля не свергали.

Джона Бошама, королевского стюарда, и шестерых судей, подписавших декларацию в Ноттингеме: они утрачивали и свои судейские мантии. Осталось не у дел множество придворных обоего пола самых разных рангов и дарований.

Не много можно припомнить столь бурных парламентских сессий, подобных той, которая проходила в Уайтхолле Вестминстерского дворца 3 февраля 1388 года*. Король восседал на троне в дальнем конце, справа от него расположились прелаты, слева — светские лорды, а на мешке с шерстью — епископ Илийский**. По сигналу, поданному Ричардом, распахнулись величественные двери и в зал вошли пятеро апеллянтов — Глостер, Арундел, Уорик, Дерби и Ноттингем, все в золотых сюркотах. В первых же словах Глостера прозвучало грозное предупреждение. Выступив вперед, герцог заявил: он лично вовсе не стремится к тому, чтобы низложить короля и узурпировать корону; в таких делах для него предпочтительнее руководствоваться суждениями уважаемых пэров. Значит, возможность низложения Ричарда все-таки не исключалась. Затем последовало длительное зачитывание преамбулы к апелляции на французском языке и тридцати девяти обвинений, на что ушло по меньшей мере два часа. Когда из пяти ответчиков появился только один, апеллянты потребовали судить остальных в их отсутствие. Тогда взял слово представитель короля, сказав язвительно: прежде чем разбираться в виновности или невинности этих людей, полезно было бы установить законность самой апелляции.

---

* Название дворца сохранила улица Уайтхолл, пролегающая с севера на юг от Трафальгарской до Парламентской площади. В 1394—1401 гг. дворец по распоряжению Ричарда подвергся значительной реконструкции (см. гл. 4).

** Большой квадратной формы мешок с шерстью со времен Эдуарда III служил символом самой доходной статьи внешней торговли Англии. На нем сидели высшие сановники вроде лордов казначейства и судебных распорядителей канцлерского суда (суда лорд-канцлера). В наши дни на мешке-подушке с шерстью по традиции восседают лорд-канцлер, председательствуя на заседании палаты лордов.

Оппозиционеры назвали их изменниками, однако на этот счет имелся статут 1352 года и предъявленные ими обвинения не укладывались ни в одно из его положений. Мало того, хотя апелляция и соответствовала признанным нормам общего права, еще не было прецедента, чтобы подобные иски рассматривались в парламенте. Советники короля, естественно, сочли необходимым проконсультироваться с судьями, адвокатами и другими экспертами в вопросах гражданского и общего права, в том числе и с юристами, назначенными апеллянтами. Все специалисты единодушно признали апелляцию юридически несостоятельной.

Можно представить, какое удовлетворение испытал Ричард, услышав это заключение. Но его противники тоже были не лыком шиты. В данной ситуации неприменимы положения ни гражданского, ни общего права, возразили они, поскольку законы принимаются парламентом, и только он является наивысшей инстанцией. Преступления совершены персонально против суверена лицами, многие из которых сами являются пэрами, и судить их вправе только парламент с санкции короля. Некоторые историки утверждают, что это был первый случай провозглашения верховенства парламента над законом. Трудно сказать, насколько повлияло это обстоятельство на польщенных парламентских лордов. Так или иначе, апелляцию они поддержали.

Теперь можно было приступить и к рассмотрению обвинений. Ответчики, утверждали апеллянты, воспользовавшись неискушенностью юного короля, узурпировали власть. Они не позволяли ему участвовать в сессиях парламента, обогащались сами и обогащали друзей. Они подкупали судей и нарушали законы. Они вступили в преступный сговор против герцога Ланкастера и других видных дворян, включая апеллянтов. Они склонили короля на переговоры с французами. Они тлетворно влияли на граждан Лондона и заставили короля наводнить палату общин своими сторонниками. Они пренебрегали и побуждали короля пренебрегать интересами обороны государства. Они несут ответственность за появлe-

ние малопонятного статуса герцога Ирландии, дарованного, на удивление и англичан и ирландцев, Роберту де Веру, а сам де Вер повинен в попрании правосудия в Честере и разжигании гражданской войны.

Сначала осудили четверых беглецов. Жизнь архиепископу Йоркскому сохранил его духовный сан. Священника объявили вне закона, все его имущество и владения подлежали конфискации. Но когда по настоянию апеллянтов дело архиепископа передали папе Урбану, тот повелел отослать его *in partes infidelium**, а потом вдруг назначил на престол Святого Андрея**. Других трех ответчиков приговорили к смертной казни *in absentia****. Затем наступил черед Брембра. Он отверг все обвинения и предложил доказать свою невиновность в поединке. В ответ около трехсот человек, в том числе и пятеро апеллянтов, бросили ему перчатки столь дружно, что казалось, будто в зале, по описанию одного очевидца, «повалил снег». Однако эта процедура не была санкционирована. Для дополнительного расследования парламент назначил комитет из двенадцати пэров, которые потом доложили, к ярости апеллянтов, будто бывший мэр не совершил ничего такого, что заслуживало бы смертной казни. Страсти немного поутихли, когда поступили сообщения о поимке сэра Роберта Тресиана. Сначала он спрятался в Вестминстерском аббатстве, но Глостер самолично приказал игнорировать традиционное право на неприкосновенность убежища в святынище. Тресиана привели в Уайтхолл выслушать приговор, который, несмотря на заявления о невиновности, был незамедлительно приведен в исполнение.

---

* «В страны неверных» (*лат.*) — эти слова в Средние века добавлялись к титулам священнослужителей, назначавшихся епископами в нехристианские страны.

** В действительности шотландцы не признавали папу Урбана, и архиепископ не реализовал желание наместника Петра. Последние годы своей жизни он служил скромным приходским священником в Лувене, где и умер в 1392 г. Через пять лет с него сняли все обвинения.

*** Заочно (*лат.*).

Бывшего главного судью Англии привязали к телеге, увезли в Тайберн и там повесили. Потом внимание снова переключилось на несчастного Брембра. Апеллянты вызвали мэра, рекордера, членов гильдии и олдерменов Лондона для засвидетельствования его преступлений*. Их ответы не были вполне удовлетворительными, никто не хотел подтверждать, что сэр Николас заслуживает смерти. Однако к тому времени все уже устало от пререканий и его все-таки осудили на повешение. 20 февраля его тоже отправили на эшафот вслед за сэром Робертом.

После этого началось рассмотрение дел менее знатных жертв. Сэра Джона Солсбери, одного из рыцарей в палате общин, обвиненного в инициировании переговоров с королем Франции, повесили как изменника. Других рыцарей, в том числе сэра Джеймса Бернера, сэра Джона Бошама и сэра Саймона Берли — сама королева, стоя на коленях, просила Глостера сохранить им жизни — удостоили лишь чести быть обезглавленными, а не повешенными. Остальные ответчики в большинстве своем были освобождены под поручительство, и парламент занялся решением прозаических проблем, относящихся к содержанию королевского двора, наведению жестких порядков, изгнанию нежелательных адептов и высылке компатриотов королевы обратно в Богемию. Наконец, во время торжественной церемонии, состоявшейся 3 июня в Вестминстерском аббатстве, члены обеих палат — лордов и общин — еще раз поклялись королю в своей верности, а Ричард в ответ пообещал: отныне он будет хорошим королем.

Ричарду, как говорится, всыпали по первое число, но преподанный урок обошелся слишком дорогой ценой. Действительно, короля подмяла под себя группа амбициозных аристократов, стремившихся манипулировать в своих интересах и слабым парламентом. Этот парламент получил прозвище «безжалостного», однако, как свидетельствует история сэра

---

* Среди его преступлений числилось и предложение переименовать Лондон в Тройновант.

Николаса Брембра, безжалостными были апеллянты. Парламент послушно исполнял их волю. И не только злосчастье Брембра запятнало его репутацию. Безусловно, среди и казненных, и заочно приговоренных к казни были люди, далеко не все, нечистоплотные, алчные и безответственные, но никто из них не был ни изменником, ни преступником и не заслуживал смертной казни. Более того, всем им было отказано в элементарном беспристрастном судебном разбирательстве. Правовые нормы были извращены или проигнорированы, факты, обстоятельства и мнения либо искажались, либо толковались произвольно, никто даже не попытался напомнить об общепринятых юридических процедурах.

«Безжалостный» судебный процесс создал опасные прецеденты, которые будут сеять гражданскую смуту и омрачать историю Англии по крайней мере еще сто лет. С другой стороны, люди, взбунтовавшиеся против короля, вовсе не походили на революционеров. Они могли припугнуть Ричарда угрозой низложения, но никогда не забывали о том, что он был и остается законным монархом и любые попытки заменить его вызовут лишь новые осложнения и трудности. Потому-то апеллянты, жестоко наказывая друзей Ричарда, всячески старались щадить репутацию самого короля. Они с легкостью могли публично унижить его, но всегда старательно избегали этого, ограничиваясь ссылками на юный возраст и неопытность монарха. Ричард-де ни в чем не виноват, его сбивали с толку фавориты. Теперь, когда друзья ликвидированы, он исправится и начнет жить и править по-новому.

4

Месть короля (1388—1398)

Герцогиня:

Но, Томас, жизнь моя, мой Глостер милый,
Фиал, наполненный священной кровью,
Цветущий отпрыск царственного корня,
Разбит — и вытек драгоценный сок;
Подрублен — и увяли листья лета
От злой руки, от топора убийцы.

«Ричард II»

Нет ничего удивительного в том, что больше года после роспуска злосчастного парламента Ричард вел себя тихо и мирно. Официально было объявлено о его полной невинности, короля напугали и хорошенько проучили, и надеялись теперь, что он многое уразумел. Ричард добросовестно исполнял обязанности, вел сессии очередного парламента, созванного осенью в Кембридже, и не выказывал никакого неудовольствия тем, что государственными делами заправляли Глостер, Арундел и их друзья. Только один раз он позволил себе прогневаться, и для этого у него были все основания: шотландцы под командованием Джеймса, графа Дугласа, вновь перешли границу и 5 августа 1388 года под Оттерберном — или Чевин-Чейзом — между Джеббергом (Джебборо) и Ньюкаслем фактически разгромили англий-

скую армию, захватив в плен Генри Перси (шекспировского Гарри Хотспера), ее командующего. Ричард старался не проявлять инициативы, но 3 мая 1389 года смиренно и дружелюбно сообщил совету: теперь он человек вполне взрослый, ошибки молодости оставил позади и впредь намерен править страной самостоятельно, так, как подобает монарху, и так, как прежде правил его дед.

За год внутренняя обстановка в Англии заметно улучшилась, и заявление Ричарда не вызвало особой озабоченности у тех, кто его услышал. Четыре месяца назад королю исполнилось двадцать два года, никто не собирался держать его на поводке всю жизнь. Возражений не последовало. Арундел готовился к походу в Палестину, Дерби и Глостер предпочли общество тевтонских рыцарей в Пруссии. Уорик уединился в своем поместье. Шерифы по всей Англии получили указания информировать подданных о том, что ими теперь управляет сам король. Правда, ему по-прежнему полагалось делать это через совет, в котором ведущее место заняли Уильям Уикем, канцлер и епископ Винчестерский, Томас Брантингем, казначей и епископ Эксетерский и Эдмунд Стаффорд, канцлер Оксфордского университета и декан Йорка, которого Ричард назначил хранителем большой государственной печати.

Но Ричард все еще не оправился после нанесенного удара и нуждался в такой поддержке, какую мог оказать только кто-то из членов семьи. Естественно, он вспомнил о своем дяде Джоне Гонте. Испанская кампания герцога не принесла желаемого результата. Он преуспел только в том, что обручил старшую дочь Филиппу с Жуаном I, королем Португалии, а младшую Екатерину — теперь Каталину — с будущим королем Кастилии Генрихом (Энрике) III, получив от него единовременную компенсацию в размере 100 000 фунтов стерлингов и ежегодную пенсию в размере 6000 фунтов за отказ от притязаний на королевство. Однако ему не удалось ни добыть себе корону, ни установить долговременные мирные отношения с Кастилией и Арагоном. В 1387 году Джон Гонт

переврался из Испании в Гасконь, и отсюда внимательно следил за развитием событий дома: причастность старшего сына к оппозиции апеллянтов недвусмысленно указывала на то, что ему до окончания кризиса лучше оставаться за границей. Он бы, наверно, так и поступил, если бы не пришел срочный вызов от племянника. Джон Гонт прибыл в Англию в ноябре 1389 года, где его встретили с распростертыми объятиями. Все прежние раздоры были позабыты, герцог стал правой рукой короля.

Ричард постепенно обретал власть, но его по-прежнему не покидало чувство тревоги. Он все еще не забыл завуалированную угрозу другого дяди, высказанную три года назад: напоминание о низложении прадеда Эдуарда II и намек на то, что и его может постичь та же участь. Осенью 1390 года король вдруг появился в Глостере, где был похоронен Эдуард, организовал возле усыпальницы постоянное чтение молитв и долго ждал чуда, якобы здесь уже происходившего и необходимого для обращения к папе с прошением о канонизации прадеда. Через год Ричард вытребовал у парламента очень важные гарантии. Ему позволялось «пользоваться всеми королевскими регалиями, свободами и правами наравне со своими прародителями... и вне зависимости от каких-либо прежних статутов и ордонансов, устанавливающих иное, особенно во времена короля Эдуарда II, покоящегося в Глостере... и любой статут, принятый во времена упомянутого короля Эдуарда и оскорбляющий достоинство и привилегии короны, подлежал аннулированию».

С призраком прадеда было покончено. Но лучше бы он продолжал тревожить его правнука.

В годы ограниченного царствования Ричарда большинство англичан жили в условиях относительного покоя. Война во Франции, правда, не прекращалась, но она не особенно ощущалась за проливом, а Джон Гонт еще раз навестил Кале, провел очередной раунд переговоров и формально закончил ее. Шотландцы вели себя тихо. Однако покой в XIV веке

всегда был кажущимся. В 1392 году разразился скандал в Лондоне: город отказался предоставить королю очередной заем. Если, как утверждают хронисты, власти города примерно в это же время действительно одолжили большую сумму денег одному ломбардскому купцу, то у Ричарда были все основания для справедливого негодования. Король отреагировал с прежней импульсивностью и жесткостью: выгнал мэра с шерифами и перевел всю администрацию в Йорк. В конце концов лондонцы повиновались и подарили королю 10 000 фунтов стерлингов в знак примирения, отметив это событие торжественной процессией. Однако Ричарда они не простили. Через несколько лет королю понадобится их поддержка, но он ее не получит.

Волна мятежей прокатилась по северу, начавшись в 1393 году с Чешира. Бунты были направлены главным образом против герцога Глостера, который к этому времени передумал отправляться в Пруссию и вошел в совет Ричарда. Арундел, бывлой сподвижник Глостера, находившийся неподалеку в замке Холт на реке Ди, вполне мог вмешаться и навести порядок, но ничего не предпринял. Не пошевелил он пальцем и тогда, когда спустя некоторое время восстание вспыхнуло в Йоркшире. Джон Гонт, на которого мятежники обрушили свой гнев, даже обвинил Арундела в подстрекательстве, потребовав от него объяснений и извинений. Арундел становился все более несговорчивым и вздорным, утрачивая расположение бывших соратников.

Нарыв прорвался в начале июня 1394 года, и поводом послужила внезапная и неожиданная кончина королевы, умершей в возрасте двадцати семи лет. Обезумевший от горя король приказал снести ту часть дворца Шин, где она отошла в мир иной, и распорядился устроить пышные похороны в Вестминстерском аббатстве. Арундел пришел на панихиду с опозданием и сразу же попросил разрешения уйти пораньше. Ричард расценил его поведение, и не без оснований, как оскорбительное, выхватил жезл из рук одного из церковных служителей и поверг обидчика наземь. Несколько недель

граф провел в Тауэре, потом король вызвал его во дворец Ламбет и заставил поклясться под залог в 40 000 фунтов стерлингов в том, что он впредь будет вести себя прилично.

Все лето 1394 года Ричард скорбел, а в конце сентября отправился в Ирландию. Необходимость в его визите назрела давно. Все английские лорды, имевшие владения в Ирландии, сначала в 1368 году и затем в 1380-м получили приказания вернуться в свои поместья или обеспечить их адекватную защиту. Предписания оказались трудноисполнимыми, с каждым годом нарастал хаос, ирландские короли и вожди все глубже внедрялись в земли отсутствующих английских баронов. Еще в 1379 году наместником был назначен Эдмунд Мортимер, 3-й граф Марч. Ему удалось значительно поправить неблагоприятную ситуацию в Ольстере, но в 1381 году он утонул, переходя вброд реку в графстве Корк, и его огромные владения достались семилетнему сыну Роджеру. На следующий год положение там вновь обострилось, и Ричард назначил наместником дядю Глостера, но потом по неизвестным причинам переменял решение, и теперь стало совершенно очевидно, что он должен ехать туда сам, и как можно скорее. Если он этого не сделает, то вся Ирландия и доходы с нее будут потеряны. Вместе с ним в путь отправились герцог Глостер, юный граф Марч, ему исполнилось двадцать лет, графы Ратленд, Хантингдон и Ноттингем, окончательно помирившиеся, и еще несколько менее знатных лордов. Другой дядя Эдмунд, герцог Йорк — отец Ратленда — остался дома в роли попечителя королевства. Джон Гонт вернулся в Гасконь и Аквитанию.

Английская армия высадилась в Уотерфорде 2 октября 1394 года, однако, помимо мелких стычек с ирландскими племенами, никаких крупных сражений не случилось. Ричард без труда дошел до Дублинского замка и здесь вместе с советниками начал заниматься восстановлением законности, правопорядка и собственного владычества, утверждая вождей в правах на земли в обмен на клятвы в верности и даруя им свое благоволение и признание. В Дублин явились все

четыре ирландских короля, Ричард принял их радушно, оказав им надлежащие почести и посвятив в рыцари. Короли, в свою очередь, как положено, принесли ему феодальную присягу. Возможно, им не очень понравилось то, что Ричард потребовал от них научиться английским манерам и поменять традиционные килты на панталоны, но они, без сомнения, прекрасно понимали: английский монарх в Ирландии долго не задержится и им ничто не помешает вернуться к прежним обычаям.

Но Ричард все-таки застрял в Ирландии до 1 мая 1395 года. В этот день он вместе с армией отплыл из Уотерфорда, оставив после себя распорядителем графа Марча. Успех ирландской экспедиции превзошел все ожидания — и самого короля, и советников, существенно повысив авторитет монарха. Он приобрел популярность не только в народе, дворянская оппозиция тоже поубавила свой пыл. Король настолько вырос в собственных глазах, что позволил себе выходку, которая неминуемо, да и он сам это знал, должна была вызвать всеобщее негодование. Его любезный друг Роберт де Вер, находившийся в изгнании с конца 1387 года, спустя пять лет погиб на охоте на кабанов близ Лувена. Ричард распорядился перевезти его тело в Англию для перезахоронения в родовом склепе графов де Вер в Кольне в Эссексе. Во время погребальной церемонии он вдруг приказал открыть гроб, впился глазами в забальзамированный труп, схватил мертвеца за руки, украшенные драгоценностями, и надел на палец свое кольцо.

Из знати почти никого не было на этой сомнительной церемонии: большинство пэров игнорировали ее, изрядно досадив королю. Джон Гонт, всегда презиравший де Вера, тем не менее решил поддержать племянника; неудачи в Испании позабылись, когда в мае 1394 года он подписал четырехлетнее перемирие с Францией. Кроме того, герцог все еще переживал радость в связи с кончиной испанской жены Констанции Кастильской, умершей два месяца назад. Они никогда не были близки, и теперь, после ее смерти, он мог спокойно

жениться на своей давней любовнице Екатерине Суинфорд — при полном согласии короля — и узаконить их четверых детей*. Последнее мероприятие не могло не обеспокоить наследника Джона Гонта — Генриха Болингброка, теперь графа Дерби, но смерть его собственной супруги Марии Бозн, случившаяся в июле, не позволила ему выступить с решительным протестом.

Вскоре стало известно еще об одном эпохальном бракосочетании — женитьбе Ричарда на Изабелле, дочери короля Франции Карла VI.

У этого брака было много плюсов. Война шла уже почти шестьдесят лет, и надо было ее как-то заканчивать. О длительном мире не могло быть и речи, пока англичане владели Кале, а отказываться от него даже в мыслях не держали ни король, ни его советники. Породнение королевских дворов способствовало бы улучшению отношений между двумя странами; требовалось только поощрить французов на то, чтобы продлить четырехлетнее перемирие по крайней мере на двадцать восемь лет со времени подписания заключительного соглашения 9 марта 1396 года. По этому случаю Ричард совершил дальнюю поездку в Париж, где Карл VI устроил в его честь грандиозный банкет и женил на Изабелле. Брак с французской принцессой имел лишь один изъян — Шекспиру неизвестный или им намеренно проигнорированный: жениху было уже двадцать девять лет, а невесте — всего семь. Однако это не имело особого значения: Ричард все еще грустил по своей умершей возлюбленной Анне и, наверное, был рад детскому возрасту принцессы, дававшему достаточно времени для исцеления души. Впоследствии он искренне

---

* Старший сын Джон Бофорт (Бофор) стал графом Сомерсетом, Генри — деканом Уэллза и епископом-кардиналом Винчестера, Томас — герцогом Эксетером. Иоанна вышла замуж за Ральфа Невилла, графа Уэстморленда. Легенда — увы, только легенда — утверждает, будто Филиппа, старшая сестра Екатерины, была женой поэта Джефффри Чосера.

привязался к маленькой девочке, радушно встреченной в октябре в Кале, и нет никаких оснований для сомнений в том, что их брак стал бы счастливым и, вероятно, разрешил бы проблему наследования, если бы судьба не распорядилась иначе.

Возникали трудности и политические. Французы были не только традиционными врагами Англии, но и раскольниками. Минуло почти двадцать лет с того времени, когда папа Григорий XI завершил семидесятилетнее изгнание Святого престола и вернул его в Рим, однако антипапы при поддержке короля Франции продолжали мутить воду из Авиньона и любой союз с Францией мог иметь нежелательные последствия для отношений Ричарда со вторым преемником Григория — Бонифацием IX. Сомнительной, по крайней мере в представлении членов парламента, была статья договора, по которой французский королевский дом обещал «помогать и поддерживать (Ричарда) против всякого рода лиц, обязанных ему повиноваться, а также помогать и поддерживать его всеми имеющимися средствами против посягательств кого-либо из подданных». В таком поручительстве вроде бы нет ничего криминального: оно могло появиться в силу непреодолимой угрозы очередного крестьянского восстания. Но Ричард мог иметь в виду, к примеру, Глостера и Арундела, и тогда идея приглашать французскую армию для борьбы со своими подданными накладывала совсем другой отпечаток на его брак с семилетней девочкой. Неудивительно, что громче всех протестовали именно эти два господина и прежде всего Глостер, всегда недолголюбивавший французов. Однако Ричарда горячо поддержал Джон Гонт, и в январе 1397 года Изабелла стала королевой Англии.

В январе же в Вестминстере собрался парламента, первый раз за два года. Он не проявлял враждебности, но и не желал, чтобы им помыкали. На первой же сессии парламента отказался субсидировать реализацию сумасбродного замысла Ричарда (результат скоропалительного обещания, данного тестю Карлу VI) послать армию в помощь герцогу Бургунд-

скому, воевавшему с герцогом Милана Джаном Галеаццо Висконти. Затем 1 февраля была представлена петиция от имени некоего Томаса Хакси: о нем прежде ничего не было известно, но теперь мы знаем по крайней мере то, что он не был членом парламента, а служил клерком в суде общих тяжб и проктором в аббатстве Селби. Первые три запроса были пустяковые, но в последнем, четвертом пункте выражался беспрецедентный протест против расточительства королевского двора, в котором пригрелось чересчур много епископов и роскошных дам со свитами. Ричард вполне мог проигнорировать петицию. Он же по обыкновению разъярился и заставил лордов квалифицировать как измену любые попытки побуждать палату общин к внесению изменений во что-либо касающееся статуса, привилегий и суверенитета короля. И 7 февраля лорды приговорили несчастного критикана к смертной казни, бесстыдно прибегнув к принципу правосудия на основе закона с обратной силой. Через три месяца бедолагу реабилитировали, но репутация короля пострадала, все сомнения и недобрые предчувствия прошлого десятилетия возродились, а робость и послушность лордов еще больше укрепили самонадеянность Ричарда.

Петиция Хакси никак не повлияла на траты королевского двора. Экстравагантность образа жизни осталась прежней, и к привычным издержкам добавились огромные расходы на реконструкцию Вестминстер-Холла, построенного триста лет назад Вильгельмом Руфусом, сыном Вильгельма Завоевателя, и называвшегося тогда Банкетным залом. Длинной 240 и шириной 70 футов, сооружение было самым грандиозным норманнским строением такого рода в Англии и, пожалуй, во всей Европе. В 1291 году его серьезно повредил пожар, и хотя потом Эдуард II восстанавливал зал, он приобрел свое прежнее величие только после того, как им в 1394 году занялся Ричард. Памятнику средневековой архитектуры повезло: в то время король имел в своем распоряжении талантливого зодчего-каменщика Генри Йевеля, только что закончившего возведение

нефа Вестминстерского аббатства, и не менее одаренного плотника Хью Херленда (Эрланда). За семь лет они построили новый зал, не шире и не длиннее прежнего, но выше и несравненно более величественный. Главным его украшением была и остается деревянная арочная крыша с подбалочниками, установленная на высоте 92 футов с самым большим из известных свободных, неподдерживаемых пролетов. Многие столетия зал служил центром бурной общественно-политической жизни, здесь проходили коронационные банкеты, заседания совета, иногда сессии парламента; вплоть до 1882 года в нем проводились судебные процессы. Без сомнения, Вестминстер-Холл можно считать самым ценным даром, преподнесенным Ричардом своей стране; уже только за это он заслуживает нашей глубочайшей благодарности.

Не исключено, что к петиции Хакси были причастны Глостер и Арундел: у них имелось немало оснований для недовольства. Обоих, к примеру, тревожило то, как быстро набирал политический вес и влияние новый фаворит короля Эдуард, граф Ратленд. Их раздражало упорное стремление Ричарда канонизировать прадеда Эдуарда II и завладеть короной Священной Римской империи. В феврале Глостер и Арундел навлекли на себя гнев короля, намеренно проигнорировав его вызов на совет. Затем на королевском банкете в Вестминстере в начале июля Глостер позволил себе во всеулышание выразить несогласие с уступками Франции, в частности с тем, что Ричард отдал французам Брест и Шербур*. Вступили ли тогда в сговор против короля Глостер, Арундел и, возможно, Уорик, о деятельности которого в минувшее десятилетие нам почти ничего не известно, кроме того факта, что в последнее время он занимал некое высокое

---

* Два порта были предоставлены англичанам в апреле 1378 г. на время войны под залог в 20 000 фунтов стерлингов. Война закончилась подписанием перемирия на 28 лет, и уже не имелось никаких юридических оснований для их удерживания.

положение? Об этом мы никогда не узнаем. Скорее всего никакого заговора они не замыслили. Так или иначе, слухи о заговоре распространялись, и Ричард не мог не отреагировать. Он достаточно натерпелся от дяди и его друзей, и его терпение, очевидно, иссякло.

Для Ричарда было характерно приглашать своих врагов на банкет, что он сделал и на этот раз: впоследствии Томас Уолсингем сравнит этот банкет с пиром Ирода, на котором Саломея плясала в награду за голову Иоанна Крестителя. Глостер отказался, сославшись на недомогание; Арундел тоже отклонил приглашение. На банкете появился только Уорик, и король встретил его необычайно тепло. Лишь после того как пир закончился, Уорика схватили и увели в Тауэр. Через пару недель арестовали и Арундела — и опять обманным путем: Ричард клятвенно обещал его брату архиепископу, что с ним ничего не случится. Арундела заключили в замок Карисбрук на острове Уайт. На свободе оставался пока Глостер. В отношении своего дяди король решил продемонстрировать силу. С внушительной свитой, единоутробными братьями Томасом и Джоном Холландами, графами соответственно Кента и Хантингдона, и дворцовой дружиной он ночью прискакал в его замок Плешу в Эссексе. Поскольку герцог не смог прибыть на банкет, король сам приехал за ним, объяснил Ричард Глостеру, застигнутому врасплох, ничего не оставалось, как просить пощады. Ричард в ответ сказал лишь: о пощаде надо было думать девять лет назад, когда королева стояла перед ним на коленях и умоляла сохранить жизнь сэру Саймону Берли. Глостера отправили в Кале, заверив в том, что его не заставят долго ждать приговора.

Судебные решения выносились на парламенте, собравшемся 17 сентября 1397 года, последнем при Ричарде. На Глостера, Арундела и Уорика возлагалась ответственность за преступления, совершенные девять лет назад и аналогичные тем, которые рассматривались «Безжалостным парламен-

том»: измена, но теперь бывшие обвинители сами стали обвиняемыми. И судебное разбирательство происходило таким же порядком. В роли апеллянтов выступили восемь лордов, включая единоутробных братьев короля графов Кента и Хантингдона и кузенов графов Ратленда и Сомерсета*. Вестминстер-Холл находился на реконструкции, и специально для судилища во дворе был возведен большой павильон, открытый с обеих сторон, с колоссальным тронем, установленным на высокой платформе. Также специально для этого случая был устроен показательный спектакль — на открытии сессии присутствовали около четырехсот чеширских лучников, охранявших короля.

Некоторое удивление вызвало появление четвертого обвиняемого — Томаса, брата Арундела, в прошлом году произведенного из архиепископа Йоркского в архиепископа Кентерберийского. Казалось странным, что ему можно было приписать причастность к событиям 1386—1388 годов. По всей видимости, его наказывали за нежелание исполнить повеление короля назначить мирского проктора для выступления от имени духовенства: духовный сан запрещал церковникам участвовать в судебных процессах, которые могли привести к кровопролитию. В любом случае ему не позволили даже выступить в собственную защиту и 25 сентября приговорили к конфискации всех владений и вечному изгнанию.

Восемь апеллянтов предстали перед парламентом в красных шелковых мантиях с белой каймой и золотой вышивкой. Низко поклонившись королю, они театрально попросили его начать процедуру вызова ответчиков по одному. Первым вошел граф Арундел, и Джон Гонт в роли верховного стюарда Англии и председателя суда пэров торжественно зачитал предъявляемое ему обвинение. Граф с него-

---

* Томас Холланд получил титул графа Кента в 1380 г., его брат Джон стал графом Хантингдоном в 1388 г. Ратленд — сын дяди короля Эдмунда, герцога Йоркского; Сомерсет — недавно узаконенный Ричардом внебрачный сын Джона Гонты.

дованием возгласил, что он уже получил от короля два прощения. Гонт ответил, что прощения аннулированы; они начали спорить по поводу их действительности, тогда вмешался спикер сэра Джон Буши*, потребовав немедленно осудить Арундела, а апеллянты бросили на пол перчатки. Гонт объявил традиционный приговор к повешению, король тут же благосклонно заменил его более достойной казнью на плахе. Арундела увели на Тауэрский холм, где в присутствии Кента, Сомерсета и собственного зятя Ноттингема ему отсекли голову.

Теперь настал черед Глостера, но парламенту вдруг сообщили: герцог мертв. Показательно, что обстоятельства его смерти даже не обсуждались; мало кто сомневался в том, что его убили в Кале по повелению короля. Однако чрезвычайно важно было официально признать его изменником и создать основания для конфискации собственности. Соответственно Глостера обвинили в измене — разве не он пришел с армией в Харингей в 1387 году? — и все его владения были реквизированы в пользу короны. Оставалось разобраться с Уориком. «Как ничтожная старая баба, — писал презрительно Адам из Уска, — он во всем признался; хныча, стеная, плача и казня себя, просил короля пощадить его». Уорика тоже приговорили к повешению, однако — возможно, вследствие полезного свидетельствования против Глостера — Ричард заменил петлю пожизненной ссылкой на остров Мэн**.

Расправившись с противниками, король мог спокойно приступить к поощрению тех, кто проявил личную преданность. Пятеро получили герцогства: Болингброку, несмотря на прежние проступки, достался Херефорд, Моубри — Норфолк, Джону Холланду — Эксетер, Томасу Холланду — Суррей, Ратленду — Албемарл, или, как его назвал Шекспир,

---

* Его иногда именуют сэром Джоном Басси. Для меня предпочтительнее шекспировский вариант.

** Уорика вскоре перевезли домой и заключили в Тауэр, где он содержался, пока его не освободил Генрих IV.

Омерль. Для короны Ричард аннексировал графство Чешир* вместе с некоторыми бывшими владениями Арундела в соседних окраинных землях Уэльса. Все решения парламент одобрил и 30 сентября торжественно подтвердил законность принятых актов на вечные времена. После этого был объявлен перерыв до 27 января 1398 года. В этот день парламент вновь соберется, как сообщил король, уже в Шрусбери рядом с границей Чешира.

Лучше бы он совсем его распустил. Король достиг своих целей, и крови пролилось гораздо меньше, чем в 1388 году. Обезглавливание Арундела не всем понравилось, хотя смерть Глостера почему-то почти никого не обеспокоила. Удовлетворись Ричард достигнутыми результатами, возможно, и сохранил бы единомыслие в стране. Но король не успокоился, он хотел довести мщение до конца, чем себя и сгубил. Вряд ли стоит верить в легенду Уолсингема о том, будто короля преследовал призрак Арундела, чье тело он якобы экстумировал, с тем чтобы графа не превратили в мученика. В таком случае ему не было никакого смысла прерывать парламентские слушания на четыре месяца. Ричард уже ничего не боялся; напротив, он стал необычайно самоуверен и опасен в своей жажде мести.

Парламентская сессия в Шрусбери была непродолжительной. Семеро апеллянтов внесли предложение отменить все акты и постановления «Безжалостного парламента», принятые «против желания и воли короля и ущемляющие права и привилегии короны». Графство Суффолк было возвращено семье де ла Поля, еще раз была подтверждена законность решений сентябрьской сессии в Вестминстере,

---

* Особое положение Чешира было определено еще «Книгой судебного дня» (земельная опись, произведенная Вильгельмом Завоевателем в 1085—1086 гг.), когда графство, вероятно, и получило впервые статус палатината с определенными привилегиями. Именно там Черный Принц набирал основную часть своих войск, и Ричард, как мы уже видели, пытался делать то же самое в 1387 году и позже, в описанной нами ситуации.

в том числе и в отношении признания изменниками всех, кто будет пытаться их пересмотреть. Скандал возник лишь на третий день. Многие уже обратили внимание на отсутствие восьмого апеллянта, Томаса Моубри, герцога Норфолка. 30 января Генрих Болингброк, герцог Херефорд, выступил перед всей ассамблеей и по поручению Ричарда сообщил о недавнем разговоре с Моубри, в котором тот, как написал Холинshed, «произнес некоторые слова, бесчестящие короля». Поскольку не имеется свидетельств самого Моубри, нам приходится полагаться только на парламентское изложение версии, представленной Болингбромом. Согласно его рассказу, месяц назад они вместе ехали верхом на лошадях из Brentford в Лондон и Моубри заметил, что их обоих ждет смерть в наказание за Рэдкот-Бридж. Болингброк напомнил, что король их простил, и тогда Моубри возразил: невзирая на прощение, король поступит с ними точно так же, как и с другими жертвами. Мало того, продолжал Моубри, группа лордов, близких к королю, замышляет убить их обоих в Виндзоре сразу же после парламента вместе с отцом Генриха Джоном Гонтом, герцогами Эксетером и Албемарлом и маркизом Дорсетом. Соответственно им надо либо принимать ответные меры, либо бежать из страны, пока еще не поздно.

Мстительность Ричарда хорошо известна. Кроме упоминания единоутробного брата короля, герцога Эксетера, версия заговора не выглядит уж совсем неправдоподобной. Вне зависимости от ее достоверности она наносила вред репутации Моубри, которого к тому же не было на сессии парламента. Она, безусловно, компрометировала и Ричарда: поэтому он, очевидно, и поручил Болингброку рассказать о ней, с тем чтобы покончить со слухами, которые уже обсуждались в кулуарах. С другой стороны, король не захотел сразу же расследовать скандальную историю. Он предложил для этого сформировать специальный комитет из восемнадцати человек и 31 января, через день после доклада Болингброка, распустил парламент.

5

Триумф Болингброка (1398—1400)

Р и ч а р д:

Вы завладели властью лишь моей,
Не болью: я король еще над ней.

«Ричард II»

Проведя две предварительные встречи в Осуэстри и Бристоле, специальный комитет собрался 29 апреля 1398 года в Виндзорском замке. Здесь впервые оба герцога предстали перед королем. С этого эпизода Шекспир и начинает «The Tragedie of King Richard the Second» («Трагедию короля Ричарда II»), зарегистрированную в Реестре книгопечатников 29 августа 1597 года, хотя завершил он работу над ней в конце 1595 года. Свое описание конфронтации между герцогами драматург основывает на «Хрониках» Холиншеда*, как всегда оставляя за собой право на вольности. «Джон Гонт, почтенный возрастом Ланкастер», которому тогда было пятьдесят восемь лет, вряд ли присутствовал при этом разговоре,

---

* «История Англии» Рафаэля Холиншеда входит в его «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» и является первым авторитетным исследованием истории страны на английском языке. «Хроники» впервые были опубликованы в 1577 г. Шекспир опирается на переработанное и обновленное издание Джона Хукера, выпущенное в 1587 г.

иначе о нем непременно упомянул бы Холинshed. Кроме того, по свидетельству летописца, и Болингброка и Моубри поддерживали неназванные рыцари, правда, Моубри вскоре сам начал выступать в свою защиту и признал, например, то, что когда-то действительно замышлял лишить жизни Гонта, но это уже давно забыто и прощено. Интересно сопоставить историческое описание Холиншеда и драматургическое переложение, сделанное Шекспиром. Из «Хроник» мы берем те строки, где рыцарь выступает в роли адвоката Болингброка:

«Здесь Генри Ланкастер... он говорит, и я это подтверждаю, что Томас Моубрей, герцог Норфолк, лживый человек и предатель по отношению к вам и вашему королевскому величеству и всему вашему королевству... он получил восемь тысяч ноблей для выплаты солдатам вашего города Кале, чего он не сделал так, как следовало бы сделать; мало того, он является причиной всех предательств, совершенных в вашем королевстве за эти восемнадцать лет, и вследствие его лживых наветов и зловредных советов был убит ваш дражайший дядя герцог Глостер, сын короля Эдуарда. Еще герцог Херефорд говорит, и я это подтверждаю, что он готов доказать все это в единоборстве с упомянутым герцогом Норфолком в рыцарском поединке».

А вот как отразил ту же ситуацию Шекспир словами Болингброка:

За то, что говорю, отвечу жизнью:
Что Моубрей принял восемь тысяч ноблей
Для выплаты солдатам государя
И на дела дурные их истратил,
Как злостный негодяй, изменник лживый.
Затем скажу и подтвержу в бою,
Иль здесь, иль в отдаленнейших пределах,
Куда лишь мог проникнуть взор британца, —

Что всех измен, за восемнадцать лет
У нас в стране замысленных, свершенных,
Бывал Моубрей — источник и глава.
Еще скажу и подтвержу еще,
Ценой зловредной жизни зло исправив,
Что он убийство Глостера подстроил,
Его врагов доверчивых подбив,
И душу неповинную его,
Коварный трус, исторг в потоках крови*.
Как жертвенная, Авеля, — та кровь
Из тайников немых земли взывает
Ко мне о правой и суровой каре;
И славой рода своего клянусь,
Я отомщу, иль жизни я лишусь.

Поскольку противники упростились в своей ненависти друг к другу и отвергали попытки короля примирить их, им было позволено разрешить спор традиционным способом — в поединке, назначенном на День святого Ламберта, 17 сентября, в Ковентри**. Молва о нем быстро разнеслась по стране: как-никак предстояло сойтись в схватке, возможно, смертельной, двум герцогам, один из которых приходился королю кузеном, и в маленький городок съехались пары и рыцари с дамами со всей Англии, предвкушая стать свидетелями самого главного светского события года. Не почтил своим присутствием это мероприятие только один известный и могущественный магнат — Джон Гонт. После парламента в Шрусбери он удалился на покой — возможно, из-за сына. (Фруассар указывает, что герцог занемог на Рожде-

---

* Согласно Холиншеду, Глостера задушили полотенцами на пуховой перине. Отсечением головы казнили только лиц высокого ранга. Глостера не судили и не приговаривали к казни, его просто-напросто умертвили. Убийство произошло в Кале в сентябре 1397 г. — почти наверняка с ведома короля и, несмотря на яростные протесты Моубри (первая сцена первого акта), под его надзором.

** Так у Шекспира. Холинshed не столь уверен в дате.

ство, но, вероятно, его уже тогда поразила болезнь, от которой он спустя пять месяцев умер.) Во всяком случае, Джон Гонт не мог видеть, как его сын выехал на Госфорд-Грин* «на белом боевом коне с попоной из сине-зеленого бархата, усеянной вышитыми золотом лебедями и антилопами». Не слышал он и «оглушительные приветствия», которыми публика встретила сына, гораздо более громкие, как нам сообщают хронисты, нежели те, что выпали на долю Моубри**.

Однако для Ричарда эти приветствия несли в себе скрытую угрозу. Король недолюбливал кузена и не доверял ему: если бы он победил, то стал бы самым популярным человеком в Англии. С другой стороны, поскольку согласно традиции исходы таких поединков predeterminedены свыше, то победа герцога Норфолка для многих означала бы, что его обвинения справедливы. Следовательно, не должен был выиграть схватку ни один из них. Надо ли вообще Ричарду, не обладающему ни физическими данными, ни темпераментом даже для метания копья, устраивать эту демонстрацию мужской силы и отваги? И когда противники уже приготовились к бою, неожиданно для всех король бросает жезл — подает знак, что поединок не состоится. Не будет никакой манифестации мужской доблести, ни один из соперников не получит Божественного благословения. Ричард провозглашает:

Пусть шлемы с копьями они отложат
И на свои места вернутся оба...
Чтоб землю Англии не запятнала
Кровь, ею вскормленная, дорогая;
Затем, что нестерпим нам вид ужасный
Гражданских ран, мечом соседей взрытых;
Затем, что гордостью орлинокрылой
Небостязательное честолюбье

---

* Открытое поле близ Ковентри, на котором должен был состояться поединок. — *Примеч. пер.*

** Данный фрагмент отсутствует в пьесе. — *Примеч. пер.*

С ревнивой завистью вас подстрекает
Мир разбудить, что спит в стране, как в люльке,
Младенчески и сладостно дыша...
Чтоб отвратить все это, вас обоих
Мы изгоняем из владений наших.

Болингброк изгонялся на десять лет, Моубри — пожизненно.

Все присутствующие, наверное, испытали немалое эмоциональное потрясение, а король еще раз навредил своей репутации. Возможно, Ричард принял единственно верное, с его точки зрения, решение. Что касается разных сроков ссылки, то, конечно, он предпочел бы навсегда избавиться от обоих дуэлянтов, но Болингброк был слишком популярен и влиятелен. Видимо, король не захотел и чрезмерно огорчать Джона Гонта, которому был многим обязан. Уместно напомнить, что через полгода, когда Гонт уже покоился в гробу, Ричард снова приговорил его сына к изгнанию — на этот раз пожизненно.

Можно сказать, что на поле под Ковентри Ричард проявил определенное благоразумие, от которого и следа не осталось в наступившем 1399 году. В разъездах по стране теперь его постоянно сопровождали четыреста чеширских лучников, а в отдельных местах к ним присоединялись отряды рыцарей и сквайров. Пристрастие короля к броской роскоши стало еще более необузданным, как и расточительные траты на строительство, дорогие одеяния, мебель и украшения. Такие средства, которые он расходовал, могла дать только захватническая война. Англия уже длительное время жила в мире, добывать деньги можно было лишь одним путем — выжимать все соки из страны. И Ричард придумал, как это делать: потребовал от всех, кто каким-либо образом впутался в события десятилетней давности, просить у него помилования — за определенную мзду. Он обязал 17 графств, в том числе и Лондон — в них тогда проживало больше половины населения Англии, — заплатить по 1000 фунтов

стерлингов в обмен на королевское благоволение. Это был настоящий шантаж, если не рэкетирство. Ричард ужесточил и практику принудительных займов, вымогая их не только у общин, но и у отдельных лиц. Ко времени отбытия во вторую экспедицию в Ирландию в мае 1399 года он задолжал 6570 фунтов лондонцам, 5550 фунтов — семьдесят одной городской общине, 3180 фунтов — церкви, и 1220 фунтов — тридцати шести индивидуальным кредиторам. Теперь его ненавидела не узкая группа обозленных пэров и их приближенных, а вся страна.

3 февраля 1399 года Джон Гонт умер во дворце епископа Илийского в Холборне на шестидесятом году жизни. Он так и не опротестовал ни убийство своего брата Глостера — на это обращает внимание и Шекспир (сцена вторая первого акта), — ни изгнание сына. Конечно же, не имеется исторических свидетельств трогательного прощания Гонта с Болингброком, происходящего после оглашения приговора и описанного Шекспиром (сцена третья): как мы уже отмечали, его не было на ристалище. Не похож шекспировский Гонт, почтенный и премудрый старик, отец нации, чья предсмертная речь о судьбе Англии (второй акт, первая сцена) еще полвека назад включалась во все школьные антологии, на того человека, которого представил нам Холинshed. Для хрониста он был еще одним надоедливym и амбициозным бузотером, может быть, несколько более влиятельным, поскольку приходился королю старшим дядей, но таким же несносным, как и другие сварливые дворяне. В качестве альтернативных источников шекспировского образа назывались, например, Фруассар и анонимная пьеса «Вудсток» — о Томасе Вудстоке, герцоге Глостере. Но эти предположения не кажутся достаточно убедительными. Скорее всего образ идеального, премудрого Гонта выведен самим драматургом в противовес никчемному и пустому королю.

Для самого же Ричарда смерть Гонта предвещала скорый конец. Несмотря на разногласия, герцог Ланкастер помогал

сохранять и единство нации, и престиж короны. С его уходом из жизни многое изменилось, ситуация окончательно поляризовалась, четче обозначилось противостояние между королем и Генрихом Болингброком. Отзови король Генриха из ссылки, разреши ему присутствовать на похоронах отца и наследовать все его огромные владения, возможно, тогда Англия избежала бы и войны, и второго менее чем за столетие низложения монарха. Увы, он ничего этого не сделал. Мало того, временное изгнание Болингброка Ричард заменил пожизненным и, позволив исполнить некоторые малозначительные распоряжения в завещании Гонта, основные земли и поместья, по закону принадлежавшие кузену, поделил между своими ближайшими сподвижниками — герцогами Эксетером, Албемарлом и Сурреем. Каждому землевладельцу стало ясно: самый главный закон Англии — о наследовании — больше не действует.

Пора было засомневаться и в его здравом уме. Он окружил себя всякого рода прорицателями и шарлатанами, бесстыдно лгавшими и предсказывавшими необыкновенные достижения. По церковным праздникам Ричард часами, сообщают нам хронисты, сидел на высоком троне, следя за всеми, кто проходил мимо, и заставлял припадать к его ногам. Выезжал он из дворца только в сопровождении чеширских лучников, оберегавших его от толпы. И примерно в это время из Ирландии пришли дурные вести. Девять месяцев назад там убили королевского наместника графа Марча, а теперь поступило сообщение о том, что, презрев клятвы, принесенные в 1394 году, подняли восстание два короля — О'Нил и Макмаррох. Надо было принимать срочные меры. Для похода требовались большие деньги, но все затраты могли многократно окупиться за счет продажи движимого имущества Джона Гонта — золота, драгоценностей, произведений искусства, не говоря уже о мебелировке его дворцов и замков.

Колебания Ричарда не терзали. Он прекрасно помнил триумф первой экспедиции. Почему же не должен привести к успеху и второй поход? Советники его отговаривали, объ-

ясняя, что покинуть Англию сейчас — значит, отдать ее врагам, тому же Болингброку, но их мнение короля не интересовало. На место убитого Марча он назначил Суррея и тут же отправил его в Ирландию. Хранителем королевства Ричард вновь определил совершенно некомпетентного Эдмунда, герцога Йорка, которого должны были поддерживать три государственных министра — канцлер Эдмунд Стаффорд, епископ Эксетерский, казначей граф Уилтшир и Ричард Клиффорд, хранитель большой печати, епископ Вустера. Беречь королевство поручалось еще трем видным деятелям — сэру Джону Буши, сэру Уильяму Баготу и сэру Генри Грину. На исходе мая король нанес визит в Кентербери и провел последнюю торжественную церемонию ордена Подвязки в Виндзорском замке. Затем в сопровождении герцогов Эксетера и Албемарла, графов Вустера и Солсбери, захватив с собой на всякий случай сыновей Болингброка и убитого Глостера, отплыл в Ирландию.

Он, конечно, не знал, что совершал самую большую ошибку в своей жизни.

Генрих Болингброк, теперь герцог Ланкастер, уже девять месяцев жил в Париже, где к нему присоединились юный граф Арундел, все еще опечаленный казнью отца, и его дядя — архиепископ. Все трое были очень хорошо осведомлены о событиях, происходивших за проливом. Утверждение Фруассара, будто архиепископ Арундел был тайным эмиссаром, присланным оппозицией, абсолютно неверно — он уже два года находился в изгнании, — но его племянника вполне могли информировать о том, что Болингброку надо поторапливаться. А герцог и не нуждался в подстегивании: после того как Ричард лишил его наследства и помешал женитьбе на кухне французского короля, он решительно настроился на то, чтобы свергнуть двоюродного брата. Ланкастер знал и то, что у него в Англии не будет недостатка в союзниках. И на исходе июня герцог, граф и архиепископ в полной уверенности, что Ричард пребывает в Ирландии, вышли в море из Булони на трех небольших кораблях: по свидетельству Адама из Уска, с ними было не более трехсот соратников. Задер-

жавшись ненадолго в Певенси, они отправились на север и высадились в Рейвенскаре, между Уитби и Скарборо. Здесь, в вотчине Ланкастеров, герцог уже мог рассчитывать на действительно теплый прием, и когда он в воскресенье, 13 июля, пришел в Донкастер, к нему присоединились Генри Перси, граф Нортумберленд, его сын Гарри Хотспер, их родственник и соперник на шотландских границах Ральф Невилл, граф Уэстморленд, каждый привел внушительные отряды сторонников. С этого момента герцог Ланкастер уже не был заурядным дворянином-бунтовщиком, он стал лидером восстания. Правда, если верить информации, распространенной позднее семейством Перси и никем более не подтвержденной, герцог якобы поклялся, что пришел за наследством, а не за троном, который должен принадлежать Ричарду до конца жизни.

Тем временем и простолюдины вставали под его знамена — не в последнюю очередь поддаваясь его обаянию, которого был полностью лишен Ричард. Не случайно король то ли с издевкой, то ли с завистью говорил, когда герцог Херефорд отправлялся в ссылку:

И сами мы...
Заметили, как он учтив был с чернью.
Как будто проникая им в сердца
С униженной любезностью, как ровня,
Как он поклоны расточал рабам,
Мастеровым — улыбкой мастерскою
Угодничал покорностью судьбе...
Снял шляпу перед устричной торговкой.
Двум возчикам, ему желавшим счастья,
Ответил реверансом со словами:
«Благодарю друзья и земляки», —
Как будто нашей Англии наследник
И наших подданных надежда он.

Действительно, к нему приходили целыми ватагами, и пока он шел через Дерби, Лестер, Кенилуорт, Ившем и Глос-

тер к замку Беркли*, энтузиастов набралось так много, что не хватало еды и значительную часть народной армии Болингброк был вынужден распустить по домам.

Герцог Йорк, хранитель королевства, был человеком нерешительным и слабохарактерным. Незлобивому и мягкосердечному герцогу исполнилось пятьдесят восемь лет, и если он и хотел модифицировать государство, то лишь таким образом, чтобы, по замечанию Холиншеда, «не погубить ни одной живой души». Без сомнения, самый безынициативный из всех сыновей Эдуарда III Эдмунд создавал королю гораздо меньше проблем, чем Гонт или Глостер.

Узнав о появлении в Англии Ланкастера, хранитель государства начал судорожно эвакуировать правительство из Лондона — жителям города не было никакого доверия — в Сент-Олбанс, набирать войска и рассылать тревожные послания Ричарду, умоляя его не мешкая возвратиться. Вместе с советом он двинулся на запад навстречу королю, но натолкнулся на армию мятежников. Граф Уилтшир, Буши и Грин — сэр Уильям Багот уже сбежал в Чешир — направились в Бристоль, чтобы там подготовить отпор повстанцам. Йорк и его малочисленная команда укрылись в Беркли, выбрав не самое удачное место для прибежища: в 1327 году здесь был убит Эдуард II. 27 июля сюда прибыл герцог Ланкастер, и Йорк со своими людьми даже и не пытался оказать сопротивление. (Разговор между Ланкастером и Йорком в третьей сцене второго акта, конечно же, вымышленный.) Затем оба герцога поспешили в Бристоль, где Йорка принудили дать приказ о сдаче замка. Уилтшира — Шекспир почему-то так и не ввел его в пьесу, — Буши и Грина арестовали и казнили; их головами были украшены ворота Лондона, Йорка и Бристоля**.

---

* Войско Болингброка не проходило через Котсуолдс, как это представлено у Шекспира.

** Не существует исторических свидетельств разноса, которому шекспировский Болингброк подвергает Буши и Грина, тем более странного обвинения последнего в «расторжении брака» Ричарда с королевой Изабеллой (первая сцена третьего акта).

Двумя днями раньше, 27 июля, король оставил Ирландию. Несмотря на угрожающую внушительность армии, которую Ричард привел с собой, а, не исключено, отчасти и по этой причине он ничего не достиг. «Неотесанные» ирландцы, используя партизанскую тактику, кромсали его войска на всем пути от Уотерфорда через Уиклоу до Дублина, не желая ни покоряться, ни вступать в решающее сражение. В Дублине Ричард предложил солидное вознаграждение за поимку Макмарроха, но никто не откликнулся на его призыв, и вскоре ему пришлось вернуться в Уотерфорд, где его ожидали вести о вторжении Ланкастера. Король сразу же дал команду отплывать, и, послушавшись предательского совета Албемарла, уже понявшего, куда подул ветер и поставившего на Ланкастера, разделил армию: передовой отряд Солсбери отправил в Северный Уэльс набирать дополнительные войска, а сам двинулся напрямик в Хаверфордзуэст.

Высадившись у Хаверфордзуэста, Ричард несколько дней потратил на безуспешные попытки найти подкрепление в Гламоргане и лишь потом пошел с теперь уже полностью деморализованной армией на север к Честеру, который, как он надеялся, должен был сохранять верность королю. Но он потерял слишком много времени. Болингброк опередил его. Когда Ричард 11 августа встретился с Солсбери в замке Ко-нуэй, Ланкастер уже завладел городом и только что казнил королевского представителя. Ситуация сложилась горестная. Северная армия Солсбери, прослышав, что короля уже нет в живых, разбежалась. Исчезли бывшие друзья Вустер и — хотя в пьесе он остается преданным соратником — Албемарл. Правда, в порту все еще находились дружественные корабли и Ричард на любом из них мог уйти обратно в Ирландию либо во Францию — укрыться в своем родном Бордо или при дворе тестя в Париже, — но король уже никому не доверял и, когда у ворот появились Нортумберленд и архиепископ Арунделский, повелел незамедлительно их принять.

Требования, предъявленные ими, казались вполне разумными. Болингброк должен быть восстановлен в наследст-

венных правах и получить все владения Ланкастеров; его притязания на пост стюарда Англии должен рассмотреть парламент без какого-либо давления со стороны короля; надлежит также предать суду пятерых, пока неназванных, советников короля. Нортумберленд — не Арундел, и это неспроста — даже поклялся в том, что за королем сохраняются и титул и власть, а герцог Ланкастер обязуется соблюдать условия достигнутого соглашения. Ричард тогда добровольно покинул замок в сопровождении свиты порядка двадцати человек, как он думал, для встречи с кузеном и возвращения в Лондон. Однако король переоценил своих недругов. В шести милях от устья реки Конуэй прибрежная тропа пролегает через обрывистый мыс по названию Пенмейнрос. Здесь король попал в засаду, устроенную почти наверняка Нортумберлендом, хотя вероломный граф и отрицал впоследствии свою причастность к нападению, и Ричарда увезли в замок Флинт, где его поджидал герцог Ланкастер. Оставаясь пока еще королем, Ричард уже превратился в послушного пленника Генриха:

Так что ж король ваш должен делать? Сдаться?
Он сдастся. Должен быть низвергнут он?
Всему он подчинится. Королевский
Свой титул должен потерять? Бог с ним!

По приказанию Генриха король подписывает предписания о созыве парламента в Вестминстере 30 сентября. После этого его везут через Личфилд, Ковентри и Сент-Албанс в Лондон и поселяют в Тауэре.

В пьесе Шекспира, сцена в замке Флинт, Болингброк преклоняет колени перед Ричардом, заявляя: «Мой государь, я за своим явился». Это должно означать, что ему надо всего лишь вернуть владения. Так оно и было в то время, когда герцог высаживался в Йоркшире. С той поры его намерения изменились: он не желает больше, чтобы Ричард продолжал

оставаться королем. И у него для этого есть основания. Если за Ричардом сохранится корона, то он начнет беспощадно мстить. Последние два года он правил страной, проявляя жестокость и коварство, свойственные обычно восточным деспотам, а не английскому королю. Англия нуждалась в сильном и просвещенном монархе, который опирался бы на старое дворянство, а не на кучку своекорыстных фаворитов. Очевидным законным наследником был Эдмунд Мортимер, граф Марч, праправнук Эдуарда III — по линии его сына Лайонела, герцога Кларенса и дочери Лайонела Филиппы. Но ему исполнилось всего восемь лет. Притязания на трон герцога Ланкастера могли основываться лишь на том, что он вел свое происхождение от младшего брата Лайонела Джона Гонта и только по мужской линии. Кроме того, Ланкастер был намного старше Эдмунда Мортимера, а восторженный прием, оказанный ему на всем пути от Рейвенскара до Глостера, убедил герцога в том, что в Англии его любят. Неизвестно, когда именно он переменял свои намерения и давал ли какую-либо клятву в Донкастере, но ясно одно: к тому времени, когда Ричард оказался в его руках, решение уже было принято.

Оставалось сделать две вещи: низложить Ричарда и доказать, что именно он, Генрих, является законным наследником короны. И действовать надо было быстро: в период безвластия могли измениться настроения великих лордов севера или французский король мог вступить за своего зятя. Прецедент уже имелся — низложение Эдуарда II, хотя это и происходило семьдесят два года назад. В понедельник 29 сентября Ричард подписал в Тауэре акт об отречении в присутствии представителей закона, духовных и светских лордов, землевладельческой знати. Затем он положил корону на пол перед собой, отдавая ее не герцогу Ланкастеру, а Господу.

Конечно, наследование трона Ланкастером не могло не вызывать сомнения. Эдуард II отрекся от престола в пользу

сына, законного преемника. Права Генриха на корону вовсе не казались столь же безусловными. Некоторое время назад парламент уже объявил наследником Мортимера, на случай если Ричард будет бездетным. Тщетно Генрих пытался отыскать в анналах и хрониках главных религиозных домов полезные для себя прецеденты или свидетельства. Какой бы популярностью он ни пользовался, его позиции были намного слабее, чем у юного Эдмунда, графа Марча. Герцог даже вытащил на свет божий старую и забавную легенду о том, будто его прапрадед по материнской линии Эдмунд Горбун родился раньше своего брата Эдуарда I. Достоверность этой истории, естественно, не была доказана: в противном случае оказалось бы, что и Ричард, и все трое его предшественников правили Англией нелегитимно. Затем Генрих надумал обосновать свои претензии правом завоевателя, на что ему совершенно здраво указали: это противоречит английским законам. Оставался еще третий вариант: специальный парламентский акт. Однако и сам Генрих прекрасно знал: парламент, подобно флюгеру, поворачивается туда, куда дует ветер, сначала дает, а потом отбирает.

Но Генрих нашел выход, остроумный и изящный. Его права на корону должна признать ассамблея, созванная как парламент, но парламентом на самом деле не являющаяся. На парламенте обязательно присутствие короля, которого фактически уже не было. 30 сентября 1399 года, в день, предписанный самим Ричардом в замке Флинт, в Вестминстер-Холле, где все еще продолжалась реконструкция, собралась представительная ассамблея. Трон на высоком постаменте пустовал, и он был накрыт золотой парчой. Архиепископ Йоркский зачитал на латыни и английском языке отречение Ричарда и тридцать три статьи, перечисляющие его преступные деяния. Ричард хотел лично присутствовать на слушаниях, чтобы выступить в собственную защиту, но его требования были просто-напросто проигнорированы, как и отважные попытки защитить его, предпринятые епископом Карлайлским и некоторыми дру-

гими сторонниками свергаемого короля. Ассамблея затем единодушно согласилась признать его отречение, объявив Ричарда низложенным.

Теперь подошло время говорить самому Генриху:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Я, Генрих Ланкастер, притязаю на королевство Англию и корону со всеми их подданными и всем, что им принадлежит, ибо являюсь прямым потомком великого Генриха Третьего. И по этому праву, ниспосланному мне милостью Божьей, благодаря моему роду и моим добрым друзьям я готов вступить во владение тем, что находилось на грани уничтожения вследствие недееспособности правления и попрания благодетельных законов».

Выражения Генриха были намеренно расплывчатые. Вся ассамблея — епископы, лорды, граждане — дружно провозгласила его законным королем нации, а он показал кольцо с печаткой, которое ему якобы накануне дал Ричард. Архиепископ Арундел подвел его к трону, откуда Генрих произнес еще одну краткую речь — благодарственную. В ней особенно выделяются, пожалуй, такие слова:

«Пусть никто не думает, что я буду путем завоеваний лишать наследств, привилегий или иных должных прав кого-либо или отбирать что-либо имевшееся и имеющееся у человека в соответствии с благодетельными законами и обычаями королевства, исключая тех лиц, которые вредят добрым предначинаниям и общей пользе отечества».

Трудно сказать, кому конкретно было адресовано его предупреждение. Однако он недвусмысленно напомнил слушателям и о своем происхождении, и о статусе завоевателя. Примечательно и то, что Генрих ни разу не сослался на полномочия парламента.

Коронация Генриха состоялась менее чем через две недели, в День святого Эдуарда, в понедельник 13 октября — в годовщину со дня его отъезда из Лондона в изгнание. Его помазали елеем из чудотворного фиала, якобы подаренного святому Томасу Беккету Девой Марией, спрятанного затем в Пуатье и найденного дедом короля герцогом Ланкастером. Герцог передал фиал Черному Принцу, а тот хранил его в лондонском Тауэре, где чашу, в свою очередь, обнаружил Ричард II, правда, слишком поздно для того, чтобы использовать сосуд во время собственной коронации. Совершенно ясно, что елей должен был придать особый священный ореол церемонии и окончательно утвердить за Генрихом право на трон.

Наказания последовали, но не много. Герцогов Албемарла, Суррея и Эксетера обвинили в причастности к убийству Глостера, но они сослались на форс-мажорные обстоятельства, и у них всего лишь отобрали герцогства, вернув им титулы графов Ратленда, Кента и Хантингдона. Епископ Карлайла, обвиненный в том же, несмотря на настойчивые заверения в невинности, потерял свое епископство. Ко всем остальным новый король проявил удивительное милосердие, а Ратленд и Хантингдон еще до конца года снова стали членами королевского совета.

Шекспир магически умещает в одной сцене (четвертый акт) два разноплановых сюжета — церемонии отречения Ричарда и восхождения на трон Генриха, происходящие в Вестминстер-Холле. Сцена начинается с того, что сэр Уильям Багот, поддержанный другими лордами, обвиняет Албемарла (Омерля) в убийстве герцога Глостера, после чего присутствующие обмениваются резкими выражениями, а Албемарл гневно отвергает наветы. (Все это в действительности имело место в парламенте через две недели, 16 и 18 октября.) Затем следует сообщение епископа Карлайлского — всего несколько строк из числа самых прекрасных у Шекспира — о смерти в Венеции Томаса Моубри, герцога

Норфолка* — в ответ на предложение дожидаться его возвращения для поединка:

Изгнанник Норфолк много раз сражался
В рядах преславных воинов Христа,
И знаменье креста он поднимал
На турок, сарацин и чернокожих;
И, утомлен войною, удалился
В Италию; в Венеции он предал
Земле страны чудесной этой тело,
А душу чистую — вождю Христу,
Под знаменем которого сражался.

Здесь же епископ набрасывается на Болингброка с осуждением действий герцога**, уже почти короля, за что его арестовывают. Только после этого появляется сам Ричард, вручает корону кузену и произносит волнующую речь об отречении:

Сняв бремя с головы своей, его
Я отдаю со скипетром тяжелым,
Из сердца гордость сам я вырываю,
Слезами сам смываю свой елей,
Своей рукой я отдаю корону,
Священный сан с себя слагаю сам;
Я отвергаю знаки почитанья,
От блеска отрекаюсь и величья,
От всех моих доходов и земель,
От всех моих указов отступаюсь.

Неизбежно Шекспир упускает или упрощает все правовые детали смены власти. Для него важнее передать особен-

---

* Герцог Норфолк умер 22 сентября 1399 г. от чумы, возвращаясь из Иерусалима. Его похоронили в соборе Святого Марка. От его усыпальницы сохранилась только геральдическая плита, которую можно увидеть в замке Корби в Камбрии.

** Согласно Холиншеду, епископ Карлайла 22 октября протестовал главным образом против предложения судить Ричарда.

ности природы Ричарда, его отношение к низложению. Ричард растерял всю свою злость, высокомерие, напыщенность. Остались только жалость к себе, самобичевание, редкостное самоощущение, нигде более не выраженное с таким душевным надрывом. Сцену заканчивает аббат Вестминстерский, впервые намекая Албемарлу и епископу Карлайлскому на заговор — преждевременно, так как заговорщики на самом деле встретились лишь 17 декабря.

Тема заговора развивается в пятом акте, где также впервые проявляется заметное влияние еще одного важного исторического источника — труда Сэмюэла Даниэля «First Fowte Bookes of the ciuile warres between the two houses of Lancaster and Yorke»*, датируемого 1595 годом. Отзвуки этой исторической поэмы встречаются и ранее, но они незначительны и только лишь в последнем акте мы видим прямую связь между двумя произведениями. Даниэль, родившийся в 1562 году, был одним из самых ярких и талантливых поэтов Елизаветинской эпохи, и историческая достоверность интересовала его так же мало, как и Шекспира. Вполне возможно, что именно ему пришла в голову идея превратить супругу Ричарда королеву Изабеллу, одиннадцатилетнюю девочку, во взрослую молодую женщину и создать душещипательную сцену прощания с мужем. В любом случае первая сцена пятого акта является полнейшим вымыслом, как и последующий эпизод, в котором герцог Йорк красочно рассказывает о церемониальных въездах в Лондон Генриха и Ричарда. Генрих, по замечанию Адама из Уска, «за пятьдесят дней повергший короля и завоевавший королевство», действительно мог чувствовать себя героем и устроить такой спектакль. Холинshed описывает огромные толпы людей, собравшихся на улицах, и их восторг. Фруассар же специально отмечает, что Ричарда никто не заставлял участвовать в процессии публичного въезда в город**. Новому королю гораздо важнее было поскорее от него избавиться.

---

* «Первые четыре книги о гражданских войнах между домами Ланкастеров и Йорков». — *Примеч. пер.*

** Фруассару в это время уже было шестьдесят лет. Он не был в Англии тридцать лет, если не считать недолгий визит в Элтем в 1395 г.

Генрих мудро предпочел решать судьбу бывшего монарха с помощью советников. 23 октября граф Нортумберленд созвал собрание палаты лордов, и пятьдесят восемь уважаемых сэров рекомендовали отослать Ричарда в такое место, откуда никто не сможет его освободить. Через четыре дня парламенту официально сообщили о том, что низложенного короля приговорили к пожизненному заключению, но место заточения утаили. 28 октября его тайком вывезли из Тауэра сначала в Грейвсенд, а затем в замок Лидс в Кенте. Потом Ричарда переправили из Лидса в «Помфрет», ланкастерский замок Понтефракт в Йоркшире. Там он и оставался до конца своих дней.

Возможно, замок Понтефракт и был недосягаем для толпы. Но это обстоятельство не могло помешать бывшему епископу Карлайла, теперь уже не имевшему епархии, и некоторым верным друзьям — Хантингдону, Кенту, Ратленду и Солсбери — замыслить убийство Генриха IV и его сыновей во время празднеств Богоявления 6 января 1400 года в Виндзоре. Замысел вполне мог реализоваться, если бы Ратленд не раскрыл его ненароком своему отцу герцогу Йорку: и у Шекспира, и у Холиншеда Йорк замечает в руках сына письмо, выхватывает, прочитывает и, естественно, ставит в известность короля*. Генрих незамедлительно уезжает с семьей в Лондон. Однако ему не удается изловить мятежников, они завладевают замком и распускают слухи о том, что Ричард будто бы сбежал и набирает армию в верховьях Темзы. Но лондонцев не так-то легко застрашать, и через пару дней у Генриха уже было войско численностью двадцать тысяч человек. В сражении у Мейденхеда победа не досталась ни одной из сторон. Повстанцев все же вскоре поймали в Сиренстере, и там же 8 января были обезглавлены Кент и Солсбери. Хантингдон успел сбежать в Шуберинесс в Эссексе, но скоро и его изловили и тоже казнили; скользкий Ратленд вовремя переметнулся к Генриху. Король триумфально воз-

---

* Вторая сцена пятого акта.

вратился в Вестминстер 15 января, проезжая между рядами остроконечных пик с насаженными на них головами своих противников.

К этому времени Ричард провел в замке Понтефракт уже около двух месяцев. О том, когда и как он умер, неизвестно до сих пор. Шекспир вслед за Холинshedом изображает дело так, как будто его сразил некий сэръ Пирс Экстон, услышавший сетование короля на то, что нет друга, который избавил бы его от «этого живого страха» — повторявшего фактически жалобу своего тезки Генриха II на Томаса Бекета, из-за которой более двух столетий назад и зарубили мятежного священника верные королю рыцари. Эту версию исключать, конечно, нельзя. Однако ввиду существовавшего тогда негативного отношения к пролитию крови помазанного монарха, более правдоподобным, если уж говорить о насильственной смерти, представляется другой исход: удушье. Бытует и такая легенда: узнав о провале попыток восстановить его на троне, Ричард отвернулся лицом к стене, отказался принимать пищу и умер от голода. Совершенно точно известно лишь то, что 29 января 1400 года французский король и его совет уже знали о кончине Ричарда. Тело покойного монарха, дабы развеять слухи о том, что он все еще жив, перевезли в Лондон и выставляли напоказ на всем пути. Потом два дня оно лежало в соборе Святого Павла, новый король почтил своим присутствием заупокойную мессу и подержался рукой за похоронный покров, а затем уж усопшего Ричарда доставили в королевский замок Лэнгли в Хартфордшире для погребения. В 1413 году Генрих V повелел перезахоронить его в Вестминстерском аббатстве — в усыпальнице, возведенной еще самим Ричардом для первой жены Анны. Надгробное скульптурное изображение было выполнено лондонскими медниками Николасом Брукером и Годфри Престом еще при жизни, и его можно считать портретом. Мы видим лицо человека чувственного и нерешительного, с удлиненным носом и короткой заостренной бородкой, обрамленной завитушками.

Шекспировский Генрих, как и его далекий предшественник, старается отмежеваться от преступления, если это на самом деле было преступление. В то же время он не может полностью избавиться от чувства прямой или косвенной вины, и завершается пьеса его клятвенным обещанием смыть ее в Святой земле:

Люблю убитого, хоть смерти сам
Ему желал; убийца ж — мерзок нам...
В Святую землю я намерен плыть,
Чтоб эту кровь с греховных рук омыть.

Это заявление тоже похоже на вымысел. Согласно Холлиншеду, король действительно давал такую клятву, но делал он это в конце своего правления, а не в начале и не в порядке искупления. Генрих, безусловно, постарался соблюсти все формальности, связанные с погребением, и заказал тысячи обеден за упокой души Ричарда: как-никак он же был глубоко и искренне верующим человеком. И было бы удивительно, если бы смерть Ричарда вызывала в нем не чувства печали и скорби, а облегчения.

6

«Король Генрих IV». (Часть первая) (1400—1403)

П р и н ц:

...и не думай, Гарри,
Что впредь со мной делить ты будешь славу:
Двум звездам не блистать в одной орбите,
И принц Уэльский вместе с Гарри Перси
Не могут властвовать в одной стране.

«Генрих IV». (Часть первая)

Во время восшествия на трон Генриху IV было тридцать два года. Он родился 3 апреля 1367 года в отцовском замке Болингброк, стоявшем неподалеку от Спилсби в Линкольншире, через три месяца после появления на свет кузена Ричарда, в день великой победы при Нахере, одержанной отцом Джоном Гонтом и дядей Черным Принцем. Когда ему исполнилось десять лет, дед Эдуард III произвел его в рыцари ордена Подвязки, а через три месяца, в июле 1377 года, он уже с мечом на поясе участвовал в коронации Ричарда. В том же году ему дали титул графа Дерби; позднее Генрих получил еще графства Лестер, Линкольн и Нортгемптон, в 1397 году стал герцогом Херефорда, а в 1399-м, после смерти отца, герцогом Ланкастера. По свидетельству хрониста XVI века Эдуарда Холла, наружность его была

«посредственная», но он был пропорционально и компактно сложен, имел отличные ровные зубы и густую темно-рыжую бороду. Фруассар называет его просто beau chevalier (красивый дворянин). Хотя Генрих и не отличался утонченностью вкусов и манер своего кузена, без сомнения, обладал острым умом и, конечно же, успел повидать мир. В 1391—1393 годах Болингброк сначала побывал в Ливонии с тевтонскими рыцарями, потом совершил паломничество в Иерусалим к Гробу Господню, посетив Прагу, Вену, острова Родос и Кипр, а на обратном пути — Венецию, Милан, Павию и Париж, не пропустив ни одной известной святыни. Обе миссии были предприняты исключительно во имя веры, так как он был истинно благочестивым человеком. Не меньше он был предан и своей жене Марии Боэн, дочери графа Херефорда и Эссекса, умершей в 1394 году, будучи беременной шестым ребенком.

Несомненно, во время коронации Генрих пользовался популярностью по всей стране. Его подданные в большинстве своем искренне верили: он захватил власть только вследствие негодного правления предшественника. Тем не менее его положение было опасно непрочным. При Ричарде престиж монархии упал так низко, как никогда прежде со времен Эдуарда II, а может быть, и нормандского завоевания, но он все-таки считался законным королем. Генрих по всем меркам был узурпатором, нарушившим не одну клятву. Кроме того, в последние годы парламент набрал силу и почувствовал вкус к власти. Он прибрал к рукам финансовые ресурсы и не позволял королю забывать об этом.

Однако самые главные неприятности поджидали Генриха за рубежом. Неприязнь французского двора он предвидел. Вряд ли Карл VI мог спокойно отнестись к низложению, а возможно, и убийству своего зятя. Едва ли он обрадовался и визиту эмиссаров, посланных к нему Генрихом уже через месяц после коронации с предложением обвенчать королеву Изабеллу с юным принцем Уэльским. Не успела эта незадачливая миссия вернуться домой, как шотландцы, восполь-

зовавшись отсутствием Перси и графа Уэстморленда, пребывавших в Лондоне, перешли границу и завладели замком Уарк в Нортумберленде, разорив все вокруг и взяв в заложники хранителя с семьей и дворней. В августе 1400 года разгневанный Генрих отправился с небольшим войском в Шотландию и, игнорируя призывы к мирному урегулированию, потребовал от короля Роберта III принести ему в Эдинбурге вассальную присягу. Роберт отказался, а когда Генрих подошел к Эдинбургу, то ворота города перед ним не открылись. Герцог Родесей (Rothesay), командовавший гарнизоном, предложил сойтись в битве ограниченному числу рыцарей с обеих сторон, с тем чтобы не пролилось слишком много христианской крови, но король отверг его инициативу. К концу месяца Генрих со своими людьми вернулся в Англию, ничего не достигнув и получив лишь туманное обещание подумать над его притязаниями на верховенство. С той поры Генрих больше не вторгался в Шотландию, и это был последний случай, когда английский король переходил границу своей страны во главе армии.

Генрих успел дойти только до Нортгемптона, как начался мятеж в Уэльсе. Он разгорелся на почве застарелого конфликта между лордом Греем Рутинским, верным сторонником короля, и Оуэном Глендоуэром*, богатым и влиятельным валлийским землевладельцем, прилежно изучавшим когда-то право в Вестминстере, а теперь взявшимся опустошать приграничные земли по реке Уай, терроризировать население и уже разграбившим несколько городов. В Уэльс стали спешно возвращаться валлийцы, жившие в Англии, в том числе и те, кто учился в Оксфорде и Кембридже. 19 сентября король набрал рекрутов в ближайших графствах и двинулся через Ковентри и Личфилд в Шропшир, но повстанцы скрылись в лесах и не желали с ним встречаться. Менее чем за месяц уэльская экспедиция завершилась так же бесславно, как и

---

* Иные написания: Глендур, Глендовер, Глендаур (Glendower). — *Примеч. пер.*

шотландская. На следующий год появился «Уэльский статут», предписывавший в числе других положений реквизировать замки у лордов, которые не содержат их в надлежащем состоянии, и определенные должности в Северном Уэльсе занимать только англичанам. Однако в Страстную пятницу 1401 года валлийцы захватили замок Конузэй. Восстание Глендоуэра принимало серьезный размах.

Экспедиции и в Шотландию, и в Уэльс не способствовали повышению престижа короля, хотя они, наверно, его кое-чему научили. Вернувшись за четыре дня до Рождества в Лондон, Генрих неожиданно для себя должен был принять знатного гостя — Мануила Палеолога, императора Византии, два месяца просидевшего в Кале в ожидании возвращения короля с севера. Генрих встретил его в Блэкхите, сопроводил в столицу и занимал беседой на пышном банкете, устроенном на Рождество в Элтеме. Ему пришлось отказать императору в предоставлении военной помощи для борьбы с турками, но он каким-то образом умудрился раздобыть 3000 марок и пожертвовать их на благо христианства, перед тем как попрощаться со странным визитером.

Это было незаурядное достижение: парламент держал его на строгой финансовой диете. Со времени восшествия на престол король должен был почти постоянно занимать деньги у своих наиболее состоятельных подданных (среди них был и будущий мэр Лондона Ричард Уиттингтон, ставший почему-то вместе со своей кошкой героем одной из популярных английских сказок). Он уже значительно урезал расходы королевского двора и неустанно искал, где и на чем еще можно сэкономить. Тяжелым бременем на казну давило присутствие в Англии вдовы Ричарда королевы Изабеллы. Хотя ей было всего лишь одиннадцать лет, содержание юной королевы и ее свиты обошлось ему почти в 3000 фунтов стерлингов уже в первый год правления, и когда стало ясно, что она не будет его невесткой, Генрих решил поскорее вернуть ее в Париж. Однако возникали определенные трудности. Во-первых, ее приданое, а Карл VI хотел получить его

обратно, уже было полностью истрачено. Во-вторых, королеву Англии и принцессу Франции нельзя было просто так посадить на корабль и отослать к отцу — ее следовало проводить со всеми государственными почестями, а они обходятся недешево. Переговоры по этому поводу велись с начала 1401 года почти пять месяцев; стороны достигли соглашения только 27 мая. 28 июня Изабелла нанесла королю прощальный визит — для обоих не очень приятная процедура, поскольку она привязалась к мужу и считала Генриха его убийцей, — и отправилась в Дувр.

Процессия, безмолвно и торжественно шествовавшая по улицам Лондона, ошеломляла своей грандиозностью. Королеву сопровождали герцогиня Ирландии — вдова Роберта де Вера — теща Генриха графиня Херефорд, епископы Херефордский и Даремский, графы Вустер и Сомерсет, еще четыре лорда, шесть рыцарей, а также камергер, исповедник и секретарь Изабеллы и бесчисленная рать оруженосцев, придворных дам и девиц с йоменами, слугами и конюхами. Большинство провожавших восседали на собственных скакунах, но королевский двор выделил дополнительно еще девяносто четыре лошади. Специально для этого случая были пошиты траурные одеяния для Изабеллы и ее свиты; в Париж отправлялось столовое серебро и несколько комплектов роскошной мебели. Король набрал долгов на общую сумму 8000 фунтов для того, чтобы устроить этот пышный отъезд королевы Изабеллы и дать ей достаточно денег на достойные подарки для тех, кто ей добросовестно служил. Путешествие из Лондона в Кале заняло целый месяц, и только 31 июля королеву официально передали специальному комитету во главе с Валераном Люксембургским, графом де Сен-Полем*. В 1406 году

---

* Граф де Сен-Поль, женатый на единоутробной сестре Ричарда II, объявил Генриху IV персональную войну, на которую, естественно, не распространялось действовавшее тогда перемирие, чтобы отомстить за родственника. Он ввел флот в устье Гаронны, чтобы нападать на суда, доставлявшие вино в Англию, а в 1403 г. совершил несколько налетов на английское побережье и остров Уайт.

Изабелла снова вышла замуж — за кузена, четырнадцатилетнего графа Ангуема, который на следующий год наследовал убитому отцу — брату короля — и стал герцогом Орлеанским. Через два года — в 1409 году — она умерла при родах. Ей было тогда всего лишь девятнадцать лет.

Ко времени отъезда Изабеллы Генрих IV уже семь лет жил как вдовец. Мария Боэн родила ему четверых сыновей, он мог не беспокоиться о наследовании трона, но ему было всего тридцать четыре года и Генрих не раз задумывался о повторной женитьбе. Такая возможность появилась после смерти в ноябре 1399 года старого герцога Бретани Иоанна IV, оставившего свою молодую жену Иоанну — дочь Карла II, короля Наварры*, — регентствовать над малолетним сыном. Генрих если и встречался с ней, то случайно и накоротке. Тем не менее предварительные переговоры о браке начались сразу же, как только завершился положенный срок траура по покойнику, и 3 апреля 1402 года в Элтеме состоялось заочное венчание — без присутствия жениха и невесты. Прошел еще почти год, прежде чем Генрих и Иоанна смогли общаться друг с другом в роли супругов. Корабль, на котором находилась Иоанна, пять дней боролся со штормом и прибыл не в Саутгемптон, а в Фалмут 19 января 1403 года, и Генриху пришлось проскакать больше девяноста миль до Эксетера, чтобы встретить свою новую жену. 7 февраля в Винчестере была проведена вторая церемония венчания, а 26 февраля Иоанну короновали королевой Англии в Вестминстере. Через пять месяцев герцог Бургундский заставил ее отказаться от регентства и поручить ему опекать сыновей, так что если Генрих и имел какие-то виды на Бретань, то он просчитался. Брак с Иоанной хотя и оказался бездетным и вызывал ворчание парламента ввиду большого числа иностранцев, привезенных ею, судя по имеющимся скудным свидетельствам, в целом

---

* Небольшое независимое королевство между Францией и Испанией на западе Пиренеев.

был счастливым, и Генрих снова доказал, что может быть верным, великодушным и заботливым супругом.

Действие первой сцены шекспировской «Истории Генриха IV» — когда пьеса впервые издавалась в 1597 году*, не имелось никаких указаний на то, что это была пока еще первая часть, — происходит по времени где-то между двумя венчаниями, летом 1402 года. Точную дату определить трудно, поскольку в этом эпизоде король получает известия одновременно о двух военных столкновениях, которые в действительности разделяет почти три месяца. Сначала в бою, разгоревшемся 22 июня под Пиллетом в Радноршире, люди Глендоуэра пленили Эдмунда Мортимера, дядю юного графа Марча. Генрих, решив покончить с Уэльсом раз и навсегда, сформировал три армии общей численностью, как свидетельствуют хронисты, 100 000 человек — в Честере, Шрусбери и Херефорде, и они должны были выступить в поход 27 августа. Король возглавил контингент Шрусбери. Увы, экспедиция оказалась столь же безуспешной, как и предыдущие кампании. Валлийцы, по своему обыкновению, избегали сражений. Все время стояла отвратительная погода. Казалось, сама природа ополчилась против Генриха — говорили, будто из-за колдовства францисканских монахов, не простивших ему узурпацию трона. 8 сентября разразилась такая буря с градом, что рухнул шатер короля, на него свалилось копьё, и его спасла лишь броня, хотя трудно поверить в то, что он спал в доспехах. Спустя три недели Генрих вернулся домой, так ничего и не достигнув.

Второе столкновение произошло уже не с валлийцами, а с шотландцами — в шекспировском «Холмедоне», известном нам под названием Хомилдон-Хилл. 14 сентября англичане сразились с шотландской армией Арчибальда, 4-го графа Дугласа, перешедшей границу и добравшейся до самого

---

* По старому стилю год начинался 25 марта. По новому стилю, официально признанному в Англии лишь в 1752 г., это был бы 1598 г.

Дарема, разоряя деревни и губя урожай. Когда она возвращалась обратно, ее перехватили ополченцы Перси, которыми командовали Нортумберленд и его сын Гарри Хотспер. Шотландцы понесли тяжелые потери, пятьсот человек, бежавших с поля битвы, утонули в реке Твид. Дуглас и еще несколько знатных шотландцев были взяты в плен. Англия нуждалась в победе, но когда король, находясь в Давентри, узнал о триумфе, радости он не испытывал. В семействе Перси он уже начал видеть если не угрозу, то серьезный раздражитель. Их успехи в противостоянии с шотландцами контрастировали с его провалами в Уэльсе. Кроме того, короля огорчал беспутный образ жизни собственного сына Генриха, который явно проигрывал в сравнении с доблестным Гарри Хотспером. О чем с сожалением и говорит король в пьесе Шекспира:

О, если б сказка обернулась былью,
И по ночам порхающая фея
Младенцев наших в люльках обменяла,
И мой бы звался Перси, а его —
Плантагенет! Да, мне б такого сына!..*

Король требует отправить всех пленников в Лондон; Хотспер соглашается, но оставляет у себя на севере графа Дугласа. Четырнадцать лет назад, в 1388 году, он сам был пленен шотландцами в кровавой схватке при Оттерберне (Чевин-Чейзе) и долго томился в заложниках. Хотспер жаждал мести, и Дуглас, видимо, представлял для него особую

---

* Первая сцена первого акта. Шекспир вслед за Сэмюэлом Даниэлем представляет нам Хотспера таким же юным, как сын короля, а во второй сцене третьего акта король еще раз подчеркивает это обстоятельство («Марс в пеленках, дитя-боец»). В действительности Хотспер был старше на двадцати три года. Он родился в 1364 г., и во время сражения при Хомилдон-Хилле ему уже было тридцать восемь лет. Пятнадцатилетний принц Уэльский едва достиг возраста, когда вряд ли можно и кутить.

ценность. Генрих же оскорбился, хотя по законам войны, и он это знал, королю должны были выдаваться только принцы королевской крови*. Отказ Хотспера отдать ему Дугласа отчасти и вызвал скандал, случившийся позднее в парламенте в октябре.

Граф Нортумберленд и его сын представили королю и парламенту графа Файфа и других пленников, захваченных у Хомилдон-Хилла, 20 октября в Уайтхолле Вестминстера. Генрих встретил шотландцев приветливо, отметил доблесть графа и потчевал их за своим столом в Расписной палате. Но отсутствие Дугласа продолжало терзать душу Генриха, разгорелась ссора, представителей клана Перси окончательно обозлил отказ короля выкупить их родича Мортимера**, Генрих обозвал Хотспера предателем и выхватил кинжал. «Только не здесь, а в поле!» — прокричал в ответ Хотспер и ускакал из Вестминстера. Жребий был брошен.

Шекспиру снова приходится объединять в одной сцене (I. 3) несколько сюжетов и допускать незначительные погрешности против истории. Он путает Эдмунда Мортимера, пленника, а затем зятя Глендоуэра, с его племянником-тезкой, который, собственно, и является формальным наследником трона. Драматург отождествляет английских графов Марчей (Мортимеров) с шотландскими (не Мортимерами) и изображает дело так, как будто Хотспер хотел оставить у себя всех пленников, а не одного Дугласа, и вкладывает в его напыщенный монолог восхитительные разъяснения. Поскольку выдача пленников увязывается с выкупом Морти-

---

* Только один пленник Хотспера попадал в эту категорию — Мердок Стюарт, граф Файф, сын Роберта, герцога Олбани и регента Шотландии. Шекспир (первая сцена первого акта) называет его Мордеком и превращает, повторяя ошибку Холиншеда, в сына Дугласа.

** Хотспер был женат на сестре Мортимера Елизавете (не Кейт, как у Шекспира). Когда собрался парламент, уже ходили слухи, будто Мортимер намеренно сдался в плен под Пиллетом. Генрих, кроме того, подозревал, что Мортимер — правнук Эдуарда III — мог претендовать на трон.

мера, король обвиняет «безумного шурина» Гарри Перси в вероломстве:

Клянусь, умышленно тот предал на смерть
Своих людей, которых в бой повел
С Глендауром, этим колдуном проклятым...

Хотспер с жаром отвергает нападки короля на своего родича. После ухода Генриха и его приближенных появляется брат Нортумберленда Томас, граф Вустер, и трое Перси принимают решение присоединиться к заговору архиепископа Йоркского Ричарда Скрупа*.

Практически вся третья сцена отдана на откуп Хотсперу: в ней он главный персонаж. Для Холиншеда — похоже, именно он наградил его этим прозвищем — Гарри Перси был «командиром, наделенным необычайной отвагой», что и подразумевает его былинное имя**. Сэмюел Даниэль описывает его как «безрассудного» и «буйного» молодого человека, и только у Шекспира он предстает в образе «рыцаря без страха и упрека», блистательного, отважного и пламенного бойца, для которого война не средство достижения политических целей, а путь к бессмертной славе:

Клянусь душой, мне было б нипочем
До лика бледного Луны допрыгнуть,
Чтоб яркой чести там себе добыть,
Или нырнуть в морскую глубину,
Где лот не достигает дна, — и честь,
Утопленницу, вытащить за кудри;
И должен тот, кто спас ее из бездны,
Впредь нераздельно ею обладать...

---

* По версии Шекспира, к восстанию архиепископа побудила казнь «брата» Уильяма, графа Уилтшира, обезглавленного вместе с Буши и Грином три года назад в Бристоле. На самом деле они были кузенами.

** «Хотспер» (Hotspur) — в пер. с англ. «Горячая шпора». — *Примеч. пер.*

Хотспер мог быть неуравновешен, несдержан и вспыльчив, но для Шекспира он звезда первой величины. Он важнее принца Хэла, настоящий герой всей пьесы и ее самый запоминающийся персонаж, исключая, конечно, сэра Джона Фальстафа.

Фальстаф, этот добродушный толстяк, поначалу принес своему создателю немало хлопот. Среди источников, которыми Шекспир пользовался при написании своих драматических хроник, была и пустяковая анонимная пьеса под названием «The Famous Victories of Henry V» («Славные победы Генриха V»), опубликованная за три года до появления первой части «Генриха IV». Он, обнаружив там персонажа с именем Джон Олдкасл, фигурировавшего в роли собутыльника юного принца, ввел его, не задумываясь о последствиях, в свое повествование. Уже на первом представлении публика восхитилась и пьесой, и особенно личностью Олдкасла, но лишь после показа второй части «Генриха IV» на постановщиков обрушился гневный протест потомка Олдкасла лорда Кобема и его семьи*. Наследники заявили: он не был ни пьяницей, ни трусом, а, напротив, служил главным шерифом Херефордшира, отважно сражался в уэльских войнах, в 1411 году отличился в экспедиции Арундела в Сен-Клу. Через два года его объявили лоллардом — последователем Джона Уиклифа — и арестовали. Сэру Олдкаслу удалось бежать из тюрьмы, но в 1417 году его снова изловили и сожгли на костре как еретика. В 1563 году он попал в знаменитый труд Джона Фокса «Книга мучеников». Надо ли удивляться тому, что Кобема возмутились очернительством своего предка и потребовали внести изменения в текст.

Семейство было слишком влиятельным, и вряд ли имело смысл пренебрегать его мнением. Шекспир не стал выдумыв-

---

* В издании кварто 1600 г. во второй сцене первого акта использована аббревиатура «Олд», а не «Фаль». Непонятно, почему семейство Кобем не выступило с протестом раньше. Возможно, они не обратили внимания на эту деталь, как это уже было при показе «Славных побед», а после представления второй части «Генриха IV» их прорвало.

вать новый персонаж, а обратился к первой из своих более ранних пьес, «Король Генрих VI», и воскресил другого исторического персонажа — сэра Джона Фастолфа, трансформировав его в Фальстафа. В той пьесе драматург изобразил его отъявленным трусом, покинувшим доблестного лорда Толбота (Тальбот) на поле боя при Патэ, а потом и под Руаном, лишённого ордена Подвязки и изгнанного из страны. Однако Шекспир здесь тоже довольно несправедливо отнесся к исторической личности. В действительности Фастолф отважно сражался при Азенкуре, позднее назначался губернатором Мена и Анжу, регентом Нормандии. Спасовал он только в 1429 году при Патэ, когда Жанна д'Арк обратила его людей в бегство, а Толбот попал в плен. Если бы провели расследование, то его могли оправдать и он бы носил орден Подвязки до конца жизни.

Итак, Олдкасл превратился в Фальстафа, но намек на его прежнее происхождение сохранился в первой части «Генриха IV». Во второй сцене первого акта принц Хэл называет его *«my old lad of the castle»**, хотя во второй сцене второго акта обращение Генриха младшего «Едем, Нэд! Фальстаф, как в смертный час, исходит потом и удобряет землю по пути...» больше подходит к его прототипу. Дабы избежать недоразумений, Шекспир дает новые имена и остальным собутыльникам принца: Харви, имя третьего мужа матери лорда Саутгемптона**, становится Бардольфом, а Расселл, родовое имя графов (позднее герцогов) Бедфорд, превращается в Пето. Теперь Шекспир мог безбоязненно ставить обе пьесы и — почти наверняка в угоду королеве, пожелавшей увидеть Фальстафа в роли любовника, — добавил к ним третью, написанную за две или три недели и исполненную перед ней 23 апреля 1597 года, — «Виндзорские насмешницы».

---

* В русском варианте пьесы это выражение переведено как «старый греховодник». — *Примеч. пер.*

** Генри Ризли, Henry Wriothesley, кому, как считают многие, Шекспир посвятил первое кварто сонетов: «Mr W.H.».

Первые три акта пьесы «Генрих IV». (Часть I) можно назвать, как в пении, антифонными: серьезные политические дискуссии перемежаются комическими сценами с участием Фальстафа и принца Хэла, происходящими либо в его апартаментах в Рочестере или Гадсхилле, либо в трактире «Кабанья голова» в Истчипе. И помимо «Славных побед» имеется немало свидетельств разгульного образа жизни Хэла: один его современник отмечал, что в юности принц был «отменным бездельником, любившим получать удовольствия от музыкальных инструментов и даров Венеры»*, и это подтверждают многие другие хронисты. Шекспир обходится с ним милостиво. Он позволяет себе лишь туманно намекнуть на расхожую (почти наверняка безосновательную) легенду о физическом оскорблении верховного судьи сэра Уильяма Гасконя**, хотя подобные примеры драматург приводит и во второй части, правда, в других целях. Шекспир вовсе не упоминает о такой странной выходке принца (о ней пишет Холиншед), как появление перед отцом «в халате из синего атласа, испещренном дырками, из которых свисали шелковые нитки с иголками». Похоже, ему гораздо интереснее было представить причуды юного Хэла, по замечанию историка XIX столетия Уильяма Стаббса, как шалости пылкого молодого человека, предпочитавшего вольный воздух города и полей затхлоу дворцовой атмосфере». Когда придет время, все эти проказы забудутся, и уже к концу второй сцены принц не оставляет у нас никаких сомнений в том, что так оно и будет. А позже, во второй сцене третьего акта, он убеждает в этом и своего отца:

...час придет,
Когда юнца заставлю променять
Блеск яркой славы на мое бесчестье***.

---

* Тит Ливий Форюлиенс (Titus Livius Forojuliensis), итальянец, служивший у Хамфри Глостера, с. 1437.

** «Ты из-за грубости утратил место в совете нашем», III. 2.

*** Имеется в виду Хотспер. — *Примеч. пер.*

Однако ни Шекспир, ни король ничего не говорят нам о том, что жизнь принца была не такая уж и беспутная. Еще в сентябре 1400 года он сопровождал отца в походе в Уэльс против Глендоуэра, всю зиму провел в Честере, где 30 ноября к нему и по его вызову явились мятежники. В апреле 1401 года Хэл отправился в Уэльс вместе с Хотспером, отвоевал замок Конуэй в мае, а вскоре после этого покорил Меррионет и Карнарвон. В августе — Хотспер уже отбыл — принц вышел в новый поход, и в октябре к нему присоединился король. Следующий год выдался относительно спокойным, и у него оказалось вроде бы предостаточно времени для «Кабаньей головы». Он все еще был сравнительно юн: 9 августа ему исполнилось пятнадцать лет. Однако уже 7 марта 1403 года совет назначил его представителем отца в Уэльсе, в мае он снова вторгся в страну, разрушив два главных замка Глендоуэра. Принц все еще находился в Уэльсе, когда в июле он получил от отца приглашение встретиться с ним в Шрусбери: восстали Перси.

Причины их восстания неизвестны. Сам король был застигнут врасплох, когда узнал о мятеже, пребывая 16 июля в Личфилде: он направлялся к ним на помощь. Можно найти несколько объяснений. Безусловно, свою роль сыграли проблема с хомилдонскими пленниками и упорный отказ Генриха выкупить Мортимера. Но самым большим раздражителем, очевидно, было то, что король не возместил расходы — около 20 000 фунтов стерлингов, — понесенные Перси при защите северной границы. Еще 26 июня Нортумберленд послал королю убедительную просьбу рассчитаться с ними, с тем чтобы государство не опозорилось во время очередной стычки с шотландцами. В письме, хотя и составленном в строгих выражениях, не было ни грама непочтительности или нелояльности: некоторые историки сделали вывод о том, что граф тогда и не думал ни о каком восстании и лишь в последний момент поддался на уговоры своего вечно неугомонного сына.

Версия сомнительная. Четыре года назад Нортумберленд поклялся в том, что король Ричард должен сохранить

корону, и если граф даже не был главным инициатором, то он не мог не знать о заговоре сына, архиепископа Йоркского Ричарда Скрупы, Оуэна Глендоуэра и его зятя Мортимера, лишь недавно женившегося на дочери предводителя валлийцев. Их цели были предельно ясны: низложить Генриха в пользу сына Мортимера, племянника Хотспера, двенадцатилетнего графа Марча, и предоставить Уэльсу во главе с Оуэном независимость. Именно для этого 9 июля в Честер и прибыл Хотспер со своим дядей графом Вустером, заложником Дугласом, другими шотландскими пленниками, уже освобожденными, и 160 всадниками. Его заявление о том, что с ними и король Ричард, имело определенный эффект: у Хотспера прибавилось сил и энтузиазма — через день или два он двинулся на юг на соединение с Глендоуэром, и с притворством было покончено. Эдмунда Марча провозгласили законным королем, а «Генри Ланкастера» обвинили в нарушении клятвы, данной в Донкастере, и умерщвлении Ричарда голодом.

Генрих тоже не медлил. Для него было важно не дать повстанцам соединиться с Глендоуэром. Потратив несколько дней на сбор войск, 20 июля он повел армию быстрым маршем в Шрусбери. Перси появились на следующее утро и, увидев, что ворота закрыты, отошли на три мили к северу по дороге Уитчерч и заняли позиции на склоне Хейтли в приходе Олбрайт-Хасси. Генрих последовал за ними и расположил свои войска у подножия склона. Хронисты сообщают нам: когда Хотспер попросил подать ему излюбленный меч, он услышал в ответ, что его булат остался в деревне Берик (Бервик), где Гарри провел последнюю ночь, но ему не сказали, где именно. Услышав знакомое название, Хотспер вспомнил о прорицателе, предсказавшем ему смерть под Бериком, которым он всегда считал Берик-он-Твид. «Вот и мне осталось пройти последнюю борозду», — будто бы промолвил Гарри. Переговоры о перемирии при посредничестве аббата Шрусбери ничего не дали, и около полудня король дал команду войскам идти в атаку. Принц Уэльский, ранен-

ный в лицо стрелой, пущенной чеширским лучником, повел своих людей по склону и ввязался в рукопашную схватку. Хотспер и Дуглас с отрядом из 30 отборных воинов прорвались к королевскому штандарту, свалили его на землю, но добраться до Генриха не смогли: король, как говорят, отправил на тот свет по крайней мере 30 мятежников, и его самого раза три сбивали с ног. Вскоре был сражен Хотспер, как всегда бившийся во главе своего войска. Весть о его гибели быстро распространилась среди повстанцев. Вустер и Дуглас попали в плен, у мятежников больше не было ни сил, ни желания продолжать бой, и к наступлению ночи битва закончилась.

Это случилось в субботу, 21 июля. Через два дня Вустера и еще двух мятежных рыцарей казнили как изменников. Хотспера похоронили в родовой часовне в Уитчерче, но долго он там не пролежал. Дабы развеять слухи о том, что он все еще жив, его тело привезли обратно в Шрусбери, натерли солью, чтобы оно как можно дольше сохранилось, и поставили между двумя жерновами рядом с городским позорным столбом. Позже голову отсекли, украсив ею ворота Йорка, а тело четверговали и каждую четвертушку развесили на воротах Лондона, Бристоля, Честера и Ньюкасла.

Генрих поспешил на север к Нортумберленду, который сдался ему в Йорке 11 августа. Графа заточили в тюрьму, отобрали все замки, но жизнь сохранили. Король затем двинулся на юго-запад, провел небольшую кампанию в Уэльсе и на зиму вернулся в Лондон. Но проблем меньше не стало. И после четырех попыток подчинить валлийцев непокорный вождь Глендоуэр продолжал вести себя дерзко и воинственно. Из-за пролива продолжали угрожать войной французы, время от времени совершая набеги на южное побережье. Постоянную головную боль создавали финансовые трудности. Победа над семейством Перси под Шрусбери несколько повысила популярность короля, и сын сделал себе имя отвагой, но Небеса, казалось Генриху, все еще гневались на узурпатора и будущее было окутано мраком неизвестности.

Практически весь третий акт первой части «Генриха IV» — плод драматургического воображения. Он начинается с беседы заговорщиков — Хотспера, Вустера, Мортимера и Оуэна Глендоуэра. Встреча не предвещает ничего хорошего их затее. Хотспер объявляет, что забыл карту, Глендоуэр показывает ему ее, и между ними завязывается долгая перепалка. Валлиец похваляется знаменами*, которыми сопровождалось его рождение, предсказавшими ему необычайные способности и славные подвиги; Хотспер подтрунивает над ним и намеренно злит. После обмена колкостями Глендоуэр выходит из комнаты, но скоро возвращается со своей дочерью леди Мортимер и женой Хотспера леди Перси. (В одном месте Мортимер называет леди Перси тетей, хотя она приходится ему сестрой.) Хронисты нам ничего не сообщают об этих двух дамах, их образы сотворил для нас Шекспир. Драматург добродушно посмеивается над тем, что супруги Мортимер не понимают языка друг друга, и заставляет леди Мортимер спеть уэльскую песню. По контрасту леди Перси, которую мы уже видели во втором акте, женщина с характером, постоянно подшучивает над своим супругом и отказывается состязаться в пении с валлийской невесткой. Сцена завершается проявлением готовности конспираторов осуществить свой замысел.

Затем следует неллицеприятный разговор короля с принцем Уэльским. Король попрекает сына беспутством, принц оправдывается, ссылаясь на то, что слухи о его разгульной жизни преувеличены. Тем не менее он сожалеет о том, что доставляет отцу неприятности, обещает исправиться и искупить свои проступки славными делами. (Третья сцена, происходящая в трактире «Кабанья голова», наглядно доказывает, что время для исправления еще не наступило.) Заверения принца в своем будущем благоразумии прерываются появлением сэра Уильяма Бланта — персонажа, играющего

---

* Известно, что эти знамена появились при рождении Мортимера, а не Глендоуэра, но Шекспиру свойственно смешивать персонажей.

в пьесе гораздо более важную роль, нежели обыкновенного знаменосца, как у Холиншеда — с вестями о наступлении повстанцев. Мятежники собрались не под Шрусбери, как сообщает королю Блант, а под Честером, и указания Генриха сыну идти через Глостершир и встретиться с ним в Бриджнорте также далеки от исторической реальности уже по той причине, что — и это мы уже знаем — принц в это время находился на западе. Но такие незначительные отклонения от действительности вполне укладываются в нормы художественной вольности, и мы не имеем права относиться к ним предосудительно.

К сожалению, мы не можем сказать то же самое об обращении с фактами при описании битвы с повстанцами, чему посвящены два последних акта пьесы. Первая сцена четвертого акта начинается с того, что накануне сражения, в пятницу, 20 июля, Хотспер и недавно освобожденный Дуглас узнают от гонца: Нортумберленд заболел и к ним не приедет. По свидетельству Холиншеда, неизвестная хворь прихватила графа раньше, он уже выздоравливал, а в день битвы спешил к сыну. Для Шекспира же важно показать тяжелое положение в лагере Перси. После гонца прибывает сэр Ричард Вернон — Холиншед лишь о нем упоминает — и сообщает о том, что против повстанцев выступили сам король, его младший сын Джон Ланкастер*, граф Уэстморленд и, конечно же, принц Уэльский:

Я видел принца Гарри:
С опущенным забралом, в гордых латах,
В набедренниках, над землей взлетев
Меркурием крылатым, так легко

---

* Во время битвы при Шрусбери принцу Джону было тринадцать лет. Не имеется исторических свидетельств его участия в этом сражении. Шекспир представляет нам здесь его, а не старшего брата Томаса Кларенса, лишь по той причине, что ему предстоит сыграть важную роль в событиях, происходящих в Голтрийском лесу в четвертом акте второй части «Генриха IV».

Вскочил в седло, как будто с облаков
Спустился ангел — укротить Пегаса
И мир пленить посадкой благородной.

Наконец, Вернон, который, похоже, не без удовольствия излагает неутешительные для Хотспера известия, информирует его о главной неприятности: по крайней мере еще четырнадцать дней он не увидит Глендоуэра с его войском. Последнее сообщение повергает Хотспера в смятение, он еще сохраняет самообладание, но уже понимает, что терпит крах: «День судный близится — умрем бодрей». Он даже не прочь ускорить развязку, предлагая вступить в бой уже этой ночью. Дуглас* и другие сообщники уговаривают его отложить битву на завтра, и в это время на сцене появляется сэр Уильям Блант — не аббат Шрусбери, — его послал сам король для переговоров о перемирии. Парламентера отправляют обратно, пообещав, что утром к Генриху прибудет Вустер с условиями мира. Однако и эта встреча**, как и предыдущая, заканчивается безрезультатно, даже несмотря на гарантии короля проявить к повстанцам милость, если они ему покорятся. Тогда принц предлагает, «чтоб кровь солдат сберечь», сразиться с Хотспером в поединке (ни одна из хроник не подтверждает этой драматичной детали), но Вустер игнорирует его вызов***. Он возвращается в лагерь мятежников, настроенный на то, чтобы не докладывать о милосердии короля, в которое граф абсолютно не верит****, и противники

---

* По тексту Хотспера убеждают подождать до завтра Вустер и Вернон; Дуглас с ними не соглашается. — *Примеч. пер.*

** Первая сцена пятого акта.

*** Вустер сообщает Хотсперу о вызове принца Уэльского (сцена вторая), но его племянник отвечает, что сразится с ним в рыцарском единоборстве в бою. — *Примеч. пер.*

**** Холинshed: «Граф Вустер, возвратившись к племяннику, изложил слова короля в своей интерпретации, прямо противоположной тому, что он говорил, и представил их таким образом, что возбудил у племянника такую ненависть к королю, какой у него доселе не было».

начинают готовиться к битве. Только один Фальстаф, похоже, беспокоится за свою жизнь:

«Хотел бы я, Хел, чтобы сейчас можно было лечь спать, зная, что все кончилось благополучно».

Свою версию битвы при Шрусбери Шекспир начинает с убийства графом Дугласом сэра Уолтера Бланта, одного из четырех рыцарей, как писал Холинshed, «наряженных королями», то есть облаченных в королевские доспехи, с тем чтобы обезопасить самого Генриха. В числе этих «двойников» оказался, очевидно, и лорд Стаффорд, поверженный Дугласом ранее: в обоих случаях он полагает, что предал смерти короля. Когда Хотспер узнает в убитом рыцаре Бланта и замечает «У многих королевские доспехи», Дуглас гневно восклицает:

Клянусь, я изрублю его доспехи,
Я искрошу весь гардероб его,
Пока не встречу короля!

И действительно Дуглас вскоре встречается лицом к лицу с Генрихом. Завязывается яростная рукопашная схватка, король повергается на колени, и его спасает лишь вовремя подоспевший принц Уэльский, который быстро обращает супостата в позорное бегство*. Станным образом Дуглас через какие-то мгновения возникает вновь — во время схватки между принцем и Хотспером, — почему-то набрасывается на Фальстафа, падающего и притворяющегося мертвым, и после этого совсем исчезает из пьесы.

Естественно, Шекспир руководствовался прежде всего интересами драматургии. По свидетельству Холинsheda, Ген-

---

* Еще больше стыда он пережил потом: «Граф Дуглас, в спешке, свалился с утеса высокой горы, повредил себе промежность и был схвачен».

рих встретился с Дугласом где-то в самом начале трехчасового сражения, после чего принц удалился с этой части поля битвы, но Блант, Стаффорд и, возможно, сэръ Хью Шерли, третий рыцарь, остались и вскоре погибли. (Нет никаких сомнений в том, что король, а ему было тогда тридцать шесть лет, сражался с исключительной отвагой.) Действительно ли принц спас жизнь отцу? Свидетельства этому есть, но мало. Холинshed всего лишь упоминает, что «принц помог отцу, как и подобает сильному молодому джентльмену». Сэмюэль Даниэль же утверждает, что он на самом деле спас отца. Но Даниэль писал эпическую поэму и историческая достоверность, видимо, играла для него такую же вспомогательную роль, как и для Шекспира.

Убил ли принц Хэл Гарри Перси? Большинство историков скептически относятся к такому предположению. На самом деле настоящий Хотспер — в противоположность шекспировскому герою — был на двадцать три года старше принца, он уже приобрел репутацию опытного полководца, и Хэл почитал его как человека, у которого он многому научился в ходе ранних уэльских кампаний. Однако теперь Перси стал непримиримым и опасным мятежником, и вряд ли стоило сомневаться в том, они без колебаний убили бы друг друга при встрече. Кроме того, у Холиншеда есть, как принято считать, двусмысленный пассаж — из тех, которые всегда желательно выражать чуть-чуть пояснее: «Другой, в свою очередь... бился со всей отвагой и сразил лорда Перси». Хронист не указывает, кто этот «другой», но поскольку летописец в предыдущем предложении говорит о короле, то логично предположить, что рядом с ним должен был находиться принц.

Независимо от того, кто убил Гарри Хотспера, его гибелью заканчивается и сражение при Шрусбери, и пьеса Шекспира. Принц Хэл произносит свою коронную речь:

Гордый дух,
Прощай! Как быстро сжалось честолюбье,
Подобно дурно сотканной одежде!
Когда вмещало это тело дух,

Ему и королевства было мало.
Теперь же двух шагов земли презренной
Ему достаточно. Здесь, на земле,
В живых нет равного тебе героя!

Затем он накрывает лицо убитого плюмажем со своего шлема*. После этого следует коротенькая комическая сцена, в которой Фальстаф поднимается с земли — он все еще лежал, изображая труп, чтобы сбить с толку Дугласа, — и пытается убедить Хэла в том, что именно он сразил Хотспера. Наконец наступает последняя, завершающая сцена: король посылает Вустера и Вернона на казнь, а принц добивается освобождения Дугласа в порядке вознаграждения за проявленную доблесть. Заключительная речь короля перекидывает мостик во вторую часть «Генриха IV». Занавес опускается.

---

* В русском тексте — шарфом. — *Примеч. пер.*

7

«Король Генрих IV». (Часть вторая) (1403—1413)

К о р о л ь   Г е н р и х :

Известно Богу,
Каким путем окольным и кривым
Корону добыл я; лишь мне известно,
С какой тревогой я носил ее.

«Король Генрих IV». (Часть вторая)

Вторая часть «Генриха IV» еще более фрагментарная, чем первая. Она покрывает целое десятилетие — от эпизодов, связанных с последствиями битвы при Шрусбери, до кончины короля в 1413 году, — и в своей хронике Холинshed отводит этому периоду места в пять раз больше, чем трем годам, освещенным в первой части драматургического эпоса Шекспира. Поэтому автору приходилось проявлять чрезвычайную щепетильность при отборе исторического материала, что мы непременно отметим в процессе повествования, а пока же нам следует вкратце рассказать об этом несчастливом для Генриха десятилетии.

Казалось, парламент, заседавший с января до марта 1404 года, мог бы возблагодарить монарха за то, что он рисковал жизнью и чуть ее не лишился, защищая корону. Однако ассамблея отнеслась к нему враждебно, интересуясь

главным образом прощением отца вожака мятежников. Граф Нортумберленд лично прибыл в Вестминстер, подтвердил послушание, заявленное в Йорке пять месяцев назад, принес клятву верности и королю, и принцу Уэльскому как законному наследнику. Парламент затем обрушился на Генриха, потребовал сократить персонал королевского двора на четыре человека, урезать аппетиты королевы и выслать из страны всех чужеземцев и раскольников. Королю в категорической форме было указано на расточительность, хотя его траты в действительности составляли чуть более пятой части расходов предшественника. Мало того, парламентарии настояли на том, чтобы смехотворно мизерная сумма 6500 фунтов стерлингов, отпущенная на оборону отечества, выплачивалась не королю, во избежание их присвоения, а специально назначенным «военным казначеям».

Этих денег, естественно, не хватило, и уже через семь месяцев королю пришлось снова созывать парламент. Не давали покоя французы. В продолжение последних десяти лет Карл VI периодически впадал в безумие, периоды помешательства становились все более длительными, у французского короля развилась патологическая ненависть к Генриху: он не простил ему ни свержение своего зятя, ни пренебрежительного отношения к королеве Изабелле. Говорили, будто бы в отместку за нанесенные ей обиды французские корабли время от времени совершали налеты на английское побережье, а в начале лета 1404 года подвергли серьезному нападению Дартмут. Атака была отбита, интервенты понесли тяжелые потери, но вскоре стало известно о том, что французский двор оказал теплый прием посланникам Глендоуэра и вел с ними переговоры об альянсе. Примерно в это же время был раскрыт заговор Мод, графини Оксфорд, матери Роберта де Вера, фаворита Ричарда: вместе с герцогом Орлеанским и графом Сен-Полем она замыслила вторжение в Эссексе — чтобы поддержать Ричарда, будучи уверенной в том, что он жив, и, конечно же, Изабеллу. Ее план не материали-

зовался только потому, что юная королева не разделяла оптимизма графини и в самый критический момент объявила о помолвке с сыном герцога Орлеанского Карлом, графом Ангулемом. Мод и ее несколько сообщников, в основном церковников, обвинили в измене, поместив в Тауэр, но впоследствии она была помилована.

Промашка с Эссексом герцога Орлеанского не остановила. Он нацелился на Гиень и вскоре уже шел к Бордо — они формально принадлежали Англии, а на совете в Личфилде в августе 1404 года было сообщено о том, что в Гарфлэре собралось не менее 60 кораблей с латниками и провизией для Глендоуэра. Генрих незамедлительно разослал письма в портовые города южного побережья, требуя от местных властей следить за передвижением флотилии и в случае необходимости принимать соответствующие меры. В идеале король предпочел бы провести очередную кампанию в Уэльсе вместе с принцем Уэльским, благо он там командовал с начала года. Однако и у него, и у сына не было денег: принц писал архиепископу Арунделскому, что он уже давно на мели.

Парламент, второй за год, открылся в Ковентри в октябре. Но высокое собрание, прозванное «Безмозглым» («Unlearned») из-за того, что на него не допустили адвокатов, похоже, больше беспокоила проблема не финансов, а религии. В последнее время по всей стране отмечался рост симпатий к лоллардам, последователям Джона Уиклифа, признававшим только Священное Писание и ополчившимся против фундаментальных таинств и обрядов вроде пресуществления, против безбрачия и торговли индульгенциями. Раздавались дерзкие призывы к конфискации церковных владений; архиепископ Арунделский, как сообщают хронисты, не спал ночами, молился и проливал слезы. Но все обошлось, архиепископ Арунделский и его коллеги отделались легким испугом: палата общин просто хотела их немного пострадать. Что касается ассигнований на оборону, то ассамблея проявила необычайную щедрость, и король мог с легкой душой, без

спешки вернуться к Рождеству в Лондон. Получив финансовую поддержку, Генрих преисполнился решимости в будущем году разделаться с Глендоуэром раз и навсегда.

Однако его ждали новые разочарования. В начале апреля 1405 года он действительно призвал к оружию всех рыцарей и оруженосцев и после Пасхи двинулся с армией на запад, дойдя к 14 мая до Херефорда. Туда ему доставили пространное письмо от совета. Послание начиналось с хороших новостей. Удалось раздобыть деньги для его сына Томаса, командовавшего флотом у Сандвича; еще один заем получен на оборону Кале; о третьей ссуде — для Гиени — ведутся переговоры, и через пару дней они благополучно завершатся. Скоро появятся и необходимые средства для предстоящей экспедиции в Уэльс. Затем следовали плохие новости. Томас, лорд Бардолф, которому было приказано идти в Уэльс, скрытно бежал к давнему другу и соратнику графу Нортумберленду, и вроде бы, по слухам, готовится новое восстание в приграничье. Угроза, очевидно, была настолько велика, что совет счел необходимым срочно отправить на север для изучения обстановки верховного судью сэра Уильяма Гасконя и лорда Руса.

Король отнесся к докладу со всей серьезностью. Если все это соответствует действительности, то о кампании в Уэльсе не может быть и речи. Вскоре поступило еще одно сообщение — от анонима, — и оно подтверждало его самые худшие опасения. Нортумберленд, нарушив присягу, принесенную чуть больше года назад, снова поднял мятеж, и к нему присоединились, помимо лорда Бардолфа, Томас Мобри, граф-маршал*, и, самое неприятное, архиепископ Йоркский Ричард Скруп. За семь лет пребывания на этом посту он ни разу не демонстрировал своего недовольства королем, а теперь на дверях всех церквей в Йорке появились

---

* Томас был сыном 1-го герцога Норфолка, умершего в Венеции в сентябре 1399 г. (см. гл. 5). Ему не позволили наследовать титул отца, но разрешили сохранить титул графа-маршала, отделенного от поста маршала Англии.

злые манифесты, автором которых был, как многие полагали, сам архиепископ.

Обвинения выдвигались стандартные: отступничество от клятвы, свержение законного монарха, предание смерти Гарри Перси и его сообщников без суда, обложение подданных податями, доводящими их до нищенства. Мятежники требовали: прогнать короля, возвести на трон законного наследника Ричарда (не названного), установить мир с Уэльсом и отменить все несправедливые и необоснованные налоги. Архиепископ даже набрал небольшую армию, в основном из своих прихожан, командовали которой граф-маршал и трое местных рыцарей: она должна была соединиться с людьми Бардолфа и Нортумберленда. Временно приостановив уэльскую кампанию, Генрих 23 мая вышел из Херефорда и направился на север вновь сражаться за свою корону — во второй раз менее чем за два года.

Но ему не довелось ввязаться в битву благодаря быстрым действиям Ральфа Невилла, графа Уэстморленда. Вместе с третьим сыном Генриха Джоном Ланкастером он поспешил в Йорк и встретился с архиепископом в шести милях от города, в Шиптон-Муре. Все решилось во время разговора 29 мая: в обмен на расформирование отрядов мятежникам было обещано удовлетворить их пожелания, исключая, вероятно, те, которые касались короля. Повстанцы согласились, и, как только войска разошлись по домам, архиепископ и граф-маршал подверглись аресту. 3 июня в Понтефракте их передали королю, а Генрих доставил узников в Йорк. Там в архиепископском дворце Бишопторпе, располагавшемся к югу от города, Скрупа, Моубри и одного из рыцарей — сэра Уильяма Пламптона — приговорили к смертной казни, несмотря на вмешательство архиепископа Арунделского, проскакавшего весь Троицын день и ночь, чтобы спасти своего коллегу. Всех троих моментально обезглавили.

Не только для врагов короля, но и для многих его друзей убийство архиепископа было тяжким преступлением. Пошли слухи о чудотворных явлениях над усыпальницей Скрупа, и

нет ничего удивительного в том, что в болезни, которая вскоре поразила короля, стали усматривать Божью кару. Тем не менее Генрих трон снова сохранил, а Нортумберленд, узнав о печальной участи соратников, прекратил мятеж и бежал вместе с Бардолфом в Шотландию, оставив королю два замка — Уоркуорт и Алнуик. Однако угроза со стороны Глендоуэра не исчезла, и французская флотилия в начале августа появилась в Милфорд-Хейвене. Кармартен пал быстро, а когда Генрих 23 августа прибыл в Вустер, французы и валлийцы находились от него всего в десяти милях к западу. В конце августа король в пятый и последний раз вторгся в Уэльс, и, как всегда, его опять постигла неудача. Хотя ему и удалось освободить осажденный замок Койти в Гламоргане, он потерял почти весь вещевой обоз: большую часть унесло внезапно возникшее наводнение, а остальное в основном досталось Глендоуэру. Когда Генрих в начале декабря возвратился в Лондон, он был на грани нервного срыва и к тому же очень болен.

Теперь вкратце о последних годах правления короля. Болезнь не только лишала его физических сил, но и деморализовала. Какой недуг его мучил? Об этом мы вряд ли когда-либо узнаем. Те ничтожные свидетельства, которыми мы располагаем, указывают на некое сердечное недомогание, сопровождавшееся ужасным кожным заболеванием, почти наверняка не проказой, несмотря на уверения некоторых хронистов, но настолько отвратительным, что на него не могли смотреть даже самые близкие люди. Привычные разъезды по стране для него уже стали невозможны; к Пасхе 1406 года он не мог проскакать в седле от Элтема до Виндзора и должен был добираться туда по реке. Король больше не устраивал военных кампаний и совершил лишь один тяжелый и болезненный поход на север. Это случилось в 1408 году, когда Нортумберленд и Бардолф предприняли последнюю попытку поднять восстание и потерпели сокрушительное поражение от шерифа Йоркшира сэра Томаса Роукби 19 фев-

раля под Брамем-Муром. Нортумберленд погиб в этом сражении, Бардолф попал в плен и тем же вечером умер от ран. Каким-то образом Генрих добрался до Йоркшира и там во дворце возле Селби, принадлежавшем другу и соратнику епископу Даремскому, одних мятежников приговорил к заточению, других помиловал, а аббата Хейлсоуэна, игравшего ведущую роль в восстании, повелел повесить. В конце мая он вернулся в Лондон и больше никогда — исключая короткие выезды в Лестер и Кенилуорт — не покидал пределы ближних графств.

Постепенно управление государством переходило к архиепископу Арунделскому, ставшему теперь и канцлером, и, насколько позволяла загруженность делами в Уэльсе, к старшему сыну, у которого, что бы ни говорили хронисты, уже не оставалось времени для беспутства. Ему исполнился двадцать один год, он воевал в Уэльсе с тринадцати лет, за последние пять лет показал себя способным командующим и существенно изменил ситуацию в свою пользу. В День святого Георгия 1406 года младший Генрих смог втянуть мятежников в открытое сражение и одержал победу: в нем погиб один из сыновей Глендоуэра. Вскоре принц окружил и захватил в плен большое число французских латников. Когда он наезжал в Лондон, то его визиты в бордели не были уж столь частыми, как прежде. Молодой Генрих мужал и выказывал все признаки не только искусного полководца, но и зрелого государственного деятеля.

Во всем остальном особых перемен не наблюдалось. Монарх по-прежнему нуждался в деньгах. Летом 1406 года он с трудом нашел 4000 фунтов стерлингов, необходимых для достойной отправки своей дочери Филиппы к жениху, королю Дании Эрику, согласившемуся взять ее в жены без приданого. Соответственно Генрих должен был идти на уступки непокорному парламенту. В том же году, например, ему пришлось повиноваться требованию парламента и выслать из страны еще несколько чужеземцев, включая двух дочерей королевы Иоанны, прогнать около 40 дворовых слуг — пова-

ров, лакеев и конюхов — и назначить новый совет, без одобрения которого он не мог распоряжаться ни землями, ни доходами. Король был вынужден согласиться, против своего желания, и на ревизию счетов «военных казначеев», назначенных два года назад в Ковентри.

Парламент строго надзирал не только за внутренними тратами. Он наотрез отказался выделять какие-либо средства для обороны Бордо. Герцог Орлеанский давно лелеял мечту завладеть этим самым большим городом Гиени, и армия короля Карла VI летом 1406 года уже подходила к нему. 30 июня, когда враг добрался до предместий, архиепископ города забил тревогу. Он запросил у короля помощи, угрожая, что будет взывать о ней до тех пор, пока не пересохнет горло, но все было тщетно. Его паства потеряла всякую надежду, хотя мэр сэр Томас Суинборн начал готовить горожан к длительной осаде. К счастью, французы — или, скорее, сам герцог Орлеанский, поспешивший на юг, чтобы принимать капитуляцию, — раздумали брать город. Опасаясь английского флота, он решил сначала оккупировать оба берега Жиронды, с тем чтобы отрезать Бордо от моря. В результате французская армия разделилась, создав преимущества для англичан. 23 декабря они вышли из города, напали на французов на восточном берегу возле Бурга и разбили их наголову. Вскоре после этого отступила вся французская армия. Поначалу казалось, что защитники города получили временную передышку. Но пришло лето, французы не вернулись, и граждане Бордо вновь задыхались свободно, а когда в конце ноября 1407 года узнали об убийстве герцога в Париже, то поняли, что опасность их миновала.

В наступившем году Генрих получил в равной мере добрые вести из Уэльса, где принц добивался все новых успехов. Осенью 1408 года после продолжительной осады пал Аберистуит, в январе 1409 года его примеру последовал Харлех, и Глендоуэр имел все основания для глубокой печали: во время осады умер его зять и самый верный союзник Эдмунд Мортимер; попали в плен и были увезены в Лондон жена

Оуэна, две его дочери и три внучки от брака Мортимера с его дочерью; сам же он остался и без базы, и без крепости. Ему был нанесен удар, от которого он уже не мог оправиться. В 1410 году Глендоуэр предпринял еще одно мощное наступление, в котором лишился трех главных командующих — Риса ап Гриффита, Риса ап Тюдора и Филиппа Скъюдамора; все они были пленены. Ему удалось бежать, но на его мятежности можно было поставить крест.

Гонцы, доставившие вести о падении Харлеха, увидели короля в плачевном состоянии. В 1408 году он пригласил к себе одного из самых известных в Европе докторов — Давида ди Нигарелли из Лукки, который оставался при нем до самой кончины. Скорее всего именно Нигарелли ухаживал за ним в период тяжелейшего кризиса, наступившего зимой. В декабре королю было так плохо, что к его постели вызвали принца Уэльского и Томаса, но после Рождества он неожиданно пошел на поправку и его увезли рекой в Гринвич подышать свежим воздухом. Загородный отдых оказался благотворным, состояние его здоровья улучшалось, и хотя король составил в Гринвиче завещание — первое в истории Англии королевское завещание, написанное на английском языке, — к Пасхе он смог вернуться в Элтем. Здесь в знак благодарности за выздоровление он распорядился выстроить часовню на поле битвы при Шрусбери и определить в нее восемь капелланов для отправления заупокойных служб по погибшим.

Последние пять лет жизни короля оказались не менее тяжелыми и для его сына, принца Уэльского. Если бы отец был действительно и постоянно немощным, то младший Генрих стал бы регентом Англии и занимал бы пост, для которого уже вполне подходил, набравшись командного и боевого опыта в Уэльсе. Однако загадочная болезнь короля имела одну характерную особенность: длительные периоды бессознательного состояния перемежались кратковременным улучшением, позволявшим ему вмешиваться в госу-

дарственные дела. В такие моменты он становился особенно нетерпимым, деспотичным, не желавшим поступиться своей властью и прислушаться к чьим-либо советам. Отношения между отцом и сыном омрачались еще и тем, что они совершенно по-разному понимали внешнеполитические трудности Англии.

Из троицы самых неудобных соседей теперь можно было исключить Уэльс: он наконец утихомирился. С Шотландией видимость бесконфликтности поддерживалась регулярным продлением перемирия. От Франции же исходила перманентная и нарастающая угроза. Король Карл VI находился в гораздо более нестабильном физическом и психическом состоянии, чем Генрих. У него возникали недолгие периоды прояснения сознания, когда он демонстрировал некоторую здравость ума, но эти периоды случались все реже и становились все менее продолжительными. Тем временем — и уже не один год — обострялась борьба за власть между двумя его близкими родственниками — герцогами Бургундским и Орлеанским. Герцогом Бургундии был двоюродный брат короля Иоанн Бесстрашный, наследовавший отцу Филиппу Смелому в 1404 году, человек амбициозный и бессовестный. Его соперник Карл Орлеанский приходился королю племянником, наследовал титул тоже недавно — после убийства отца Людовика, совершенного по указанию Иоанна в 1407 году возле дворца Барбетт в Париже. Карл, как нам уже известно, в 1406 году женился на вдове Ричарда Изабелле, а после ее смерти, случившейся через три года, обручился с Бонной, дочерью грозного графа Бернара д'Арманьяка: этот брак соединил Орлеанский дом с одним из самых могущественных магнатов Франции. Не в пример герцогу Бургундии, Карл Орлеанский отличался незаурядной отвагой, прямоотой характера и честностью, а впоследствии оказался еще и выдающимся поэтом своей эпохи.

Нет ничего необычного в том, что соперники стремились заручиться поддержкой Англии и каждый из них мог предложить нечто весьма ценное взамен. Бургундия, простирав-

шаяся тогда от реки Юра на юге до Шельды на севере, могла обеспечить безопасность английского плацдарма в Кале и стабильность связей с ткачами Фландрии. Орлеанский дом со своей стороны имел возможность при содействии союзной Гаскони предоставить аналогичную защиту для Бордо и торговли винами. Первым проявил инициативу Иоанн Бесстрашный: в июле 1411 года, когда король лежал пластом, он призвал Англию на помощь в противостоянии с Орлеанским домом и Арманьяками, предложив принцу Уэльскому в жены свою дочь Анну. Младший Генрих, недавно назначенный губернатором и Кале, и Пяти портов, инстинктивно отдавал предпочтение Бургундии и незамедлительно отправил во Францию небольшое войско — около 1200 человек — под командованием своего друга графа Арундела. После короткой стычки под Сен-Клу англичане взяли для герцога Париж и отогнали его врагов за Луару. Одновременно принц начал переговоры о размере причитающегося ему приданого.

Экспедиция вернулась в Англию, получив от герцога Бургундии щедрые вознаграждения и кичась своими успехами. Сам же принц уже вынашивал планы еще более грандиозных свершений. К несчастью для него, на исходе года королю Генриху стало получше, и он, как это случалось и раньше в периоды иллюзорного выздоровления, вознегодовал на тех, кто бесцеремонно отстранил его от государственных дел. И рассердился хворый монарх не только на старшего сына, но и на своих единокровных братьев Бофорт*, младший из которых, Томас, в январе прошлого года заменил архиепископа Арундельского на посту канцлера. Не исключено, что в то время, когда в ноябре 1411 года собирался последний при жизни Генриха парламент, брат Томаса Генри Бофорт, епископ Винчестерский, мог выдвинуть предложение об отречении короля в пользу принца Уэльского. Можно не сомневаться в том, что подобная инициатива должна была вызвать крайне негативную реакцию и побудить короля

---

* Сыновья Джона Гонта от Екатерины Суинфорд (см. гл. 4).

к ужесточению своей власти. В любом случае Бофорты были изгнаны из королевского совета, а принц, не желавший открыто порывать с отцом, уступил свое место в совете брату Томасу, ставшему теперь герцогом Кларенсом, и отбыл из Лондона в длительную поездку по северным центральным графствам.

Он все еще отсутствовал, когда в начале 1412 года в Элтем появились посланники герцогов Орлеанского и Беррийского. Они приехали с одной целью — разрушить наметившееся бракосочетание и союз с бургиньонами, и предложенный ими бартер был гораздо более весомым. Если Англия согласится помочь им в борьбе против герцога Бургундского, то они готовы не только найти для принца невест в собственных семействах, но и предоставить в полный сюзеренитет герцогство Аквитанию, а также лично служить королю с оружием в руках. Генрих не устоял. В обмен на уступку обширной территории в Гиени и нескольких городов в Ангулеме и Пуату 18 мая он пообещал прислать 1000 латников и 3000 лучников и даже вызвался возглавить армию. Поскольку король уже едва ходил и с трудом мог сесть на коня, командование войском взял на себя герцог Кларенс и через три месяца отправился в Нормандию.

Вторая экспедиция, можно сказать, закончилась бесславно — в сравнении с походом графа Арундела в прошлом году. Пока английское воинство совершало бессмысленные налеты и грабежи на полуострове Котантен вокруг Шербура, арманьяки неожиданно заключили с бургиньонами перемирие, расплатились с пришлой армией и отослали ее домой. Кларенс, наверное, чувствовал себя дураком, король — тоже. Принц Уэльский в то же время мог торжествовать: теперь на его стороне были не только Бофорты, но и весь парламент. Отношения между отцом и сыном вконец испортились.

Надо ли винить в этом одного лишь короля? Скорее всего нет. Если епископ Бофорт действительно предлагал отречение короля — что он через четырнадцать лет категорически отрицал, — то не был ли инициатором этой идеи принц Уэль-

ский? Во время своего длительного отсутствия и разъездов по центральным графствам он собрал внушительную армию, с которой и возвратился в Лондон в июне 1412 года. Хотя принц и не выступал с угрозами, он, похоже, чересчур яростно отвергал обвинения в заговоре, выдвигавшиеся против него, а ссылки младшего Генриха на то, что его армия предназначалась для поддержки кампании Кларенса против арманьяков, вряд ли кого обманули. Принц был окружен многочисленными сторонниками, когда 25 сентября прибыл в Вестминстер, чтобы защитить себя от обвинений в казнокрадстве, совершенном якобы в Кале: впоследствии его полностью оправдали. Кстати, именно по этому поводу он ворвался к отцу в странном одеянии, описанном Холиншедом, для примирения и покаяния*.

Осенью состояние здоровья короля начало стремительно ухудшаться. Еще в ноябре он заводил разговоры о давно задуманном Крестовом походе, а в начале декабря снова потерял сознание. К Рождеству Генрих полегчало настолько, что он смог отметить его в Элтеме, но для всех было ясно, что конец близок. Вскоре король впал в перемежающуюся кому, и парламент, созданный в феврале, не смог принять никаких решений. В середине марта Генрих попросил перевезти его в Вестминстерское аббатство, дабы помолиться перед мощами своего святого предшественника короля Эдуарда Исповедника. Здесь с ним и случился приступ, от которого он умер. Короля перенесли в гостиную настоятеля, называвшуюся по надписи на камине Иерусалимской палатой. Холиншед сообщает нам такую историю. Когда Генрих, придя в сознание, спросил, где он находится, и ему назвали эту палату, то король пробормотал: «Теперь я знаю, что здесь и умру. Мне предрекли, что я расстанусь с жизнью в Иерусалиме». Жить ему оставалось совсем немного. Он скончался в понедельник, 20 марта 1413 года, не дожив две недели до сорока шести лет.

---

* См. гл. 6.

Забальзамированное тело короля сначала выставили в аббатстве для прощания, потом перевезли по реке в Грейвсенд и далее по дороге в Кентербери для погребения, как он и завещал, в соборе. Здесь, в Троицкой капелле, где когда-то стояла гробница святого Томаса Бекета, рядом с усыпальницей дяди Генриха Черного Принца королева Иоанна возвела для мужа, пожалуй, один из самых изумительных монументов, когда-либо создававшихся руками человека: массивный гипсовый саркофаг, в который через двадцать четыре года попадет и она сама. На нем под балдахином покоятся две скульптуры. Голова Генриха лежит на подушке, поддерживаемой заботливыми ангелами: это его подлинный портрет. Мы видим тяжелое, опухшее лицо, раздутое болезнью, свисающие усы и короткую раздвоенную бородку. Практически ничего не осталось от былой красоты, которой Генрих гордился в молодости: он выглядит не на сорок пять, а на все шестьдесят лет. В 1832 году гробницу вскрыли, и перед исследователями предстало его лицо. Борода, густая и на удивление рыжая, все еще была на месте. Внешне не проявлялось явных признаков «проказы», которая, по свидетельству хронистов, якобы мучила короля в последние годы жизни, но черты лица, соприкоснувшись с воздухом, моментально превратились в пыль*.

И для семьи, и для друзей, и для самого Генриха IV годы его правления были долгим и тягостным падением в пропасть. *Vaillant chevalier, aigre et subtil contre ses ennemis*, отважный рыцарь, ловкий и лютый к врагам, сметавший все на своем пути еще в 1399 году, завоевавший королевство, не

---

* Не следует считать, что на портрете Генриха IV в Национальной портретной галерее в Лондоне изображен именно Генрих. Когда в конце XVI в. было признано желательным иметь полный комплект портретов всех британских монархов, начиная с Вильгельма Завоевателя, портрет Генриха был в спешном порядке создан на основе адаптации гравюры Карла VI Французского. Художник, адаптировавший изображение французского монарха, вложил ему в правую руку алую розу Ланкастеров вместо сокола Карла, но оставил скипетр с лилией.

потеряв ни одной стрелы, и возведший на трон Англии новую династию, за какие-то четырнадцать лет превратился в беспомощного и уродливого инвалида. Самый богатый и могущественный магнат Англии почти сразу же оказался в тяжелом финансовом положении, в котором и пребывал до последних дней жизни, попав под пяту враждебного и скаредного парламента, на который так и не смог надеть узду вследствие особых обстоятельств восшествия на престол. Словно по чьему-то злому умыслу, когда наконец после смерти Нортумберленда в 1408 году и краха Глендоуэра, наступившего через два года, перед Генрихом открылись возможности удовлетворить свои амбиции и даже, может быть, осуществить давно задуманный Крестовый поход, отвратительная болезнь сделала из него немощного старика в самом расцвете сил: ему было чуть более сорока. Его отец прожил пятьдесят девять лет, дед — шестьдесят четыре года. Проживи Генрих в полном здравии хотя бы еще лет пятнадцать, кто знает, он мог бы стать и одним из самых выдающихся королей Средневековья. Он же умер жалким и презренным существом, не познавшим ни трагедии предшественника, ни дерзновенной блистательности сына.

А как же обошелся с ним Шекспир? Несмотря на заголовок, драматург явно не удостоил его такого же внимания, какое он уделил, например, Ричарду. Причина очевидна: у короля появился сильный конкурент — Фальстаф. Самодовольный и развязный прощелыга заметную роль играет уже в первой части «Генриха IV», а во второй, написанной, вероятно, летом 1598 года, он чуть ли не главный герой. Ради него Шекспир, видимо, и втиснул исторический материал в восемь сцен, разбросанных и почти не связанных друг с другом. Многие считают, что в этом нет ничего плохого: бесшабашный старый рыцарь гораздо интереснее, чем больной и умирающий король, и благодаря Фальстафу мы имеем уникальную возможность увидеть елизаветинскую Англию, в которой жили не только короли и магнаты, но и всякий сброд,

трактирщики и шлюхи Истчипа, а также деревенские сквайры и крестьяне Глостершира. С этим вполне можно согласиться, однако пафос отвержения принцем, ставшим королем, Фальстафа — наверняка заслуженно — не идет ни в какое сравнение с трагедией сорокапятилетнего Генриха Болингброка, умирающего в цветущем возрасте разуверившимся и отчаявшимся стариком. Если в первой части причуды Фальстафа развивают побочную сюжетную линию, то во второй части пьесы мы имеем дело с двумя самостоятельными и разноплановыми драмами, и под занавес нам приходится испытывать такое же разочарование, какое выпало на долю протагониста королей.

Как бы то ни было, нам не с руки заниматься литературной критикой. Нас в большей мере интересуют не художественные достоинства драматургических хроник Шекспира, а их историческая достоверность. Понятное дело, когда надо вместить в восемь коротких сцен события целого десятилетия, трудно соблюсти точность в их изложении. Шекспир преднамеренно не искажает факты, но вынужден по мере художественной необходимости сжимать время, сливать события воедино и иногда отсылать нас к предыдущей пьесе. В последних строках первой части пьесы король сразу же после сражения при Шрусбери поручает сыну сопровождать его в Уэльс, а в первом акте второй части мы узнаем, что принц действительно отправился вместе с отцом громить валлийцев. В реальности, по свидетельству хронистов, принц Уэльский оставался на северо-западе Англии еще несколько недель — разбирался с мятежниками и залечивал раны. Когда король вернулся из похода на север, чтобы принять капитуляцию Нортумберленда, и в конце сентября двинулся воевать с Глендоуэром, старшего сына с ним не было. В то же время мы знаем, что в последующие годы принц действительно командовал армией на уэльской границе, и, возможно, именно это и имел в виду Шекспир.

Описание мятежей Нортумберленда и архиепископа Скрупа вышло еще более сжатым. Согласно Холиншеду,

главному авторитету для Шекспира, Нортумберленд в первый раз надумал поднять восстание непосредственно после битвы при Шрусбери, но у него ничего не получилось. Затем в 1405 году он вступил в заговор с архиепископом и отказался от участия в нем, когда узнал о печальной судьбе Скрупа и Томаса Моубри, графа-маршала. Лишь в 1408 году Нортумберленд возглавил новый мятеж, закончившийся его смертью в Брамем-Муре. У Шекспира все эти три одновременных события объединены в один сюжет. Вся история с мятежами начинается с того, что король посылает сына Джона Ланкастерского и графа Уэстморленда в Йорк (последняя сцена последнего акта первой части)

Навстречу Скрупу и Нортумберленду,
Поднявшим меч, как сообщили нам.

Затем во второй части пьесы мятежники на самом деле появляются в «лесу Голтри» (древний королевский лес Голтрес, располагавшийся чуть севернее Йорка), где Джон и Уэстморленд откровенно надувают их, прибегая к обману, столь гнусному, что читать эти строки стыдно и сегодня. Обещая исполнить все требования, они добиваются того, что лидеры восстания распускают войска, и тут же их арестовывают. Потом мы присутствуем при докладе королю, который уже находится в Иерусалимской палате Вестминстера, о победах и в лесу Голтри, и под Бремем-Муром. Здесь же королю внезапно становится нехорошо: он теряет сознание. Приступ или удар случился с ним через пять лет, но у Шекспира он почти сразу же умирает.

Холиншед, надо заметить, ничего не пишет о ранних стадиях болезни короля, первый раз упоминает о ней в хронике 1412 года, полагая, что до этого времени Генрих вел деятельный образ жизни, в том числе и с оружием в руках. По мнению хрониста, король персонально не подавлял восстания 1405 и 1408 годов только потому, что это сделали за него другие. В пьесе же Фальстаф уже в первом акте (вторая

сцена) говорит о «проклятой апоплексии... нечто вроде латаргии... сонливости крови, какой-то окаянной чесотке», а во втором акте (вторая сцена) заболевание отца подтверждает и принц Хэл. Когда, наконец, в третьем акте появляется сам король — перед восстанием архиепископа в 1405 году, — то он не только страдает бессонницей, но уже и «две недели болен»*. Во время следующего появления — в четвертой сцене четвертого акта — Генрих уже находится в Иерусалимской палате, где ему и предстоит умереть. Возможно, в данном случае Шекспир в полной мере испытал на себе влияние Сэмюэля Даниэля, у которого весь этот период описан под призмой болезни короля. Как бы то ни было, здоровье Генриха стало ухудшаться вскоре после обезглавливания архиепископа Скрупа — именно с этой казнью в народе связывали недуг короля, и в этом отношении к исторической правде ближе оказались Шекспир и Даниэль, а не Холиншед.

Во второй сцене первого акта нам показывают очень забавный эпизод с участием лорда-верховного судьи: мы видим впервые этого господина, которого паж Фальстафа представляет как «джентльмена, посадившего принца под арест за то, что тот ударил его из-за Бардольфа». Позднее Фальстаф напоминает ему о сути инцидента: «Что до пощечины, которую закатил вам принц, то он дал ее как невежливый принц, а вы приняли ее как благоразумный лорд». История о заключении в тюрьму Хэла за нанесение физического оскорбления судье сэру Уильяму Гасконю произрастает из книги «Правитель» («The Governour»), написанной в 1531 году сэром Томасом Элиотом «для Генриха VIII и других государей»**.

---

* Третий акт, первая сцена.

** Ни Элиот, ни Джон Стоу (в своих «Хрониках» и «Анналах Англии» воспроизводит почти дословно более раннее исследование) не сообщают о том, что принц действительно ударил Гасконя, хотя Роберт Редмейн (*Vita Henrici Quinti*, с. 1540) и автор анонимной пьесы «Славные победы Генриха V» подтверждают, что инцидент имел место.

Почти наверняка это чистейшая легенда. Если бы наследник трона действительно был посажен в кутузку, как утверждает Элиот, то о таком невероятном событии непременно должны были остаться свидетельства юристов. Тем не менее для Шекспира эта история была слишком соблазнительна, чтобы ее проигнорировать. Однако драматург вовсе не намерен представлять нам принца в неблагоприятном свете. Напротив, он демонстрирует его великодушие и благородство, когда младший Генрих, взойдя на трон, утверждает верховного судью в его должности:

Милорд, вы правы...
Так сохраняйте же весы и меч.
Желал бы я, чтоб, возрастая в славе,
Вы дожили до дня, когда мой сын,
Вас оскорбив, подобно мне, смирится*.

Наверное, Генрих и сказал бы эти прекрасные слова Гасконю, если бы тот продолжал оставаться верховным судьей, однако после смерти больного короля он им уже не был. Возможно, Гасконя и приглашали на сессию парламента 15 мая 1413 года, но патент его преемника сэра Уильяма Хэнкфорда подписан 29 марта. Нам неизвестно, лишал ли его должности младший Генрих, вступив на престол. В то время Гасконю было за шестьдесят, и мы знаем, что он не был в опале: в 1414 году по королевскому позволению из леса Понтефракт ему ежегодно доставляли оленей — четыре самца и четыре самки.

Все другие погрешности — если их можно так называть — проистекали больше из авторских предубеждений, а не из исторических заблуждений. Шекспир, к примеру, испытывал инстинктивную неприязнь к Нортумберленду, и это проявилось в излишнем очернительстве персонажа. Ни в одном из имеющихся источников не содержится обвинений графа в

---

* Пятый акт, вторая сцена.

«притворной хвори»* во время последнего мятежа сына: будто бы он прикинулся больным, чтобы увильнуть от сражения при Шрусбери. Не имеется свидетельств и того, что граф якобы бросил архиепископа Скрупа в 1405 году ради своих выгод в Шотландии. Согласно Холиншеду, он бежал только после того, как восстание потерпело крах и рухнули все надежды на успех. Хроники подтверждают, что Нортумберленд проявил исключительное мужество при Брамем-Муре, где, по свидетельству Холиншеда, граф «отважно встретил врагов... к которым народ не испытывал ни малейшей жалости, восхваляя его храбрость, геройство (*sic*) и доблесть». В пьесе об этом, естественно, ничего не говорится, а лишь сообщается о победе:

...Разгромил шериф Йоркширский
Объединенные войска шотландцев
И англичан, которых в бой вели
Нортумберленд могучий** и лорд Бардольф.

Джон Ланкастерский, с ним мы познакомились в первой части, отличился в битве при Шрусбери, но в лесу Голтри предстает явно в неприглядном свете: бессовестно обманывает архиепископа и его соратников, обещая выполнить их требования и беря затем под стражу. Это не может не удивлять, поскольку, как свидетельствует Холинshed, переговоры вел Уэстморленд, хотя, конечно, Джон формально должен был принимать капитуляцию повстанцев, являясь представителем отца. Трудно понять, почему он добровольно взял на себя эту неблагоприятную роль. Иногда высказывается предположение, будто бы Шекспир хотел подчеркнуть жестокосердие рода Болингброков, но эта догадка представляется совершенно несостоятельной. Джон все-таки приходился

---

* См. пролог.

** В оригинале Нортумберленд «могучим» не называется: «Граф Нортумберленд и лорд Бардольф, их войско великое англичан и шотландцев разгромил шериф Йоркширский». — *Примеч. пер.*

братом принцу Уэльскому, самому блистательному представителю этого семейства. Не выдерживает критики и другая теория: будто бы уловка Джона вполне соответствовала вкусам аудитории Елизаветинской эпохи, считавшей, что для достижения своей цели все средства хороши*. Концепция сомнительная.

Далее мы наблюдаем один из самых трогательных эпизодов всей пьесы (IV. 5): принц сидит у постели умирающего отца, берет с подушки корону, надевает на свою голову и уходит из палаты. Король пробуждается, обнаруживает, что корона исчезла, и зовет лордов. Они находят Хэла в соседней комнате, приводят обратно, и Шекспир устраивает для нас вторую волнующую сцену примирения отца и сына; первую мы видели в части I (III. 2). Король упрекает принца:

Ужель так жаждешь ты занять мой трон,
Что мой венец спешишь надеть до срока?

У младшего Генриха уже есть готовый ответ, и Шекспир дает нам понять, что принц говорит искренне:

С укором обратился я к короне,
Как если бы сознание было в ней:
«Заботы, сопряженные с тобою,
Все соки вытянули из отца.
Хоть высшей пробы золото твое,
Но для меня нет худшего на свете...»
С таким укором
Надел корону я, отец державный,
Чтоб с нею, как с врагом, что предо мной
Родителя убил, вступить в борьбу,
Как долг велит наследнику престола.

---

* Эту гипотезу отстаивает П.А. Йоргенсен, анализируя причины «подлого коварства» принца Джона Ланкастерского: Jorgensen P.A. «The «Dastardly Treachery» of Prince John of Lancaster, *Publications of the Modern Language Association of America*, Menasha, Wisconsin, Vol. lxxvi, Dec. 1961.

Король доволен ответом сына и дает ему, как он уже понимает, последний совет.

Корона по-прежнему пробуждает в нем чувство вины, которое умрет лишь вместе с ним:

К тебе она спокойней перейдет,
При лучших обстоятельствах, законней:
Все, чем запятнан я в борьбе за власть,
Сойдет со мною в гроб.

У этого сюжета своя родословная: воспоминания 4-го графа Ормонда, которого Генрих V при Азенкуре посвятил в рыцари, и «Хроники» почти что их современника бургундского прозаика Ангеррана Монстреле. От них история перешла к переводчику Тита Ливия, а дальше попала к Холлу, Холиншеду, в «Славные победы» и к Сэмюелу Даниэлю. Свидетельства Ормонда и Монстреле, насколько нам известно, друг с другом не связанные, придают сюжету, очень похожему на легенду, некоторую правдоподобность. Ормонду историю с короной вполне мог рассказать сам Генрих. Но если даже посчитать ее, как это сделал биограф короля, уже наш современник*, «занимательным вымыслом», то все равно нам придется согласиться с тем, что «в последние годы правления Генриха IV его старший сын частенько поглядывал на корону Англии».

В начале пятого акта Генрих V уже выступает в роли короля. Первая и третья сцены разыгрываются в доме и в саду судьи Шеллоу в Глостершире с участием Фальстафа и Бардольфа. Во второй сцене происходит разговор между королем и верховным судьей, о чем мы уже упоминали, в четвертой — полицейские арестовывают хозяйку трактира Куикли и Долл Тиршит, в пятой — Генрих делает вид, что не узнает и не знает Фальстафа. Из всех эпизодов эта последняя сцена служит кульминацией пьесы, и то, как король отвер-

---

* Harold F. Hutchison, *Henry V: A Biography*, London 1967.

гает своего прежнего приятеля и собутыльника, вызывает горячие споры, наверное, со времен ее первого представления. Мы не будем касаться этой дискуссии, а только лишь заметим: с исторической точки зрения последний акт драмы убеждает нас в главном — молодой король решил покончить со своим буйным прошлым раз и навсегда:

...В гроб с отцом сошло мое беспутство,
С ним страсти все мои погребены,
И строгий дух отца воскрес во мне,
Чтоб ожиданья обмануть людские,
Всех посрамить пророков, истребить
Дурное мненье, что меня клеймит
За внешние былые проявления.
Кровь гордая, что до сих пор во мне
Текла разгульно, свой изменит ход
И устремится в океан, где, слившись
С волнами царственными, заструится
Спокойно, величаво.

О кардинальной смене образа жизни говорят и примирение с верховным судьей, и отчуждение Фальстафа. Даже арест двух женщин указывает на то, что наступили новые времена. Возврата в прошлое не будет ни для короля, ни для этих женщин, ни для их возлюбленного сэра Джона.

8

Гарфлёр и Азенкур (1413—1415)

Э к с е т е р:

Он заклиняет вас любовью Божьей
Отдать корону, пожалев несчастных,
Которым жадною, разверстой пастью
Грозит война. Он говорит: падут
На вашу голову убитых кровь
И слезы горьких вдов, сирот, невест —
О женихах, супругах и отцах, —
Что будут пролиты в грядущей распре.

«Генрих V»

Клику королей-героев, помимо Ричарда Львиное Сердце, англичане, безусловно, и сегодня причисляют Генриха V. Насколько он заслуживает такой чести — на этот вопрос еще предстоит дать ответ. Образ героя ему, в общем-то, создал Шекспир. Тем не менее факт остается фактом: Генрих V дважды набирал самые мощные для того времени и самые оснащенные экспедиционные силы, переправлял их во Францию — что само по себе уже немалое достижение — и в первом случае в одном из величайших сражений в английской истории одержал блистательную победу над армией, многократно превосходившей его войска по численности. С другой стороны, интервенции замышлялись и предпринимались на

основе притязаний, не мотивированных, что бы ни говорил сам Генрих, ни правовыми, ни моральными принципами. А та битва, от которой он в последний момент хотел уклониться, стала символом преступной военной авантюры, бессмысленного смертоубийства и зверств, беспрецедентных в истории Англии.

Генрих в первую очередь и прежде всего был ратоборцем. В возрасте двенадцати лет он сопровождал Ричарда II во втором походе в Ирландию. Позднее, после низложения Ричарда и захвата трона отцом, принц доблестно сражался при Шрусбери и командовал армиями в кампаниях против Глендоуэра в Уэльсе. Всегда и везде принц проявлял исключительную отвагу. Ко времени восхождения на престол двадцатипятилетний Генрих уже был многоопытным полководцем, владевшим искусством ведения и решающих сражений, и осад, и партизанских войн; его любили, и ему доверяли в войсках. Но в молодые годы принц приобрел немало и других полезных навыков. На посту констебля Дувра и губернатора Пяти портов он многое узнал о мореплавании и кораблях, а во время долгой и мучительной болезни отца имел возможность попробовать себя и в государственном управлении.

Мы несколько не удивились, прочитав в хрониках о том, что уже в юности Генрих отличался большой физической силой: он двигался в тяжелых рыцарских доспехах так, словно на нем были не латы, а легкий плащ. Принц обладал и более чем привлекательной внешностью, о чем мы можем судить по свидетельствам, оставленным людьми, его знавшими лично. У него были густые каштановые волосы, карие глаза, холеная гладкая кожа, ослепительно белые ровные зубы и слегка раздвоенный подбородок. Не могли удивить нас и впечатления о характере Генриха, которые не совпадали с расхожим представлением о разгульной жизни принца. Истории о его беспутстве были известны, однако те, кто встречался с Генрихом после его вхождения во власть, уже считали их неправдоподобными. После того как Генрих принял корону, он поставил крест на грехах молодости. В день коро-

нации, проходившей в воскресенье, 9 апреля 1413 года, когда за окнами бушевала пурга, он выглядел серьезным и насупленным и практически не притрагивался к яствам на банкете, завершавшем церемонию. Став королем, Генрих демонстрировал неизменное благочестие, столь рьяное, что оно казалось чрезмерным даже по стандартам того времени и давало повод для обвинений в ханжестве. Не исключено, что проступки отца терзали его душу; отчасти по этой причине он ускоренно завершил реконструкцию нефа Вестминстерского аббатства при финансовой помощи Ричарда Уиттингтона, служившего мэром Лондона и в 1397—1398 годах, и в 1406 году, и затем в 1419-м. Известны и другие его богоугодные деяния. Он учредил, например, фонд вспомоществования бедным при лондонской церкви Святого Джайлза в Криплгейте, основал монастырь Святой Бригитты* в Туикенеме в Мидлсексе, названный Сайоном; это наименование по иронии судьбы впоследствии получил грандиозный особняк давних его врагов — Нортумберлендов.

С первых дней Генрих V мог пользоваться благами популярности, которой не имел отец. Это подтвердилось уже на первом парламенте, собравшемся в Расписной палате Вестминстера 15 мая 1413 года: ему со всей охотой выделили щедрые субсидии, в том числе 10 000 фунтов, как было специально отмечено, «на проживание, почивальню и гардероб». Некоторую досаду могло вызвать требование выслать из королевства всех валлийцев и ирландцев. Но даже самые твердолобые приверженцы «Малой Англии» понимали нереальность этой затеи, и никто не обратил внимания на то, что о парламентском воззвании вскоре все позабыли.

Пожалуй, самой главной и тяжелой проблемой, с которой на первых порах столкнулся Генрих, была активизация лоллардов. За десятилетие их численность существенно выросла, особенно в западных районах вдоль границ с Уэльсом, где ими руководил один из ближайших бывших соратников

---

* Орден был основан святой Бригиттой Шведской ок. 1346 г. Сохранилось всего лишь несколько Бригиттинских монастырей.

короля сэра Джон Олдкасл*. При Генрихе IV он избежал гонений, возможно, благодаря проявленной воинской доблести, а может быть, и в силу баронского титула и огромного поместья Кобем, приобретенных вместе со второй женой в 1409 году. С восшествием на трон нового короля началась очередная волна сжигания еретических книг во дворе собора Святого Павла, и среди них обнаружился сборник кратких, но чрезвычайно опасных трактатов: как выяснилось, он принадлежал Олдкаслу. Его тут же вызвали в Кеннингтон, где он предстал перед королем и «почти всеми прелатами и лордами Англии». Сэр Джон подтвердил, что книга — его, но он никогда ее не читал. Однако епископы во главе с архиепископом Арунделским настаивали на том, чтобы Олдкасл либо отрекся от своих убеждений, либо понес наказание. Барон наотрез отказался, и после того как он не поддался и уговорам короля, пытавшегося переубедить своего друга, его отлучили от Церкви и отправили в Тауэр.

Суд состоялся в зале капитула собора Святого Павла 23 и 25 сентября 1413 года. Допрос вели архиепископ Арунделский и епископы Ричард Клиффорд (Лондона) и Генри Бофорт (Винчестера) в присутствии двенадцати докторов права и богословия, исполнявших роль ассессоров. Олдкасл, активно переписывавшийся с чешским реформатором Яном Гусом, изложил свои воззрения, ясно дав понять, что вовсе не намерен от них отречься. Он подтвердил, что признает все таинства, предустановленные Богом, в том числе и причащение к телу Христову в форме хлеба, но заявил: если Церковь полагает, что после освящения хлеб перестает быть хлебом, то ошибается, поскольку отравлена папизмом. Исповедь же сама по себе может быть целительной, но необязательно ведет к спасению. Завязался горячий диспут, закончившийся тем, что Олдкасл назвал папу антихристом, а всех прелатов и монахов — его прихвостнями. После этих слов уже не было нужды его защищать. Архиепископ Арунделский —

---

* См. гл. 6.

правда, без особого желания — объявил Олдкасла еретиком и передал для наказания светской власти. Однако и тогда ему отвели на размышления сорок дней: и Генрих и архиепископ Арунделский посылали к еретiku видных теологов, пытавшихся его уломать, но лорд остался непреклонен.

Затем ночью 19 октября Олдкасл исчез. Как ему удалось бежать, неизвестно. Ходили слухи, будто побег устроил сам король или Бофорт, однако, судя по тому, что нам известно о Генрихе, эта версия маловероятна: он поклялся расправиться с лоллардами, Олдкасл был их вождем, и старые узы дружбы вряд ли могли помешать ему исполнить свой долг. Согласно королевскому капеллану, лорд притворился, что сдастся, с него сняли кандалы, и он пустился в бег. В любом случае не обошлось без заговора, в котором участвовали тысячи его сподвижников: вскоре после исчезновения Олдкас-ла появились признаки грядущего восстания. Первый замысел — захватить короля в его дворце Элтем на представлении пантомимы в день Богоявления, 6 января 1414 года, — был раскрыт своевременно. Генрих сразу же выехал в Лондон и поселился в небольшом монастыре Клеркенуэлла. Сюда ему и доставили вести о том, что около 20 000 лоллардов со всех концов Англии через три дня соберутся на Фиккеттс-Филде (теперь Линкольнз-Инн-Филдз) и потом двинутся через весь Лондон на борьбу против «поповского государя».

Еще в детстве Генрих слышал истории о восстании Уота Тайлера, случившегося за шесть лет до его рождения, и не хотел, чтобы повторилось нечто подобное. Вечером 9 января он приказал закрыть все ворота Лондона, с тем чтобы отрезать мятежников города от повстанцев, идущих к столице, а сам с внушительной армией направился к Сент-Джайлз-Филдз, находившейся в миле или двух к северо-западу от места сбора лоллардов: отсюда ему не составило никакого труда отлавливать отряды бунтовщиков, разоружать и заключать под стражу. Для вынесения приговоров была создана специальная комиссия, и еще до суда на Сент-Джайлз-Филдз выросли виселицы. О действительных намерениях

повстанцев никто не знал; не исключено, что их цели были сугубо мирные: добиться права свободно следовать своим верованиям, — но Генрих и не думал разбираться в их претензиях. Всем им было предъявлено одно и то же абсурдное обвинение: заговор, имеющий целью убить короля, его братьев, главных прелатов и лордов, осквернить и разрушить соборы, церкви и монастыри, присвоить их имущество, заставить монахов и монахинь заниматься мирским трудом, назначить Олдкасла регентом королевства.

Многие лолларды, наверное, еще раньше поняли, куда их заманили вожаки, и вернулись домой; другие, возможно, успели сбежать, воспользовавшись темнотой. Как бы то ни было, только на Сент-Джайлз были казнены более ста человек, прежде чем комиссия перенесла свою деятельность и на другие районы страны. Крах затеи с восстанием был настолько очевиден, что уже к концу месяца Генрих прекратил гонения, а в марте, почувствовав себя в полной безопасности, объявил всеобщую амнистию. Мятежников, находившихся в заточении, освободили, наложив на них штрафы, и они разошлись по домам. Их вождь сэр Джон Олдкасл, несмотря то что за его поимку была обещана награда в размере 1000 марок, пребывал на свободе еще почти четыре года и продолжал сеять смуту. Лишь в конце 1417 года его изловили в приграничье Уэльса и, тяжело раненного, привезли в Лондон. У него уже не было никаких шансов на прощение. 14 декабря его осудили как изменника и еретика и в тот же день «частично повешенного сожгли» на Сент-Джайлз: он пережил своего чешского друга Яна Гуса на два с половиной года и умер почти такой же смертью. Однако кровь мучеников, как мы уже не раз убеждались, живительная: на верованиях Олдкас-ла и Гуса, ради которых они погибли, вырос протестантизм, процветающий и поныне.

Покончив с угрозой лоллардов, Генрих теперь мог обратить свое внимание на Францию, которую и парламент, собравшийся в Лестере 30 апреля 1414 года, определил как «глав-

ного врага». Столетняя война продолжалась. Установившееся затишье поддерживалось перемириями, которые время от времени возобновлялись; последнее — на двадцать пять лет — было подписано Ричардом II в 1396 году, когда он женился на юной Изабелле Французской. Все эти перемирия создавали видимость добрососедства. Хотя армии оставались дома, побережья обеих стран подвергались эпизодическим нападениям. В семидесятых годах французские налетчики сожгли дотла Рай и Уинчелси*, а английские пираты и через тридцать лет совершали набеги на порты и прибрежные деревни северной Бретани. Попытки французов взять Бордо в 1406 году, походы во Францию Арундела в 1411 году и Кларенса — в 1412-м, свидетельствовали лишь о том, что перемирие временное и полномасштабная война неизбежна. По крайней мере так думал Генрих: он должен завладеть тем, что принадлежит ему от рождения, — французской короной.

Как мы уже видели, аналогичные претензии выдвигал почти столетие назад его прапрадед Эдуард III — на том основании, что его мать была законной наследницей бездетного короля Карла IV**. Французы отвергли его поползновения, сославшись на Салический закон, признающий только наследников мужского пола. Корона таким образом перешла к двоюродному брату Карла Филиппу Валуа. После Филиппа уже три короля правили Францией. Генрих, замахнувшись на корону Франции, ставил под сомнение и легитимность последних четырех французских монархов. Однако и его заявка на трон была спорной. Если уж говорить о правах, то их теоретически было больше у графа Марча, законного наследника Ричарда II, а не у сына узурпатора. Но естественно, подобные детали мало интересовали Генриха.

---

* Для защиты от аналогичных налетов и был построен в следующем десятилетии замок Бодиам в Восточном Суссексе — наиболее совершенный и не тронутый временем и человеком образец поздне-средневекового замка, обнесенного рвом, из тех, что сохранились на территории Англии.

** См. гл. 1.

«Нет короля у Англии, если он и не Франции король» — это слова Шекспира, но сказаны они Генрихом*. Он отличался прямоотой и твердостью характера, ему были чужды юридические премудрости, английский монарх-полководец видел мир по-своему и в начале лета 1414 года уже был готов начать нешуточную войну.

Время для нападения он выбрал самое благоприятное. Францию, парализованную полоумным королем, раздирала междоусобица: Карл Орлеанский и арманьяки боролись с герцогом Бургундским. Англия же по-прежнему владела двумя стратегическими плацдармами — Кале и Бордо, хотя в случае конфликта они скорее всего оказались бы бесполезными. Побуждали его к развязыванию заграничной авантюры и домашние трудности. Восстание лоллардов, пусть и безнадежное, произошло через десять месяцев после восшествия на престол и поколебало его уверенность в себе. Оказалось, что он вовсе и не столь популярен, как ему думалось. Королю надо было поднять свой авторитет и отвлечь внимание от неприятностей, так некстати омрачивших начало его правления. Генриха тревожило и то, что в стране томится без дела огромное число солдат, лишенных возможности грабить и мародерствовать: если их не занять на войне, то они примутся разбойничать по деревням.

В начале 1415 года Генрих отрядил к французскому двору дядю Томаса Бофорта во главе внушительной делегации священнослужителей и лордов, вооружив ее перечнем не менее внушительных требований в соответствии со старым, как сама дипломатия, принципом: преднамеренно выдвигать более слабой нации заведомо неисполнимые условия, а после отказа согласиться с ними объявлять ей войну. На первом месте, конечно, стояла заявка на французскую корону. Если эта просьба будет отвергнута, в чем

---

* «No King of England, if not King of France» — эти слова Генрих произносит в конце второй сцены второго акта «Генриха V». В русском переводе пьесы они звучат иначе: «Пускай лишусь я английского трона, коль не надену Франции корону». — *Примеч. пер.*

вряд ли кто сомневался, то Франция должна была уступить Нормандию, Мен, Анжу, Турень и все территории, отошедшие к Эдуарду III по договору, подписанному в Бретиньи в 1360 году*. Далее дяде предстояло истребовать половину Прованса с замками Бофор и Ножан как части ланкастерского наследства Джона Гонта. Территориальные притязания составляли значительную часть французского королевства, но Генрих на этом не остановился. Он еще настаивал на немедленной оплате задолженности по выкупу Иоанна II, плененного во время битвы при Пуатье в 1356 году, а она достигала суммы в 1 600 000 золотых крон. И наконец, король просил руки дочери Карла VI Екатерины с приданым в размере 2 000 000 крон.

Франция к войне была совершенно неготова и могла бы заплатить даже очень большие деньги, чтобы ее избежать. Однако требования Генриха оказались непомерными. Французские переговорщики, которых возглавлял герцог Беррийский, предложили солидную прибавку к английскому герцогству Аквитания, а приданое Екатерины с первоначальных 600 000 крон увеличили до 800 000. Бофорт безапелляционно отверг их условия и возвратился со своей свитой в Англию на доклад к королю. Генрих был удовлетворен. Он получил то, что хотел. Дипломатия могла подарить ему новые территории и существенно обогатить, но корону могла дать только война.

Послы вернулись, и Генрих сразу же начал готовиться к походу. Перво-наперво ему надо было решить проблему транспортировки войск: он отправил своих уполномоченных во все порты от Ньюкасла до Бристоля с поручением изымать корабли определенного водоизмещения и набирать для них команды. Одновременно два рыцаря подыскивали нужных людей в Нижних странах. Менее чем через полгода у Генриха уже имелось 1500 кораблей, стоявших на якорях в гаванях

---

* См. гл. 1.

южного побережья от Саутгемптона до Портсмута. Сам же король занимался формированием армии. Он нанял около 2500 тяжеловооруженных всадников — облаченных в доспехи рыцарей со своими оруженосцами и пажами — и до 8000 лучников, а также пушкарей, саперов, оружейников, конюхов, хирургов, поваров, шорников, кузнецов, капелланов, включив в свою рать даже 15 менестрелей. К армии примкнули толпы нахлебников, они тоже могли пригодиться на войне. Всем полагалось вознаграждение в соответствии с рангом и социальным положением: герцогам — 13 шиллингов 4 пенса в день, лучникам — 6 пенсов. Армия стоила дорого: Генрих задолжал огромные деньги богатым гражданам, заложив почти все, что имело хоть какую-то ценность, включая королевские регалии и драгоценности.

Пока армия формировалась и снаряжалась, Генрих совершил паломничество к мощам святой Уинифриды в Холлиуэлле (Флинтшир), проделав путь в 160 миль туда и обратно, а 16 июня уже присутствовал на торжественной литургии в соборе Святого Павла. Затем он снова отправился на южное побережье, остановившись на какое-то время в Винчестере, чтобы принять делегацию французского двора, предпринявшего последнюю попытку предотвратить вторжение. Король встретил французских послов со всеми почестями, осыпал их щедрыми дарами, но даже и обсуждать не стал предложенный ими новый вариант брачной сделки — 900 000 крон приданого за Екатерину. Экспедиция, вежливо объяснил им Генрих, уже готова к отправке. Назад пути нет.

Генрих задержался лишь потому, что 31 июля к нему в замок Портчестер близ Портсмута заявился граф Марч с крайне неприятными вестями: о новом заговоре против короля, заглавную роль в котором играл бывший зять* Марча Ричард Конисборо (Конисбург), граф Кембридж и младший брат герцога Йорка. После смерти первой жены Анны Мор-

---

* Муж Анны Мортимер, сестры Эдмунда Мортимера. — *Примеч. пер.*

тимер Ричард женился на сестре мужа дочери Гарри Перси* и стал, таким образом, тесно связан с семьей Нортумберленд, особенно с кузеном Хотспера, неким сэром Томасом Греем. Он планировал — при содействии шотландцев, Глендоуэра с его валлийскими повстанцами и лоллардов Олдкасла — 1 августа убить Генриха и его братьев и провозгласить королем Марча как законного наследника Ричарда II. Третьим заговорщиком был один из самых доверенных наперсников короля, «которого он очень любил и который много раз спал в его покоях»**, Генри, лорд Скруп Мешемский, племянник того самого архиепископа Скрупа, которого Болингброк казнил десять лет назад. Заговорщики посвятили Марча в свои планы еще 21 июля, и только через десять дней он решился на то, чтобы их выдать.

Генрих отреагировал молниеносно. Он созвал совет своих главных магнатов, включая Кембриджа, Грея и Скрупа, и объявил на нем о том, что до него дошли слухи о заговоре, в которые трудно поверить. Во взгляде и словах короля, видимо, было нечто такое, что заставило заговорщиков сразу же во всем сознаться, правда, Скруп утверждал, будто он ничего не знал о намечавшихся убийствах. Всех троих приговорили к повешению, потрошению и обезглавливанию (*to be hanged, drawn and beheaded*). По инициативе короля повешение отменили, а Кембриджа и Грея избавили и от потрошения, и только одного Скрупа выпотрошили, растянули на деревянной раме и проволокли по улицам Саутгемптона до северных ворот, и там за городской стеной им всем отсекли головы. Потом голову Скрупа выставили на воротах Йорка, Грей же украшал Тауэр в Ньюкасле — в назидание северянам. А как Генрих должен был поступить с графом Марчем? Он вроде бы раскрыл заговор, но сделал это лишь через десять дней и наверняка из желания спасти свою шкуру. Как бы то ни было,

---

* Матильда, сестра Джона Клиффорда, первого мужа дочери Перси Елизаветы. — *Примеч. пер*

** St Rémy, *Chronique*, I, 224.

9 августа король простил графа, и через два дня, в воскресенье, 11 августа, оставив регентом своего брата Джона, герцога Бедфорда, и взяв с собой еще не заложенные регалии и тяжеленную частицу Креста Господня, отправился на борту «Ла Трините Руаяль» на ту сторону пролива, в Гарфлёр.

Генрих сосредоточивал свои войска в Гемпшире, а не в Кенте, и одно это указывает на то, что с самого начала он не собирался идти в Кале, хотя этот порт и ближе к Англии. Солент предоставлял ему отличную естественную гавань, и, кроме того, устье Сены открывало прямой, менее ста миль, речной путь в Париж. Единственным серьезным препятствием был сам Гарфлёр: замок, нависавший над гаванью, считался неприступным. Крепостные стены тянулись на 2,5 мили от берега до берега, надежно защищали его широкий и глубокий ров и 26 башен. Флотилия Генриха бросила якоря в устье вне досягаемости крепостных пушек, а армия высадилась на заболоченной низине к востоку от города и начала устанавливать осадные орудия. На следующий день Генрих приступил к штурму крепости.

Осада длилась пять недель, быстро превратившись в сплошной кошмар. В августовском пекле болота, и без того болезнетворные, кишели мухами, солдатский рацион состоял в основном из прогнивших фруктов, сомнительных моллюсков и нормандского сидра, и очень скоро армия стала таять на глазах из-за эпидемии лихорадки и дизентерии. В течение одного месяца умерли епископ Нориджский и граф Суффолк, много рыцарей и около 2000 пехотинцев, еще 5000 человек, включая брата короля герцога Кларенса и графов Марча и Арундела, отправили на носилках в Англию. Однако тяжело было и жителям Гарфлёра. Они уже почти голодали, и 18 сентября командующий гарнизоном герцог д'Эстутвиль запросил у короля условия перемирия. Поначалу Генрих хотел потребовать безоговорочной капитуляции, но, вспомнив о плачевном положении собственной армии, разрешил городу послать делегацию к дофину в Руане с просьбой о помощи, поставив одно условие: если за четыре дня подмога не придет, то Гар-

флёр должен прекратить сопротивление. Делегация получила отказ на том основании, что французская армия еще не готова к военным действиям, и 22 сентября, как и было условлено, д'Эстутвиль заявил о капитуляции. После этого армия Генриха помпезно и торжественно вошла в город, король снял обувь и босой проследовал в церковь Святого Мартина, чтобы возблагодарить Господа.

Генрих обошелся с гражданами Гарфлёра не столь сурово, как это обыкновенно происходило в подобных ситуациях. Город не подвергся разграблению, лишь были захвачены знатные горожане для того, чтобы за них получить выкуп. Тем, кто согласился присягнуть на верность английской короне, разрешили остаться в городе. Тех же, кто отказался — их насчиталось около 2000 человек, включая женщин и детей, — выдворили за ворота. (Большинство этих людей подобрала французская армия и поселила в Руане.) Генрих сразу же отрядил гонца к дофину, предложив ему сразиться в единоборстве: после смерти Карла VI победителю поединка и достанется корона Франции, — но это был пустой жест. Девятнадцатилетний дофин, повеса и развратник, скончавшийся через год от дизентерии, вряд ли мог выстоять против профессионального воина на восемь лет его старше и в расцвете жизненных сил.

В Гарфлёре Генрих, можно сказать, одержал победу, о чем и было сообщено в Лондон. А с другой стороны, он потерпел катастрофу. Смерти и эпидемии выкосили треть его армии. От 2500 тяжеловооруженных рыцарей, отплывавших вместе с ним во Францию, осталось около 900; уцелело в лучшем случае 5000 лучников. О ни каком походе на Париж уже не могло быть и речи. Самым разумным для него было бы оставить гарнизон для защиты захваченного города и вернуться в Англию. Его репутация могла пострадать, но по крайней мере он имел бы право гордиться завоеванием во Франции еще одного плацдарма. Однако для короля экспедиция еще не закончилась. Потери его несколько не смутили, и он объявил уцелевшим командирам о том, что теперь они двинутся в направлении Кале.

Большинство его военачальников с полным основанием могли обвинить своего короля в безумии. Кале от Гарфлёра отделяло 150 миль труднопроходимых равнин и холмов, усеянных враждебными замками и укрепленными городами и пересеченных реками, которые вот-вот разольются из-за осенних дождей. И французская армия, как уже стало известно, получив долгожданные подкрепления от арманьяков, численно превосходила истощенные английские войска и с легкостью могла преградить им дорогу. Король обо всем этом, конечно, знал, но уже ничто не могло заставить его изменить свое решение. Оставив в Гарфлёре дядю Томаса Бофорта, графа Дорсета, и гарнизон в 1200 человек, 8 октября Генрих дал приказ отправляться в дальний путь.

Первая неделя прошла без особых приключений. Случались отдельные стычки, но армия Генриха уверенно продвигалась вперед, французы отступали, города-крепости беспрекословно сдавались, остались позади реки Бетюн и Бресль. Серьезная трудность возникла, когда англичане подошли к Сомме. В ее устье находился брод, известный под названием Бланш-Так: по нему 69 лет назад шел к Креси Эдуард III. Теперь же французы обставили его рядами заостренных свай, а подходы к нему охранял кавалерийский отряд. Генриху ничего не оставалось, как повести свою армию вверх по течению в поисках другого места для переправы. Англичане прошли по левому берегу реки почти 60 миль, миновали и Абвиль, и Амьен, пока не набрали на удобный брод возле деревни Бетенкур, где наконец и перебрались на правый берег. Они уже десять дней были на марше и смертельно устали. А до Кале еще надо было преодолеть более 100 миль и идти по дорогам, на которых их где-то непременно поджидает враг.

Едва они успели отойти от Соммы, как прискакали французские герольды и сообщили королю: их армия действительно находится неподалеку, и он должен вступить в решающее сражение на местности, как было установлено правилами

средневекового рыцарства, не дающими преимуществ ни одной из сторон. Генрих воспринял вызов с радостью (в отличие от большинства его людей, которые, по свидетельству королевского капеллана, возлагали надежды только на милость Божью), и решив, что французы сразу же нападут, облачился в доспехи, повелев рыцарям сделать то же самое. Однако противники не встретились еще три дня, и только 24 октября на рассвете англичане увидели французскую армию, расположившуюся на противоположном берегу речки Тернуаз. Воспользовавшись мостом, войско короля перешло на другую сторону водной преграды, но Генрих понимал, что от битвы ему не уйти, и скоро стало ясно, где она произойдет — на открытом поле в 30 милях к северо-западу от Арраса, между двумя соседними деревнями Трамкуром и Азенкуром. Наблюдая за тем, как французы готовятся к сражению, Генрих наконец начал осознавать трагизм своего положения. Он не только значительно уступал в численности войск — в соотношении один против пяти или даже шести, — его люди были на грани физического истощения после двухнедельного марша, а французы — бодры и полны сил. И тогда он принял решение, которое обычно игнорируется историками-патриотами (так поступил и Шекспир): запросил мира. Король отправил во французский лагерь пленников, захваченных по дороге из Гарфлёра, и предложил в обмен на беспрепятственное продвижение к Кале вернуть оккупированный город и все другие завоевания с полным возмещением нанесенного ущерба. Конечно, он вряд ли рассчитывал на положительный ответ, но по крайней мере мог отсрочить начало сражения хотя бы на одну ночь и дать своим воинам время на отдых.

Всю неделю почти непрерывно лили дожди. Накануне небо снова заволочло тучами, с наступлением вечера опять пошел сильный дождь, продолжавшийся практически всю ночь. И рыцари, и латники, и лучники мокли под открытым небом: едва ли кто-либо из них смог заснуть тогда. Не думали они тогда и о том, что этот почти непрерывный ливень спасет их, словно ниспосланный самим Богом.

Утром в пятницу, 25 октября — это был День святых Криспина и Криспиана, — дождь прекратился. Ливни превратили недавно вспаханные луга между лесами Трамкура на востоке и Азенкура на западе в непролазную хлябь. Французы не ответили на предложения Генриха, и противники начали готовиться к бою. Генрих разделил свою армию на три батальи, выстроив их в одну линию. Сам король в сюркоте, на котором английские леопарды соседствовали с французскими лилиями, и в шлеме, украшенном изящной золотой короной, возглавил центр. На правом фланге он поставил кузена своего отца Эдуарда, бывшего графа Ратленда, а потом Албемарла, наследовавшего в 1402 году титул герцога Йорка. Левый фланг Генрих поручил одному из самых верных генералов, лорду Камойсу. Все три крыла, в которых тяжеловооруженным всадникам предстояло сражаться пешими, с флангов поддерживались отрядами лучников.

Французские командующие, коннетабль Шарль д'Альбре и маршал Жан Бусико, построили свои войска иначе. Узкое пространство между лесами — около 1200 ярдов — не позволяло им организовать значительно более многочисленную армию в одну линию, и они сформировали колонну, состоящую из трех рядов, располагавшихся один за другим, а на флангах переднего ряда поставили тяжелую кавалерию. Между рядами спешившихся рыцарей разместились отряды арбалетчиков: французы не учли опыт прошлых войн и по-прежнему игнорировали длинные луки. Правда, у них еще имелось несколько легких пушек, но они так и не пригодились. Французы полагались на свое преобладающее численное превосходство и кавалерийский фланговый натиск, с которого они и собирались начать наступление.

Остается лишь удивляться тому, что они совершенно не приняли во внимание последствия непогоды. Рыцарь, вооруженный и облаченный в доспехи, весит немало, и для успешного кавалерийского натиска, естественно, необходима сухая и твердая земля. Коннетабль дал сигнал начинать ата-

ку в одиннадцать часов, и когда кони двинулись вперед, они сразу же стали вязнуть в грязи. В ней же оказывались и всадники, вынужденные спешиваться и идти дальше на своих двоих. Лучники Генриха моментально засыпали их стрелами, перебив уже в самом начале неимоверное число и кавалеристов и пехотинцев, а потом, сменив луки на короткие мечи, топоры и дубины, быстро расправились и с теми немногими французами, сумевшими прорваться к боевым порядкам англичан. Захлебнулась в крови и вторая атака, которую возглавил герцог Алансон. Третья же попытка сокрушить англичан закончилась позорным бегством.

Именно тогда, когда победа уже была гарантированно обеспечена, Генрих отдал приказ, которым навеки себя запятнал. Он повелел предать смерти всех пленников, исключая знатных дворян, за которых можно получить солидный выкуп. Что заставило его принять это решение, нарушавшее военные традиции Средневековья? Бытует мнение, будто бы его насторожил некий маневр французской кавалерии, который он принял за подготовку нападения с тыла. Возможно. Хотя никакой атаки не последовало. Многие отказались исполнить приказ, несмотря на угрозу вздернуть на виселицу за неповиновение. Королю пришлось отрядить своих 200 лучников для казни французов. Таков был постыдный финал одной из величайших побед в истории Англии.

Около двух-трех часов пополудни все было кончено. Оставалось только подсчитать потери и по возможности установить личности убитых. Потери французов были чудовищные: из 20 000 человек погибло более трети — 7000, в том числе коннетабль, герцоги Алансон и Бар, братья герцога Бургундского Антуан, герцог Брабантский и Филипп, граф Невер. Пали на поле брани 1560 рыцарей, около 5000 тяжелооруженных всадников и неизвестное число простых воинов. В плену оказались маршал Бусико и герцоги Орлеанский и Бурбонский. Генрих потерял самое большее 1600 человек, а возможно, даже меньше (по некоторым оценкам — не более 400). Лишились жизни только двое знатных дворян —

юный граф Суффолк, чей отец погиб при Гарфлэре, и сорокадвухлетний герцог Йорк, у которого, видимо, случился сердечный приступ: его тучное тело не смогло справиться с тяжестью доспехов. Останки герцога впоследствии перевезли в Англию и похоронили в замке Фодерингей.

Ввиду тактики, примененной французами, и неблагоприятных условий для действий тяжелой кавалерии, победа англичан, можно сказать, была предопределена. Однако их триумфу способствовали и другие факторы. Английской армией повелевал один командующий, уже зарекомендовавший себя превосходным полководцем, сражавшийся как лев в продолжение всей битвы и спасший жизнь брату, герцогу Глостеру. Французы же были разобщены, никто из генералов не взял на себя руководство сражением; более того, на них оказывали влияние династические раздоры. И конечно же, и на это стоит еще раз указать, поскольку такое пренебрежение очевидными вещами совершенно необъяснимо, на исходе битвы не могло не сказаться то, что французы, несмотря на уроки сражений при Креси и Пуатье, не поняли превосходства длинных луков и по своей же вине стали жертвами расторопных и метких английских лучников. Уже по одной этой причине они вполне заслуженно потерпели поражение, и расправа над их пленными на исходе битвы представляется тем более излишней и дикой.

Вести о победе дошли до Лондона через четыре дня, 29 октября, и они, естественно, были восприняты с ликованием. По всему городу звонили колокола, а мэр повел своих граждан сначала к усыпальнице Эдуарда Исповедника в Вестминстерское аббатство и затем на благодарственную службу в собор Святого Павла. В тот же день Генрих вошел в Кале со своей победоносной армией. Две недели он собирал флот для отправки войск обратно в Англию, и все это время его войны вынуждены были обменивать своих пленников, за которых полагался выкуп, на деньги, чтобы обеспечить себя средствами для существования. Наконец утром 16 ноября король отплыл и вечером прибыл в Дувр, где местные магнаты на руках

пронесли его по воде с корабля на берег. На следующий день он уже находился в Кентербери, откуда не спеша доехал до Лондона, прибыв в столицу 23 ноября подлинным героем.

В Лондоне еще не видели такой торжественной и многочисленной процессии, которая сопровождала его от Блэкхита до Вестминстера. Во главе ее шел мэр с представителями муниципалитета, а за ними — все купцы города и члены гильдий и цехов со знаменами и штандартами; манифестантов насчитывалось, наверное, не менее 15 000. Лондонский мост едва просматривался в завесе флагов и триумфальных арок, которые украшали путь короля до самого собора Святого Павла, а из фонтана на Чипсайде будто бы тогда лилась не вода, а вино. После службы в соборе Генрих вдоль реки покскачал в Вестминстерское аббатство на церемонию возле усыпальницы Эдуарда Исповедника. Повсюду его встречали восторженные толпы горожан, запрудивших улицы.

Но похоже, самого короля победа не радовала. Как и во время коронации, он выглядел отрешенным и за весь пятичасовой путь от Блэкхита до Вестминстера ни разу не улыбнулся. Генрих всем своим видом давал понять: победа принадлежит не ему, а Господу. Он даже не разрешил выставить на показ ликующим толпам свои помятые доспехи и шлем. Но причиной тому была не только его скромность. Король наверняка задумался: а чего он реально достиг? Ради чего он закладывал королевские регалии и принес в жертву жизни 3000 человек, погибших при Гарфлэре и Азенкуре? Он выиграл всего лишь битву, но не войну. Армия, которую он разбил, была внушительной, но это еще далеко не вся военная мощь Франции. В Руане стоит войско — несколько тысяч человек, которыми командует герцог Берри. Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундский сохранил в целости свою армию. Он еще не решил, как ему поступить, но когда примет решение, то может стать очень грозным противником. Английская армия же теперь была совсем не та, что прежде. Пока Генриху сопутствовала удача, неожиданная для него самого. Но как долго это продлится?

9

Конец авантюрам (1415—1422)

Герцог Бургундский:

Дозволено спросить пред всем собраньем,
Какое затрудненье иль преграда
К тому, чтоб мир, истерзанный, нагой, —
Богатства, радостей, искусства пастырь —
Явил свой лик в прекраснейшем саду,
Во Франции любезной и обильной.
Увы, он слишком долго был в изгнание,
И, в груды свалены, плоды земли
От избытка своего гниют.

«*Генрих V*»

События, последовавшие за битвой при Азенкуре, подтвердили самые худшие опасения Генриха.

29 ноября 1415 года Карл VI и дофин заняли Париж. Тогда герцог Бургундский тоже повел свою армию к городу и за две недели пришел в Ланьи; до столицы оставалось всего 16 миль. Но 18 декабря Генрих получил известия, свидетельствовавшие о том, что ситуация коренным образом изменилась. После продолжительной болезни, на двадцатом году жизни умер дофин. Его брат и преемник Иоанн (Жан) был женат на племяннице герцога, жил в Бургундии, и герцог, чьи позиции моментально усилились, естественно, отступил

во Фландрию. Через три месяца, в марте 1416 года, граф Дорсет, оставленный королем защищать Гарфлёр, отправился в рейд по берегу и в Вальмоне близ Фекана чуть было не попал в капкан к графу Арманьяку, ставшему теперь коннетаблем Франции вместо погибшего д'Альбре. Тяжело раненый граф все-таки смог вернуться обратно в порт, пройти 20 с лишним миль и даже разгромить французский кавалерийский отряд у самых стен города. Однако неудачный поход еще раз подтвердил, насколько слабы позиции англичан в Нормандии.

Взбешенный Арманьяк затребовал корабли из Генуи и Кастилии, совершил несколько налетов на Портсмут и остров Уайт и полностью заблокировал Гарфлёр с моря и суши. Когда в городе начался голод, Генрих отправил на помощь экспедицию — брата герцога Бедфорда и 10 000 человек. 15 августа английские моряки в семичасовом сражении в устье Сены наголову разбили флот Арманьяка. Четыре огромных генуэзских парусника были потоплены, еще пять кораблей они захватили.

Сам король не смог возглавить экспедицию по одной простой причине: он в это время принимал императора Священной Римской империи Сигизмунда Люксембургского*. Сигизмунд, дядя первой жены Ричарда II Анны Богемской, несмотря на репутацию человека жестокосердного и ненасытного любителя женского пола, свои императорские обязанности исполнял добросовестно. Он одновременно решал две задачи: хотел покончить с папским расколом, для чего созвал Вселенский церковный собор в Констанце, и урегулировать разногласия между Францией и Англией, с тем чтобы создать единый фронт борьбы с неверными. Генрих, всегда мечтавший о ведущей роли на европейской сцене, послал на собор своего представителя. (Кстати, он не выразил

---

* В принципе Сигизмунда нельзя было называть императором Священной Римской империи до коронации папой римским. Он все еще оставался королем римлян. Коронация Сигизмунда откладывалась из-за папского раскола. Короновал его папа Евгений IV 31 мая 1433 г.

ни малейшего протеста, когда Сигизмунд, обещавший Яну Гусу безопасное присутствие в городе, арестовал его и приговорил к сожжению на костре.) Английский монарх был крайне заинтересован в том, чтобы превратить императора в своего надежного союзника. В Кале для встречи Сигизмунда были отправлены 300 кораблей, и 30 апреля они доставили императора в Англию, где его в миле от Лондона приветствовал сам король с эскортом в 5000 человек, сопроводив до Вестминстерского дворца, отведенного императору на весь срок пребывания.

Сигизмунд прожил в Англии не менее четырех месяцев. За это время Генрих добился всего, чего хотел: убедил императора в справедливости требований Англии к Франции, а 15 августа — в день сражения в устье Сены — подписал с ним в Кентербери оборонительно-наступательный союз. Дабы продемонстрировать свое стремление к миру, они пригласили арманьяков и бургуньонов приехать в сентябре на конференцию в Кале. Переговоры практически ничего не дали — противники слишком не доверяли друг другу, — но для Генриха это не имело никакого значения. Альянс с императором значительно укрепил его положение, и в конце октября он, вполне довольный собой, вернулся в Англию.

Собственно, все это было лишь прологом к главному действию. Генрих задумал вторую экспедицию, в сравнении с которой поход в 1415 году показался бы прогулкой. Он нацелился на Париж и французскую корону. Снова были заложены королевские регалии и драгоценности, снова на верфях взялись за дело плотники и корабелы, приглашенные даже из таких далеких мест, как Барселона и Байонна. Король призвал к оружию солдат, сражавшихся при Азенкуре; в армию толпами повалили искатели приключений, соблазненные обещаниями славы и наживы за счет грабежей. Подданных по всей Англии обязали поставить для стрел по шесть перьев с каждого гуся. Французы и гегуэзцы по-прежнему разбойничали в проливе, для борьбы с ними была создана

специальная эскадра из 11 кораблей, и 29 июня 1417 года Джон Холланд, молодой граф Хантингдон, разгромил у Ла-Хога объединенную французско-генуэзскую флотилию. Через месяц, 1 августа, 1500 кораблей подошли к Туку на левом берегу Сены, находившемся в нескольких милях от Онфлёра, и высадили около 10 000 воинов, раза в три больше всякого рода энтузиастов и 20 000 лошадей.

Вторая экспедиция, хотя и не ознаменовалась великими победами, по результатам была гораздо значительнее первой. Кан, меньше Руана, но больше любого города в Англии, кроме Лондона, пал за две недели, в основном благодаря эффективности английской артиллерии. Орудия, установленные на высоких стенах монастырей*, располагавшихся неподалеку, были примитивные и слабые, но произвели необходимое психологическое впечатление на жителей, никогда прежде не видавших и, самое главное, не слышавших ничего подобного. Генрих, как обычно, поспешил на милосердие, приказав истребить все мужское население города. Не желая повторить участь Кана, без сопротивления сдались Аржантан и Алансон. Необычайную стойкость проявили граждане Фалеза. Город держался целый месяц, а замок, построенный на скале и потому недоступный, еще шесть недель. В конце концов гарнизон капитулировал. На этот раз обошлось без массовых расправ. К весне 1418 года Генрих уже владел всей Нижней Нормандией.

Тем временем в самой Франции династическое противоборство становилось все более запутанным. Дофин Иоанн умер в апреле 1417 года, пережив брата всего лишь на один год, и ему наследовал третий брат Карл. Но если супругой Иоанна была бургундская принцесса и сам он, по сути, стал заложником Бургундского двора, то Карла еще в детстве женили на дочери герцога Анжуйского и он принадлежал,

---

* Два монастыря — Сент-Этьенн (мужской) и Ла-Трините (женский) — были основаны Вильгельмом Завоевателем и его супругой Матильдой. Они стоят и поныне, пережив и двухмесячные бои, которые шли здесь летом 1944 г.

таким образом, к партии арманьяков. В мае арманьяки, почувствовав свою силу, ополчились против королевы Изабеллы, жены Карла VI*, которая тоже не пылала к ним любовью, и отослали ее в Тур. Изабелла незамедлительно призвала на выручку Иоанна Бесстрашного, герцога Бургундского: он вызволил ее и привез в Шартр. Здесь она объявила себя регентом Франции, а герцога Иоанна — соответственно «губернатором», и они решили вместе завладеть Парижем. 12 июня 1418 года в результате их интриг в Париже был убит герцог Арманьяк, и 14 июля Изабелла и Иоанн вошли в столицу, где их приветствовал полоумный король: дофин сбежал к арманьякам в Мелен. Политический маятник качнулся в другую сторону, и когда Генрих, форсировав Сену у Пон-де-л'Арка, пошел к Руану, то обнаружил, что в городе находятся не арманьяки, как он ожидал, а сплошь одни бургиньоны.

Однако это обстоятельство вовсе не означало, что величайший город Нормандии проявит меньше стойкости. Укрепления огромного замка, построенного в XII веке королем Филиппом Августом, были усилены, в город завезли продовольствие, а всю окружающую местность преднамеренно опустошили до такой степени, что еду для армии Генриху приходилось доставлять из Англии. Защитники Руана настолько уверовали в его неприступность, что впустили к себе тысячи беженцев из Нижней Нормандии. Однако Генрих тоже знал, как поступать в подобных ситуациях. Он разместил вокруг города пять полевых лагерей и забаррикадировал Сену бонами и судами, связанными цепями и канатами. Король не стал даже и пытаться брать Руан штурмом, а занял выжидательную позицию. Осада началась 31 июля 1418 года и длилась почти шесть месяцев; погода постепенно ухудшалась, становилось все холоднее и холоднее, пока и англичане и французы не оказались в зиме, какой им еще не доводилось

---

* Дочь Стефана, герцога Баварского, а ее дочь, тоже Изабелла, — вторая жена Ричарда II, ставшая затем женой Карла, герцога Орлеанского.

испытать. Запасы провизии заканчивались, защитники время от времени устраивали вылазки, англичане загоняли их обратно, король, по своему обыкновению, лично участвовал в рукопашных схватках. Хронисты сообщают нам, что он постоянно перемещался от лагеря к лагерю, проверял оружие, разговаривал с людьми, «долгими зимними ночами почти не спал и редко отдыхал».

Где-то в середине декабря командир гарнизона Ги ле Бутейе, поняв, что ему не прокормить ораву беженцев, к тому же не способных активно участвовать в защите города, выгнал за ворота около 12 000 человек. Генрих категорически отказался пропустить их через английские позиции, и им пришлось искать укрытие во рвах, канавах и траншеях, замерзать там и умирать от голода: правда, потом король повелел отправить им немного провианта, чтобы те из них, кто еще оставался жив, смогли отметить Рождество. Руан сдался только 19 января, на следующий день Генрих торжественно вошел в город и справил в соборе благодарственный молебен, хотя выглядел на нем, как всегда в таких случаях, задумчивым и печальным. С гражданами и гарнизоном он обошелся сурово, но без излишнего злобствования, проявленного в Кане. Город обязался выплатить штраф в 300 000 крон — по 80 000 крон в год, сдать оружие, доспехи, любое военное снаряжение и лошадей. Всех нормандцев из числа гарнизона взяли под стражу. Разве они не оказали неповиновение своему законному суверену? Остальные граждане были отпущены на волю.

Генрих пробыл в Руане два месяца, занимаясь реорганизацией управления городом и герцогством, в то время как его военачальники ликвидировали последние очаги сопротивления. Получив еще одно подтверждение своего могущества, король в марте 1419 года предложил шестнадцатилетнему дофину вступить в переговоры и страшно прогневался, когда юноша не явился на встречу. Более податливыми оказались королева Изабелла и герцог Бургундский: в соответствии с двухмесячным перемирием они согласились встретиться

с ним 29 мая возле Мёлана. (Карл VI смог добраться только до Понтуаза; ехать дальше сил уже не было.) Наконец Генрих мог вести переговоры с теми, кто обладал хоть какими-то полномочиями. Он заявил, что готов отказаться от французской короны при одном условии: Англия получит все территории, уступленные Эдуарду III по договору, подписанному в Бретињи в 1360 году, а также те земли, которые он сам завоевал после высадки в Туке. Соглашение будет скреплено его браком с принцессой Екатериной, которую он успел увидеть и даже подивиться ее красоте. Семья предложила приданое в размере 800 000 крон, правда, за вычетом 600 000 крон, которые, по мнению французов, надо было вернуть вместе с вдовой королевой Изабеллой, женой покойного Ричарда II. Обе стороны немножко переборщили в своих требованиях, встреча ни к чему не привела, но по крайней мере отношения были установлены, создалась определенная основа для более детальных переговоров, запланированных на следующий год.

К тому времени позиции Генриха еще более усилились. После истечения срока перемирия его армия внезапно ранним утром напала на расположение бургиньонов в Понтуаза, застав их врасплох. Город был полностью разграблен, добыча — провиант и товары — оценивалась в 2 000 000 крон, и английские войска теперь находились в 20 милях от Парижа. Судьба Франции повисла на волоске: все теперь зависело от способности бургиньонов и приверженцев дофина объединиться. Если они смогут договориться друг с другом, то французы еще будут в состоянии справиться с интервентами. Именно с этой целью герцог и дофин согласились встретиться в воскресенье, 10 сентября, на мосту в Монтеро, находившегося в 40 милях к юго-востоку от Парижа, где река Йонна впадает в Сену. Столь остра была взаимная ненависть, что посередине моста для randevу было огорожено специальное место, забаррикадированное с обеих сторон для входа тех или иных недоброжелателей. Но все предосторожности оказались напрасными. Разговор не успел

начаться, как Иоанн Бесстрашный упал, зарубленный боевым топором.

Кто поднял на него руку? Причастен ли к убийству юный дофин? Никто не в состоянии ответить на эти вопросы. Для французов же это была настоящая катастрофа: она лишила их последнего шанса для объединения страны против английских захватчиков и, в общем-то, сыграла на руку интервентам. Дофин и его сторонники, оставив в Монтеро гарнизон, ушли на юг — в Прованс, Лангедок и Гасконь, где могли обрести реальную поддержку. Сын и наследник Иоанна, двадцатитрехлетний Филипп — впоследствии его назовут Добрым, — поклялся отомстить приверженцам дофина и через шесть месяцев, в канун Рождества, заключил с англичанами альянс, скрепленный затем браком одной из его сестер с братом короля*.

Злодейское убийство Иоанна Бесстрашного окончательно убедило Генриха в том, что Бог на его стороне. Имея теперь такого союзника, как Бургундия, он мог претендовать на всю Францию, и наконец 21 мая 1420 года в Труа, несмотря на сильное присутствие во всем регионе Шампань приверженцев дофина, был подписан долгожданный договор. По нему Генрих признавался регентом Франции, а после смерти Карла VI получал французскую корону, которая затем должна была передаваться до бесконечности его наследникам. Дофин же лишался прав наследования, и на него объявлялась охота. В то же время сохранялись отдельно две короны — Англия и Франция имели право соблюдать свои традиционные законы и обычаи, и ни одна из них не подчинялась другой. Король Карл VI, как обычно, не принимал участия в переговорах: от его имени клятвы давали королева и герцог. 30 мая о договоре было объявлено в Париже; в Троицын день, 2 июня, Генриха и Екатерину обручили в приходской церкви Святого Иоанна в Труа.

---

* Джон, герцог Бедфорд, обручился в Труа с сестрой Филиппа Анной спустя три с половиной года.

Однако завоевание Франции еще не завершилось. Возвращение в Париж откладывалось. Целая неделя ушла на то, чтобы смирить гарнизон приверженцев дофина в Сансе, потом надо было взять штурмом Монтеро и перевезти тело Иоанна Бесстрашного из временной могилы в Дижон для перезахоронения в семейной усыпальнице*. Четыре с половиной месяца держался гарнизон Мелена, капитулировав лишь 18 ноября. Среди защитников города оказался небольшой отряд шотландских наемников. Генрих повелел их всех сразу повесить: формально за то, что они не подчинились собственному королю Якову I, приказавшему им сдаваться. (Яков сам был узником английского короля, привезенным специально для этой цели**.) Остальных вояк взяли под стражу и содержали в заключении в надежде получить за них выкуп. Потом 600 заложников отослали по реке в Париж, где многие из них умерли, не сумев собрать необходимые суммы денег. Военные успехи и женитьба, похоже, несколько не смягчили жестокий нрав Генриха.

1 декабря два короля въехали в Париж; Генрих был первым и последним английским монархом, которого во французской столице встречали как завоевателя. Он с женой и братьями занял самые роскошные апартаменты в Лувре, что резко контрастировало с убогим жильем, отведенным Карлу VI и Изабелле в «Отель де Сен-Поль». Генрих оставался в Париже до Рождества, а 27 декабря вместе с Екатериной отправился в Англию. На три недели они задержались в Руане — короля очень озаботили проблемы управления новым герцогством, — затем продолжили путешествие и, наконец,

---

* Мавзолей, построенный Филиппом Смелым в 1383 г., был разрушен во время революции. Гробницы, однако, сохранились, и теперь их можно увидеть в Гвардейском зале (Salle des Gardes) Музея изящных искусств, бывшего герцогского дворца.

** Яков был захвачен англичанами, вероятно, в 1406 г. в возрасте двенадцати лет; с ним обращались великодушно, и он получил прекрасное образование. В Шотландию он вернулся в 1424 г. и был коронован в Скуне.

1 февраля 1421 года прибыли в Дувр. Здесь бароны Пяти портов снова зашли в воду и вынесли обоих на руках с корабля на берег. Через три недели молодоженов встречали в Лондоне, а 23 февраля двадцатилетнюю Екатерину короновали в Вестминстере.

То, что Генрих пребывал за границей три с половиной года, указывает на относительную стабильность в стране. Его отец, когда был королем, не мог себе этого позволить. Генрих тоже, наверное, хотел бы провести остаток своей короткой жизни дома, если бы не дела во Франции.

В марте 1421 года его младший брат Томас, герцог Кларенс, назначенный командующим в Нормандии и наместником Франции, пошел на юг с войском численностью около 4000 человек и столкнулся с приверженцами дофина у Божэ в 25 милях к востоку от Анжера. Неизвестно, знал герцог или нет о том, что к его противнику недавно прибыл большой шотландский контингент, запрошенный французами для оказания союзнической помощи. В любом случае он, жажда повторить победу при Азенкуре, сразу же завязал битву, не дожидаясь лучников. Поспешность обернулась ему боком. Сам он погиб — его убил, как считается, шотландский граф Бакан*, — графы Сомерсет и Хантингдон попали в плен. Успех, конечно же, окрылил французов: оказалось, что англичане не такие уж непобедимые.

Видимо, это поражение при Божэ и заставило Генриха 10 июня 1421 года отправиться в свой последний поход во Францию. Он взял с собой гораздо меньше людей, чем в предыдущие экспедиции, — около 4000 человек, не считая, конечно, внушительные силы, оставленные в прошлом году в Нормандии. К концу лета король восстановил престиж Англии, но к нему прилепилась какая-то непонятная болезнь,

---

* Возможно, отчасти поэтому Бакан в следующем году был назначен коннетаблем Франции. Иные написания: Бахан, Бьюкан (Buchan). — *Примеч. пер*

он слабел, и по мере ухудшения здоровья в нем нарастала жестокость. После взятия замка Ружмон он спалил его дотла, повесил весь гарнизон и требовал топить пойманных беглецов. Беспощадно Генрих расправился и с городом Мо, который держался всю зиму и весну, но все-таки капитулировал. В конце мая 1422 году к нему во Францию приехала королева Екатерина, оставив дома пятимесячного сына Генриха, которого отцу так и не довелось увидеть.

Для всех было очевидно, что король умирал. Он уже не мог сесть на коня, но предпринял последнюю героическую попытку повести армию против дофина, осадившего Кон. Однако ему было трудно перенести дорогу даже в палантине, и вскоре его пришлось переправить в лодке по Сене в Шарантон, а оттуда отвезти в Венсенн. Здесь 31 августа Генрих призвал к себе советников, наказал им хранить союз с Бургундией, попросил простить его за причиненные обиды, последний раз причастился и умер. Проживи Генрих хотя бы еще шесть недель, он стал бы королем Франции: 11 октября за ним на тот свет отправился и несчастный Карл VI. Тело усопшего английского монарха какое-то время лежало в Сен-Дени, оттуда его вынесли 15 сентября, и пышная погребальная процессия прибыла в Лондон только 5 ноября. Через два дня короля Генриха V похоронили в Вестминстерском аббатстве, во время церемонии к алтарю подвели трех его любимых скакунов. Ему было тридцать четыре года.

Гробница Генриха из пурбекского мрамора, стоящая в дальнем конце капеллы Святого Эдуарда, давно утратила свое былое великолепие. Когда-то вдова короля украсила ее скульптурным изображением, выполненным из дуба; голова, руки, скипетр и другие регалии были отлиты из чистого серебра, а сама фигура была покрыта позолоченным серебром. Драгоценный металл исчез еще в 1546 году, и теперь фигура имеет голову, сделанную в 1971 году из полиэфирной смолы. Надо сказать, Генрих был первым английским монархом, настоявшим на том, чтобы для него возвели часовню, в которой можно было непрерывно отправлять

молебны за упокой его души. Это грандиозное сооружение подавляет своим величием усыпальницы и Плантагенетов, и самого Эдуарда Исповедника. Оно украшено скульптурами исключительно тонкой работы; среди них два изображения Генриха верхом на лошади и два — во время коронации. Но самые волнующие экспонаты — это щит, седло и шлем, закрепленные на деревянной балке. Традиционно считается, что этот шлем, хотя он, судя по всему, предназначался для турниров, и был на Генрихе во время битвы при Азенкуре.

А куда же подевалась Екатерина? В надгробных скульптурных изображениях два предшественника Генриха лежат рядом со своими супругами; Генрих покоится в одиночестве. Насчет королевы он не оставил никаких распоряжений. Через три года после его смерти она вышла замуж за богатого валлийца Оуэна Тюдора и родила ему сына Эдмунда, будущего отца короля Генриха VII. Когда она умерла в 1437 году, ее похоронили в часовне Богородицы. Когда внук снес эту часовню, чтобы построить новую — названную впоследствии его именем, — ее останки поместили в деревянный гроб, который долгое время стоял рядом с усыпальницей Генриха V, вызывая жгучий интерес посетителей*. Только лишь в 1776 году ее кости, «все еще соединенные и покрытые тканью, напоминавшей дубленую кожу», были убраны подальше от публики, а в 1878 году их погребли под алтарной плитой в часовне Генриха V, где они покоятся и поныне.

---

* «Здесь мы видели, какая честь, тело королевы Екатерины Валуа, и я держал верхнюю часть ее туловища в своих руках. И я поцеловал ее в уста, сознавая, что целую королеву; это был мой день рождения, мне исполнилось 36 лет, когда я впервые поцеловал королеву». (Сэмюел Пипс, дневник, 23 февраля 1669 г.)

10

«Король Генрих V» (1414—1420)

Х о р:

Итак, рукой неловкою своей
Наш автор завершил повествованье,
Вмеща в тесный круг — больших людей
И ослабляя подвигов сиянье.

«Генрих V»

В финале второй части «Генриха IV» Генрих V становится королем Англии. Потому и пьеса, названная его именем, начинается со второго года его царствования и охватывает события, происходившие до заключения мира с Францией в 1420 году и обручения Генриха с принцессой Екатериной в Труа. В ней ничего не говорится о второй и третьей кампаниях во Франции. Причина простая: после Азенкура вторая кампания послужила бы антиклимаксом всей истории, а третья — прелюдией к смерти короля, не особенно героической. В пьесе «Генрих V» главным образом прославляются патриотизм, воинская доблесть и, в последнем акте, истинная любовь как действенное средство примирения — отсюда и соответствующий подбор сюжетного материала.

Возможно, для того чтобы подчеркнуть отличие драматургии от исторической хроники, Шекспир, следуя традиции

греческой трагедии, вводит «хор», который выступает в прологах и эпилогах, открывает каждое новое действие и дает крайне важные временные детали. Вот как, например, хор зачинает первый акт «Генриха V»:

Но простите,
Почтенные, что грубый, низкий ум
Дерзнул вам показать с подмостков жалких
Такой предмет высокий. И вместит ли
Помост петуший — Франции поля?
Вместит ли круг из дерева* те шлемы,
Что наводили страх под Азенкуром?

Извинения такого сорта отсутствуют во время анонса битвы при Шрусбери. Предполагается, что эти строки имеют прямое отношение к зарождению шекспировской труппы «Люди лорда Чемберлена» и открытию нового театра «Глобус» на Бэнксайде в Саутуарке в 1599 году. Естественно, такое событие заслуживало внимания, и Шекспир не мог не отметить его.

Еще одну деталь своего времени, и даже более убедительную, чем первая, Шекспир вписал в пролог к пятому акту:

Теперь покажет
Вам всем прилежная работа мысли,
Как Лондон буйно извергает граждан.
Лорд-мэр и олдермены в пышных платьях,
Как римские сенаторы, идут;
За ними вслед толпой спешат плебеи
Навстречу цезарю-победоносцу.
Так было бы, хоть и в размерах меньших,

---

* В оригинале — «деревянный О» (wooden O): так Шекспир называл свой театр. — *Примеч. пер.*

Когда бы полководец королевы
Вернулся из похода в добрый час —
И чем скорее, тем нам всем отрадней! —
Мятеж ирландский поразив мечом.
Какие толпы, город покидая,
Его встречали б!

В наши дни практически никто не сомневается в том, что «полководцем» был Роберт Деверё, граф Эссекс. 27 марта 1599 года Деверё, тогда наместник и губернатор Ирландии, отправился с войском подавлять мятеж графа Тайрона, встретив жесточайшее сопротивление ирландцев. Заключив вынужденное перемирие, он в сентябре вернулся в Лондон, в общем-то опозоренный и опальный. Данное обстоятельство может указывать на то, что первое представление «Генриха V» состоялось в период между мартом и сентябрем 1599 года, а сама пьеса была написана сразу же после второй части «Генриха IV», которую, как мы уже знаем, актеры впервые исполнили в предыдущем году.

За прологом следует разговор между архиепископом Кентерберийским и епископом Илийским по поводу билля, внесенного еще при Генрихе IV и предусматривавшего экспроприацию церковных земель короной. Детали законопроекта почти дословно взяты из «Хроники» Холиншеда, хотя они и послужили лишь зацепкой для обстоятельной дискуссии, — устроенной для тех, кто не видел второй части «Генриха IV», и для самого короля, неузнаваемо переменившегося со времени восшествия на трон. Эта первая сцена, в сущности, является дополнительным прологом: с появления короля во второй сцене, собственно, и начинается спектакль. Исполняя просьбу Генриха, архиепископ дает пространное и замысловатое обоснование прав Англии на французскую корону, забывая при этом упомянуть королеву Изабеллу, жену Эдуарда II, сестру французского короля Карла IV, и призывает монарха — при поддержке епископа Илийского и присутствующих пэров — восстать и заявить о своих пра-

вах на Францию. Генрих вполне удовлетворился аргументами архиепископа:

Решились мы, и с помощью господней
И вашей, доблестные наши мышцы,
Повергнем Францию к своим стопам
Иль разорвем ее в клочки...

Прибытие французских послов с бочкой теннисных мячей еще больше укрепило решимость короля. Генрих ответил французам чуть ли не бранью. Когда после первого акта занавес опустился, перед нами уже открылась прямая дорога к Азенкуру.

Инцидент с теннисными мячами — исторический факт или легенда? О нем сообщали Холинshed и Холл, он отмечен в балладах и некоторых более поздних источниках. Однако это происшествие даже не упоминается Уолсингемом и французскими хронистами. Почти наверняка ничего подобного не случилось. Такое оскорбление непременно должно было привести к полному разрыву дипломатических отношений, хотя, как известно, переговоры между двумя странами продолжались. История с мячами основана на хронике некоего Джона Стрекче, составленной по прошествии всего нескольких лет после смерти Генриха в 1422 году. Согласно этой версии, еще в отрочестве арманьяки хотели послать ему «мячики и мягкие подушки для того, чтобы он играл и развлекался, пока не вырастет и не обретет мужскую силу». Генрих в ответ гневно пообещал сыграть в теннис на улицах Франции.

Во втором акте мы узнаем о заговоре, и в нем появляются давние истчипиские спутники короля Бардольф, Пистоль, его супруга, бывшая миссис Куикли, ее позабытый обожатель Ним — они не фигурируют в «Генрихе IV» и импортированы из «Виндзорских насмешниц», — а также за сценой сам Фальстаф — вернее, слухи о его болезни и смерти. Поскольку нас интересует главным образом историческая достоверность пьес, мы не станем задерживаться на фиктивных персонажах

и перейдем ко второй сцене и саутгемптонскому заговору. Как обычно, Шекспир полагается на «Хронику» Холиншеда, но без колебаний добавляет собственные штрихи. Заговор, когда нам сообщается о нем в первый раз, уже раскрыт, хотя злоумышленникам об этом ничего не известно. Король играет с ними, побуждает к лести и демонстрации лояльности, даже предлагает отпустить

Преступника, что взят вчера в тюрьму
За оскорбление особы нашей,

с тем чтобы заставить их возразить и потребовать суровой кары. (Типичная шекспировская выдумка, изобретенная для усиления драматизма сцены.) Только после того как окончательно обнаруживается их лицемерие и предательство, Генрих вручает им «полномочия» (еще одно изобретение), из которых они узнают горестную для себя правду. Ни один из них — в том числе и Скруп — даже и не пытается оправдаться: заговорщики признаются во всем, раскаиваются и просят о помиловании, которого они, естественно, не получают.

После небольшой сцены, в которой бывшая миссис Кукли рассказывает о смерти Фальстафа, — Шекспир исполняет обещание, данное им в эпилоге части второй «Генриха IV», — действие переносится во французский двор. Мы видим короля Карла VI в совершенно здравом уме. Во всей пьесе нет и намека на его слабоумие. Напротив, в этой сцене его здравомыслие резко контрастирует с тупостью дофина, явно недооценивающего угрозу Англии. (Не существует исторических свидетельств, которые подтверждали бы такую странную позицию дофина, кроме в равной мере сомнительного инцидента с теннисными мячами.) Диалог короля и дофина прерывается появлением дяди Генриха, герцога Эксетера*, прибывшего с ультиматумом: либо Карл отречется

---

* Томас Бофорт получил титул герцога Эксетерского в 1416 г. До этого времени он все еще был графом Дорсетом. Но Шекспир называет его Эксетером. Так тому и быть.

от трона, либо англичане «в громах, колебля землю, как Юпитер» придут и возьмут его сами. Из слов Эксетера ясно, что его король имеет претензии в первую очередь к дофину*, проявившему гордыню и дерзость, а не к отцу: он и есть наипервейший злодей пьесы. Тем не менее главным действующим лицом остается Карл; он завершает и сцену, и второй акт, отпуская посла и обещая назавтра дать исчерпывающий ответ.

Мы можем лишь догадываться о том, каким был ответ французского монарха. Третий акт начинается с осады Гарфлёра:

Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом,
Иль трупами своих всю брешь завалим!
В дни мира украшают человека
Смирение и тихий, скромный нрав;
Когда ж нагрянет ураган войны,
Должны вы подражать повадке тигра.
Кровь разожгите, напрягите мышцы,
Свой нрав прикройте бешенства личиной!
Глазам придайте разъяренный блеск —
Пускай, как пушки, смотрят из глазниц;
Пускай над ними нависают брови,
Как выщербленный бурями утес
Над основанием своим, что гложет
Свирепый и нещадный океан.
Сцепите зубы и раздуйте ноздри...

Осознавая пространственную ограниченность своего «дерянного О», Шекспир поручает воссоздавать картину осады Гарфлёра королю с его знаменитыми воззваниями, Бардольфу, Пистолю, Ниму, их несчастному мальчику-слуге, вводя в действие ирландца Мак-Морриса и уэльсца Флюэл-

---

* Дофин сам сообщил Эксетеру о том, что именно он прислал английскому королю теннисные мячи. — *Примеч. пер.*

лена — его считают портретом либо военачальника сэра Роджера Уильямса, сподвижника графа Эссекса, либо уэльского поэта и придворного Елизаветы Людовика Ллойда. В третьей сцене город капитулирует, и его комендант объясняет королю: поскольку дофин не прислал помощь, ему ничего не оставалось, как сложить оружие. В пьесе ничего не говорится о том, как Генрих обошелся с горожанами; король лишь просит дядю Эксетера «оказать всем милость». С другой стороны, примечательно упоминание потерь, понесенных англичанами из-за болезней:

Близка зима; растут в войсках болезни,
И мы вернемся временно в Кале.

Здесь же мы впервые встречаемся с принцессой Екатериной. Она родилась 27 октября 1401 года, и летом 1415 года четырнадцатилетняя девушка уже не была слишком юна и наивна, по стандартам Средневековья, чтобы в разговоре с подругой Алисой не различать двусмысленное звучание отдельных английских слов для французов: *foot* = *foutre*, *gown* = *coûp* = *con**. Некоторые считают эту сцену одной из самых скабрёзных у Шекспира. Сконфузившись, мы с облегчением возвращаемся во французский двор и становимся очевидцами довольно химерического разговора короля с дофином, герцогом Бурбонским и коннетаблем. Из текста ясно, что беседа происходит в Руане (сцена пятая), хотя коннетабль д'Альбре должен был находиться со своей армией: до сражения при Азенкуре оставалось всего несколько дней, и англичане уже перешли Сомму. (И Холинshed и Холл произвольно путают дофина Людовика с его кузеном Людовиком Анжуйским, королем Сицилии; Шекспир, видимо, последовал их примеру.) Этот краткий обмен мнениями написан только для того, чтобы продемонстрировать реши-

---

* *Foot* — нога, ступня (*англ.*); *foutre* — трахать, трахаться (*фр.*); *gown* — платье (*англ.*); *coûp* — название женского полового органа (*фр.*).

мость французов дать бой интервентам у Кале, прежде чем они пойдут в глубь страны, или получить от них достойный выкуп. Холинshed сообщает нам о французском военном совете, в котором участвовали также «герцоги Бретонский, Беррийский и граф Понтье, младший сын короля и другие знатные особы»; большинство, тридцать против пяти, проголосовали за битву, и «герольдмейстер Монжуа был послан к королю Англии, с тем чтобы объявить его врагом Франции и предупредить о скорой сече».

Однако еще до прибытия герольда Генрих узнает от Флюэллена об успешном форсировании англичанами реки Тернуаз, отстоявшими мост, несмотря на упорство французов. (В пьесе, чего нет в «Хронике» Холиншеда, героем этого предприятия выставляется Эксетер, которому, как нам уже известно, король приказал пребывать в Гарфлэре.) Здесь же Флюэллен докладывает Генриху об аресте и предстоящей казни Бардольфа, уличенного в обворовывании церкви. Во власти короля было простить своего давнего собутыльника, но он не колеблясь подтверждает приговор — именно так дело обстоит в шекспировском тексте в отличие от большинства современных постановок — и даже не выказывает ни малейших признаков того, что Генрих не только помнит, но и знаком с этим человеком. Инцидент, возможно, вымышленный, однако наглядно показывает и настрой короля, и то, насколько он изменился со времени восшествия на трон. Примечателен и его ответ на вызов Монжуа. Король — в отличие от исторического Генриха — не настаивает на мире; мало того, он позволяет себе произнести несколько оскорбительных слов. И в то же время монарх почему-то сетует французам на плачевное состояние своей армии:

Мои войска изнурены болезнью,
В числе уменьшились; остаток их
Не крепче равного числа французов...
Мой выкуп — эта немощная плоть.
Мои войска — мне слабая охрана.

Но с Божьей помощью пойдем вперед,
Хотя бы встали и король французский
И с ним еще союзник, столь же сильный,
Нам на пути.

Последняя сцена третьего акта целиком о том, как французы горят желанием поскорее сразиться с англичанами.

В четвертом акте наступает кульминация всей постановки. Первая сцена — король в ночь перед битвой обходит полевой лагерь — по своей поэтичности, одухотворенности и тем возможностям, которые предоставляет талантливому актеру, является, пожалуй, одной из лучших и самых известных среди многочисленных литературных шедевров Шекспира. Вряд ли можно найти какие-либо исторические подтверждения этого великолепного сюжета. С другой стороны, нет никаких оснований и для того, чтобы сомневаться в его реальности. Все великие полководцы — и Генрих, несмотря на отдельные стратегические промахи, относился к их числу — заботились о своих солдатах, сопереживали им: необычайная популярность короля в войсках доказывает, что он не был исключением. В эту сырую прохладную ночь и преддawnные часы должно было произойти нечто такое, что позволило вместо гарантированного поражения одержать победу, и этим «нечто», по всей вероятности, оказался «облик Гарри в ночи». Три солдата — Джон Бетс, Александер Корт и Майкл Уильямс — вымышленные персонажи Шекспира, но «старина» Томас Эрпингем — реальная историческая фигура: в битве при Азенкуре ему было пятьдесят восемь лет. Именно его король просит созвать всех рыцарей к нему в шатер, а потом произносит последнее молитвенное заклинание перед битвой:

О бог сражений! Закали сердца,
Солдат избавь от страха и лиши
Способности считать число врагов,
Их устрашающее.

И тогда же Генрих вспоминает о прегрешении дома Ланкастеров — узурпации отцом трона, чья вина перед Ричардом ему всю жизнь не давала покоя.

«Луч золотит доспехи наши. В бой!»; «Вперед, вперед! Высоко солнце, день нам славу шлет» — такими бравурными возгласами французских предводителей Шекспир начинает историческое сражение при Азенкуре. Затем он показывает нам стан англичан, где в День святого Криспина король произносит легендарную гневную речь, которую в свое время наизусть знал почти каждый английский школьник, в ответ на неосторожное замечание Уэстморленда:

Если бы нам
Хотя бы десять тысяч англичан
Из тех, что праздными теперь сидят
На родине!

Этот инцидент подтверждается историческими свидетельствами, в том числе и Холинshedом, хотя он и не называет ни цифру, ни имя Уэстморленд. О нем рассказывает и неизвестный капеллан Генриха в хронике «Gesta Henrici Quinti» («Деяния Генриха V»). Правда, по версии священника, король выговаривал не Уэстморленду, а сэру Уолтеру Хангерфорду, пожелавшему, чтобы перед битвой у англичан было «еще десять тысяч лучших английских лучников». Неизвестно, читал ли Шекспир труд капеллана. Если он не видел его хроники, то упоминание одной и той же цифры двумя авторами можно считать случайным совпадением. Так или иначе, нет ничего необычного в том, что Шекспир с учетом обстоятельств приписал сакраментальную фразу действующему персонажу пьесы. По крайней мере у Холиншеда он заимствовал второй визит герольда Монжуа, снова предложившего королю заплатить выкуп, с тем чтобы спасти и себя, и свою армию от верной гибели, и получившего тот же ответ.

В прологе к четвертому акту хор сетует:

И мы должны — о горе! — опорочить
Смешным и жалким подражаньем боя, —
Где четверо иль пятеро бойцов
Нелепо машут ржавыми мечами, —
Честь Азинкура.

Но хор плакался напрасно. Сама битва уместилась в три короткие сцены. Уже во второй из них французские предводители осознают свое поражение, а третья — всего тридцать восемь строк — почти вся посвящена гибели только двух английских лордов — герцога Йорка и графа Суффолка. (История их душещипательной кончины, рассказанная королю Эксетером, полностью вымышлена. Эксетера не было при Азенкуре, что бы ни утверждал Холинshed, а Йорк умер, вероятно, от сердечной недостаточности.) Перед завершением сцены настроение Генриха внезапно меняется: он отдает страшный приказ перебить всех французских пленных. Причиной этого странного решения, похоже, стала тревога, поднятая трубами и вселившая в него подозрения, что «враг собрал свои рассеянные силы».

Однако буквально через несколько строк, в следующей, седьмой сцене, капитан Гауэр дает иное объяснение приказанию короля: Генриха возмутило нападение французов на английский палаточный лагерь, закончившееся зверской расправой с мальчиками-слугами, присматривавшими за обозами. А вошедший затем король лишь подтверждает его версию:

Не гневался во Франции ни разу
Я, как сейчас.

У Холиншеда мы находим еще больше путаницы, и Шекспир, очевидно, пошел у него на поводу, хотя драматург в отличие от хрониста мог руководствоваться и своими осо-

быми соображениями. Ему надо было любой ценой пробудить у аудитории симпатию к королю. Надо думать, Гауэр и Флюэллен выражали общее мнение английской армии, когда осуждали гнусное злодейство французов, «противное всем законам войны», и хвалили справедливое решение Генриха.

В седьмой же сцене Шекспир почти дословно следует за Холиншедом, описывая просьбу герольда Монжуа к королю позволить предать земле погибших французов, признание им победы англичан и присвоение битве названия по наименованию ближайшего замка Азенкур. Затем сцену заполняют вымышленные персонажи, долго тянется эпизод с перчатками, и мы снова окунаемся в историю лишь в конце восьмого явления, когда английский герольд доставляет королю списки погибших с обеих сторон. Все эти данные взяты у Холиншеда, как и слова благодарения Господу, которыми завершается четвертый акт:

Исполним все священные обряды:
Прослушаем «Non nobis» и «Te Deum»*;
С молитвой мертвых предадим земле;
Потом — в Кале; потом — в свою страну.
Счастливей нас никто не вел войну.

О триумфальном возвращении короля в Лондон возвещает хор в прологе к пятому акту. Мы узнаем и о людских плотинах, чьи радостные крики «заглушают голос моря», и о благородном отказе Генриха от того, чтобы лорды несли перед ним по городу его «погнутый меч и шлем измятый»**. Хор выполняет и другую задачу: закрывает пятилетний разрыв между битвой при Азенкуре и заключением договора в

---

* «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу!» Псалтирь, псалом 113:9. «Те Деум», «Тебя, Господи, хвалим». Церковные песнопения. — *Примеч. пер.*

** Холиншед добавляет: «...не потерпел он никаких гимнов и песнопений менестрелей в честь своей славной победы, ибо хотел все восхваления и благодарения воздать Господу».

Труа в мае 1420 года. Для Шекспира крайне важно, чтобы именно эта великая битва была кульминацией всего повествования. Он не оставил места ни для второй экспедиции короля, ни для взятия Кана и Руана, ни для убийства герцога Бургундского. И хор лишь предлагает:

Теперь опустим
Событья, что произошли пред тем,
Как наш король во Францию вернулся.

Нам остается только перейти напрямик к примирению двух армий и женитьбе Генриха на принцессе Екатерине, скрепившей взаимное согласие дворов. Этому эпохальному событию, правда, предшествует сведение счетов между Флюэлленом и Пистолем, что должно, по замыслу, подчеркнуть торжественность и величие церемонии, завершающей пьесу. Открывается сцена в королевском дворце пространной речью во славу мира, которую произносит двадцатичетырехлетний герцог Бургундский — Филипп Добрый, чьего отца Иоанна убили в прошлом году. Панегирик миру — изобретение Шекспира, но звучит вполне естественно.

Далее следует продолжительный диалог на мешанине английского и французского языков между королем и невестой. Он не столь конфузующий аудиторию, как предыдущий, но тем не менее удивляет нежелание Генриха считаться с плохим знанием английского языка принцессой, не говоря уже о некоторых неподобающих двусмысленных выражениях*. (Конечно, его разговор с Екатериной гораздо мягче, чем последующий обмен любезностями с герцогом Бургундским**.

---

* Например: «I could quickly leap into a wife» (В русском переводе — «Живо допрыгался бы до жены».) Или: «Не знаю, как по-английски baiser». (На разговорном языке это слово, переведенное в одном словаре в значении «отдаваться», именно так и понимается со времен Клемана Маро [1496—1564], если не раньше.)

** «Довольно вульгарный диалог для принцев», — назвал доктор Джонсон разговор короля с герцогом Бургундским, и он абсолютно прав.

Остается надеяться лишь на то, что они находились достаточно далеко от принцессы и она их не слышала, хотя никуда и не уходила.) Два монарха — Карл VI по-прежнему не выказывает никаких признаков недомогания — вместе подтверждают, что между ними нет более серьезных разногласий. Разрешена даже такая проблема, как формула обращения французского двора к королю Англии: она ни у кого, в том числе и у аудитории, не оставляла никаких сомнений в том, что Генрих достиг самого главного: признания его наследником Карла — *héritier de France*. Стороны делятся благочестивыми надеждами и добрыми пожеланиями, хор произносит эпилог, напоминая нам со значением о сыне и наследнике Генриха, его отце Генрихе IV и о борьбе, которую «мы представляли уже не раз».

Критиков и сейчас интересует: что же все-таки написал Шекспир — патриотическое действо, прославляющее Англию, или диатрибу против войны и злоупотребления властью? Очевидно, и то и другое. Шекспир не разделял и не противопоставлял эти две проблемы. Увлечение одной из них привело бы к предвзятости и односторонности. Соединив два предмета драматургического исследования, Шекспир создал пьесу, совершенную по своей полноте и глубине психологического анализа. Безусловно, главная ее тема — конфликт, но не только лишь видимый конфликт между Англией и Францией. В нем развивается и давний нравственный спор по поводу оправданности войны, не говоря уже о внутренней борьбе, происходящей в Генрихе и отнимающей его силы, из-за вины, которую он постоянно переживает после убийства Ричарда

За грех отца — как он добыл корону.

С исторической точки зрения «Генрих V», как и три предыдущие пьесы, поразительно достоверен: Шекспир редко отвлекается от имеющихся источников, и если делает это, то почти всегда только лишь ради драматургии. Чаще ему

свойственны упущения и приукрашивания, к чему в самом начале призывает нас и хор:

Прикрасьте в мыслях наших королей
И мчитесь им вослед; переноситесь
Чрез тьму времен; события годов
В единый час соединяйте смело!*

В заключительных строках Шекспир решает еще одну задачу: впервые признает, что все достижения Генриха ничего не стоят, — при его сыне Англия прольет еще больше крови, а Франция отпадет.

---

* Данный фрагмент приводится в переводе Анны Ганзен (Шекспир В. Полное собрание сочинений. В 5 томах. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1902, т. 2): он ближе к оригиналу. — *Примеч. пер.*

11

Король Генрих VI: детство и юность (1422—1445)

Эксетер:

Но всякий видит, всякому понятно,
Что бешеный раздор среди вельмож,
Заносчивость и козни при дворе,
И наглая грызня любимцев знати,
Все предвещает пагубный исход.
Беда, когда в руках ребенка скипетр,
Но хуже, коль разлад родится лютой:
Приходят вслед за ним разгром и смуты.

«Генрих VI». (Часть первая)

У Англии никогда еще не было столь юного короля. Генрих VI родился в Виндзоре 6 декабря 1421 года, и когда его на следующий год 1 сентября — через день после смерти отца — провозгласили королем, то ему еще не исполнилось и девяти месяцев. Генрих V завещал поручить регентство Филиппу Бургундскому, если тот изъявит такое желание, чего, к счастью, не случилось, или младшему брату Джону, герцогу Бедфорду. Он и присутствовал на похоронах Карла VI в Сен-Дени: перед ним несли обнаженный меч как символ его монаршего статуса. Тридцатитрехлетний и необыкновенно красивый герцог не обладал ни искрометным темпераментом Генриха, ни широкой эрудицией другого

младшего брата, Хамфри, но по своим человеческим качествам был надежнее их обоих: практичен, благоразумен и непорочен в личной жизни, неистов и бесстрашен в бою.

Поскольку обстоятельства требовали, чтобы регент большую часть времени проводил во Франции, Хамфри Глостера назначили «хранителем и попечителем» королевства. Подходил ли он на эту роль? Судите сами. С одной стороны, «добряк герцог Хамфри», как его называли, был уникам среди принцев крови: учтивый и обаятельный покровитель искусств, знаток литературы, чье собрание книг составило ядро знаменитой Бодлианской библиотеки Оксфорда. Шекспир именно таким нам его и представляет; нет и намека на то, что Хамфри способен быть вероломным и беспечным, может вести разгульный образ жизни, который подорвет его здоровье еще до того, как ему исполнится тридцать лет, и пренебрегать государственными интересами ради удовлетворения корыстных амбиций.

Опекунство над младенцем королем было возложено на вельможу старшего поколения: Томаса Бофорта, герцога Эксетера, младшего из трех сыновей Джона Гонта от Екатерины Суинфорд. Но Эксетер по стандартам того времени был уже человеком преклонного возраста: он умрет, когда его подопечному исполнится всего лишь пять лет. И его по всем статьям затмевал старший брат Генри, епископ Винчестерский, а с 1426 года — кардинал. Самого богатого магната Англии, успешного торговца шерстью, пользовавшегося влиянием и в Европе, в 1417 году даже прочили на папский престол, и он, безусловно, больше подходил на роль хранителя государства, чем племянник Хамфри Глостер, которого святой отец недолюбливал, демонстрируя это на каждом шагу. Своим несносным высокомерием кардинал со временем навлек на себя немилость многих соотечественников, но к малолетнему королю относился доброжелательно, давал не только советы, но и деньги, когда в них возникала потребность.

Самое тяжелое наследие Генрих V оставил герцогу Бедфорду во Франции. Королевство находилось в униженном

состоянии: и политическом — результат военных побед Генриха, — и экономическом, и моральном. Война длилась, с перерывами, уже почти сто лет, северные и западные районы были в значительной мере разорены и опустошены. За первые год-два после смерти Генриха герцогу удалось навести кое-какой порядок. В 1422 году английские гарнизоны располагались по всей линии от границы Бретани до Абвиля и Парижа, к концу 1425 года они охватили Шампань и Мен и дошли до реки Мёз. Нельзя сказать, что сознательный и добросовестный Бедфорд был ненавистен на оккупированных землях. Он благоразумно сохранил французские учреждения власти, назначал на ключевые должности французов, реформировал систему правосудия и даже умудрился чеканить монеты. Однако как и большинство его соотечественников, герцог прекрасно понимал бесперспективность английского присутствия во Франции. Англия, истощенная войной, заброшенная землевладельцами, которым пришлось большую часть своей жизни посвятить войнам по ту сторону пролива, и не меньше Франции замученная «Черной смертью», никогда не сможет окончательно покорить эту страну.

Французы тоже это знали. Смерть Карла VI для большинства его подданных — и особенно для аристократии — означала не столько утрату, сколько возможность радикальных перемен. Карл завещал им служить верой и правдой Генриху V: оба уже умерли. Его сына-тезку, дофина, хотя он и был слабым и пустоголовым юнцом, короновали после кончины отца в Пуатье и признавали монархом во всех областях южнее Луары вплоть до границ Гиени. Под его знаменами встало столько дворян, что уже в начале 1423 года Бедфорду пришлось потребовать от французов еще раз подтвердить приверженность договору Труа и поклясться в верности «le Roy Henri II»*: в большинстве своем они делали это, как нам известно, с явной неохотой.

---

* На французском престоле Генрих VI был вторым монархом, который носил это имя.

Юный Генрих тем временем быстро рос. В последний день апреля 1425 года он в возрасте трех с половиной лет открыл парламент, а потом триумфально проскакал по улицам города, «всем своим видом и повадками напоминая славного отца». 6 ноября 1429 года, в День святого Леонарда, его короновали в Вестминстере. Церемония была впечатляющей, как и последовавший затем банкет, но, по мнению главных действующих лиц, она лишь предвляла гораздо более важное и значительное событие — коронацию Генриха во Франции, где опять произошли перемены — теперь уж по вине семнадцатилетней девицы.

О Жанне д'Арк написано предостаточно, однако и нам придется посвятить ей хотя бы несколько строк. К этому нас обязывают и ее загадочные деяния в первой части шекспировского «Генриха VI». Она родилась в крестьянской семье в лотарингской деревушке Домреми и впервые услышала «голоса» в возрасте тринадцати лет. Ранней весной 1429 года Жанна, покинув родной дом, отправилась в соседнюю крепость Вокулёр, а оттуда — ко двору дофина в Шинон. Карл, поразившись тому, что девушка признала его, спрятавшегося среди придворных, 8 марта согласился поговорить с ней, и во время аудиенции Жанна сообщила ему преудивительные вещи: она ниспослана самим Господом для того, чтобы снять блокаду Орлеана и сопроводить дофина на подлинную коронацию в Реймсе. Все еще не веря ей, дофин послал ее в Пуатье на обследование видными церковниками и только после их положительного экспертного заключения отправил в Орлеан.

Орлеан с октября осаждала английская армия, которой вначале командовал Томас Монтегю, граф Солсбери, вернувшийся во Францию со своим войском в 2700 человек, набранным за счет личных средств. (Бедфорд, сомневавшийся в разумности операции, но не запретивший ее, пребывал в Шартре.) В ноябре Солсбери убило шальное французское ядро, попавшее в него, когда он стоял у окна. Его место за-

няли двое командующих: Уильям де ла Поль, граф Суффолк, и Джон Толбот, граф Шрусбери, решившие взять город измором. 12 февраля на обоз и его конвой, которым командовал сэр Джон Фастолф, доставлявший своим войскам, осаждавшим Орлеан, провизию, снаряжение и боеприпасы, напали около 4000 французов и шотландцев. Нападение Фастолфа отразил, но во время завязавшегося боя французы своими ядрами расколошматили бочки с селедкой, которая разлетелась по всему полю. Вскоре после этой «Селедочной битвы» защитники Орлеана, испытывавшие острую нехватку продовольствия, предложили сдать город герцогу Бургундскому, тоже участвовавшему в осаде с собственной армией. Бедфорд отказался*, герцог обиделся и ушел вместе со своим войском.

Примерно в это время в городе и появилась Жанна. Ее прибытие воодушевило горожан, и 4 мая они начали контрнаступление. Сама девушка, раненная в шею стрелой, не покидала поле сражения, пока не одержала полную победу. Через день или два англичане уже дружно отступали, французы их преследовали. Суффолк попал в плен во время ожесточенной уличной схватки в деревне Жаржо, а Толбота французы захватили через пару дней в сражении при Патэ. Жанна, которую теперь обе стороны считали непобедимой, встретилась с Карлом в Туре и настояла на том, чтобы он повторно короновался в Реймсе, где традиционно помазывались на царство все французские короли. Церемония с ее участием состоялась 17 июля 1429 года. Дело сделано, божественная миссия исполнена, «голоса» свое получили, теперь можно было бы и домой возвратиться. Если бы Жанна так и поступила, то наверняка сохранила бы свою жизнь. Но народ ее не отпустил, она подчинилась народной воле и заставила Карла двинуться на Париж. Король действительно

---

* Регент ответил послам герцога: «Нечестно и неправильно, если дичь поднимает король Англии, а птица достается герцогу Бургундии» (Холл, с. 147).

попытался взять столицу в сентябре, но потерпел неудачу, а Жанну ранили во второй раз.

Тем не менее англичане продолжали отступать, оставив долину Луары, большую часть Иль-де-Франса и почти всю Шампань. Французский командующий Ла Тремуиль, ненавидевший Жанну, решил распустить армию, предоставив Бедфорду прекрасную возможность для того, чтобы перегруппировать и восстановить силы и привезти своего юного суверена во Францию на коронацию. Генрих, которому исполнилось девять лет, прибыл в Кале в апреле 1430 года в сопровождении кардинала Бофорта и войска численностью 10 000 человек, но из-за царившего повсюду хаоса ему пришлось провести в порту еще три месяца. Он смог отправиться в дорогу лишь в конце июля и добрался только до Руана. Его разместили в замке, куда к нему через пять месяцев и привели Жанну, уже в оковах. Девушку захватили 23 мая, когда она пыталась освободить Компьень, осажденный бургиньонами. С того времени она уже побывала в разных тюрьмах, пока Иоганн Люксембургский, изловивший ее, договаривался о цене с Филиппом Бургундским и герцогом Бедфордом. Наконец народную героиню передали англичанам за 10 000 франков. Встречалась ли она с Генрихом? Возможно. Известно лишь одно: ее денно и ночно сторожили пятеро английских солдат, поставленных Ричардом Бошамом, графом Уориком, заменившим Эксетера в роли опекуна и наставника короля и оказавшимся в это время управляющим замком. Сомнительно, чтобы граф позволил своему малолетнему подопечному контактировать с женщиной, «ведьмой, наперсницей дьявола».

21 февраля 1431 года Жанну начали допрашивать, а через пять недель, 27 марта, судили, не предоставив ни адвоката, ни духовника. В среду, 30 мая, девятнадцатилетнюю девушку отлучили от Церкви, объявив еретичкой, и сожгли на рыночной площади в Руане, причем костер был подготовлен заранее, до вынесения приговора. Пепел затем был выброшен в Сену. Но Жанна справилась со своей миссией достойно. Она

освободила Орлеан, короновала дофина, как и положено, в Реймском соборе и, самое главное, вдохновила соотечественников на борьбу с интервентами. Стоило ей появиться, как у англичан началась полоса невезения, из которой они так и не вышли. Верно, десятилетний Генрих VI все-таки добрался до Парижа, где его, единственного из всех английских монархов, короновали во французской столице: процедуру помазания проводил кардинал Бофорт в соответствии с английскими литургическими канонами в соборе Парижской Богоматери 16 декабря. Но церемония явно не удалась. Народу в соборе было мало, банкет не получился, амнистию не объявили, милостыня бедным не раздавалась. Через два дня после Рождества король тайком уехал из Парижа, намереваясь вернуться в Англию.

Теперь ни одна из сторон не испытывала большого желания продолжать войну. Вражда между братьями-христианами удручала набожного юного короля; Бедфорд, понимавший бесперспективность покорения Франции, был уже готов к тому, чтобы прекратить военные действия, и заручился поддержкой в парламенте, выступившем с соответствующей петицией. Бургиньоны тоже хотели мира. Только Хамфри Глостер, воспользовавшийся длительным отсутствием своего заклятого врага кардинала для усиления позиций при дворе, настаивал на продолжении противоборства и саботировал переговоры. Наконец Филипп Бургундский в 1435 году по собственной инициативе созвал мирную конференцию в Аррасе.

Делегация англичан, которую возглавлял архиепископ Йоркский, подчинявшийся герцогу Хамфри, наотрез отказалась отречься от французской короны и прекратила переговоры. Почти сразу же им пришлось сожалеть о своем поступке. Через неделю, 21 сентября, они с ужасом узнали о примирении Франции и Бургундии. Король Карл согласился на то, чтобы публично принести извинения за убийство Иоанна Бесстрашного и выдать преступников, а кардиналы освободили Филиппа от клятвы верности английскому ко-

ролю. Генрих расплакался, когда узнал об этом. Хамфри Глостер, напротив, возрадовался, увидев, как лондонцы, выражая свое возмущение предательством Бургундии, жгут и грабят в городе дома фламандских купцов.

Бедфорд, возможно, тоже бы пролил слезу в связи с утратой почти всех достижений, которым посвятил свою жизнь, но за неделю до заключения мира между Францией и Бургундией, 14 сентября 1435 года, он в возрасте сорока шести лет умер в Руане, где его через день или два и похоронили в местном соборе. Он верно служил отцу, затем старшему брату, затем племяннику и — в отличие от брата Хамфри — никогда не ставил личные интересы выше государственных. Нет вины герцога в том, что все его труды оказались напрасными. Как бы пригодились Англии в скором будущем его мудрость и самоотверженность!

Когда умирал Бедфорд, Генриху VI было без трех месяцев четырнадцать лет, и все, кто с ним сталкивался, с тревогой замечали, что он совершенно непригоден для трона. Генрих никогда не блистал умом, но и глуп не был. Напротив, он был образован, начитан и с малолетства пристрастился к политике. Его благочестие было исключительным даже по стандартам того времени. Он посещал богослужение по два-три раза в день, воздавал хвалу Господу «как монах» перед каждой трапезой, а по великим церковным праздникам носил власяницу под королевским нарядом. В остальное время Генрих одевался очень просто, не обращая внимания на моду. Его главный порок заключался в том, что он был чрезмерно впечатлителен, легко поддавался чужому влиянию и им могли манипулировать такие люди, как кардинал Бофорт и герцог Глостер. Сам же он, не обладая способностью выносить верные политические суждения, любил щегольнуть своим могуществом — бездумно и безответственно. После отъезда в 1437 году опекуна графа Уорика во Францию, не оставившего преемника, Генрих начал активно вмешиваться в государственные де-

ла — по обыкновению с плачевными результатами. Опустошали казну его беспечная щедрость и великодушное прощение штрафов: челобитчики редко уходили от него, не удостоившись какой-нибудь милости, даже если их просьбы были явно корыстными или необоснованными. В то же время доходы резко сократились — вследствие снижения экспорта шерсти и нечистоплотности сборщиков налогов, — а необычайно дождливая погода, стоявшая в 1437—1440 годах, вызвала по всей стране голод.

Война тем не менее не прекращалась. В апреле 1436 года на место Бедфорда был назначен двадцатичетырехлетний Ричард, герцог Йорк*, приехавший со своим шурином Ричардом Невиллом, графом Солсбери, получившим этот титул после смерти тестя, погибшего под Орлеаном. Через четырнадцать месяцев его заменил Уорик, но он вскоре, в 1439 году, умер и регентом снова стал герцог Йорк. В ноябре 1437 года Карл VII с триумфом вошел в Париж; в 1439 году под Кале состоялись мирные переговоры, которые закончились с нулевым результатом. На следующий год получил свободу Карл Орлеанский, захваченный в плен под Азенкуром и находившийся в комфортном заточении четверть века. Выкуп в размере 80 000 экю с обязательством в течение последующих шести месяцев добавить еще 160 000 заплатил главным образом Филипп Бургундский, предложивший ему заодно в жены свою четырнадцатилетнюю племянницу Марию Клевскую**.

---

* Сын несчастного графа Кембриджа, казненного за причастность к саутгемптонскому заговору, наследовал герцогский титул у дяди, умершего (не убитого) под Азенкуром.

** Первая жена Карла — овдовевшая супруга Ричарда II Изабелла Французская — умерла при родах в возрасте девятнадцати лет. Вторая жена — Бонна Арманьяк — умерла бездетной во время его заключения. Третий брак, несмотря на возрастную разницу в тридцать два года, оказался счастливым. Через семнадцать лет, в 1457 г., Мария родит Карлу еще одну дочь, тоже названную Марией, — почти через полвека после рождения его первой дочери.

В том же 1440 году начались неурядицы у герцога Хамфри Глостера. Он категорически возражал против того, чтобы отпускать на волю Карла Орлеанского, несмотря на клятвенные обещания француза никогда не идти на Англию с оружием в руках. Освобождение Карла больно ударило и по самолюбию, и по престижу герцога. Кроме того, он неразумно выдвинул необоснованные обвинения в предательстве и непорядочности против кардинала Бофорта и архиепископа Йоркского Джона Кемпа, недавно присоединившегося к своему другу Бофорту в кардинальской коллегии. Еще одно несчастье свалилось на него в 1441 году, когда его вторую жену Элеонору Кобем — «чувственную и жадную красотку сомнительного происхождения»*, бывшую служанку первой жены Жаклин Геннегау (Эно) — обвинили в использовании колдовства против короля: она якобы сделала восковую фигуру Генриха и расплавила на медленном огне. Ни у кого не вызвали сомнений ни мотивы — Глостер все-таки был наследником трона, — ни свидетельства. У нее оказалось два сообщника. Профессора черной магии Роджера Болингброка подвергли распространенной тогда тройной казни «повешению, потрошению и четвертованию», а Марджери Журден (Джорден) просто сожгли на костре. Элеонору, которую король пощадил, заставили три дня ходить по Лондону босой и со свечкой в руках, приговорив к пожизненному заключению: через четырнадцать лет она умерла в замке Пил на острове Мэн. Супруг, как сообщают хронисты, даже пальцем не пошевелил, чтобы спасти ее.

Свято место пусто не бывает. Глостера, попавшего в опалу, скоро заменил Уильям де ла Поль, 4-й граф Суффолк, о котором мы уже писали. Он родился в 1396 году и большую часть жизни провел в войнах во Франции. Его отец умер еще до сражения при Гарфлэре, а сам граф вернулся домой из этой битвы инвалидом. Старший брат, 3-й граф, погиб при Азенкуре, другой брат нашел свою смерть под Жаржо, где,

---

* *Dictionary of National Biography.*

как мы уже знаем, оказался в плену и Уильям. Он сумел сам оплатить свой выкуп, вернулся в 1431 году в Англию и женился на графине Солсбери, овдовевшей супруге бывшего шефа*. После этого он начал быстро набирать политический вес. Близкий друг Карла Орлеанского — а с 1432 года его куратор — Уильям де ла Поль стал самым активным и влиятельным сторонником мирной политики Бофорта и соответственно ярким противником Глостера. Не случайно его и назначили комиссаром для расследования обвинений герцогини в колдовстве. Однако самым главным его достижением по праву считается устройство — по предложению Карла Орлеанского и при ожесточенном сопротивлении герцога Хамфри — женитьбы короля на Маргарите, дочери графа Рене Анжуйского.

Кандидатура Маргариты была не единственной. В числе потенциальных невест значились дочери императора Священной Римской империи Альберта II, короля Шотландии и графа Арманьяка. В 1438 году даже возникла идея обручить Генриха с дочерью Карла VII, но реакция французов была столь неблагоприятной, что английская делегация обиделась и уехала домой. С Маргаритой все обстояло иначе. Ее отец, которого все называли *le bon roi René*** , был не только графом Анжу и Прованса, герцогом Бара и Лотарингии, а еще и титулованным королем Неаполя, Сицилии и Иерусалима и к тому же приходился шурином Карлу VII, женившемуся на его сестре Марии. Мало того, по линии матери Изабеллы Лотарингской Маргарита была прямым потомком Карла Великого. В 1444 году в свои пятнадцать лет она уже славилась необыкновенной красотой и острым умом. Вельможи надеялись, что она окажет благотворное влияние на никчемного супруга, а ее юность позволит им направлять и

---

* Она приходилась внучкой поэту Джеффри Чосеру. Ее усыпальницу с мрачным предупреждением *memento mori* можно увидеть и сегодня в церкви Юэлма в Оксфордшире. (*Memento mori* — «помни о смерти».)

** «Добрый король Рене» (*фр.*).

будущую королеву в нужное русло. Посольство, возглавленное Суффолком, должно было сначала выехать к Карлу VII, с тем чтобы договориться хотя бы о временном перемирии, а потом к графу Рене — просить для короля руки его дочери. Суффолк поначалу колебался, не желая брать на себя сразу две миссии и попросив избавить его от ответственности за возможный негативный исход, но его опасения оказались зряшными.

В середине марта Суффолк со своей свитой добрался до Гарфлёра, а через месяц встретился с герцогом Орлеанским в Блуа. Отсюда они под парусами отплыли по Луаре в Тур, где их приветствовал сначала Рене, а затем, 17 апреля, и Карл VII. Переговоры и о бракосочетании, и о двухгодичном перемирии прошли гладко и к началу мая, ко времени прибытия из Анжера Маргариты с матерью, успешно завершились. 24 мая 1444 года в церкви Святого Мартина в Туре состоялось торжественное обручение Маргариты и Генриха, которого на церемонии представлял Суффолк. Карл, как сообщают хронисты, принимал в церемонии самое живое участие, затем последовало грандиозное пиршество в аббатстве Сен-Жульен, Маргарите уже оказывали все почести, полагающиеся королеве Англии.

Но прошел еще целый год, прежде чем невеста увидела своего жениха. Зимой Суффолк снова приехал во Францию, на этот раз в Лотарингию, где король и граф Рене вместе осадили Мёц. Город сдался лишь в конце февраля 1445 года, после чего французский и анжевенский дворы вернулись в Нанси, где переговоры и завершились. Тогда же в Лондоне возникли подозрения, будто Карл и Рене добиваются новых уступок — в том числе возврата всех территорий, принадлежащих или якобы принадлежащих англичанам в Мене и Анжу. В действительности ничего подобного не происходило. По крайней мере Суффолк никогда не согласился бы с такими притязаниями. Генрих в конце года добровольно отдал Мен своему новоиспеченному тестю, скорее всего по настоянию юной королевы. Однако слухи изрядно подпортили

репутацию Суффолка и, безусловно, внесли свой вклад в его падение, произошедшее менее чем через пять лет.

В начале марта 1445 года брак освятил в Нанси епископ Тульский, после чего Маргарита, сопровождаемая Суффолком и собственной огромной свитой, не спеша отправилась в Англию — через Париж и Руан, прибыв в Портсмут 9 апреля, «изнуренная дальней дорогой и морской качкой». Ей нездоровилось еще две недели, и только 23 апреля она смогла продолжить путь и проделать девять миль до аббатства Тичфилд, где ее с нетерпением поджидал теперь уже двадцатитрехлетний Генрих: здесь их обоих наконец обвенчал духовник короля епископ Солсберийский. О дальнейшем их передвижении, занявшем не одну неделю, нам ничего не известно. Въехали они с триумфом в Лондон 28 мая, а через два дня Маргарита была коронована архиепископом Кентерберийским Джоном Стаффордом в Вестминстерском аббатстве.

Ее соотечественницу королеву Изабеллу, главную виновницу низложения своего супруга Эдуарда II, произошедшего сто восемнадцать лет назад, в Англии прозвали «французской волчицей». Как мы скоро увидим, для Маргариты этот эпитет будет чересчур мягким.

12

«Король Генрих VI». (Часть первая) (1422—1453)

Э к с е т е р:

Возникшая меж пэрами вражда
Под лживым пеплом мнимой дружбы тлеет
И вспыхнет пламенем в конце концов.
Как тело медленно гниет, покуда
Не распадутся кости, жилы, мышцы,
Так эта распря будет развиваться.
Боюсь я рокового предсказания,
Что было у младенцев на устах,
Когда странюю правил Генрих Пятый:
«Что добыл в Монмуте рожденный Генрих,
Утратит в Уиндзоре рожденный Генрих».
«Король Генрих VI». (Часть первая)

Первая часть «Короля Генриха VI», если не считать «Тита Андроника», вероятно, является самой ранней пьесой Шекспира. Вместе с тремя продолжениями — «Ричард III» тесно связан с предыдущими частями — она составляет единый цикл драматических хроник, посвященных важнейшему периоду в истории Англии. Точную дату ее написания установить трудно. По крайней мере известно то, что она была занесена в Реестр книгопечатников после «Королевы фей» Спенсера, зарегистрированной в декабре 1589 года, и до упо-

минания «доблестного Толбота (грозы французов)... снова одерживающего победы на сцене» в памфлете Томаса Нэша «Pierce Penilesse his Supplication to the Divell»*, датированном в реестре 8 августа 1592 года. То есть все три пьесы написаны молодым человеком, не достигшим тридцатилетнего возраста. Возможно, по этой причине до сих пор и возникают дискуссии по поводу авторства, рассматривать которые мы, правда, не будем. Достаточно заметить, что не так уж много современных исследователей сомневаются в том, что эти пьесы принадлежат перу Шекспира. Нас больше интересует другая проблема: насколько они соответствуют исторической правде?

Ответ один: не очень. Молодой Шекспир, похоже, не был столь же добросовестен, как при работе над более поздними историческими драмами, выходящими из-под его пера в хронологической последовательности и уже освещенными нами в предыдущих главах. В оправдание автора следует сказать, что он поставил перед собой исключительно сложную задачу: отразить не только личность короля, но и огромный исторический период, наполненный бурными событиями. Одна лишь первая часть пьесы охватывает немалый отрезок времени — от похорон Генриха V в 1422 году до гибели Джона Толбота, графа Шрусбери, в 1453-м. Поступить хронологической достоверностью Шекспира заставляла и необходимость уместить в двухчасовой спектакль калейдоскоп событий трех десятилетий, и желание дать зрителю максимум впечатлений. В данном случае лапидарность стиля неизбежна.

Главные авторитеты для него, как всегда, Рафаэль Холиншед и Эдуард Холл. Поскольку основное место в трилогии «Генрих VI» занимают войны роз и предшествующие им события, то, естественно, Шекспир чаще прибегает к труду Холла «Chronicle of the Vnion of the Two Noble and Illustre Famelies of Lancastre and Yorke»**. Шекспира, как и Холла,

---

* «Мольба к черту Пирса Безгрошоваго». — *Примеч. пер.*

** «Хроника соединения двух благородных и славных семейств Ланкастер и Йорк». — *Примеч. пер.*

прежде всего интересовала тема возмездия — расплаты дома Ланкастеров за прегрешение, совершенное Генрихом IV, узурпировавшим власть. Его сын Генрих V благодаря природным способностям, необычайному уму и везению преуспел практически во всех своих начинаниях. Его внуку Генриху VI, не обладавшему ни одним из этих достоинств, суждено терпеть крах за крахом.

Вряд ли стоит удивляться антифранцузским сентенциям в английской пьесе о Столетней войне:

В военном оплошали мы искусстве!
Оленей наших маленькое стадо
В ограду загнано, окружено
Собак французских лающею сворой.

Такие чувства, наверное, были особенно сильны в 1589 году, когда писались три части «Генриха VI». Испанцы, опечаленные разгромом своей армады, случившимся год назад, готовились к новому вторжению в Англию, на этот раз с плацдарма в Бретани. В это же время протестант Генрих Наваррский — при помощи английских финансов и оружия — сражался с Католической лигой за французский трон, который ему рано или поздно достался. В подобных обстоятельствах католическая Франция — да еще с ведьмой в образе Жанны д'Арк — представляла благодатную тему для драмы, и Шекспир не мог не ухватиться за нее.

В первой же сцене, по сути, изложено содержание всей пьесы. Действие происходит в Вестминстерском аббатстве на фоне похорон Генриха V. Тело усопшего короля еще не успело остыть, как поссорились два самых могущественных человека в государстве: герцог Глостер осыпает оскорблениями епископа Бофорта; такая же перебранка вскоре возникнет между Йорком и Сомерсетом и их приспешниками Верноном и Бассетом. Бедфорд пытается их утихомирить, но почти сразу же появляется первый из трех гонцов с вестями о череде военных неудач по ту сторону пролива. Все три ос-

новные темы пьесы — неадекватность юного короля, склока между вельможами и, как следствие, потеря Франции — обозначились уже в первых шестидесяти строках. Здесь же мы наблюдаем поразительную способность Шекспира спрессовывать события. Первый гонец провозглашает о потере Гиени, Компьеня (путая его с Шампанью), Реймса, Руана, Орлеана, Парижа, Жизора и Пуатье; в действительности эти города французы захватили в течение длительного периода времени — с 1427 по 1450 год, — в ноябре 1422 года, когда хоронили Генриха V, все они еще находились в руках англичан. Второй гонец сообщает о коронации дофина в Реймсе. Она имела место 17 июля 1429 года — через месяц после пленения Толбота в битве при Патэ 18 июня, — а не 10 августа, как это утверждает у Шекспира третий гонец. Все эти хронологические детали мало интересовали зрителя и XVI и XX столетия. Легкое недоумение могло вызвать лишь то, что через три сцены Толбот сражается на стенах Орлеана, словно с ним ничего не случилось.

Можно подивиться и докладу третьего гонца о трусости сэра Джона Фальстафа, о чьей смерти в 1415 году хозяйка Куикли поведала во втором акте «Генриха V». В шестой главе мы уже писали о том, почему Шекспир дал это имя несчастному рыцарю в первых частях «Генриха IV» и в «Генрихе V», когда понял, что неприлично упоминать в таком качестве Олдкасла. Тем не менее следует еще раз отметить, что Фастолф—Фальстаф верой и правдой служил отечеству более сорока лет, занимал важные посты и не раз удостаивался почестей и наград, получив в том числе в феврале 1426 года орден Подвязки. В битве при Патэ он тоже сражался доблестно, но его воины, не поняв тактический маневр, запаниковали и бежали с поля боя. По свидетельству Жана де Ваврена, очевидца, Фастолф держался до конца и ретировался только тогда, когда стало ясно, что битва проиграна. Обвинил его в трусости хронист Ангерран де Монстреле, он же автор и истории о лишении рыцаря ордена Подвязки. Если Бедфорд на самом деле распорядился провести расследование его

поведения в бою, чего исключать, конечно, нельзя, то Фастолф, похоже, был полностью оправдан. Это доказываются его последующими назначениями наместником Кана, английским послом при Вселенском церковном соборе в Базеле и главой делегации на переговорах о мире в Аррасе. В любом случае Шекспир совершенно незаслуженно вывел его в образ трусливого выпивохи.

Третья сцена пьесы* противопоставляет гордых и уверенных французов унылым англичанам, но главное ее назначение — ввести в действие Жанну д'Арк, *la Pucelle*** . Публику XVIII и XIX веков шокировало то, что Шекспир представил простодушную, героическую Орлеанскую деву чуть ли не ведьмой и потаскушкой, возмущалось и немало зрителей XX столетия. Однако в том нет его вины. Этот образ уже присутствовал в хрониках Холиншеда и Холла, а во времена Шекспира был расхожим по крайней мере на английской стороне Ла-Манша. Драматург нисколько не сомневался в ее сверхъестественных способностях. Жанна, едва появившись, распознает дофина, спрятавшегося среди подданных, и побеждает его в единоборстве, которое он устраивает для того, чтобы убедиться в справедливости ее утверждений. Но откуда у девственницы такие таланты? Ясно: либо от Бога, либо от дьявола. Для англичан согласиться с тем, что необыкновенными способностями Жанну одарил Бог, означало бы признать неправомочность своих действий. Жанна, таким образом, может быть только ведьмой, и нелепая третья сцена пятого акта, в которой она призывает на помощь духов, уже однажды оказавших ей добрую услугу, подтверждает это.

После поединка девственницы с дофином Шекспир возвращает нас в Лондон, где мы наблюдаем постыдную стычку между людьми герцога Глостера и епископа Винчестерского, не пускающего протектора в Тауэр. Уже здесь мы видим последствия никчемности нового режима, оставшегося без твер-

---

* В русском переводе — вторая сцена. — *Примеч. пер.*

** Девственница (*фр.*).

дой руки Генриха V: разброд, междоусобные распри. Через пару минут мы снова оказываемся под Орлеаном, чтобы посмотреть на тело убитого Солсбери, самого выдающегося и прославленного английского полководца, лучше всех владевшего искусством войны. Он отличился в битве при Азенкуре, и с того времени, за исключением коротких отлучек для выполнения дипломатических миссий, почти постоянно находился в гуще сражений. Версия его гибели почти такая же, как у Холиншеда: Шекспир даже представляет нам мальчика, сына оружейного мастера из Орлеана, который вроде бы и сделал роковой выстрел. Действительные же факты таковы. 24 октября 1428 года, когда граф во время штурма Турелли, форта на южном конце моста через Луару, стоял у высокого окна, оценивая обстановку, осколки каменной рамы, разрушенной пушечным ядром, изуродовали ему лицо и выбили глаз. Солсбери отвезли в Мёнг, где он и умер через десять дней. Для соотечественников это была тяжелая потеря, для французов — еще одно свидетельство Божьей кары.

В той же сцене Шекспир знакомит нас с Джоном Толботом, 1-м графом Шрусбери, главным героем пьесы. Толбот уже воевал на границах с Уэльсом, два срока отслужил королевским наместником Ирландии. Сорокалетний граф напоминает нам Хотспера больше бравадой, нежели реальными военными доблестями. Сварливый и непокладистый, Толбот вряд ли пользовался благосклонностью пэров, но был прирожденным лидером и солдаты его уважали. Его история о выкупе и обмене на французского рыцаря Потона — не Понтон, как его называет Шекспир, — де Сантрай (Сантрайль) приводится для красного словца. Толбот оказался в плену только во время битвы при Патэ в мае 1429 года, через шесть месяцев после смерти Солсбери. Акт завершается совершенно неисторической рукопашной схваткой Толбота и девственницы. Благодаря колдовской магии она побеждает, но даже не увечит, говоря, что «твой час еще не пробил». Орлеан освобожден, и разъяренный Толбот уводит своих людей прочь.

Орлеан — это символ. Для каждого француза город олицетворял Францию. Его завоевание, достигнутое, в чем никто не сомневался, благодаря Жанне, служило доказательством ее божественного предназначения и правоты ее миссии. Поэтому вызывает удивление то, что Шекспир в начале второго акта, противореча истории, изображает дело так, как будто Толбот со своим войском снова отобрал у французов Орлеан. Он, видимо, поддался красочному описанию Холлом взятия англичанами Ле-Мана, «когда французы, захваченные врасплох, выскакивали из постелей в одних рубахах, нагишом бежали из ворот, прыгали со стен, спасая свои жизни и оставляя за собой одеяния, лошадей, оружие и богатства».

Затем следуют сетования Толбота по поводу смерти Солсбери и клятвенные обещания воздвигнуть для него гробницу в «самом главном храме» французов. (В действительности тело графа было доставлено в Англию и похоронено в семейном склепе в Бишеме в Беркшире.) Едва он успел закончить свой монолог, как прибыл гонец с приглашением от графини Овернской, которое звучало как приглашение в ловушку. История, естественно, подсказана Холлом, но от начала до конца вымышленная: такие предания были типичны для приграничных баллад, как и для легенд о Робине Гуде. Совершенно немыслимо, чтобы такой опытный военачальник, как Толбот, по своей воле или по незнанию отдал себя в руки такой могущественной женщине, как графиня, которая могла убить его, прежде чем он успел бы позвать своих солдат. Без сомнения, и она прекрасно осознавала это.

После обмена любезностями Толбота с графиней Овернской мы снова возвращаемся в Лондон и заодно на несколько лет назад во времени. Сцена в саду Темпла* такая же вымышленная, как и легенда о приглашении в гости к графине. Однако она гораздо важнее для пьесы, поскольку вводит нас

---

* Темпл — один из четырех лондонских судебных иннов, наделенных исключительным правом нанимать молодых барристеров.

в междоусобную борьбу между домами Ланкастеров и Йорков, обозначенными впервые символами алой и белой роз. Дом Ланкастеров представляет граф Сомерсет, внук Джона Гонта по линии Джона Бофорта, старшего сына Гонта от Екатерины Суинфорд, и соответственно двоюродный брат Генриха V. (Позднее он появляется в пьесе как герцог, получив этот титул в 1443 году.) Граф срывает алую розу для своей эмблемы, и его примеру следует граф Суффолк. От имени двора Йорков выступает вельможа, указанный в «действующих лицах» как «Ричард Плантагенет, затем герцог Йоркский», хотя в действительности он унаследовал этот титул сразу же после смерти дяди под Азенкуром. Он выбирает белую розу, то же самое делают граф Уорик, правоверный йоркист Вернон* и стряпчий.

Уже в этой сцене — вымышленной и не поддающейся датированию — нам напоминают о притязании Ричарда на трон, когда Уорик указывает Сомерсету:

Ведь герцог Кларенс, Лайонел, который
Эдварда Третьего был третьим сыном,
Дед Ричарду.

А сам Ричард, отвечая на намеки Сомерсета в отношении того, что его отца, графа Кембриджа, казнили по обвинению в измене (после раскрытия саутгемптонского заговора), говорит:

Отец был осужден, но невиновен**;
В измене обвинен, но не изменник.

---

* Предполагается, что речь идет о сэре Ричарде Верноне (умер в 1452 г.), спикере палаты общин в лестерском парламенте. Если это так, то почему тогда Шекспир не называет его полным именем?

** То есть арестован, но не осужден актом по обвинению в государственной измене. Игра слов, так как Кембридж был казнен по прямому указанию короля. (Перевод шекспировской фразы неточен. В оригинале это строка звучит так: «My father was attached, not attained». — «Отец был лишен свободы, но не чести». — *Примеч. пер.*)

Третья сцена* дополняет обоснования претензий Йорков на корону, когда Ричард в последний раз навещает умирающего Эдмунда Мортимера, графа Марча, который, судя по всему, уже давно находится в заточении в Тауэре. Здесь Шекспир снова и преднамеренно приспособливает историческую реальность к потребностям драматургии, хотя не исключено, что его сбил с толку Холл. Он, похоже, так и не разобрался с Мортимерами, путал их в первой части «Генриха IV», а потом и во второй части «Генриха VI»**. Не может быть никаких сомнений в том, что под престарелым узником в пьесе имеется в виду Эдмунд Мортимер, 5-й граф Марч и дядя герцога Йоркского, передавший на смертном ложе племяннику эстафету притязаний на трон. Однако исторический граф, родившийся в ноябре 1391 года, умер от чумы в Ирландии в январе 1425 года, когда ему было тридцать три года, а Ричарду Йоркскому — всего тринадцать лет. Шекспировский Мортимер говорит племяннику, что он пребывает в заточении со времени саутгемптонского заговора, а, как нам известно***, Марч, для которого заговор и устраивался, его и раскрыл, возможно, не столь охотно, как хотелось бы Генриху V, и король вскоре восстановил его в своем фаворе и полном доверии. Не случайно, наверное, Шекспир в «Генрихе V» (II. 2) даже не упоминает Марча: он, видимо, вспомнил об умирающем узнике, изобретенном ранее, и, не желая признаваться в измышлении, предпочел вообще обойтись без этого персонажа.

«В четвертом году (правления, то есть в 1426—1427 годах) английское королевство поразил великий раздор, из маленькой искры разгоревшийся в великий пожар». Так писал Эдуард Холл о междоусобице, вспыхнувшей между епископом Бофортом Винчестерским и герцогом Хамфри Глостером,

---

* В русском переводе пятая сцена. — *Примеч. пер.*

** См. гл. 6, 14.

*** См. гл. 8.

угрожавшей перерасти в гражданскую войну. Инцидент, описанный в начале третьего акта (Глостер обвиняет канцлера в том, что тот не пустил его в Тауэр (I. 3), пытался убить на Лондонском мосту и даже вынашивает козни против самого короля), в действительности имел место в парламенте, собиравшемся в Лестере 18 февраля 1426 года. Шекспир переносит его в парламентский дворец в Лондоне, совмещая с происшествием на Лондонском мосту, случившимся четыре месяца назад, когда герцог просил мэра не открывать мост для епископа. Тогда на самом деле полетели камни, были жертвы и по всему городу позакрывались лавки. В Лестере лорды настояли на примирении, вельмож заставили пожать друг другу руки, что они проделали с явной неохотой, а Бофорт вскоре ушел с поста канцлера.

В пьесе не парламент, а король Генрих, с некоторым опозданием наконец появляющийся на сцене, примиряет верховных правителей государства. Потом он восстанавливает в наследственных правах Ричарда Йоркского. Шекспир, как обычно, полагается на Холла. Но откуда хронист взял эту совершенно неправдоподобную историю? Лишение прав и казнь отца — графа Кембриджа — не могли помешать сыну Ричарду наследовать его владения, а титул герцога должен был перейти к нему автоматически после смерти дяди под Азенкуром. Через одиннадцать лет, 19 мая 1426 года, юный король посвятил в Лестере четырнадцатилетнего Ричарда в рыцари. Трудно сказать, какими еще милостями он мог осыпать молодого Йорка. Ясно одно: оказывая публичную поддержку Ричарду, Генрих вольно или невольно способствовал усилению позиций йоркистов.

По сути, то же самое делал и Шекспир. Он преднамеренно выстраивал образ Ричарда, готовя из него главного героя будущих пьес о гражданской войне. Мы видим его в саду Темпла, где намечается конфликт между Йорками и Ланкастерами, потом в темнице умирающий Мортимер назначает Ричарда своим преемником, а затем в парламенте ему возвращаются «все кровные права» и он опоясывается «мечом

великих Йорков». Однако нельзя забывать о том, что притязания Ричарда выходят далеко за рамки герцогства. Он прямой потомок Эдуарда III и по отцу, и по матери: его дедом со стороны отца был пятый сын Эдуарда — Эдмунд Лэнгли, а его мать вела свое происхождение по линии Мортимеров (графов Марчей) от третьего сына Эдуарда — Лайонела, герцога Кларенса. Наследник огромных поместий Йорков, Марчей и Кембриджей, охватывавших почти все графства между Йоркширом и Ла-Маншем, Ричард становился самым могущественным после короля землевладельцем в Англии. В данный момент, даже с учетом кавалерийской хронологии Шекспира, Ричард был еще подростком, но драматург уже делал из него звезду первой величины.

Сцена заканчивается тем не менее на угрожающей ноте. Герцог Сомерсет, самый яркий поборник дела Ланкастеров, первым подобравший в саду Темпла алую розу, вполголоса и в сторону — в лучших традициях сценических злодеев — называет Йорка «презренным». Остальные участники эпизода воздают ему хвалу, и тут же все уходит, кроме двоюродного деда короля старого герцога Эксетера, который и произносит грустные слова, вынесенные нами в эпиграф. Мы добрались примерно до середины пьесы, но нам уже понятно: катастрофа близка.

Война во Франции тем временем продолжается. После трех затянутых и статичных эпизодов начинается реальное действие, и мы становимся свидетелями одной из самых, пожалуй, неправдоподобных батальных картин, выходявших когда-либо из-под пера Шекспира: девственница берет Руан, и менее чем через сотню строк англичане его отвоевывают. Жанна, конечно же, овладевает городом при помощи обмана: она и ее солдаты проникают в Руан, переодевшись бедными крестьянами, идущими на рынок. Однако все ее усилия оказались напрасными. Смертельно больной герцог Бедфорд успел еще раз насладиться триумфом английского оружия и отошел в мир иной успокоенный и довольный. В эту короткую сцену Шекспиру каким-то образом удалось вместить и

сэра Джона Фальстафа*, в панике бегущего от врага, и героического Толбота, благодаря которому, как нам дается понять, и одержана победа.

В изображении взятия Руана французами Шекспир опирался на свидетельства Холла или, вероятнее всего, на описание неким Робертом Фабианом, чей труд «New Chronicles of England and France»** был опубликован в 1516 году, захвата небольшого замка Корнил: только в таком случае могла сгодиться нехитрая уловка Жанны и даже принести успех. Что касается хронологии, то она, как всегда, произвольная. Мы не можем установить даже предположительную дату. Руан оставался в руках англичан до 1449 года, Жанну сожгли на костре в мае 1431 года, а «старый Бедфорд» пережил ее на целых четыре года и мирно отдал Богу душу в своей постели в возрасте сорока шести лет.

Удивительные метаморфозы с событиями происходят и в следующей сцене, в которой Жанна уговаривает Филиппа Бургундского уйти от англичан и стать патриотом. Герцог так и поступил, о чем мы писали в предыдущей главе, однако его уход был длительным и затяжным и обусловленным не одной, а многими и разнообразными причинами. Возможно, одной из самых важных среди них было согласие короля принести публичные извинения за убийство отца Филиппа — Иоанна Бесстрашного. Сам же герцог так и не простил англичан за отказ разрешить ему принять капитуляцию Орлеана в 1429 году. На его решение могли повлиять и слухи о досрочном освобождении за солидный выкуп давнего врага Карла Орлеанского, находившегося в плену у англичан со времени поражения французов при Азенкуре. В любом случае можно с уверенностью исключить то, что Филипп неожиданно поддался на уговоры Жанны, с которой он скорее всего и не встречался. А если даже и виделся с ней, то она вряд ли могла упомянуть об освобождении Карла Ор-

---

* В русском переводе пьесы — Фастолф. — *Примеч. пер.*

** «Новые хроники Англии и Франции». — *Примеч. пер.*

леанского, который пребывал в плену еще девять с половиной лет после ее сожжения.

Акт завершается короткой сценой, происходящей «в Париже, во дворце», где король Генрих жалует Толбота титулом графа Шрусбери, прежде чем заняться собственной коронацией. И здесь не все в порядке с хронологией. Коронация Генриха во Франции состоялась в декабре 1431 года, Толбот принял титул графа Салоп — он и его потомки почему-то предпочитали называться Шрусбери — в мае 1442 года. Действительное назначение сцены, похоже, состоит в том, чтобы подготовить аудиторию к следующему акту, в котором предстоит доминировать Толботу и его прекрасному сыну, хотя Шекспир решает закончить ее перебранкой между Верноном и Бассетом. Драматург напоминает нам: как бы ни была горька война с Францией, распря между Йорками и Ланкастерами может стать еще горше.

Первая сцена четвертого акта, собственно, продолжает третий акт: между ними нет никакого временного интервала. Место действия остается прежним; коронация Генриха происходит во дворце, а не в соборе Парижской Богоматери; снова акцентируется внимание на доблести Толбота, контрастирующей с трусостью сэра Джона Фальстафа, с которого Толбот гневно срывает орден Подвязки*; неугомонные Вернон и Бассет выносят на суд короля свои разногласия, но на этот раз их поддерживают протагонисты дворов — Йорк и Сомерсет. Реакция короля по-детски наивная. Он говорит, прикалывая алию розу:

Коль эту розу приколю, ужель
Даст основанье это заподозрить,
Что Сомерсета Йорку предпочел я?

---

* По свидетельству Монстреле, орден Подвязки с Фастолфа сорвал не Шрусбери, а Бедфорд. В любом случае сделать это имел право только король.

Затем Генрих, желая, очевидно, чтобы герцоги позабыли о ссоре, делит между ними английскую армию, стоящую во Франции: поручает Сомерсету кавалерию, а Йорку — пешие полки. Безрассудность этого решения вскоре проявится в сценах, показывающих осаду Бордо.

Какими бы убедительными ни выглядели удручающие последствия королевского безрассудства, их значимость сводится к нулю кавалерийской хронологией Шекспира. Осада Бордо происходила в 1451 году, через двадцать лет после коронации Генриха в Париже; Толбот умер через два года. Король не расчленил армию так, как это представлено в пьесе, хотя он действительно назначил Сомерсета командующим в Гиени — к большому неудовольствию Йорка, регента Франции, выразившего протест. Кстати, Сомерсет вскоре вернулся в Англию, проведя лишь одну безуспешную кампанию, и через год умер, вероятно, наложив на себя руки. Сцены третья и четвертая, в которых сэр Уильям Люси встречается сначала с Йорком, а потом с Сомерсетом, полностью вымышленные, иллюстрируют серьезность разрыва между двумя лидерами. Ближе всего к исторической правде пятая, шестая и первая часть седьмой сцены: о стойкости и славной гибели Толботов — отца и сына. Они действительно погибли вместе — 17 июля 1453 года, — но не под Бордо, как у Шекспира, хотя драматург точно не указывает, где именно они полегли, а под Кастильоном в Дордони. Граф Шрусбери тщетно пытался уговорить сына, лорда Лиля, спастись (это он делает и в пьесе). Отец и сын стали последними героями Столетней войны.

Действие пятого акта происходит между 1442 годом, когда граф Арманьяк предложил в жены Генриху свою дочь, и 1444-м, когда Генрих послал графа Суффолка во Францию просить для него руки Маргариты Анжуйской. Эпизоды второй, третьей и четвертой сцен, в которых все время фигурирует французская девственница, относятся явно к 1431 году. Их можно было бы назвать ретроспективными, если бы так считал и Шекспир. Однако в его пьесе они являются неотъ-

емлемой частью повествования, и автор без колебаний жертвует исторической достоверностью ради драматургии. Сюжеты, без сомнения, заимствованы у Холла и Холиншеда и отражают преобладавшие в то время в Англии ассоциативные настроения в отношении Жанны д'Арк. Они чересчур тенденциозны и гротескны и с исторической точки зрения бездоказательны.

Первая сцена акта открывается забавным эпизодом. Эксетер выражает удивление при появлении епископа Винчестерского в кардинальском облачении:

Как! Лорд Уинчестер уж повышен в званье
И получил он кардинальский сан?
Я вижу, оправдается теперь,
Что предсказал когда-то Генрих Пятый:
«Когда Уинчестер станет кардиналом,
Сравниет шляпу он свою с короной».

В действительности Бофорт уже был членом священной кардинальской коллегии с 1417 года, и в пьесе он именуется не иначе как «кардинал Винчестерский» со сцены третьей первого акта. Он уже трижды появлялся в том же кардинальском облачении и в присутствии Эксетера. Этот очевидный огрех обычно приводят в доказательство того, что у пьесы не один автор. Тем не менее у нее единый шекспировский поэтически-художественный стиль. В чем же дело? Редактор Арденовского издания отметил: «В авторском тексте неизбежны и допустимы отдельные ошибки и несогласования. Автор может забывать то, что написал ранее. Разнобой свидетельствует об идентичности авторского экземпляра, а недочеты легко поправить при подготовке пьесы к постановке». Никто этого не сделал. Конечно, явный ляп мог быть не замечен издателями Первого фолио, опубликованного лишь в 1623 году, через семь лет после смерти Шекспира, и это единственный текст, которым мы располагаем. Трудно представить, чтобы сам Шекспир не обратил внимания на разно-

чение. Но у нас нет разумного объяснения этой странной неувязке и тайна ее остается нераскрытой.

Пятый акт начинается с того, что Хамфри Глостер информирует племянника о содержании писем от папы и императора Священной Римской империи Альберта II, занявшего престол в 1438 году: оба жаждут мира между Англией и Францией. С той же целью и граф Арманьяк предлагает Генриху руку своей дочери, а Глостер по-дружески советует принять предложение. Генриху вроде бы не нравится идея поменять учение на «нежности игривые с любезной», но он, по своему обыкновению, уступает и соглашается жениться так, как посчитают нужным его советники. Придворные уходят, и из разговора епископа Винчестерского с папским легатом становится ясно, что он купил кардинальскую шляпу, хотя не существует никаких исторических свидетельств, которые подтверждали бы этот факт. Возможно, Шекспира ввел в заблуждение Холл, написавший о «приобретении» Бофортом «Bull legatyne»*. В действительности кардинал всегда был одним из самых авторитетных и уважаемых церковных деятелей Европы, и, как мы уже видели, его прочили на папский престол во время выборов в 1417 году.

Затем действие переносится во Францию, где девственницу сначала бросают на произвол судьбы ее любимые злые духи (серьезная головоломка для любого постановщика), а потом персонально отлавливает герцог Йорк (еще одно измышление). Здесь же впервые появляется Маргарита Анжуйская, будущая королева. И снова Шекспир поступает исторической достоверностью в интересах драмы. На грани абсурда и то, что Маргарита оказалась в плену у графа Суффолка, и то, что он воспылал к ней безумной страстью. Суффолк был послан во Францию весной — в начале лета 1444 года королем, несмотря на протесты Глостера, и исполнял свою миссию добросовестно и достойно. Столь же чинно и благородно он вел себя и во второй поездке, совершенной зимой

---

* «Буллы о полномочиях легата» (англ.).

и весной (в сопровождении супруги) для того, чтобы привезти Маргариту из Лотарингии в Лондон. Правда, Шекспир опять незаслуженно обвиняет его в уступке Мена и Анжу (в разговоре Суффолка с герцогом Рене — V. 3, и в первой сцене второй части «Генриха VI»)*.

После очередных словесных перепалок с французской девственницей, которые нам лучше не комментировать, в английский лагерь прибывает кардинал Бофорт и объявляет о решении заключить с французами не двухгодичное перемирие, а полноценный договор о мире. Йорк вначале приходит в ярость («Вот к чему привел наш тяжкий труд!»), но потом соглашается, когда ему становятся известны условия, выдвинутые англичанами. Точно так же и Карл VII поначалу колеблется, а через минуту дает согласие на то, чтобы присягнуть английскому монарху и быть вице-королем. Заключительная сцена возвращает нас в Лондон, где Глостер предпринимает последнюю попытку убедить племянника жениться на невесте из Арманьякского, а не Анжуйского дома. Побеждают все же аргументы Суффолка и собственные предпочтения юного короля, уже наслышанного о необыкновенной красоте Маргариты. Глостер сулит грядущие несчастья, а Суффолк, перед тем как будет опущен занавес, произносит хвалебную, хотя и не очень грамотную, речь в свой адрес:

Вот Суффолк победил и отплывает, —
Как некогда плыл в Грецию Парис, —
Надеясь также обрести любовь,
Но встретить больше счастья, чем троянец.
Ведь Маргарита, королевой став,
Отныне будет править государством,
Я ж — ею, королем и всей страной.

Так оно и было все последующие пять лет.

---

* См. конец гл. 11.

13

Король Генрих VI. Буря надвигается (1445—1455)

Король Генрих:

То Кед, то Йорк стране грозят бедой:
Так спасшийся от бурь корабль в затишье
Захватывают дерзкие пираты.

«Король Генрих VI». (Часть вторая)

Перемирие, заключенное в 1444 году, длилось, с пролонгациями, пять лет, ровно столько, сколько и требовалось Франции для восстановления сил. Предыдущие четверть века она была практически парализована душевнобольным монархом, в то время как Англию воодушевляли победы, одерживаемые величайшим королем-полководцем, когда-либо восседавшим на ее троне. Теперь же возникла прямо противоположная ситуация. Генрих VI в Англии оказался обыкновенным набожным размазней и придурком — пока еще не клиническим сумасшедшим, которым он вскоре все-таки станет, — тогда как в Карле VII Французском проснулись чувства долга и ответственности, разбуженные сначала Жанной д'Арк и постоянно подпитываемые блистательными и энергичными командующими и очаровательной метрессой Агнессой Сорель, открывшей в нем качества, о наличии которых он в юности даже и не догадывался. Первым делом

молодой король занялся наведением законности и порядка в стране и реорганизацией армии, оснастив ее современными артиллерийскими орудиями, более мощными, чем те, которыми располагали англичане. Ко времени истечения срока перемирия Карл и его армия были полностью готовы к тому, чтобы освободить страну и заставить противника навсегда убраться на другую сторону Ла-Манша.

Англия же была поглощена внутренними передрягами. Относительная стабильность закончилась в 1447 году, когда с разрывом в несколько недель умерли один за другим герцог Хамфри Глостер и его давний антагонист епископ Винчестерский. Хамфри, как мы уже знаем, лишился могущества еще в 1441 году, когда его жену осудили за колдовство. С того времени племянник относился к нему с недоверием, хотя и не выдвигал никаких обвинений. Кризис разразился в 1447 году — на парламенте, собравшемся 10 февраля в Бери-Сент-Эдмундзе. Через неделю сюда явился герцог с отрядом из 80 всадников. Глостера встретили у городских ворот и безапелляционно приказали ему проследовать в отведенные апартаменты, куда в тот же вечер пришла группа высокопоставленных вельмож и взяла его под стражу. 23 февраля он умер в возрасте пятидесяти шести лет. Имели хождение типичные в таких случаях страшные истории об удушении, раскаленных кочергах и т.п., но мы, пожалуй, согласимся с официальной версией его смерти — апоплексический удар. Его похоронили в аббатстве Сент-Олбанс (теперь собор). Это был, наверное, самый образованный человек в Англии, загубленный собственными пороками. Для юного короля он служил одновременно и хорошим и дурным примером. Однако непреходящую любовь к книгам и знаниям привил ему герцог.

Через два месяца вслед за ним на тот свет отправился его заклятый враг Генри Бофорт. Прослужив двадцать один год кардиналом, он так и не стал архиепископом, предпочтя всю жизнь провести в своей любимой Винчестерской епархии. Но он был самым земным прелатом, многие годы занимал видное место и в политике — несмотря на неустанную оппозицию

герцога Хамфри, — и в делах Церкви, стремясь к мирному урегулированию всех проблем с такой же настойчивостью, с какой герцог Глостер добивался продолжения войны, хотя, может быть, и с меньшим успехом. Значительную часть своего огромного состояния он потратил на реконструкцию собора, финансирование и расширение госпиталя Святого Креста, который действует и поныне. 2000 фунтов стерлингов от своего наследства кардинал завещал королю, но Генрих отказался принять их. «Дядя дорог мне, — сказал король. — Он всегда ко мне хорошо относился. Пусть же Господь будет милостив к нему. Поступайте с его деньгами как хотите. Мне они не нужны».

Управление государством таким образом оказалось в руках Суффолка, поднявшегося на вершину власти. В 1447 году его назначили гофмейстером, констеблем Дувра, губернатором Пяти портов и адмиралом Англии; в 1448 году он стал еще губернатором Кале, а 2 июля — герцогом. Но скоро и у него начались неприятности. Его продолжали обвинять, совершенно безосновательно, в потере Мена — графство было отдано французам в феврале 1448 года — и Анжу. Возникли трудности в отношениях с Ричардом Йорком: смерть герцога Хамфри приблизила его к трону, и он теперь возглавлял оппозиционную партию. Почти наверняка именно Суффолк настоял на отзыве Йорка из Франции и назначении его наместником Ирландии на десять лет. Расценив это назначение — с полным основанием — как ссылку, взбешенный Ричард тянул с отъездом более восемнадцати месяцев. Когда же Йорк наконец отплыл в июле 1449 года, мало кто при дворе сомневался в том, что он там долго не задержится.

Место Йорка во Франции занял Эдмунд Бофорт, граф Сомерсет, перенявший от старшего брата четыре года назад графство (но не герцогство). Все это время перемирие соблюдалось англичанами, недовольными утратой Мена и Анжу, весьма условно. Некоторые гарнизоны, как, например, в Ле-Мане, напрочь отказывались уходить из городов, пока их оттуда силой не выдворяли французы. 24 марта 1449 года один из английских отрядов, высланных из Мена, проник

в Бретань, штурмом взял город Фужер и разграбил его. Карл VII и Филипп Бургундский выразили решительный протест, но Эксетер, вместо того чтобы возместить ущерб, не стал не только освобождать город, но и извиняться за инцидент. Естественно, война возобновилась.

Но силы у Англии уже были далеко не те, что прежде. Английские войска во всем уступали возрожденной французской армии. Пал Верней, несмотря на героические попытки Толбота, сражавшегося «как разъяренный вепрь», помочь городу. Сдались Мант, Лизё и ряд других городов и укреплений, пока наконец в октябре Карл не подошел с войском к Руану, где укрылся Сомерсет. Снова Толбот бился мужественно и достойно, однако на этот раз сами граждане Руана открыли ворота, и 10 ноября Карл вместе с Рене Анжуйским триумфально вступил в город. В марте 1450 года из Англии прибыли подкрепления, но 15 апреля французы под командованием графа де Клермона изничтожили их у деревни Форминьи в 25 милях к северо-западу от Кана. Почти 4000 англичан погибли, 1400 — попали в плен. После этой бойни англичане совсем пали духом. Вскоре капитулировали Вир, Авранш, Кан и Фалез. 12 августа пал Шербур. Менее чем за год от владений Генриха во Франции остались одни крохи — Кале, который продолжал принадлежать Англии еще одно столетие, и жалкое охвостье Гиени.

Ответственность за катастрофу лежала на Сомерсете. Он, как главнокомандующий, позволил англичанам напасть на Фужер, и он же отказался возмещать причиненный ущерб. Из-за его слабодушия, безынициативности и неумелости английские войска терпели поражение за поражением. Однако все шишки посыпались не на Сомерсета, а на Суффолка. Его давно связывали с Бофортами и политические и брачные узы, и он в конце концов способствовал назначению Сомерсета во Францию. 28 января 1450 года парламент, обвинив графа в том, что он продал королевство французам, отправил его в Тауэр. Затем последовали новые обвинения: Суффолк якобы замыслил захватить трон для сына, мужа Маргариты Бофорт,

наследницы 1-го герцога Сомерсета, содействовал освобождению Карла Орлеанского, отдал французам Анжу и Мен, раскрыл им государственные секреты, ничего не сделал для того, чтобы усилить английские армии, настроил против Англии Бретань и Арагон. Ему также приписали продвижение на высокие посты никчемных людей, различные злоупотребления служебным положением и недобросовестность руководства. В марте, несмотря на протесты, заявления о невиновности и то, что обвинители не смогли доказать ни один из его проступков или преступлений, Суффолка приговорили к пятилетнему изгнанию, начиная с 1 мая.

В последний день апреля Суффолк прибыл в Ипсуич, где еще раз поклялся перед распятием в своей невиновности по всем предъявленным ему обвинениям. На следующее утро, написав трогательное письмо сыну*, он отплыл во Францию на двух кораблях и пинасе, который сразу же отослал вперед в Кале, желая заранее убедиться в том, что к нему отнесутся доброжелательно. Пинас не дошел до берега: его перехватил «Николас Тауэр», который затем напал на два других корабля и захватил Суффолка: команды, похоже, не оказали никакого сопротивления. Суффолку дали на размышление и признание один день и одну ночь. Потом утром 2 мая его увезли на лодке и обезглавили, согласно одному свидетельству, пятью-шестью ударами ржавым мечом. Тело графа было доставлено обратно в Англию и похоронено в семейной церкви в Уингфилде в графстве, носящем его имя**.

Обстоятельства его убийства по-прежнему остаются загадочными. «Николас Тауэр» — корабль королевский, и это означает, что убийство подстроено лицом или группой лиц

---

* *Paston Letters*, i, 121—122.

** Согласно Холлу, «капитан той же барки после небольшой стычки поднялся на корабль герцога, потребовал встречи с ним и увез его в Дувр-руд, где на утлой лодке ему отрубили голову, оставив тело и голову лежать в песках Дувра; там труп нашел его капеллан, отвез в Уинфилд в Суффолк, где и похоронил». Странно, в университетской церкви Уинфилда стоят великолепные гробницы и отца, 2-го графа, и сына, 2-го герцога, но нет никаких следов от усыпальницы самого Суффолка

высокого ранга — возможно, самим Ричардом Йорком. Поскольку карьера Суффолка практически закончилась, то убили его скорее всего не по политическим мотивам, а из мести. Он никогда не стремился к тому, чтобы добиваться чьей-либо благосклонности; напротив, настраивал против себя тех, кому надо было бы льстить или потакать. Соотечественники не очень горевали по поводу его гибели; наоборот, его смерть вдохновила некоторых авторов на сочинительство грубо сатирических виршей. Позднее его репутацию еще больше запятнали абсолютно безосновательные наговоры хронистов Холла и Холиншеда, а вслед за ними и Шекспира, в отношении его прелюбодеяния с королевой Маргаритой. Суффолк достоин большего. Его речь в парламенте 22 января 1450 года и в особенности последнее письмо сыну свидетельствуют о нем как о человеке искреннем, благочестивом, остававшемся до конца верным королю. Он служил Генриху честно и безукоризненно, заработав лишь несколько ударов ржавым мечом.

Очень скоро Генриху пришлось пожалеть о том, что рядом нет Суффолка. Не прошло и трех недель после смерти герцога, как вследствие почти повсеместного недовольства скудоумием и некомпетентностью правительства начались волнения в Кенте, Восточном Суссексе, Эссексе и Суррее. Мятежников возглавил человек по имени Джек Кэд*, о происхождении которого нам практически ничего не известно. Можно сказать лишь одно: он не был тем безграмотным разбойником, каким его изобразил Шекспир в пьесе. Скорее всего Кэд был представителем мелкопоместного дворянства. Об этом свидетельствуют и «конфискация его имущества, земель, жилищ, рент и другой собственности», последовавшая за подавлением бунта, и готовность многих сельских помещиков встать под его знамена. Не исключено, что он сражался в войнах во Франции, где и приобрел навыки ведения боевых действий. Непонятно только, зачем ему пона-

---

* Иные написания: Кед, Кейд (Cade). — *Примеч. пер.*

добилось объявлять себя Джоном Мортимером, ведущим свое происхождение через графов Марчей от Лайонела, герцога Кларенса, третьего сына Эдуарда III. Похоже, сам он искренне верил в эту легенду и сравнительно легко заставил поверить в нее большинство своих сообщников.

Собравшись в разных местах, мятежники — среди них был один рыцарь, 18 сквайров, 74 «дворянина», мэр Куинборо и бейлиф Фолкстона — в конце мая двинулись на Лондон и 1 июня расположились лагерем в Блэкхите. Генрих, проводивший парламент в Лестере, сразу же закрыл сессию и поскакал в столицу. Через шесть дней он уже был в Сент-Джонсе Клеркенуэлла, а 17 июня созвал совет для рассмотрения претензий Кэда. К тому времени король роздал уже столько коронных земель, лишив себя и доходов с них, что ему приходилось облагать дополнительными налогами своих подданных. Те же, кто должен был собирать налоги, больше занимались перепродажей должностей, назначать на которые полагалось парламенту. Да и сам парламент давно перестал быть таковым: выборами манипулировали местные магнаты, выдвигавшие в него своих ставленников. Коррупция поразила и судебную систему. Вдобавок ко всему, почти никто не сомневался в том, что утрата земель во Франции стала результатом преступной халатности власть имущих, а «предатели» разгуливали на свободе. Соответственно, требования бунтовщиков были простые и понятные любому человеку: король должен вернуть коронные земли, прогнать герцогов Йорка, Эксетера, Норфолка и Бекингема, реформировать парламент и правосудие, аннулировать «Статут о рабочих», предусматривающий наказание за посягательство на заработки выше определенного уровня.

Казалось бы, в запросах бунтовщиков не содержалось ничего криминального и можно было бы удовлетворить их, с тем чтобы мятежники тихо и мирно разошлись по домам. Однако совет отверг все требования и послал армию для наведения порядка. Одновременно он совершил еще одну ошибку, разделив армию надвое: часть отрядов должна была эскортировать короля в Блэкхит, а другая, значительно меньшая, — громить

Кэда и его сообщников. Именно это войско преследовало мятежников до Севеноукса, где повстанцы вдруг развернулись и напали на преследователей, убив 24 человека, в том числе обоих командиров — Хамфри и Уильяма Стаффорда. Когда вести о побоище дошли до Блэкхита, взбунтовалась вся армия, и Генриху с большим трудом удалось уйти вместе со своими лордами в Гринвич. Спустя несколько дней он бежал и оттуда, укрывшись в замке Кенилуорт в Уорикшире.

После всего этого восстание быстро перекинулось на другие районы: на север вплоть до Восточной Англии и на запад — до Хэмпшира и Дорсета. В Уилтшире прихожане после обедни схватили и убили епископа Солсбери, освящавшего брак короля. 3 июля самозванный Мортимер в мантии из голубого бархата, с позолоченным шлемом на голове и позолоченными рыцарскими шпорами на ногах торжественно вступил в Лондон, а его клеветы несли перед ним меч. На следующий день он прилюдно обезглавил двух самых ненавистных королевских советников, которых Генрих, желая задобрить мятежников, посадил в Тауэр: лорда Сея и его зятя Кроумера, лорда-шерифа Кента. Кэду, наверное, все бы сошло с рук, если бы он не позволил разграбить дом самого яркого сторонника Ланкастеров — Филиппа Малпаса, одного из олддерменов Лондона, препятствовавшего его вступлению в город. Возможность поживиться грабежами привлекла к нему чернь, но законопослушные граждане, обеспокоенные таким развитием событий, начали уходить от него. Они призвали на помощь лорда Скейлса и Мэттью Гофа, удерживавшего Тауэр от имени короля. Эти двое джентльменов со своими отрядами в десять часов вечера воскресенья 5 июля попытались завладеть Лондонским мостом. Сражение длилось всю ночь, Гоф погиб, но верх не одержала ни одна из сторон. Наконец мятежники подожгли мост и отошли в Саутуарк: там они выпустили всех узников из тюрем Суда королевской скамьи и Маршалси.

Теперь правительство все-таки решило приступить к переговорам, отрядив для этого архиепископа Кемпского — человека из Кента — и Уильяма Уэйнфлета, сменившего Бо-

форта на посту епископа Винчестерского. Они встретились с Кэдом в церкви Святой Маргариты в Саутуарке, приняли от него петиции, пообещав Джону Мортимеру и всем его сподвижникам прощение при условии, если они незамедлительно разойдутся по домам. Многие так и сделали, другие же, поддавшись на его предупреждения о том, что такие прощения ничего не значат, если не утверждены парламентом, последовали за ним в Рочестер и напали на замок Куинборо на острове Шеппи. Это была его вторая роковая ошибка. Парламент сразу же принял акт, объявляющий Джона Кэда государственным изменником: его прощение становилось недействительным, поскольку было обещано Джону Мортимеру. Рассеялись как дым и его сторонники. Сам он, переодевшись, бежал в Восточный Суссекс, где через пару дней его изловил в саду Хитфилда некий Александр Айден, недавно назначенный шерифом. Кэд защищался как мог, но шериф его убил за сопротивление при аресте. 15 июля тело бунтовщика было представлено совету, который приказал его выпотрошить и четвертовать. Затем каждую четверть отослали в Блэкхит, Солсбери, Глостер и Норидж, а голову насадили на копье и выставили на Лондонском мосту, развернув лицом в сторону Кента. Вскоре трибунал с участием обоих архиепископов в Кентербери вынес приговоры вожакам восстания. Восемь человек были осуждены на смертную казнь.

Но Генрих торжествовал недолго. В конце августа из Ирландии вернулся Ричард Йорк, естественно, без королевского позволения. Высадившись в Уэльсе, он набрал значительное войско из местных вассалов и двинулся в Лондон. Запаниковавший совет провозгласил его изменником, обвинив даже в том, что он якобы был причастен к недавнему мятежу, и несколько раз устраивал засады на пути герцога. Однако под началом Йорка уже было не менее 4000 воинов и шутить с ним было опасно. Прибыв в Лондон, герцог сразу же направился во дворец и, несмотря на помехи, пробился в покои короля, выразив Генриху свое возмущение той враждебностью, с которой его встречают при дворе. Король, конечно,

мог бы указать ему на то, что кузен оставил свой пост без разрешения и всем своим поведением демонстрирует, будто с оружием в руках восстает против государя. Но не таков был Генрих. Он выразил глубочайшее сожаление по поводу случившегося и согласился назначить новый совет, в котором достойное место займет и герцог Йорк.

К несчастью для него, король недавно принял еще одно решение (сделать это только он и мог): отозвал Сомерсета из Кале, где тот укрылся после изгнания из Кана, и назначил констеблем Англии. В глазах любого англичанина Сомерсет был человеком, потерявшим Францию. Его все ненавидели, и в первую очередь Ричард Йорк, усматривавший в нем опасного соперника в борьбе за трон. После смерти герцога Хамфри ситуация с наследием короны несколько не прояснилась. Король Генрих был женат уже пять лет, но детей так и не появилось. Его трое дядей — Кларенс, Бедфорд и Глостер — ушли на тот свет, не оставив потомства. В доме Ланкастеров оставались только герцог Сомерсет, внук Джона Гонта и Екатерины Суинфорд, и его маленькая племянница Маргарита, дочь покойного старшего брата. В принципе такая родословная делала его бесспорным претендентом на трон, если бы не одна заковыка. Генрих IV, узаконивая своих единокровных братьев Бофорт, специальным парламентским актом исключил и их, и их потомков из наследственной линии. Ричард Йорк же происходил от младшего брата Гонта — Эдмунда: его позиции были слабее, но они по крайней мере не давали повода для сомнений в законнорожденности и юридической чистоте. Кроме того, он мог сослаться на свое происхождение по матери Анны Мортимер от старшего брата Гонта — Лайонела, герцога Кларенса. Безусловно, суд отдал бы предпочтение Ланкастерам, если бы не явная никчемность и непопулярность правительства и одиозность личности Сомерсета, из-за чего общественное мнение склонялось в пользу Йорков. Джек Кэд не случайно избрал для себя имя Мортимер.

Осень перешла в зиму, и вражда между Йорками и Ланкастерами накалилась до такой степени, что 1 декабря на

Сомерсета напала разъяренная толпа йоркистов. Его спасло само Провидение: на месте происшествия случайно появился граф Девоншир, вырвал из рук озверевшего сброда и увез рекой на барке. Тем не менее и его особняк, и дома других знатных ланкастерцев были опустошены и разграблены. Опасаясь за жизнь родича, король быстро отправил его командующим в Кале, хотя это не помешало парламенту в январе 1451 года потребовать его изгнания в числе тридцати других придворных фаворитов (Генрих, правда, отмолчался). Но через тринадцать месяцев, в феврале 1452 года, Ричард Йорк выпустил из замка Ладлоу собственное воззвание. «Сомерсет, из-за которого мы уже потеряли Нормандию и Гиень, влияет на короля таким образом, что мы можем лишиться и Англии», — предупреждал он. Далее герцог призывал жителей Шрусбери помочь ему избавить страну раз и навсегда от этого человека, хотя этим он вовсе не желает «досадить своему суверену». Немало людей встало под его знамена, когда он отправился во второй вооруженный поход на Лондон.

Стараясь, как всегда, выказывать свою преданность королю, Йорк «на Масленицу» послал герольдов, чтобы запросить разрешения на вхождение в город. Получив вполне ожидаемый отказ, он перешел Темзу по Кингстонскому мосту, двинулся в Кент, где, судя по недавним событиям, народ мог оказать ему серьезную поддержку, и разбил лагерь под Дартфордом. Генрих 1 марта вышел в Блэкхит, послав вперед для переговоров о примирении Кемпа, Уэйнфлета и епископа Илийского. Стороны договорились обо всем довольно оперативно. Сомерсет уже всем надоел, и в окружении короля было немало людей, желавших избавиться от него не меньше Йорка. Королевские эмиссары согласились на арест Сомерсета, а Йорк в ответ расформировал армию и поскакал в Блэкхит, чтобы подтвердить договоренности при личной встрече с Генрихом. Но когда он вошел в шатер к королю, то, к своей немалой досаде, увидел, что Сомерсет по-прежнему на свободе и стоит по обыкновению справа от монарха. Здесь же, в присутствии короля, вельможи чуть не подрались, однако, судя по всему, в роли

пленника оказался герцог Йорк и ему было рискованно заходить слишком далеко. Его заставили вернуться вместе с Генрихом в Лондон и в соборе Святого Павла поклясться в том, что он впредь никогда не будет собирать людей в какие-либо организованные группы без королевского позволения или согласия. Сомерсет же остался на своем месте.

Что же стало причиной такого вероломства? Превысили свои полномочия епископы, дав обещания, которые они были не вправе даже упоминать? Вмешалась королева Маргарита и уговорила своего слабохарактерного супруга не трогать фаворита? Или Сомерсету удалось каким-то образом переубедить короля? Нам этого никогда не узнать. Да и надо ли? Важен результат. Ричард Йорк понял, что его водят за нос. С этого момента он уже мог не заботиться о демонстрации своей верности королю, а Англия вплотную приблизилась к гражданской войне.

Летом 1453 года, воспользовавшись временным затишьем, король Генрих VI отправился охотиться под Кларендоном в Нью-Форест.

И здесь в июле или августе «вследствие внезапного и нелепого испуга», как туманно выразился один хронист, его поразил недуг, из-за которого он моментально стал и физически и умственно недееспособным: «настолько беспомощным, что ничего не понимал, не помнил, не мог ни идти, ни поднять голову, ни сойти с места, где сидел». Окружающие, естественно, заметили, что симптомы недуга напоминают заболевание, которым страдал его дед Карл VI Французский, периодически впадавший в безумие до конца жизни, — обстоятельство, не сулившее ничего хорошего и для Англии. Король оставался в Кларендоне до начала октября, а потом его неспешно перевезли сначала в Вестминстер, затем — в Виндзор, и он все еще пребывал в такой апатии, что даже не шевельнулся, когда 13 октября ему сообщили о рождении сына: королева Маргарита после восьми лет супружества наконец принесла Генриху наследника. Недуг короля дополнил список бед, обрушившихся на Англию в последнее время. В июле под

Кастийоном погибли доблестные Толботы, отец и сын, после чего англичане постепенно утратили и Гиень: к концу года вся провинция была уже полностью в руках французов.

Рождение принца, названного Эдуардом и крещенного епископом Уэйнфлетом, совершенно не обрадовало Ричарда Йорка. Заболевание короля вселило в него новые надежды на мирное наследование короны, теперь же они рухнули окончательно и бесповоротно. Он мог утешить себя только тем, что такая же участь постигла и Сомерсета. Но это было слабое утешение: звезда Сомерсета в любом случае закатилась. После потери Гиени его влияние упало до такой степени, что никто даже и в мыслях не держал выдвигать его на пост регента, хотя заболевание короля уже ставило эту проблему. Более того, в ноябре 1453 года по настоянию верного союзника Йорка — герцога Норфолка — Сомерсета арестовали и заключили в Тауэр.

Король все еще находился в Виндзоре. Его состояние по-прежнему вызывало опасения. Когда в январе 1454 года королева Маргарита и герцог Бекингем принесли к нему в постель сына, то Генрих тупо посмотрел на ребенка, не проявляя никаких признаков узнавания или понимания ситуации. Именно после этого инцидента Маргарита потребовала доверить ей управление государством, с чем, конечно, совет не согласился. Советники посчитали, что она слишком молода, неопытна и тщеславна и, самое главное, поддерживает чересчур близкие отношения с Сомерсетом. Через два месяца комитет лордов все-таки посетил больного Генриха в Виндзоре, чтобы оценить состояние его здоровья, и пришел к выводу о необходимости принять парламентский акт о регентстве, а 27 марта Йорка назначили протектором до выздоровления короля или совершеннолетия принца. Герцог сразу же начал усиливать свои позиции во власти. Канцлером вместо умершего недавно кардинала-архиепископа Уильяма Кемпа он поставил брата жены Ричарда Невилла, 5-го графа Солсбери*.

---

* Невилл наследовал титул благодаря жене Алисе: она была единственным ребенком у 4-го графа, умершего от ран, полученных под стенами Орлеана.

Другой свойственник, Томас Берчер*, епископ Илийский — его брат лорд Берчер был женат на сестре Йорка Изабелле, — стал архиепископом Кентерберийским.

Ричард Йорк правил страной здраво и мудро, но недолго. На Рождество 1454 года королю полегчало, а 30 декабря он впервые признал сына, которому теперь уже было четырнадцать месяцев. Демонстрируя показную радость, Йорк ушел в отставку. Однако возвращение во власть короля и королевы означало, что главенствовать снова будут Ланкастеры. Сомерсета тут же выпустили из Тауэра, сняв с него все обвинения. Солсбери убрали с поста канцлера, и его место занял, что могло вызывать некоторое недоумение, архиепископ Берчер, умевший, правда, держать нос по ветру; Йорку пришлось испытать еще один удар судьбы и уступить командование в Кале Сомерсету. Йорк и Солсбери сочли за благо ретироваться в свои йоркширские владения. Так же поступил сын Солсбери — Ричард, граф Уорик, назначенный Йорком в тайный совет, а шестью годами ранее наследовавший благодаря жене Анне Бошам самое богатое графство Англии.

Время шло, и становилось все очевиднее, что выздоровление короля оборачивается для Англии катастрофой. В мае 1455 года Сомерсет, которого злосчастья так ничему и не научили, в компании с королевой созвали в Лестере совет для принятия мер по «обеспечению безопасности короля от врагов». Поскольку на совет не были приглашены ни Йорк, ни Солсбери, ни Уорик, то было совершенно ясно, кто именно входил в число врагов короля. Тогда-то три вельможи и решили приступить к действию, пока они еще на свободе. Армия уже была готова, и они без промедления отправились в путь. Из Уэра в Хартфордшире герцог Йорк послал канцлеру, архиепископу Берчеру депешу, заверяя его в своей верности королю и подчеркивая, что он добивается только лишь свержения Сомерсета. Письмо было перехвачено, и архиепископ его не получил. В тот же день с несколько меньшим войском — около 2000 человек — из Лондона вышли король

---

* Иное написание — Буршье (Bourchier). — *Примеч. пер.*

с королевой, Сомерсет и Бекингем. Ночь они провели в Уатфорде, а наутро — это был четверг, 22 мая, — две армии встретились близ Сент-Олбанса. Три часа Йорк и его друзья пытались убедить короля в своей верности ему, прося выдать им лишь несколько персон, которых они считают изменниками (они уже не полагались на обещания, которые, как показал опыт, не выполняются, если даже даются под присягой). Только после ответа короля, отказавшегося выдавать им кого-либо и пригрозившего казнить как изменников всех, кто ему не подчинится, Йорк приказал своим людям идти в наступление.

В Средние века битвы в городе или городке были крайне редки, армии предпочитали сражаться поблизости на открытых пространствах. Битва в Сент-Олбансе стала знаменательным исключением из правил. Королевская армия выстроилась вдоль Сент-Питер-стрит и Холиуэлл-Хилл, протянувшегося от церкви Святого Петра до реки Вер. Первая атака Йорка — с Хартфилд-роуд и Виктории-стрит — захлебнулась. Но Уорик ударил из садов между двумя постоянными дворами («Ки» и «Чекер», теперь «Кросс-Киз» и «Куинз-Хотел») и после кровавой и ожесточенной схватки вынудил войско короля отойти. Сомерсета убили возле «Касл-Инн», рядом полегли его два главных сподвижника — Нортумберленд и Клиффорд. Бекингем с окровавленным лицом укрылся в аббатстве (теперь собор). Генрих в полном замешательстве, покинутый всеми и раненный в шею стрелой, беспомощно стоял у своего знамени на рыночной площади, пока его не увели в дом дубильщика. Там его и нашли Йорк, Солсбери и Уорик. Они почтительно преклонили перед ним колени и предложили скоротать время в аббатстве. Их приверженцы были менее любезны: они дочиستا разграбили город, оставив лежать на улицах убитыми около 300 человек.

Битва в Сент-Олбансе уже не имела никакого отношения к Столетней войне с Францией. Она положила начало другой войне — гражданской, первой гражданской войне в Англии, вошедшей в историю под названием «Войны роз» — Войны Алой и Белой розы.

14

«Король Генрих VI». (Часть вторая) (1441—1455)

Король Генрих:

Пойдем, жена. Научимся мы править,
Иль Англия власть нашу проклянет.

«Король Генрих VI». (Часть вторая)

Действие второй части «Короля Генриха VI» начинается в апреле 1445 года, то есть за восемь с лишним лет до последних событий в предыдущей пьесе — гибели отца и сына Толботов в разгар лета 1453 года. Тем не менее она служит продолжением первой части, завершающейся монологом герцога Суффолка, отплывающего во Францию за невестой для короля Генриха. Как только поднимается занавес для представления второй части трилогии, Суффолк объявляет об успехе своей миссии и демонстрирует жениху и всему двору привезенную им красавицу принцессу. Однако почти сразу же возникает неловкая ситуация: герцог Хамфри зачитывает условия перемирия, и когда доходит до слов «герцогства Анжу и графство Мен будут очищены от войск и переданы королю, отцу ее...», ему становится дурно и бумага выпадает из рук. Дочитывает послание кардинал Бофорт.

Как чуть позже указывает Бофорт, герцог Хамфри все еще формально считается наследником; в его интересах со-

ответственно, чтобы король оставался неженатым и бездетным. Если же и придется все-таки его женить, то герцог всегда отдавал предпочтение дочери графа Арманьяка. В данном случае у него имелись все основания для скорби. Менее оправданно его возмущение сдачей французам Мена и Анжу: хотя их уступка Англией и обсуждалась тогда на уровне слухов (об этом писал и Холл), она не была одним из условий перемирия*. Однако на этой неверной посылке построена вся остальная часть сцены — после отбытия Генриха и Маргариты на ее коронацию. Исторически Глостер никак не мог использовать потерю Мена и Анжу в качестве главного повода для нападков на Суффолка. Последний со своей стороны имел все основания для опровержения обвинений, и — после смерти в 1447 году своих антагонистов Глостера и Бофорта — сумел завладеть рычагами управления государством. (Кстати, Шекспир раньше времени удостоил его титулом герцога, который Суффолк получил только 2 июля 1448 года.) За три года до своего падения Суффолк показал себя способным и ответственным государственным деятелем и превосходным администратором. Наверное, он был честолюбив, но не страдал манией величия в той мере, в какой его представил нам Шекспир в последних строках первой части «Генриха VI», процитированных нами в конце двенадцатой главы.

Среди вельмож, разделяющих негодование Глостера, фигурирует и граф Уорик, претендующий к тому же на лавры завоевателя этих провинций:

Анжу и Мен!** Завоевала их моя рука;
И города, что приобрел я кровью,
Возвращены французам с мирной речью!
Mort Dieu!***

Солсбери называет Уорика своим сыном; в таком случае не может быть никаких сомнений в том, что слова возмуще-

---

* См. окончание гл. 11.

** Вставлено переводчиком по оригиналу. — *Примеч. пер.*

*** Черт возьми! (*фр.*)

ния произносит юный Ричард Невилл — тот самый Невилл, который вместе с отцом и герцогом Йорком поведет йоркистов в бой с ратью короля в Сент-Олбансе, а потом станет «делателем королей». Но Невилл родился лишь в 1428 году, а графство наследовал в 1449-м, через четыре года после появления в Англии Маргариты. Ясно, что Шекспир путает его с отцом его жены Ричардом Бошамом, графом Уориком, от которого он и унаследовал титул. Бошам был зрелым и превосходным воином, в 1437 году служил наместником Франции и Нормандии, но даже и он вряд ли осмелился бы выступить с таким высокопарным заявлением, которое Шекспир вложил в уста его зятю.

После ухода Глостера кардинал Бофорт, как и следовало ожидать, пытается его дискредитировать:

Вот в ярости ушел протектор наш.
Известно, лорды, вам, что он мне враг;
И королю, боюсь, он друг плохой.
Обдумайте: он ближе всех по крови
И вправе унаследовать корону...
Все ж я боюсь, что он при доброй славе
Окажется протектором опасным.

Некоторое удивление вызывает то, что Шекспир упорно называет герцога Хамфри протектором. Парламент упразднил протекторат в ноябре 1429 года, через неделю или две после коронации Генриха. Возникает вопрос: что заставило Шекспира использовать этот термин еще шестнадцать лет? Если это не оплошность, что крайне маловероятно, то можно предположить три вероятные причины. Первая и самая главная — желание усилить пафос речи кардинала, дать ему возможность столкнуть в одном персонаже две ипостаси: формального защитника и подспудного изменника. Позже это позволит драматизировать и падение Глостера, начинающееся в следующей сцене. И наконец, драматург нашел удобную мотивацию для совершенно неисторического убийства гер-

цога: в противном случае ему пришлось бы основывать свою вымышленную версию на одних подозрениях в коварных интригах против короля.

Теперь сцену покидает кардинал, и Сомерсет начинает поносить его, обращаясь к герцогу Бекингему почти в такой же манере, в какой он сам только что чернил герцога Хамфри: и дерзок он, и тщеславен, и хочет стать протектором. На что Бекингом отвечает:

Протектором быть мне или тебе
Назло и Глостеру и кардиналу.

После того как уходят и эти двое, Солсбери призывает своего сына Уорика и зятя Ричарда, герцога Йорка, вместе поддержать герцога Глостера:

Для блага родины объединимся,
Чтоб укротить гордыню кардинала
И Сеффолка, а также честолюбье
Кузенов Сомерсета с Бекингемом.
Поддерживать во всем мы будем Хемфри,
Затем что он стремится к благу края.

Наконец, на сцене остается один Ричард Йорк и сообщает нам о своих намерениях:

Настанет день — и Йорк права предъявит.
Пока я должен к Невилам примкнуть
И Глостеру выказывать любовь;
Но, выждав миг, потребую корону...
Тут подыму я млечно-белый розан,
Что воздух напоит благоуханьем;
На знамени герб Йорка вознесу,
И, в бой вступив с Ланкастером надменным,
Лишу венца того, кто безрассудно
Правленьем книжным губит остров чудный.

Йорк тоже уходит, оставляя нас, как того и хотел Шекспир, с предчувствием неминуемой беды. Королевство раздирают распри, по меньшей мере шесть разных группировок плетут интриги друг против друга при безвольном и недееспособном короле. К сожалению, две основные темы первой важнейшей сцены — потеря французских провинций и двусмысленность роли протектора — не согласуются с реальными историческими фактами. В целом же она отражает действительное взрывоопасное положение, сложившее тогда в королевстве. Взаимная подозрительность, злоба, недовольство и безудержное властолюбие — все это предвещало скорую катастрофу.

Во второй сцене первого акта Шекспир выстраивает ряд событий, приводящих к гибели герцога Хамфри. Злосчастье со второй женой Хамфри Глостера, чрезмерно тщеславной Элеонорой Кобем, арестованной в четвертой сцене первого акта и осужденной в третьей сцене второго акта, на самом деле случилось в 1441 году, за четыре года до прибытия в Англию королевы Маргариты*. Этот сюжет, безусловно, принадлежит первой части трилогии, но без него Шекспир не смог бы создать эффект драматического крещендо: ради этого можно было и поступиться хронологической точностью. Все его персонажи-колдуны, связанные с герцогиней — Марджери Джорден, Роджер Болингброк, Джон Саутуэлл и одиозный провокатор Юм (Джон у Холла и Шекспира и Томас в ранних хрониках), — реальные исторические личности. Шекспир игнорирует описание Холлом манипуляций над восковой фигурой короля, сосредоточившись на предсказаниях приглашенного колдунами духа (четвертая сцена), отвечающего на вопросы Болингброка о судьбе короля, Суффолка и Сомерсета.

Трижды Шекспир прерывает последовательность своего повествования, в двух случаях специально для того, чтобы сфокусировать внимание на Ричарде Йорке. В третьей сцене

---

* См. гл. 11.

первого акта Питер, подмастерье оружейника, обвиняет своего хозяина в том, что он поддерживает притязания Йорка на корону. Ясно, что герцог не имеет никакого отношения к мнению оружейника, тем более что тот все отрицает, но имя его запятнано и регентом Франции назначается Сомерсет*. (В той же сцене происходит замечательный инцидент: королева наносит пощечину герцогине Глостер, а та набрасывается на нее как базарная торговка.) Во второй сцене второго акта Ричард, видимо, для тех зрителей, которые не видели предыдущую пьесу или запамятовали то, что смотрели, повторяет доказательства своих прав на престол**, а Уорик торжественно подтверждает их.

В третий раз Шекспир отклоняется от темы падения протектора Глостера, вводя в первой сцене второго акта соколиную охоту, чтобы дать вельможам возможность снова повздорить между собой и расписаться во вражде к герцогу. К счастью, перебранку вскоре прерывает Бекингем, прибывший с вестями об аресте герцогини. Затем следуют суд и вынесение приговора супруге Глостера, его отставка с поста протектора (которого в действительности, как мы знаем, уже лет десять не существовало) и поединок Хорнера со своим подмастерьем: Питер, не желавший сначала драться, побеждает, а умирающий Хорнер признает правоту его обвинений.

Второй акт заканчивается наказанием герцогини. Она, босая, в белом балахоне и с горящей свечкой в руках, три дня бродит по улицам и встречает наконец мужа: герцог, кстати, в пьесе выглядит скорее беспомощным, а не устраняющимся от помощи своей супруге. (Наказание — исторический факт, хотя разговор супругов придуман Шекспиром.) Герцогиня предупреждает мужа о неминуемом крахе, а он простодушно отвечает:

Ах, полно, Нелл: ты метишь мимо цели!

Чтоб жертвой стать, я должен провиниться.

---

* Сомерсет сменил Ричарда на посту регента летом 1448 г.

** Йорк нудно излагает родословную Мортимеров. См. гл. 6, 12.

Супруги еще переговариваются, когда появляется герольд и вызывает герцога в парламент, собравшийся в Бери-Сент-Эдмундзе, где, как мы знаем, ему предстоит расстаться с жизнью.

Какая же смерть постигла Глостера? Шекспир, ориентировавшийся на Холла, уже дал ответ на этот вопрос: умышленное убийство при единодушном его одобрении всеми врагами герцога, вдруг объединившимися против него. Однако и Холл и Шекспир почти наверняка ошиблись. Внезапная смерть, наступившая сразу же после ареста, безусловно, подозрительна. Однако те, кто хорошо знал герцога, были уверены в том, что он умер не насильственно. Действительно, ему было всего лишь пятьдесят шесть лет, но беспробудное пьянство и развратная жизнь сделали свое дело. Ему грозил паралич: на сохранившихся портретах* он выглядит уставшим, понурым стариком. И зачем его надо было убивать? После осуждения жены, имевшего место шесть лет назад, он уже не обладал реальной властью и влиянием и практически никому не мешал, даже предполагаемым заговорщикам. Правда, его подозревали в кознях против племянника, однако тому нет никаких доказательств. В его смерти обычно винят Суффолка и Бофорта, но ничто из того, что нам известно об этих исторических деятелях, не указывает на их даже предрасположенность к подобному злодейству. Через три года Суффолк сам оказался в немилости, и когда его обвинили в совершении многочисленных преступлений, то убийство герцога Хамфри в перечне не упоминалось.

Все действие третьего акта происходит в Бери-Сент-Эдмундзе. В первой сцене, разыгрывающейся в самом аббат-

---

* Один — в «Комментарии к Книге Бытия» Капгрейва в библиотеке манускриптов колледжа Ориэл Оксфорда, гравюра в «Официал баронейдж» Дойля (Capgrave, *Commentary on Genesis*; Doyle, *Official Baronage*, ii, 22); другой — в «Каталоге манускриптов» за 1697 г. в Бодлианской библиотеке.

стве*, умещается сразу появление опоздавшего Глостера, его незамедлительный арест и назначение Ричарда Йорка в Ирландию для подавления очередного восстания. В действительности эти два события разделяет семь месяцев. Глостер умер 23 февраля 1447 года, Ричарда Йорка «отрядили» в Ирландию 29 сентября, а назначение командующим было подписано 9 декабря. Как известно, он крайне неохотно принял это назначение и тянул с отъездом полтора года. Шекспир же, дав волю своей фантазии, изобразил его моментальное согласие и наделил герцога страстным монологом, из которого следует: Йорк использует армию против короля, и он же персонально будет причастен к предстоящему мятежу во главе с Джеком Кэдом:

Отлично, лорды! Мудрое решенье...
Мне не хватало войск, — вы мне их дали;
Охотно их беру. Но так и знайте:
Вручили вы оружие безумцу.
В Ирландии могучий свой отряд
Кормить я буду, а меж тем раздую
В стране английской черный ураган...
Пока венец не осенит чело мое.

За свою жизнь Ричард раза четыре демонстрировал, что способен в любой момент набрать большую армию. После возвращения из Ирландии против него выдвигались обвинения в связях с мятежником Кэдом, но и тогда, и впоследствии они не подтвердились.

Вторая сцена разыгрывается для нас в «парадном зале»**, предположительно в доме кардинала Бофорта, кому вверили Глостера. В самой ранней версии пьесы, изданной в кварто

---

* Бенедиктинское аббатство, одно из самых больших и важных во всей Англии, было почти полностью разрушено во время гонений на монастыри в 1536—1540 гг. Сохранились только двое грандиозных ворот XII и XIV вв.

** В русском переводе «покой во дворце». — *Примеч. пер.*

в 1594 году, эта сцена предварялась вступительными словами: «Занавески были задернуты; герцога Хамфри нашли лежащим в своей постели; два человека навалились на него и задушили прямо в постели. После этого к ним вошел герцог Суффолк». По каким-то причинам — возможно, по настоянию цензора — этого вступления уже не было в Первом фолио 1623 года, и убийство происходило за сценой. Короткий разговор между убийцами и Суффолком не оставляет никаких сомнений в том, что злодеяние совершено по его приказу. Сразу же входят король с королевой, Бофорт и Сомерсет. Что их побудило прийти в дом кардинала? Это из пьесы понять невозможно. По крайней мере о смерти Глостера они еще не знали: когда королю сообщают о ней, он лишается чувств. Очнувшись, Генрих взрывается совершенно нетипичной для него гневной тирадой в адрес Суффолка, за которого с еще большим темпераментом вступается королева Маргарита. К ним затем присоединяется Уорик с делегацией от народа. Каким-то образом все уже знают об убийстве; Уорик приносит тело герцога, убедительно демонстрирует, что он умер насильственной смертью, и обвиняет в этом Бофорта и Суффолка.

Бофорт сразу же уходит, не считая нужным защищаться; Суффолк же свирепо отвергает все обвинения, и, обменявшись взаимными оскорблениями, Суффолк и Уорик обнажают мечи. Кровопролитие предотвращает появление Солсбери, потребовавшего незамедлительно либо казнить, либо изгнать Суффолка. Король соглашается на изгнание и удаляется. Суффолк и королева остаются одни, и мы присутствуем при сцене расставания, которой позавидовали бы Ромео и Джульетта. Чего стоят такие, например, строки:

О, если б навсегда мой поцелуй
Запечатлелся на твоей руке,
Чтоб вспоминал ты, глядя на печать,
Про те уста, что по тебе вздыхают!
Иди же, чтобы я познала горе;
Лишь мыслю я о нем, пока ты здесь.

Конечно же, такие нежности — чистейшей воды драматургия. Правда, в довольно абсурдной сцене (часть первая, V, 5), где впервые появляется принцесса Маргарита, Суффолк изображен безумно в нее влюбленным, но эта тема не получила продолжения и до этого трогательного расставания Шекспир представлял нам королеву женщиной жесткой, суровой и мстительной. Ничто не указывало на то, что эта парочка не только политические союзники, каковыми они были в действительности, а еще и любовники. Как мы уже отмечали в предыдущей главе, не один Шекспир повинен в гиперболизации отношений между Суффолком и королевой, основанной на фантазии. И Холл, и Холинshed, и даже Майкл Дрейтон в «Исторических эпистолах» изложили аналогичную версию.

Прощание обрывается прибытием гонца Вокса, доставившего вести о том, что при смерти кардинал Бофорт, и подготовившего нас к третьей и заключительной сцене третьего акта, действие которой происходит в спальне. Очевидно, что мы все еще в Бери, так как король, Солсбери и Уорик стоят у постели умирающего кардинала*, хотя, как нам в точности известно, Бофорт умер 10 апреля 1447 года — через два месяца после кончины герцога Хамфри Глостера — во дворце Вулвеси в Винчестере. Его бредовое состояние — тоже чистейшая выдумка: согласно свидетельствам очевидцев, все последние дни он составлял завещание. Вечером 9 апреля ему зачитали текст, и кардинал внес в него поправки и добавления. Наутро он достаточно громко и внятно подтвердил свое согласие, попрощался с окружающими и затих. Его похоронили в Винчестерском соборе, где и сегодня можно увидеть великолепную гробницу кардинала**.

---

* Мне нечем подтвердить заявление уважаемого редактора Арденовского издания Шекспира Эндрю Кернкросса о том, что кардинал будто бы «умер в том же доме и в той же постели, в которой скончалась его жертва Глостер». В доме — может быть. Но сомнительно, чтобы Бофорт предоставил собственную постель своему узнику.

** Мне представляется неуместным, что напротив стоит статуя Жанны д'Арк. Идея, видимо, заключалась в том, что Орлеанская дева будет вечным укором своему гонителю. В действительности роль Бофорта в ее преследовании и осуждении была незначительна.

Четвертый акт пьесы охватывает только две темы: убийство Суффолка и мятеж Джека Кэда. В пьесе нет прямого указания на то, что тюремщики Суффолка — обыкновенные пираты; по крайней мере они понятия не имеют о том, кем является их узник, пока он сам не ставит их в известность. В то же время совершенно ясно, что пират-«капитан» — человек образованный. Его монолог, открывающий сцену, исполнен в духе трагедии высочайшего класса:

Болтливый, пестрый и греховный день
Уж спрятался в морскую глубину,
И волки, громко воя, гонят кляч,
Что тащат ночь, исполненную скорби,
И сонными, поникшими крылами
На кладбищах могилы осеняют
И дымной пастью выдыхают в мир
Губительную, злую темноту.

И пламенная обвинительная речь «капитана» из тридцати трех строк, произнесенная им чуть позже, насыщенная метафорами, латинизмами и свидетельствующая об информированности оратора, тоже далеко не пиратская. Она резко контрастирует с вульгарностью выражений Джека Кэда и его приверженцев в последующих эпизодах. Не намекал ли Шекспир на какую-то иную ипостась «капитана»? Или это была его очередная литературная прихоть?

Во второй сцене, происходящей в Блэкхите, мы узнаем о мятеже Джека Кэда. Джордж Бевис и Джон Холланд, мало-значительные персонажи, похоже, были актерами в труппе Шекспира, и он, видимо, не посчитал нужным изменить их имена. О восстании мы уже писали в предыдущей главе, и нам нет никакого смысла повторяться; можно отметить лишь то, что Кэд скорее всего не был тем невежественным главарем шайки, презирающим людей образованных (умеющих читать и писать), каким представил его Шекспир. Лишь два раза драматург отклоняется от главной темы — в четвертой сцене

королева Маргарита рыдает над головой Суффолка, а в девятой сцене гонец сообщает о возвращении герцога Йорка из Ирландии. В целом же Шекспир следует основной линии, воссоздавая ход восстания Кэда с той или иной степенью исторической достоверности вплоть до его бегства, поимки и гибели. У Холла нет указаний на то, что жожака изловили в саду, принадлежавшем шерифу Айдену, но это ничего не меняет.

Йорк прибыл предъявить свои права,
Снять с Генриха бессильную корону,
Торжественно звонить в колокола
И жечь огни потешные поярче,
Приветствуя законного монарха!*

Эти слова Ричарда Йорка, открывающие пятый акт, четко обозначают цель его своевольного возвращения в Англию в августе 1450 года по Ирландскому морю. В действительности все обстояло несколько иначе. Для Шекспира, и это он не раз демонстрировал, герцог был своекорыстным злодеем, поглощенным удовлетворением личных амбиций и прихотей. В действительности же Йорк, как только высадился в Уэльсе, сразу же начал слать королю депеши с заверениями в преданности монарху. Врагом его был Сомерсет, возвратившийся из горемычного регентства во Франции и назначенный — невзирая почти на всеобщее недовольство — констеблем Англии. Заверения Бекингема в том, что король уже арестовал и заключил Сомерсета в Тауэр, сделаны в первой сцене преждевременно. Лишь после второго похода Йорка на Лондон — и не из Ирландии, а из его северных владений — через восемнадцать месяцев, ранней весной 1452 года, он пообещал принять меры против фаворитов, но и тогда не сдержал слово. Шекспир, таким образом, ужимает события двух лет в одну сцену: смерть Кэда в июле 1450 года, возвра-

---

* Так в русском переводе пьесы. — *Примеч. пер.*

щение Ричарда из Ирландии в конце августа и его разговор с королем в Блэкхите в начале марта 1452 года. С учетом интересов драматургии такая вольность вполне допустима; менее простительно авторское фантазирование во второй части сцены, после появления Сомерсета. При виде человека, который должен быть в тюрьме, Йорк приходит в ярость:

«Король», — сказал я? Нет, ты не король;
Не может тот народом управлять,
Кто и с одним изменником не сладит...
Посторонись! Клянусь я Небесами,
Повелевать не будешь больше тем,
Кто Небом создан, чтоб тобою править.

Через какое-то время отказывают королю в верности Солсбери и его сын Уорик, признавая своим законным сувереном Йорка. Сохраняют преданность Генриху герцог Бекингем и лорд Клиффорд. Размежевание завершилось. Война не за горами.

Все это, конечно, пародия на правду. Когда Йорк увидел в Блэкхите Сомерсета и понял, что король нарушил обещание, он тем не менее не потерял самообладание. Повести себя так, как того пожелал Шекспир, бросать вызов и оскорблять короля и королеву («Неаполя презренное исчадь») и грозить отобрать корону в присутствии сторонников Генриха было бы равносильно тому, чтобы самому положить голову на плаху. Йорк же благоразумно скрыл свое негодование, вернулся с королем в Лондон и присягнул ему в соборе Святого Павла. Затем, как известно, последовало странное заболевание Генриха и назначение Ричарда протектором: оба эти события упущены в пьесе. Только после выздоровления Генриха и возвращения во власть Сомерсета герцог Йорк крайне неохотно призвал своих людей к оружию, пытаясь до последнего момента сохранять верность королю.

Курьезы сами выползают наружу, когда Шекспир представляет нам детей Йорка, вернее, самого старшего и самого

младшего из четырех сыновей — будущих королей Эдуарда IV и Ричарда III. В марте 1452 года, во время эпохальной встречи в Блэкхите, юному Эдуарду не было еще и десяти лет, и он вряд ли был способен вступить за своего отца. Ричарда тогда вообще не существовало: он родился лишь 2 октября того же года. Эдуард говорит не много, но Ричард представлен уже сформировавшимся злобным юнцом. «Гнусный недоносок, урод, горбатый телом и душой» — так отзывается о нем Клиффорд: первое упоминание его физической неполноценности в обойме шекспировских пьес, которая в дальнейшем будет играть все более заметную роль.

Последние две сцены воссоздают битву в Сент-Олбансе. Здесь снова появляется Клиффорд. Известно, что он принимал самое активное участие в сражении. Его гибель от руки самого Йорка Шекспир основывает на хронике Холла, у которого сын Клиффорда говорит второму сыну Йорка, юному графу Ратленду: «Отец твой убил моего отца, и я не пощажу твою родню». В пьесе младший Клиффорд более многословен: при виде мертвого отца он произносит длинную и яростную речь и только потом уносит его тело. Драматургическая справедливость требовала, чтобы Йорк прикончил и своего врага Сомерсета, однако Шекспир поручает эту миссию юному принцу Ричарду, которому тогда, во время битвы, не было еще и трех лет:

Так, здесь лежи. Прочешь прохожий может
На этой вывеске трактирной: «Замок
Сент-Олбенс». Так-то герцог Сомерсет
Своей смертью колдуна прославил.

Когда духа, приглашенного к герцогине Глостер в первом акте, спросили о судьбе Сомерсета, он сказал: «Пусть избегает замков». Пророчество сбылось.

Побуждаемые младшим Клиффордом, король и королева бегут с поля битвы — еще одна фантазия Шекспира. В действительности они провели ночь в Сент-Олбансе и

вернулись в Лондон только на следующий день. Йорк, принц Ричард, Уорик, Солсбери и их сподвижники торжествуют победу. Особый акцент, как и в первой сцене пятого акта, в которой Солсбери снимает с себя клятву верности королю, делается на его преклонном возрасте. Ричард говорит о нем своему отцу:

Я трижды посадил его в седло
И трижды ограждал, когда он падал,
И уводил три раза с поля прочь,
Сражение оставить убеждая;
Но он все время рвался в жаркий бой.
Как пышные ковры в жилище бедном,
Торжествовала воля в слабом теле.

Во время битвы в Сент-Олбансе доблестному Солсбери было всего пятьдесят пять лет.

15

Война роз (1455—1475)

Король Эдуард:

Вновь мы сидим на королевском троне,
Что снова куплен вражескою кровью.
Каких врагов в расцвете их гордыни
Скосили мы, как урожай осенний!
Три Сомерсета, трижды знаменитых
Неоспоримой рыцарской отвагой;
Два славных Клиффорда — отец и сын;
И два Нортумберленда, — не бывало
Храбрей бойцов на грозном поле битвы;
Два злых медведя — Уорик с Монтегью,
Что царственного льва сковали цепью
И ревом заставляли лес дрожать.
Так все угрозы устранили мы,
И стала нам подножьем безопасность.

«Король Генрих VI». (Часть третья)

Первая сцена третьей части «Генриха VI» начинается с разбора битвы в Сент-Олбансе, которую проводят торжествующие йоркисты, и заканчивается согласием короля завещать корону герцогу Йорку и угрозами королевы Маргариты, означающими не что иное, как объявление войны. Фактически она охватывает исторический период в пять с половиной лет. За это время произошли короткие, но чрез-

вычайно кровавые стычки при Блор-Хите и Нортгемптоне, принесшие победу дому Йорков, разгорелась небольшая война на западе, ланкастерцы совершили нападение на Кале, а йоркисты — на Сандвич; в эти годы враждующие стороны предпринимали великодушные, но абсолютно безнадежные попытки примириться, а страна неуклонно скатывалась в пропасть хаоса и гражданской войны, и королева Маргарита постепенно оттесняла от власти бесхарактерного супруга. Один современник характеризовал Маргариту Анжуйскую как «женщину необычайно волевою и энергичною, готовую принести в жертву кого угодно и что угодно ради достижения своих целей». Потеря самого верного союзника герцога Суффолка, похоже, только укрепила ее решительную натуру: она уверенно забирала бразды правления в свои руки.

В те же годы заявила о себе еще одна выдающаяся личность — граф Уорик. Все эти пять с половиной лет он оставался неизменно преданным герцогу Йорку и даже затмил дядю своими незаурядными способностями. Граф взял на себя командование армией в Нортгемптоне, когда герцог в очередной раз пребывал в Ирландии. Похоже, он в равной мере успешно действовал и на суше, и на море. Смог бы какой-нибудь другой губернатор Кале, лишенный лондонским казначейством средств для выдачи жалования гарнизону, построить десяток судов, захватить шесть испанских кораблей в Ла-Манше и даже напасть на ганзейскую флотилию, совершавшую ежегодный переход от Атлантического побережья Франции в города лиги в Северной Германии и Прибалтике?

Только в октябре 1460 года Уорик позволил себе поступиться дружбой с Йорком. В сентябре Ричард ушел из Ирландии, высадился возле Честера и двинулся на юг в свой четвертый поход на Лондон, обрастая по пути сторонниками. Если прежде герцог всегда подчеркивал верность королю, то теперь не скрывал, что намерен завладеть короной. Дойдя до Абингдона, Йорк, как нам сообщают хронисты, «назвал трубачей и глашатаев, чтобы они сопровождали его в Лондон, вручил им там знамена с королевскими гербами и повелел

нести перед ним меч». Прибыв 10 октября с отрядом в 500 человек к Вестминстерскому дворцу, герцог сразу же направился через главный зал в палату, где король с лордами проводил парламент. Он размашисто подошел к трону и положил на него руку с видом человека, который собирается взять то, что ему давно и по праву принадлежит. Герцог сделал паузу, потом отнял руку с трона и, повернувшись лицом к публике, стал ждать аплодисментов, не выходя из-под балдахина.

Аплодисментов не последовало. Первым возмутился Уорик. Но Йорк закусил удила, потребовав от палаты лордов формального признания его прав на корону на основании прямого происхождения от Генриха III*. Лорды, воодушевленные Уориком, напомнили герцогу о том, что и они, и сам он присягнули на верность королю Генриху VI. Йорк ответил: Генриху корона досталась от деда, который ее узурпировал, и потому все три последних монарха были нелегитимными. Спор закончился компромиссом, вошедшим в историю как «Акт согласия», заключенный 24 октября 1460 года. Корона сохранялась за Генрихом пожизненно, но после его смерти переходила к Йорку и его наследникам. (Герцогу тогда было сорок девять лет, а королю — тридцать девять, однако никудашное здоровье Генриха предполагало, что Йорку ждать долго не придется.)

Король, как всегда, пошел на уступки. Но его супруга вовсе не собиралась соглашаться с тем, чтобы их юного сына лишили прав наследования трона. Она на паруснике отправилась в Шотландию набирать союзников при дворе восьмилетнего Якова III, три месяца назад перенявшего корону у отца, и призвала всех своих сторонников сойтись для встречи на севере. Ланкастерцы живо откликнулись на ее призыв. Джаспер Тюдор, граф Пембрук незамедлительно вышел со своими людьми из Уэльса; герцог Сомерсет и граф Девон с войском двинулись на север с юго-запада; спешно начали собирать отряды на севере граф Нортумберленд с лордами

---

* Генрих III Плантагенет (1207—1272), старший сын и наследник Иоанна Безземельного. — *Примеч. пер.*

Клиффордом и Русом. Наконец 9 декабря против них выступила армия йоркистов во главе с Йорком и Солсбери и их сыновьями Эдмундом, графом Ратлендом, и сэром Томасом Невиллом. Сомерсет напал на них близ Уэрксопа, они потеряли довольно много людей, но 21 декабря все-таки добрались до замка герцога Йорка Сандал, располагавшегося рядом с Уэйкфилдом. Здесь они провели и Рождество, а 30 декабря Ричард Йорк, поняв, что его войска не подготовлены для осады, повел их навстречу противнику.

Это было самоубийственное решение: йоркисты значительно уступали в численности ланкастерцам. Сам Ричард погиб. Его голову, украшенную, по свидетельству хрониста Невиллов, бумажной короной, накололи на копье и подняли над стенами Йорка. В числе многих жертв были и его семнадцатилетний сын граф Ратленд, убитый на мосту в Уэйкфилде Клиффордом, и сэр Томас Невилл, чей отец граф Солсбери был взят в плен и казнен на следующий день в Понтефракте. Получив известия о победе, королева Маргарита поспешила из Шотландии на юг, встретила со своими военачальниками в Йорке и вместе с ними в середине января направилась в Лондон: грубые солдаты-северяне, как нам сообщают хронисты, крушили и разоряли деревни и города, по которым они проходили.

Вести о битве при Уэйкфилде докатились и до Уэльса, где за командующего оставался старший сын Ричарда Эдуард, граф Марч. Эдуард, теперь уже герцог Йорк, без промедления двинулся с местной армией в Лондон, но, узнав о подходе Пембрука и графа Уилтшира, недавно высадившегося на юге Уэльса с войском, состоявшим из французов, ирландцев и бретонцев, решил их перехватить и в начале февраля 1461 года нанес им сокрушительное поражение у Мортимерс-Кросса в Херефордшире. Отца Пембрука, Оуэна Тюдора, отчима короля, поскольку он после смерти Генриха V женился на королеве Екатерине, казнили на рыночной площади в Херефорде. Самому Пембруку, как и Уилтширу, удалось бежать. Возможно, это обстоятельство и вынудило Эдуарда не покидать свои безопасные западные пределы.

Йоркистская армия в столице, таким образом, оказалась в руках графа Уорика, который должен был править страной и надзирать за королем Генрихом в Тауэре. В середине февраля, прихватив с собой короля, герцогов Норфолка и Суффолка, графа Арундела и брата Джона Невилла, маркиза Монтегю, Уорик двинулся во главе внушительной армии — в нее входил и грозный контингент воинов с аркебузами, присланных Филиппом Бургундским, — к Сент-Олбансу, месту блистательной победы, одержанной им и Йорком шесть лет назад. Однако повторить прошлый успех он не смог. Детали второй битвы малоизвестны, но ясно одно: вина за поражение лежит в основном на нем. Уорик не провел должным образом разведку. Армия королевы Маргариты появилась раньше, чем он ожидал, и пришла совсем другой дорогой. Не лучше обстояло дело и с командованием. Ланкастерцы, оттесненные с рыночной площади градом стрел йоркистов, зашли флангом к Барнет-Хиту в нескольких милях к северо-востоку от города и напали на авангард Уорика, все еще пребывавший в замешательстве, и после ожесточенной схватки обратили его в бегство. Вынуждены были отступить и рассеянные остатки армии, бежал и ее командующий. Покинутого, растерявшегося и перепуганного короля (в данном случае история повторилась) подобрали жена и сын и увели в уже знакомое нам аббатство.

После такого унижительного поражения йоркисты, казалось, уже не могли помешать королю, королеве и ее победоносной армии войти в столицу. Однако Маргарита остановилась в Барнете. Почему она это сделала? О том мы никогда не узнаем. Возможно, королева решила прежде провести переговоры с властями города. В любом случае это промедление оказалось роковым. Неожиданно граждане города, встревоженные слухами о зверствах северян, которые намеренно распространял Уорик, восстали против ланкастерцев. Королева Маргарита отступила в Данстабл. Эдуард Йорк, встретившийся с Уориком в Берфорде (Оксфордшир), медлить не стал: в сопровождении валлийцев 26 февраля он с триумфом

вошел в Лондон и заявил о своих правах на корону. Через шесть дней, 3 марта, совет, собравшийся в Бейнардском замке, признал его законным монархом, постановив, что Генрих и Маргарита действовали вопреки последнему парламентскому решению. На следующий день, уже сидя на троне в Вестминстер-Холле, под одобрительные возгласы присутствующих Эдуард объявил себя королем, а потом отправился в аббатство помолиться у мощей своего тезки Эдуарда Исповедника. 5 марта были выпущены первые королевские прокламации под его именем — Эдуард IV, король Англии.

Эдуард стал королем. Но либо он сам, либо епископы решили обойтись без коронации. Церемония, безусловно, укрепила бы его власть и избавила бы от неприятного ощущения неуверенности в своем новом положении. Однако война не закончилась, и это все прекрасно понимали. Королева Маргарита, разочарованная, но не побежденная, снова ушла на свой любимый север, где она могла рассчитывать на поддержку более половины знати страны. Не могло быть и речи о мире и спокойствии в нации, пока Маргарита командовала немалой вооруженной силой и безвольным болезненным Генрихом. Став королем, Эдуард пробыл в Лондоне всего десять дней и вновь отправился в дорогу: через Кембридж на север, без спешки, в ожидании подхода контингентов из Восточной Англии и Мидлендса. По мере продвижения к Йорку его силы нарастали; к тому времени, когда он достиг Понтефракта, в его армии насчитывалось до 50 000 человек.

Но Маргарита тоже не сидела сложа руки. Ее армия была не менее внушительной, и сражение, происходившее под Таутоном в субботу и Вербное воскресенье, 28 и 29 марта 1461 года, уже ничем не напоминало прежние, даже самые кровопролитные стычки. В первый день ожесточенная схватка завязалась, когда йоркисты попытались перейти реку Эйр у Феррибриджа, расположенного между Понтефрактом и Йорком. Ланкастерцы держались стойко, но все-таки были вынуждены отступить. Уорика ранили стрелой в ногу, много

людей с обеих сторон потонуло в ледяной воде. Дрожа от холода, насквозь промокшие, солдаты Эдуарда заночевали в открытом поле. Войско Маргариты страдало не меньше от ненастной холодной погоды, и наутро противники горели желанием поскорее сойтись в решающей битве.

Первым атаковал Эдуард. Наклон местности был не в его пользу: армия королевы занимала возвышенность на дороге между Феррибриджем и Тадкастером. С другой стороны, ему благоприятствовал ветер: он дул в спину, ослепляя снегом лучников Маргариты, замедляя полет их стрел и помогая стрелам йоркистов. У ланкастерцев не оставалось иного выхода, кроме как тоже пойти в наступление. Тысяч двадцать, не меньше, воинов двинулись вниз по склону во главе с Сомерсетом, лордом Риверсом и сэром Эндрю Троллопом, и казалось, что армия Эдуарда должна обратиться вспять или ее уничтожат. Но йоркисты выдержали натиск, и в продолжение шести часов ни на минуту не прекращалось, наверное, одно из самых беспощадных кровопролитий, когда-либо происходивших на английской земле. Эдуард, спешившись, постоянно находился в гуще битвы, сражаясь попеременно то мечом, то топором, то булавой и вдохновляя своих воинов. Рослый, 6 футов 3 дюйма плюс 6 дюймов шлема, он, конечно, не шел ни в какое сравнение с тщедушным и слабым здоровьем Генрихом, прятавшимся за спиной королевы.

Начинало темнеть, когда со свежими войсками прибыл герцог Норфолк, ударив во фланг ланкастерцам. Их боевые порядки развалились, и уже ничто не могло удержать людей королевы Маргариты от панического бегства. Сотни тяжеловооруженных рыцарей утонули при попытке перейти вброд речушку Кок; еще несколько сот воинов не смогли выбраться из Тадкастера, где они сами и разрушили единственный мост два дня назад, чтобы преградить путь йоркистам. Пленников было мало: захваченных в плен сразу же убивали. Пали на поле боя Нортумберленд, Клифффорд и Невилл, погиб и сэр Эндрю Троллоп, один из самых отважных и многоопытных ланкастерских лидеров. В стане йоркистов погиб только один

высокородный вельможа — лорд Фицуолтер, хотя потери тоже были велики. Говорили, будто снег превратился в темно-красное месиво, а по реке Уорф и ее притокам текла не вода, а кровь. Можно верить и не верить свидетельствам современников о том, что герольды тогда насчитали 28 000 тел на поле сражения. Однако и эта жуткая цифра не кажется слишком преувеличенной, если учесть, что яростная рукопашная схватка длилась десять часов. Мертвыми телами было усеяно шестимильное пространство шириной в полмили.

Войдя с триумфом в Йорк, Эдуард снял со стен головы отца и других вождей йоркистов, убитых в Уэйкфилде, заменив их головами графа Девона, захваченного в плен и затем казненного, и других видных ланкастерцев. Он оставался в городе еще три недели, укрепляясь во власти. Великие ланкастерские северные семьи — Перси, Клиффорды, Дакры — лишились своего бывшего могущества, их традиционные родовые связи нарушились. Казалось, что теперь Эдуард мог поднять под себя весь регион. Он посетил также Дарем и Ньюкасл, где присутствовал при казни своего злейшего врага — графа Уилтшира, а в мае вернулся в Лондон, и там его наконец короновали 28 июня в Вестминстерском аббатстве. В церемонии участвовали оба брата, Джордж и Ричард, возвратившиеся из Утрехта, куда герцогиня Йоркская отослала их после гибели мужа. Они сразу же получили титулы герцогов — Кларенса и Глостера.

Однако Маргарита не чувствовала себя побежденной. Она опять наведальась к шотландцам, заручившись их поддержкой в обмен на уступку Берика-на-Твиде, а в начале 1462 года отплыла во Францию. Здесь королева уговорила кузена Людовика XI — он после двух безуспешных попыток свергнуть отца Карла VII все-таки в июле наследовал ему естественным путем — одолжить денег и отправить ей в помощь экспедиционную армию, пообещав отдать Кале. (Из этой затеи ничего не вышло, так как Филипп Бургундский наотрез отказался пропустить французские войска через свою территорию.) В 1463 году Маргарита еще раз попробо-

вала создать на дальнем севере надежную ланкастерскую базу, и тоже безуспешно.

Правда, на следующий год герцог Сомерсет (его отец был главным оппонентом Ричарда Йорка, но Эдуард простил ему этот грех и даже сдружился с ним) поднял мятеж в Нортумберленде вместе с сэром Ральфом Перси и сэром Хамфри Невиллом. 25 апреля они атаковали армию йоркистов под Хеджли-Муром близ Алнуика, но брат Уорика, маркиз Монтегю, командовавший войском, разбил их наголову. Перси погиб, Сомерсет смог убежать и перегруппировать свои силы. Однако маркиз сокрушил и эту армию, в которой оказалась вся ланкастерская северная знать вместе с королем Генрихом, напав на них внезапно 15 мая возле Хексема. Сомерсет и еще несколько ланкастерских вождей были пленены и обезглавлены. Король успел скрыться и почти год скитался в глуши северных холмов, находя приют в монастырях или в домах своих приверженцев. За трапезой в Уоддингтон-Холле (Риблсдейл) Генриха кто-то все-таки узнал, его арестовали, увезли в Лондон и поместили в Тауэр, где ему было суждено провести следующие пять с половиной лет.

Снова брал верх король Эдуард, хотя он и не был причастен к победам йоркистов при Хеджли-Муре и Хексеме. Новоиспеченный монарх был озабочен другими делами. Ранним утром 1 мая 1464 года он нанес тайный визит в Графтон под Стоуни-Стратфордом: здесь проживала постаревшая герцогиня Бедфорд, вдова регента, правившего сорок лет назад Францией. После его смерти она вышла замуж за Ричарда Вудвилла, лорда Риверса, и родила ему дочь Елизавету, мужа которой, ярого ланкастерца сэра Джона Грея из Гроуби, убили во второй битве в Сент-Олбансе. Двадцатилетняя вдова была на пять лет старше Эдуарда, но поразительно красива. Он уже несколько месяцев влюбился за ней, однако, как все уже поняли, Елизавета соизволит удостоить его своей благосклонности только после бракосочетания, а до этого она ему не поддастся, даже если «Эдуард

будет угрожать ей кинжалом»*. Видимо, уступил король, поскольку из Графтона он фактически уезжал ее мужем.

О женитьбе не было объявлено. В числе его потенциальных невест значились гораздо более знатные особы**, и на этот предмет уже велся дипломатический зондаж. Среди них была, например, и принцесса Изабелла Кастильская, которая потом вышла замуж за Фердинанда Арагонского и посылала Христофора Колумба открывать Америку, и свояченица Людовика XI Бонна Савойская. За Бонну Савойскую особенно ратовал граф Уорик, стремившийся к союзу с Францией и Бургундией, и Эдуард прекрасно знал, что брак с Вудвиллами выведет графа из душевного равновесия. Король четыре месяца держал в секрете свое обручение с Елизаветой, тая его даже от ближайших друзей, и раскрыл тайну только в сентябре, когда она уже все равно стала явной.

Реакция Уорика оказалась даже более суровой, чем ожидал король. Женитьба на Елизавете не только расстраивала все политические замыслы графа, но и наносила ему немалый вред в личном плане. Как вскоре стало абсолютно ясно, Эдуард сочетался браком не просто с красивой женщиной, а с целым кланом. Помимо двух сыновей от первого мужа Елизавета имела еще пять братьев и семь незамужних сестер, и все они рассчитывали на получение щедрых даров. Тремя годами раньше с удовлетворением их желаний не было бы никаких проблем: в распоряжении Эдуарда находились конфискованные ланкастерские владения. За это время все они

---

* Так считал по крайней мере римский хронист Доминик Манчини, посетивший Лондон и в декабре 1483 г. составивший занимательное описание «государственного переворота», совершенного Ричардом III.

** В действительности Елизавета была очень знатного происхождения со стороны матери герцогини Бедфорд, дочери Пьера Люксембургского, графа Сен-Поля, считавшего себя прямым потомком Карла Великого. Сама герцогиня вышла замуж за человека из низшего сословия — ее вторым мужем был Ричард Вудвилл — самый красивый мужчина Англии по своему происхождению был всего лишь сельским помещиком, и герцогине пришлось заплатить штраф в размере 1000 фунтов за бракосочетание без королевского позволения.

были дарованы многочисленным друзьям йоркистам, помогавшим ему завладеть тронном. Единственное, что можно было сделать для Вудвиллов, — это устроить выгодные браки. Все последующие шесть лет они и сыпались как из рога изобилия: ни один наследник английского графства не мог уклониться от женитьбы на невесте из семейства Вудвилл. Сам Уорик, имевший только двух дочерей, вынужден был искать для них женихов тоже среди родственников королевы. Его родная тетя Екатерина Невилл, герцогиня Норфолк, вышла замуж за одного из братьев королевы — Джона Вудвилла: жениху исполнилось только двадцать лет, а невесте, по словам хрониста Невиллов, «чуть ли не в четыре раза больше». Уорик чувствовал себя кораблем, тонущим в море Вудвиллов и быстро утрачивающим позиции при дворе.

Уорик не любил оказываться в положении утопающего и начал подыскивать себе новых друзей. Он никогда не скрывал своих связей с французским двором, и к началу 1467 года по обе стороны пролива уже обсуждались слухи о его контактах с королевой Маргаритой, которую приютил Людовик XI. В действительности его настоящий союзник находился гораздо ближе к дому: Джордж, брат короля, теперь герцог Кларенс, тоже имевший виды на корону. Уорик давно уже настроился на то, чтобы старшую дочь Изабеллу выдать за Кларенса. Герцог тоже не возражал: как-никак леди была одной из самых завидных наследниц в Англии. Оба они страшно разгневались, когда Эдуард запретил брак на том основании, что мать Кларенса, Сесилия Йорк, приходилась Изабелле и двоюродной бабушкой, и крестной матерью.

Уорик не согласился с решением короля. Тайно получив от папы Павла II особое позволение, в июле 1469 года он вызвал в Кале, где уже находилась Изабелла, Кларенса. Здесь их и обвенчал в церкви Богородицы его брат Джордж Невилл, архиепископ Йоркский. После этого трое сановников выпустили манифест, провозглашая, что намерены представить королю «петицию со здравыми и полезными статьями», и призывая всех «истинных верноподданных» участвовать в

вооруженной демонстрации, проводящейся в Кентербери в субботу, 16 июля, с требованиями реформ. «Статьи», отражавшие якобы интересы «различных партий», состояли из обычных жалоб на «непосильные обложения» и «чрезмерные поборы», в чем Уорик прежде и неоднократно обвинял и Ланкастеров. На этот раз под стандартными сетованиями на тяжелую жизнь скрывалось недовольство Уорика тем, что король отстранил от себя «великих единокровных лордов» и подпал под влияние Вудвиллов и других «совратителей».

В Кенте его встречали доброжелательно, и на всем пути Уорик не переставал заявлять о верности королю — подобно тому как это делал пятнадцать лет назад Ричард Йорк. Последующие события показали, что его намерения далеко не мирные. Уже в Йоркшире вспыхнул мятеж во главе с неким Робинотом из Редесдейла — им, вероятнее всего, был землевладелец из Марска в Суэйдейле (и близкий друг Уорика) сэра Уильям Коньерз. Эдуард сразу же двинулся на север, чтобы разобраться с бунтовщиком, приказав одновременно графам Пембруку* и Девону собрать войска в Уэльсе и встретиться с ним в Нортгемптоне. Войска они набрали, но 26 июля их перехватили и разгромили люди Робина под Эджкотом в шести милях к северо-востоку от Банбери. В тот вечер полегло несколько сот валлийцев. Пембрука и его брата сэра Ричарда Герберта привезли в Нортгемптон и обезглавили по приказу Уорика.

Король Эдуард узнал об этом в городке Олни, куда он прибыл на пути из Ноттингема в Нортгемптон. Что там произошло, нам в точности не известно. Похоже, его люди разбежались, а сам он, расстроенный поворотом событий не в его пользу, потерял бдительность. В любом случае король каким-то образом умудрился оказаться в руках архиепископа Йоркского, вернувшегося недавно с братом из Кале. Тот и отправил его со всеми почестями сначала в замок Уорик, а потом в крепость Невиллов Миддлхэм в Йоркшире.

---

* Сэр Уильям Герберт получил графство Пембрук в 1468 г. после лишения имущественных и гражданских прав Джаспера Тюдора за государственную измену.

Неясно только, чего хотел этим добиться Уорик. Говорили, будто он намеревался объявить Эдуарда бастардом, чтобы корона перешла к зятю Кларенсу. С другой стороны, он не предпринимал для этого никаких действий, а если бы и попытался, то наверняка потерпел бы неудачу. Более вероятной представляется такая версия: он просто-напросто хотел приручить короля, превратить в послушного исполнителя своей воли. Если это действительно так, то он крупно просчитался. Командовать собой Эдуард никому не позволял.

Очень скоро стало ясно, что арест короля был большой ошибкой. Когда Уорик попытался набрать войска на севере, чтобы подавить очередное восстание ланкастерцев, возглавленное его дальним родственником сэром Хамфри Невиллом из Брансепета, то сделать ему это не удалось. Пока Эдуард пребывал в заточении, страна была неуправляемой. Испытывая явную неловкость, Уорик предложил королю вернуться в Лондон, воссоединиться с женой и показаться народу. Лондонцам, в свою очередь, было велено тепло приветствовать монарха. Эдуард, чье заточение проходило со всеми удобствами — он даже регулярно выезжал на охоту, — с радостью обо всем позабыл и простил Уорику и Кларенсу их проступки.

Но вскоре ему пришлось сожалеть об этом. Его шталмейстер сэр Томас Берг из Гейнсборо в Линкольншире уже давно не ладил с соседом лордом Уэллсом и Виллоби, и в начале 1470 года Уэллс со своим сыном напал на поместье Берга, разрушив дом и унеся все содержимое. Междоусобные стычки не были редкостью в XIV и XV столетиях, и споры рано или поздно разрешались сами собой. Берг, однако, был членом королевского двора, и Эдуард посчитал своей обязанностью прийти ему на помощь. Кларенс и Уорик только и ждали этого момента. Втайне заняв сторону партии Уэллса, они представили дело так, как будто король намеревается отомстить Линкольнширу за восстание Робина из Редесдейла. В воскресенье, 4 марта, сын Уэллса сэр Роберт выпустил собственную прокламацию, утверждая, что Эдуард собира-

ется расправиться со «всеми общинами» Линкольншира. Ничего не подозревавший король успел дойти только до Ройстона, где ему доставили письмо от Кларенса, предупреждавшего его о том, что они с Уориком скачут ему навстречу. Эдуард в ответном послании простодушно поблагодарил их и поручил им набрать войска в Уорикшире и Вустершире.

В понедельник, 12 марта, король добрался до Стамфорда и там получил очередное письмо от Уорика и Кларенса: они обещали прибыть вечером. Одновременно он узнал о том, что всего в 5 милях, у деревушки Эмпингем, к нему в быстром темпе идет враждебная армия под началом сэра Роберта Уэллса. Эдуард сразу же принял решение перехватить ее. Силы Эдуарда были малочисленнее, но он превосходил противника в кавалерии и артиллерии, и сражение было коротким. Уэллс и его люди постыдно бежали, сбрасывая с себя доспехи и одеяния в таких количествах, что место битвы получило название «Лузкоут-Филд» («Поле брошенных кафтанов»). Однако более важными оказались другие последствия сражения. Среди убитых был найден человек в ливрее герцога Кларенса и со шкатулкой, в которой содержались его письма Уэллсу: они ясно указывали на то, что восстание пользовалось поддержкой и Кларенса, и Уорика, и это потом подтвердил сам Уэллс, изловленный через пару дней.

19 марта в Донкастере на глазах у всей армии были обезглавлены Уэллс и его пехотный капитан Ричард Уоррен. А что делать с Кларенсом и Уориком? Как бы ни велико было их предательство, Эдуард не хотел братоубийства, а Уорик он был обязан короной. Король несколько раз призывал их к себе, они отвечали, что уже в пути, и не появлялись. Наконец Эдуард написал им, что, несмотря на предательство, не забыл «узы крови, любви и взаимной привязанности» и готов «принять их благосклонно и проявить милосердие». Однако туманных заверений было явно недостаточно. Они потребовали полного прощения и свободы для себя и для своих приверженцев, с чем король уже не мог согласиться. Наконец 24 марта в Йорке он выпустил последнюю прокламацию.

Король давал им четыре дня для явки, обещая свою благосклонность; в противном случае за их головы будет объявлена цена и они уже не смогут рассчитывать на какое-либо милосердие с его стороны.

Но мятежные лорды не собирались сдаваться и, не найдя больше сторонников в Англии, решили скрыться во Франции. Когда Эдуард 14 апреля прибыл за ними в Эксетер, то обнаружил, что они уже несколькими днями раньше отплыли на другую сторону пролива, взяв с собой жену и дочь Уорика и беременную герцогиню Кларенс. Едва беженцы успели добраться до Кале, как у герцогини начались роды. Но и тогда их не пустили в город. Герцогиня уцелела, а младенец прожил всего несколько часов, и его похоронили на берегу. В это время в проливе показалась фламандская флотилия, шедшая с северо-востока, и Уорик, несмотря на то что его жизнь была в опасности, не смог отказать себе в удовольствии предаться разбою — напал на суда и ограбил их. Потом они с Кларенсом отправились под парусами в Онфлёр и оттуда формально попросили защиты у короля Людовика.

Французский владыка согласился с превеликой радостью. Король Эдуард отторгнул от себя почти всех своих самых важных сподвижников, и теперь наконец появилась возможность восстановить на троне Генриха и скрепить англо-французский альянс против злейшего врага Карла, герцога Бургундии*. Единственное препятствие создавала королева Маргарита. Сможет ли она перебороть свою ненависть к Уорику и стать его союзником? Людовик все предусмотрел и подготовил: 22 июля 1470 года граф Уорик предстал перед Маргаритой и упал ей в ноги. Она выдержала солидную паузу, как сообщают нам хроники, заставляя Уорика подольше полежать ничком, и лишь потом великодушно простила его, потребовав, правда, повторить покаяние в Вестминстере

---

* Карл Смелый, герцог Бургундский, наследовал отцу Филиппу Доброму в 1467 г.; на следующий год он женился в третий раз, и его третьей женой стала сестра Эдуарда IV Маргарита.

после возвращения во власть супруга. Уорик тем временем получил разрешение подняться на ноги и возможность закрепить вскоре примирение конкретными делами. Сына Маргариты принца Уэльского обручили с младшей дочерью Уорика Анной Невилл в церкви Святой Марии в Анжере, и там же все присутствующие на церемонии венчания поклялись у реликвии Креста Животворящего Господня в верности Генриху VI.

Теперь Людовик мог приступить и к реализации второй части своей программы — вторжению в Англию. В продолжение некоторого времени он уже занимался строительством военного флота, угрозу которого Эдуард со своей стороны пытался всячески минимизировать, блокируя, например, порты Барфлёр и Ла-Хог. В летнее время у него это получалось. Но 8 сентября мощный шторм раскидал английские корабли, отбросив их, как нам сообщают хронисты, даже к голландским и шотландским берегам. Уорик воспользовался благоприятным моментом и уже на следующий день вышел в море, высадившись в Дартмуте и Плимуте. Он сразу же выпустил прокламации от имени Генриха VI, призывая истинных англичан объединиться вокруг своего настоящего короля. Затем вместе с Кларенсом и графом Оксфордом Уорик отправился на северо-восток, к Ковентри, набирая по пути войска.

Эдуард, усмирявший север, незамедлительно пошел на юг ему навстречу. Похоже, нашествие его сверх меры не встревожило. Маркиз Монтегю, хотя и приходился Уорику братом, был по-прежнему верен королю, деятельно вербовал рекрутов в северных провинциях, и Эдуард не сомневался в том, что у него будет значительно больше сил. Однако в Донкастере его поджидали неприятности, поколебавшие его самонадеянность. Шесть лет назад Эдуард вознаграждал Монтегю за преданность титулом графа Нортумберленда, а недавно, проявив недомыслие, уговорил его уступить графство наследнику из семейства Перси, предложив взамен ранг маркиза. Монтегю, видимо, обиделся, поскольку сказал тог-

да: «Король дал мне сорочье гнездо, чтобы сохранить свои хоромы». В результате маркиз перешел на сторону Генриха и в последний момент — уже в Понтефракте — надумал двинуть свои войска против армии йоркистов.

Узнай об этом Эдуард двумя-тремя днями раньше, он, возможно, успел бы поправить ситуацию. Его поддерживали многие могущественные магнаты, в том числе собственный брат Ричард и шурин лорд Риверс, и у каждого из них были свои дружины. Но силы йоркистов были рассеяны и собрать их воедино для битвы с Монтегю уже было нереально. Остаться на месте означало верную гибель или пленение. Надо было срочно уходить. Король, взяв с собой Глостера, Риверса, гофмейстера лорда Гастингса и около 800 воинов, спешно направился на юго-восток, к побережью Линкольншира, воспользовавшись темнотой, на небольших судах перебрался через залив Уош в Кингс-Линн, а оттуда 2 октября вся его экспедиция отплыла в Нижние страны. Их сразу же обнаружили и преследовали до голландского берега, и только там они смогли отбиться от погони с помощью людей бургундского губернатора Голландии. Через девять дней Эдуард поселился в доме губернатора в Гааге в качестве его гостя.

В Лондоне вести о бегстве короля вызвали не столько панику, сколько хаос. Ланкастерцы выползли из своих укрытий на улицы, воссоединившись в бурном ликовании с приверженцами Уорика, на мирных граждан наводили страх разного рода уголовники и головорезы, выпущенные из тюрем. Елизавета Вудвилл с двумя дочерьми спряталась в святилище Вестминстера, где через месяц она родила Эдуарду первенца-сына.

5 октября архиепископ Невилл, брат Уорика и престарелый епископ Уэйнфлет пришли в Тауэр к королю Генриху, находившемуся в заточении уже более пяти лет, и огорчились, увидев, что «он и одет, и выглядит не столь почтенно и чисто, как подобает государю». Они распорядились облачить его в другие одеяния и привели Генриха как «безмолвного теленка» в Вестминстер. Уорик и Кларенс появились в столице на

следующий день, а за ними и граф Шрусбери с лордом Стэнли. Все они отметили, что король сильно сдал: за годы заточения его физические и умственные способности еще больше деградировали. Совершенно ясно было, что он годится только на роль номинального главы государства, и к тому же не очень привлекательного. 21 октября его показали народу с короной на голове. Утешало одно: по крайней мере подданные могли успокоиться, видя, что король снова на троне. И Уорик, назначенный наместником королевства, приступил к управлению страной.

Но правил он недолго. Положение его было шатким, и Уорик знал это. Королева Маргарита по-прежнему относилась к нему недоброжелательно. Она отказалась плыть вместе с ним в Англию, однако ей рано или поздно предстояло вернуться домой с сыном принцем Уэльским, которому теперь уже было семнадцать лет. Вспыхнет ли снова застарелая вражда и каковы будут последствия? Самый главный союзник Уорика в Англии — Кларенс — был человеком вероломным и своекорыстным, и ему нельзя было доверять ни на йоту. Конечно, Уорик мог положиться и на других людей, более надежных, хотя и менее влиятельных. Однако они рано или поздно потребуют даров, а их у него в наличии уже не имелось: он лишился всех более или менее значительных конфискованных владений, которыми можно было поделиться с друзьями. Кроме того, в Голландии на свободе разгуливал Эдуард IV, ему всего двадцать восемь лет, и его никак нельзя было сбрасывать со счетов, тем более что за ним стоял могущественный зять Карл Смелый, герцог Бургундский.

Правда, поначалу Карл разочаровал Эдуарда. Герцог предоставил ему флотилию и с готовностью приютил его, но главное место в его внешних заботах занимала борьба с королем Франции, и в этом противостоянии ему был нужен сильный союзник, а не беженец. Карл вступил в переговоры с Уориком и только после их срыва — Уорик все-таки был накрепко привязан к Людовику XI — соизволил принять своего шурина. Тогда же Людовик начал проявлять агрес-

сивность, и Карл со всей охотой выделил Эдуарду необходимые средства для снаряжения флота, к которому беженец добавил две дюжины кораблей, полученных от Ганзейского союза. В понедельник, 11 марта 1471 года, Эдуард IV наконец отправился на родину во главе флотилии из 36 кораблей и армии численностью 2000 человек. Через три дня его корабль «Антоний» пришвартовался в Рейвенскаре на Хамбере, там же, где 72 года назад сходил на берег Генрих Болингброк. Это было неплохое предзнаменование.

Сам того не подозревая, Эдуард следовал за Болингбром по пятам. Не видя особого энтузиазма, он представил дело так, как будто прибыл не за короной, а за герцогством. Только тогда ему позволили войти в Йорк, который по иронии судьбы был в руках ланкастерцев, и оттуда он направился в свой замок Сандал, где одиннадцать лет назад был убит его отец. Но даже и в родных землях у него оказалось не так уж много сторонников. Лишь когда он появился в Мидлендсе, в Лестере и Ноттингеме, под его знамена люди пошли толпами.

Граф Уорик тоже спешно набирал войска. В конце марта он обосновался в Ковентри, игнорируя попытки Эдуарда выманить его для битвы и ожидая подкрепления, с которыми должны были подойти Оксфорд, Эксетер, брат Монтегю и герцог Кларенс. Менее чем через неделю прибыли Оксфорд, Эксетер и Монтегю; Эксетеру на пути пришлось выдержать стычку с йоркистами. И тут случилось то, чего и опасался Уорик. Кларенс переметнулся на сторону брата и ушел к нему со своим войском в 4000 человек. Эдуард уже больше не скрывал своих подлинных намерений, и его устраивало только решающее сражение. Но Уорик знал, что у него сил намного меньше, и упорно ждал, когда придет из Франции Маргарита с сыном принцем Уэльским и подкреплениями, предоставленными королем Людовиком. Зачем ему надо ввязываться в заведомо проигрышную битву?

5 апреля Эдуард двинулся на Лондон. Никакой разумный полководец не пойдет вперед, зная, что у него в тылу остаются грозные вражеские силы, но у него не было иного выхода. Он решил отвоевать столицу вместе с Генрихом VI. Поняв его замысел, Уорик засыпал герцога Сомерсета и других ланкастерских вождей в городе настоятельными требованиями продержаться до его прихода. Тем временем поступили известия об отплытии из Гарфлэра Маргариты с сыном и армией. Со дня на день они должны были высадиться на южном побережье, и Сомерсет отправился их встречать. За хозяина в столице остался брат Уорика Джордж Невилл, архиепископ Йоркский. 9 апреля он устроил нечто вроде парада с участием короля Генриха, но Генрих в поношенной голубой мантии, едва сидевший на коне и хватавшийся за руку архиепископа, производил такое жалкое впечатление, что от этого спектакля было больше вреда, чем пользы. На следующий день у Невилла сдали нервы, и 11 апреля Эдуард вошел в город, не встретив ни малейшего сопротивления. Наспех совершив повторную коронацию в Вестминстерском аббатстве — Генрих вернулся к себе в Тауэр, — король помчался в святилище к жене, дочерям и сыну, которого еще не видел.

События развивались быстро. Уорик шел к Лондону и уже приближался к Сент-Олбансу. В ретроспективе кажется странным, что он не стал ждать подхода армии Маргариты. Однако его положение было крайне неопределенным. Когда она придет? Где высадится? Какова численность ее армии? И самый главный вопрос: насколько она доверяет ему как союзнику? В любом случае его позиции только усилятся, если он предстанет перед ней как победитель, выигравший решающее сражение. К тому же с каждым часом нарастают силы и Эдуарда. Чем раньше они сойдутся в битве, тем лучше.

Король думал точно так же. Всю Страстную пятницу 12 апреля он готовился к сражению, а после обеда в субботу отправился по Большой северной дороге к Сент-Олбансу с Глостером, Кларенсом, Гастингсом, Риверсом и армией, насчитывавшей не менее 10 000 человек. Он взял с собой и

Генриха, как всегда пребывавшего в смятенном состоянии духа, — на всякий случай. Эдуард встретил армию Уорика — с Монтегю, Оксфордом и Эксетером — раньше, чем ожидал, более многочисленную, чем предполагал, и занявшую возвышенность в миле к северу от маленького городка Барнет. В ту же ночь, пользуясь темнотой и туманом, он расставил боевые порядки непосредственно перед вражескими линиями, предполагая лобовое противоборство.

Как только забрезжил рассвет (это было Светлое Христово воскресенье), Эдуард дал команду начать атаку под оглушающий рев труб. Туман стал еще гуще, и король с трудом рассмотрел, что допустил ошибку в организации позиций своих войск. Его правый фланг сместился далеко в сторону, обнажив для нападения левое крыло. Более того, воины, стоявшие на одном конце линии, не могли видеть, что происходило на другом конце, хотя это обстоятельство в дальнейшем оказалось полезным, когда левое крыло не выдержало натиска ланкастерцев графа Оксфорда и побежало: йоркисты, сражавшиеся на правом фланге, не видели их бегства и продолжали биться. И снова в самой гуще побоища высилась мощная, закованная в броню фигура короля, командовавшего центром. Рукопашная сеча длилась три часа, пока люди Уорика не начали отходить. Утро еще не перешло в день, когда сражение стихло, а на поле боя остались лежать не меньше тысячи убитых, среди них был и Монтегю. Уорик успел вскочить на коня и исчезнуть, но его изловили возле Роутем-Парка и изрубили мечами. Тела Уорика и его брата потом увезли в Лондон и по приказу короля выставили «непокрытыми и нагими» для всеобщего обозрения в соборе Святого Павла. Сделано это было не в назидание, а для того, чтобы не распространялись слухи о том, будто они все еще живы. Король Генрих, которого облачили в доспехи и чересчур оптимистично поместили в центр побоища, не только уцелел, но и не получил ни одной царапины, и его пришлось отвезти обратно в Тауэр.

В тот же вечер после трехнедельных проволочек и ссылок на непогоду в Ла-Манше наконец в Уэймуте высадились

королева Маргарита, теперь ей был сорок один год, и ее сын принц Эдуард. На следующий день она прибыла в аббатство Серн, и здесь Сомерсет и граф Девоншир сообщили ей о печальной участи Уорика. Тем не менее королеву на западе везде встречали тепло и радушно, а в Дорсете, Девоне и Корнуолле вспыхнули мятежи. Она стояла перед выбором: либо идти сразу на Лондон по прибрежной дороге или через Солсбери, либо направиться на север, в Ланкашир и Чешир. Там Маргарита могла рассчитывать на серьезную поддержку и встретить Джаспера Тюдора, который набирал для нее войска. Но в обоих случаях, и она это знала, Эдуард не оставит ее в покое.

И действительно: его агенты следили за каждым ее движением с первого дня. Когда королева избрала второй вариант своих действий, король узнал об этом почти сразу же. Для него не составило никакого труда разгадать и ее несколько обманных ходов. В тот же день — 29 апреля — когда она прибыла в Бат, его армия появилась в Сиренстере. Маргарита отошла в Бристоль и оттуда двинулась по долине Северна; Эдуард следовал за ней параллельным курсом через холмы Котсулдс. 3 мая, проведя всю ночь в походе, она подошла к Глостеру и обнаружила, что и ворота, и мост за ними для нее закрыты. Ее измотанные войска, при полном снаряжении, в жару, почти без воды, в условиях труднопроходимой местности преодолевшие за 36 часов 50 миль, едва стояли на ногах. А им теперь надо было идти еще 10 миль до Тьюксбери, где они могли перебраться через реку по мелководью.

Но им так и не пришлось воспользоваться бродом. Когда войска наконец доплелись к вечеру до места, люди и их лошади так устали, что валились с ног. Они желали только одного: отдохнуть хотя бы несколько часов. А утром в субботу, 4 мая, на них навалился Эдуард.

Это было, наверное, одно из самых свирепых и беспощадных сражений. Йоркисты обладали несомненным преимуществом в подавлении противника артиллерией и аркебуза-

ми, не говоря уже о ливне стрел, который обрушился на ланкастерцев. У Сомерсета, командовавшего армией королевы, не было иного выхода, кроме как пойти в наступление и напасть на левый фланг Эдуарда. Благодаря тому, что местность была лесистая, покрытая живыми изгородями с узкими тропами, он застал йоркистов врасплох, но Ричард Глостер, командовавший авангардом, быстро пришел на помощь брату. Когда они уже начали теснить противника, подоспела мобильная колонна из 200 тяжеловооруженных всадников, которых король Эдуард держал в резерве на случай засады в лесу. Налетев по склону, они моментально расправились с отходившими ланкастерцами. Юный Эдуард, которому поручили контролировать «сердцевину» армии, не участвовал во фланговой атаке, но и его люди, видя, как гибнут их товарищи, тоже начали пятиться назад, не обращая внимания на отчаянные призывы принца стоять и сражаться.

Бойня под Тьюксбери наградила местность, где она происходила, звучным названием «Кровавый луг», сохраняющимся и по сей день, но и она не идет ни в какое сравнение с кровавым безумием, последовавшим за ней. Йоркисты не брали пленных. Ланкастерцев, не успевших бежать с поля битвы, она закалывали на месте. Многие укрылись в аббатстве, которое можно увидеть и сегодня. Люди Эдуарда вышибли двери и перебили всех до одного. Крови было столько, что здание пришлось закрыть на месяц и заново освящать*. Сомерсета и тех его сподвижников, которые, как и он, предавали Эдуарда, обезглавили. Ланкастерских вожаков, ни разу не изменивших своему долгу, пощадили и отпустили.

Обстоятельства гибели Эдуарда, принца Уэльского, не совсем ясны. Основная версия: он был убит во время сраже-

---

* В аббатстве Тьюксбери сохранились уникальные свидетельства битвы: на двери ризницы, самой западной из восточных часовен на южной стороне собора, прикреплены металлические пластины от доспехов солдат, сражавшихся и погибших на «Кровавом лугу». За главным алтарем на полу есть железная решетка: ею отмечено место, где находился склеп герцога Кларенса, в котором он был похоронен после убийства, совершенного через семь лет после битвы.

ния. Однако Холл утверждает, что его захватил бывший учитель короля Ричард Крофт, польстившийся на королевское обещание наградить поимщика ежегодной рентой в сто фунтов и сохранить жизнь принцу. Крофт привел пленника к Эдуарду, и тот спросил принца: «Как он посмел вторгнуться в его владения с развернутыми знаменами?» И юноша ответил: «Чтобы вернуть королевство отцу». Король ударил его латной рукавицей, а Кларенс, Глостер, Дорсет и Гастингс, стоявшие рядом, изрубили его мечами. Принцу было тогда семнадцать лет.

Мать принца королева Маргарита не принимала участия в сражении. Она со своими дамами уединилась в «скромном, угодном Богу месте» на Вустерской дороге, где ее через три дня после битвы взяли под стражу и привезли к королю в Ковентри. Потом Маргариту доставили в Лондон, и там во вторник, 21 мая, ее заставили участвовать в парадном вступлении Эдуарда в столицу: она шла по улицам перед язвительно улыбающейся Елизаветой. Следующие четыре года Маргарита находилась, выражаясь современным языком, под домашним арестом: она вела вполне достойный образ жизни, но ее перевозили с места на место. В 1475 году Людовик XI выкупил ее за 50 000 золотых крон и отказ от каких-либо претензий на английский трон.

А как же сложилась судьба Генриха? Ночью в тот же день, 21 мая, он умер в Тауэре. Обстоятельства его смерти тоже неясны. Согласно официальной прокламации, он скончался от «неудовлетворенности и меланхолии». Однако и в самой Англии, и за ее рубежами мало кто сомневался в том, что он был убит и почти наверняка Ричардом Глостером. Косвенное свидетельство насильственного характера смерти нам оставил Джон Уоркуорт, мастер колледжа Питерхаус Кембриджа, написавший через двенадцать лет после кончины Генриха:

«Его умертвили на 21-й день мая, во вторник вечером между XI и XII часами; тогда в Тауэре был герцог Глостер, брат короля и много других персон; наутро он был положен

в гроб и привезен в собор Святого Павла; его лицо было открыто, чтобы все могли его видеть. Когда он лежал, на пол стекала кровь; потом его взяли монахи-доминиканцы, и там из него снова потекла кровь. Оттуда его на лодке увезли в аббатство Чертси и похоронили в часовне Пресвятой Богородицы».

Согласно преданию, Генриха убили в Восьмиугольной палате первого этажа башни Уэйкфилд. Похоже, он действительно умер насильственной смертью. Когда в 1910 году вскрывали его гроб, то обнаружили, что череп несчастного монарха размозжен.

Генриха VI называли и мучеником и святым, а Генрих VII не раз предлагал папе Юлию II его канонизировать. Тем не менее святым он так и не стал. Кто-то скажет: не заслужил. Действительно, Генрих был исключительно набожным человеком, преданным жене, чутким и заботливым семьянином, но таких людей много. Святые обычно обладают и другими качествами: у них и характер потверже, и воля посильнее. Кроме того, правителям, как правило, несвойственно быть чересчур простодушными, смиренными и доверчивыми. Из Генриха мог получиться добросовестный и интересующийся познаниями чиновник: он был создан для спокойной, безмятежной жизни. Король же из него вышел никудышный — мягкотелый, робкий, нерешительный, неспособный вывести страну из кризиса и хаоса, в который она неуклонно скатывалась. Генрих унаследовал трон в возрасте девяти месяцев и пребывал у власти почти пятьдесят лет — самый, пожалуй, горестный период в истории Англии. Его смерть была ужасна. К сожалению, ее трудно назвать несвоевременной.

16

«Король Генрих VI». (Часть третья) (1455—1475)

К о р о л ь:

И не отраднее ли тень куста
Для пастухов, следящих за стадами,
Чем вышитый роскошно балдахин
Для королей, страшящихся измены?
«Король Генрих VI». (Часть третья)

Нигде еще Шекспир не продемонстрировал свой дар превращать хронику в драму так ярко и зримо, как в третьей части «Генриха VI». В двух предыдущих пьесах тоже воспроизводятся батальные сцены: в первой части сражение во Франции отобразено особенно красочно и живо, — но только в последней пьесе трилогии драматург смог показать за два часа представления практически весь ход Войны роз: от последствий первой битвы в Сент-Олбансе в 1455 году до поражения королевы Маргариты под Тьюксбери, случившегося через шестнадцать лет. Со всей неотвратимостью, обязательной в греческой трагедии, дом Ланкастеров карается за злодейство, совершенное в конце прошлого века: отомщены свержение и убийство Ричарда II и узурпация короны Генрихом IV. Страшные уроки произвола прочувствовали на себе не только сам Генрих и его потомки, но и вся нация.

Англия потеряла Францию, вынуждена терпеть ненавистную королеву-француженку и неуклонно скатываться в бездну анархии. Сражением при Тьюксбери и убийством Генриха VI возмездие, похоже, завершается. Пройдет еще четырнадцать лет, прежде чем закатится звезда сына Йорка, но на сцене уже появляется последний отпрыск Ланкастеров — праправнук Джона Гонта Генрих Ричмонд. В «действующих лицах» он представлен Шекспиром как «юноша», но шекспировская аудитория прекрасно знала, что именно он положил начало династии Тюдоров и более чем вековой эпохе мира и процветания.

Как бы то ни было, пьеса начинается с обычного вольного обращения с историей. «Дивлюсь, как мог от нас король спастись», — говорит Уорик после первой битвы в Сент-Олбансе. Ответ известен: король никуда и не убежал. Как мы уже знаем, король и королева заночевали в городе, а на следующий день Уорик, Солсбери и Глостер почтительно сопроводили их в Лондон. Через десяток строк Шекспир вносит изменения в собственную трактовку событий: Йорк сообщает о том, что его заклятый враг Клиффорд «погиб от мечей простых солдат», в то время как в конце второй части Клиффорда убивает сам Йорк*. И наконец, Шекспир уже привычно прибавляет лет принцу Ричарду: «отличился больше всех» в битве — рановато для двухлетнего ребенка. Делает он это, конечно, преднамеренно, стремясь приспособить историю к нуждам двухчасового театрального представления.

Прессование истории настолько радикальное, что действие пьесы начинается в мае 1455 года, а через три десятка строк той же сцены мы уже оказываемся в октябре 1460 года: Йорк, вернувшись из Ирландии, предъявляет свои права на корону и даже садится на трон в Вестминстер-Холле. Разумеется, Шекспир придумал появление короля в этом

---

* См. гл. 14. Правда, Шекспир вскоре возвращается к первоначальной версии: младший Клиффорд называет Йорка «тем, кем мой отец убит».

эпизоде и его спор с Йорком. (В любом случае Генрих не мог заявлять о том, что его короновали в девять месяцев*. Хотя он действительно взошел на трон в этом возрасте, его первая официальная коронация — в Лондоне — состоялась незадолго перед его восьмым днем рождения.) Тем не менее присутствие короля и скорое прибытие королевы Маргариты с семилетним принцем Уэльским помогло автору воссоздать весь драматизм и заключения «Акта о согласии»**, и гневной реакции королевы на лишение сына наследственных прав***.

Минуло два месяца. Действие второй сцены происходит в замке Йорка Сандал в Йоркшире. Герцог с сыновьями Эдуардом и Ричардом**** готовятся выступить против Нортумберленда и ланкастерских лордов севера. С ними мы видим также Джона Невилла, маркиза Монтегю, который в действительности должен был в это время находиться в Лондоне. В продолжение всей сцены Йорк называет его братом, хотя он приходился ему племянником со стороны жены. Объяснить это недоразумение можно только тем, что Шекспир в последний момент заменил маркизом Монтегю его отца графа Солсбери (он-то и был в замке Сандал), которого после предстоящей битвы казнят, поэтому драматург и решил вообще обойтись без него. Сцена начинается с жуткого разговора, в котором раскрывается макиавеллиевская натура Ричарда (в 1460 году ему было только восемь лет): он побуждает отца отобрать корону у Генриха на том основании, что данная им присяга на верность королю не имеет

---

* В русском тексте пьесы Генрих говорит: «Ребенком годовалым был я венчан». — *Примеч. пер.*

** См. гл. 15.

*** «Они убоялись королевы; ее речь была грозна, а вид страшен; для всех... ее недовольство означало немилость, а гнев — погибель» (Холл, с. 241).

**** В действительности с ним не было обоих принцев. Эдуард находился в Уэльсе, а восьмилетний Ричард со старшим братом Джорджем — в Фастолф-Плейсе, особняке, построенном покойным сэром Джоном Фастолфом в Саутуарке, на другом берегу реки, напротив Тауэра.

законной силы, поскольку принесена нелегитимному монарху. Но тут появляется гонец и объявляет о подходе королевы Маргариты с армией в 20 000 человек: вот-вот начнется осада замка.

Последние две сцены первого акта посвящены битве при Уэйкфилде. Как и все другие сражения Шекспира, она происходит за кулисами и представлена в основном двумя эпизодами. Сначала младший Клиффорд из мести убивает второго сына Йорка, семнадцатилетнего графа Ратленда («Отец мой умерщвлен твоим. Умри же!»). Затем следует убийство пойманного Йорка: его пронзает Клиффорд и добивает персонально королева. Шекспиру, как и нам, конечно, было известно, что королевы вообще не было под Уэйкфилдом: она все еще находилась в Шотландии и лишь через три недели встретила с торжествующими ланкастерцами в Йорке. Однако ее внезапное появление, измывательство над пленным Йорком (на него надевают бумажную корону) и жуткое зрелище добивания герцога самой королевой значительно усиливают драматизм сцены и добавляют злонравия Маргарите.

Второй акт начинается почти такими же словами, как первый, и в нем Шекспир прибегает к такому же методу сжатия исторического времени. В первой сцене конспективно представлены два крупных сражения, происходивших в феврале 1461 года с разрывом в две недели. Победу сына Йорка Эдуарда, прежде графа Марча, а теперь герцога Йоркского при Мортимерс-Кроссе символизирует чудесное появление перед ним и братом Ричардом (в то время он вместе со старшим братом Джорджем в действительности находился в Нижних странах) сразу трех солнц. О битве в Сент-Олбансе, в которой одержали верх ланкастерцы, мы узнаем от Уорика: он после сражения заявляет о присоединении к принцам Йоркским (первая сцена второго акта). В то время как нам известно, что Эдуард и Уорик шли в Лондон, где Эдуард предъявил права на корону. Затем он отправился на север,

чтобы сразиться с ланкастерцами, оттуда в мае снова вернулся в столицу и в июне короновался. Однако Шекспир объединяет два лондонских визита в один и заставляет своего героя прибыть в Лондон только после победы в битве при Таутоне. Правда, это позволяет ему под Йорком организовать впечатляющую, но совершенно неисторическую словесную конфронтацию Эдуарда, его двух братьев (в действительности они все еще пребывали в Голландии) и Уорика с королем Генрихом, королевой Маргаритой, принцем Уэльским, Клиффордом и Нортумберлендом. После этого разгорается битва под Таутоном, которая не прекращается в продолжение всех последующих четырех сцен акта.

Примером самого очевидного искажения исторических реалий в шекспировской версии битвы при Таутоне, безусловно, служит назойливое присутствие в эпизодах братьев Эдуарда — Джорджа и Ричарда: они вернулись из Голландии к его коронации только в июне. В первом эпизоде, связанном с битвой (третья сцена), мы видим обессиленного Уорика и растерявшихся Эдуарда и Джорджа. Потом появляется Ричард и сообщает о гибели «брата» Уорика — в действительности его незаконнорожденного единокровного брата, названного Холлом «бастардом Солсбери». Известие приводит Уорика в бешенство, он пылает жадной мщеницей, и его ярость вдохновляет других. В следующей, очень короткой и тоже вымышленной сцене (четвертая) Ричард нападает на Клиффорда, убившего и его брата Ратленда, и его отца Ричарда Йорка; Клиффорд, вначале не испугавшийся, при появлении Уорика убегает.

Пятая сцена, в равной мере вымышленная и словно перекочевавшая из средневекового моралите, побуждает нас задуматься о превратностях бытия. Король Генрих, которого прогнали с поля битвы, сидит на кротовом бугорке, подражая Йорку, который стоял на аналогичной кочке под Уэйкфилдом, и размышляет о перипетиях войны и тяжелой доле монархов: жизнь государева несравненно горше, чем у самого бедного его подданного. Перед Генрихом попеременно

возникают два аллегорических персонажа, символизирующих ужас гражданской войны: «сын, убивший отца» и «отец, убивший сына». Король сочувствует им, но с непонятным в данной ситуации упорством убеждает их в том, что он несчастнее их обоих в десять раз. Наконец, из грустно-философского состояния его выводят жена, сын и герцог Экстер: все они приглашают его бежать вместе с ними, поскольку Уорик «как бык свирепый разъярился».

В последней сцене акта мы видим умирающего Клиффорда, на этот раз не столько мстительного, сколько переживающего за крах дома Ланкастеров. Пока он выпускает дух, входят три принца и совместно решают его головой заменить голову отца на зубчатой стене Йорка. (Холл упоминает головы «графа Девоншира и других».) Сцена заканчивается отъездом торжествующих братьев в Лондон на коронацию Эдуарда. Уорик объявляет о намерении отправиться во Францию просить руки Бонны Савойской для нового короля. Эдуард обещает одарить братьев герцогствами Кларенс и Глостер, отвергая и жалобу Ричарда на то, что в Глостере «есть что-то роковое» (намек на печальную судьбу герцога Хамфри), и просьбу дать ему взамен Кларенс.

Третий акт открывается вообще былинным сюжетом: переодетый Генрих VI после битвы при Хексеме отрешенно бродит в глуши: его тем не менее узнают и берут под стражу. У Шекспира это случается не под Уоддингтон-Холлом, а «в лесу на севере Англии». Это, конечно, не имеет никакого значения: для него важно воссоздать еще одну сцену полного уединения, на грани отшельничества, и дать королю возможность поразмышлять о своей судьбе. Через сотню строк мы попадаем в Лондон. Эдуард, уже коронованный и по всем статьям радикально отличающийся от предшественника, одержим страстью к Елизавете Грей (рожденной Вудвилл) и желанием уложить ее в постель. Она же настаивает на замужестве (конечно, Шекспир читал Манчини)*, и он в конце

---

* См. гл. 15.

концов соглашается. На сцене затем остается один Ричард Глостер и произносит монолог, из которого мы узнаем, что он тоже рвется на трон:

Я стану речь держать, как мудрый Нестор,
Обманывать хитрее, чем Улисс,
И как Синон, возьму вторую Трою;
Игрой цветов сравнюсь с хамелеоном;
Быстрей Протея облики сменяя,
В коварстве превзойду Макиавелли.
Ужели так венца не получу?
Будь вдвое дальше он, его схвачу.

Сцена третья переносит нас во французский двор. Королева Маргарита нашла приют у Людовика XI и добивается от него военной помощи. Ко двору прибывает Уорик для переговоров о женитьбе своего хозяина на принцессе Бонне, Людовик дает согласие, чем гневит Маргариту, и она обвиняет обоих в предательстве своего мужа. В это время из Лондона приезжает гонец с письмами, сообщающими о том, что Эдуард женился на Елизавете Грей. Ситуация коренным образом меняется. Уорик переходит на сторону Генриха VI; королева упивается двуличием Эдуарда; Людовик уже без колебаний обещает ей необходимую помощь. Дабы скрепить альянс, Уорик и Маргарита решают выдать его дочь замуж за ее сына Эдуарда, принца Уэльского.

И снова Шекспир неимоверно сжимает время. События, вместившиеся в одну сцену, происходили в продолжение девяти лет. Уорик действительно ездил во Францию сватать Бонну за Эдуарда, но свой сватовской визит он совершил в 1461 году — за три года до женитьбы короля на Елизавете. Поездка, из которой он вернулся уже мятежником, состоялась в 1470 году, через пять лет после брака. Гораздо позже была обручена и младшая дочь Уорика Анна (не старшая, как в пьесе) с принцем Уэльским: старшая дочь Изабелла уже была обвенчана с Кларенсом в 1469 году. Несмотря на

хронологические шероховатости, дипломатические последствия неблагоразумного поступка Эдуарда показаны превосходно. Как бы вольно Шекспир ни обращался с историческими фактами, в главном он всегда не слишком далек от истины. Для человека, интересующегося историей Плантагенетов, существуют гораздо более сомнительные источники информации.

Шекспир почти постоянно заставляет нас перемещаться во времени. Начало четвертого акта, где король Эдуард интересуется мнением братьев относительно его женитьбы, можно датировать 1464 годом. Главное назначение этой дискуссии — показать практически единодушное осуждение поступка Эдуарда. Первыми выражают недовольство братья — в особенности тем, как он без разбору женит и выдает замуж своих новых родичей Вудвиллов. Затем, как по заказу, прибывает гонец из Франции. Он сообщает о негативной реакции сразу трех человек: король Людовик разозлен; принцесса Бонна чувствует себя обманутой и униженной; королева Маргарита готова «облечься кольчугой боевой». Более того, она помирилась с Уориком, чья дочь выходит замуж за юного принца Уэльского. (Шекспир по-прежнему путает дочерей графа, теперь это делает Кларенс.) Сцена завершается тем, что Кларенс и Сомерсет переходят на сторону Уорика; верными королю остаются Ричард Глостер, Гастингс и Монтегю.

Следующая сцена переносит нас в 1469 год. Уорик высаживается в Кенте и спешно направляется на северо-запад в надежде соединиться там с мятежником Робином Редесдейлом. (У Шекспира он приходит с французскими солдатами, но это неверно. Люди короля Людовика появились только в битве при Тьюксбери, которая произойдет лишь через два года.) В Уорикшире к нему присоединяются Кларенс и Сомерсет. Он расспрашивает их, пытаясь выяснить, на чьей они стороне. Убедившись, что оба сейчас поддерживают именно

его, Уорик подтверждает свое обещание выдать за Кларенса дочь. Шекспир здесь тоже допускает неточность. В вопросах и подтверждении обещания не было никакой необходимости: Кларенс неделю назад уже женился на Изабелле Невилл. Действие третьей сцены, как можно предположить, связано с битвой при Эджкоте, в которой реально ни король Эдуард, ни Уорик не участвовали. Эдуард был действительно пленен после битвы, но братом «делателя королей» архиепископом Йоркским.

Здесь мы снова имеем дело с компрессией времени: две беды — пленение после схватки в Эджкоте и бегство в Голландию через пятнадцать месяцев Шекспир совмещает в одну. В четвертой сцене королева Елизавета информирует лорда Риверса сразу и о пленении мужа, попавшего в руки к архиепископу, и о своей беременности, заставляющей ее искать убежище. Первую часть ее сообщения следует датировать июлем 1469 года, а вторую — октябрём 1470-го. Совмещение двух событий, безусловно, помогает повысить драматический эффект сцены, хотя и ставит автора в неловкое положение. Каким образом узнику, находящемуся в заточении в Англии, удастся прибыть из-за рубежа с армией? Дабы разрешить это недоразумение, Шекспир и выдумал освобождение короля Ричардом Глостером с группой сообщников, после которого Ричард спокойно укрывается во Фландрии. Это дает возможность Уорику вызволить из Тауэра Генриха VI и восстановить его на троне (так это было и в действительности), а Эдуарду высадиться в Рейвенскаре для завершения своей длительной борьбы с Ланкастерами.

Соответственно в седьмой сцене мы видим Эдуарда с небольшим войском у стен Йорка. Вначале он претендует только на герцогство, но после угрозы сэра Джона Монтгомери уйти от него, если он не потребует и трона, Эдуард предъявляет права и на корону. (Исторически он сделал это, когда прибыл в Ноттингем.) Затем Эдуард направляется на

юг и в последней сцене акта входит в епископский дворец в Лондоне. Перед его появлением Уорик, Кларенс и другие лорды обсуждают с королем Генрихом свои дальнейшие действия против Эдуарда: каждый должен ехать в свои земли и набирать войска, а потом все они встретятся с Уориком в Ковентри. После этого появляется Эдуард с Ричардом Глостером, отсылает Генриха обратно в Тауэр и со своими людьми тоже идет к Ковентри.

Никакого сражения у Ковентри на самом деле не было. Стычка у стен города (V. 1), в которой Эдуард вызывает Уорика на бой и тот отказывается, предлагая сразиться в Барнете, произошла 29 марта, за две недели до прибытия Эдуарда в Лондон. Однако Шекспир прав в том отношении, что именно в Ковентри Кларенс предал Уорика, вернувшись к братьям. Согласно Полидору Вергилию, сначала он уговорил Уорика отложить сражение до его подхода, а когда подошел с войском в 4000 человек, набранным для поддержки Генриха VI, переметнулся к йоркистам. Кларенс и Эдуард, встретившись, говорили друг с другом как родные братья, поклявшись жить «в вечном согласии». Они бок о бок сражались потом и под Барнетом, и под Тьюксбери.

Битва под Барнетом, собственно, лишь упоминается. Мы не видим, естественно, и тумана, который в истории стал ее такой же неотъемлемой деталью, как дикий холод во время сражения при Таутоне десять лет назад. Для Шекспира — да и для нас тоже — важнее гибель Уорика, успевшего перед смертью услышать от соратника прощальные слова уже погибшего брата Монтегю, из которых ясно, что тот надеется на его спасение, в которое не верит никто из присутствующих. Короткая третья сцена подтверждает победу Эдуарда, провозглашает о высадке Маргариты с войском и подготавливает нас к сражению при Тьюксбери. По описанию Холла, королева пребывала в прескверном настроении, и у нее были причины для уныния. Если бы плохая погода не задержала ее в Нормандии на три недели, то она смогла бы вовремя

присоединиться к Уорику и исход битвы при Барнете мог быть иным. Узнав о гибели своего самого сильного союзника, Маргарита уже хотела вернуться обратно во Францию. Лишь заверения Сомерсета в том, что Эдуард тоже понес тяжелые потери, а народ в Англии в большей мере симпатизирует Ланкастерам, склонили ее к тому, чтобы остаться, хотя и не особенно воодушевили.

Шекспир тем не менее убеждает нас в ее решительности и мужестве. Обращаясь к сыну, Сомерсету, Оксфорду и другим соратникам на «равнине близ Тьюксбери», королева Маргарита, нисколько не преуменьшая грозящую им опасность, призывает их к стойкости:

Кто мудр, не плачет о потерях, лорды,
Но бодро ищет, как исправить вред*.
Пусть бурей сломлена, упала мачта,
Канат оборван и потерян якорь,
И половина моряков погибла, —
Все же кормчий жив.

Юный принц Уэльский вторит матери и, подобно деду перед сражением под Азенкуром, просит труса покинуть поле:

Чтоб в час невзгоды он не заразил
И остальных своим тлетворным духом.

И вот подошло время для кульминационной битвы всей долгой и трагической гражданской войны. В сцене пятой нам показано ее завершение: Маргарита, Сомерсет и Оксфорд захвачены йоркистами. Два последних персонажа пригово-

---

* Ср. в «Ричарде II» (III. 2):

Мудрец над грянувшей бедой не плачет,
Но преграждает путь для новых бед.

(Пер. М. Донского. Автор по ошибке указывает пьесе «Ричард III». — *Примеч. пер.*)

рены к смертной казни и мужественно идут на заклание. Жизнь Маргарите, конечно же, сохранена, но ее заставляют присутствовать при убийстве сына, заколотого по очереди Эдуардом, Кларенсом и Глостером. В данном случае Шекспир тоже поступает в большей мере как драматург, а не историк. Он избирает более драматичную версию смерти принца, изложенную Холлом*, несколько ее видоизменяя. У Холла король лишь ударяет юношу латной рукавицей, а Дорсет и Гастингс закалывают его кинжалами. Не существует исторических свидетельств того, что Маргарита присутствовала при убийстве сына во время битвы или после нее. Ничем нельзя подтвердить и то, что Глостер мог заколоть и ее тоже, если бы не помешал король.

Эдуард теперь обрел непререкаемую власть. С домом Ланкастеров покончено, и он уже никогда больше не сможет угрожать его трону. Правда, некоторые ланкастерские лорды, Оксфорд, например, и его друг лорд Бомонт, продолжают мутить воду, совершать налеты и провоцировать отдельные военные столкновения — в сентябре 1473 года им даже удалось захватить гору Сант-Майкл в Корнуолле и несколько месяцев удерживать ее — но их диверсии никак не отразились на общей стабильности в королевстве. Гораздо более серьезная опасность в долгосрочном плане исходила от четырнадцатилетнего Генриха Ричмонда, который вскоре после битвы при Тьюксбери отплывет во Францию с дядей Джаспером Тюдором. Шторм вынудит их зайти в один из портов Бретани, и герцог Бретонский Франциск, отлично понимавший потенциальные возможности юного Генриха, установит за ним слежку.

Побежденный, несчастный Генрих VI теперь создавал Эдуарду скорее неудобства, нежели угрозу, хотя теоретически и оставался соперником. По-прежнему нет ясности относительно его причастности к убийству свергнутого короля. Никто не сможет доказать, что Генрих был ликвидирован по

---

* См. гл. 15.

его приказу. Генрих VI уже тогда считался чуть ли не святым, и Эдуард вряд ли осмелился бы на кощунство. Другое дело его брат Ричард. Можно, конечно, сомневаться в том, что после Тьюксбери он спешно отправился в Лондон, по Шекспиру, «на кровавый ужин в Тауэр», однако события, описанные в сцене шестой, слишком правдоподобны, чтобы в них не поверить. Хотелось бы думать, что обреченный король встретил смерть так же достойно, как в пьесе.

Шекспиру осталось только подходящим образом выстроить заключительную сцену. Эдуард перечисляет поверженных врагов, чьей кровью добыт трон, забывая упомянуть тех, кто был убит не в битвах, а казнен йоркистами. Затем он любовно обращается к сыну, будущему королю Эдуарду V, и говорит ему:

Ведь для тебя, мой Нэд, отец и дяди
В броне зимою проводили ночи;
Пешком шагали в летний зной палящий,
Чтоб ты владел своей короной в мире
И наших всех трудов пожал плоды.

Сцена, безусловно, наполнена злой иронией, которую шекспировская аудитория не могла не почувствовать даже и без двух ремарок Ричарда «в сторону»: в одной из них он весело сравнивает себя с Иудой Искарриотом. Нельзя забывать о том, что во время убийства короля Генриха VI герцогу Глостеру было всего лишь восемнадцать лет.

За несколько строк до окончания этой чрезвычайно короткой сцены мы узнаем о выкупе королевы Маргариты ее отцом и возвращении вдовы во Францию. Как мы уже знаем, это произошло лишь через четыре года — в 1475-м. Но где еще Шекспир мог использовать этот факт и преподнести его как изгнание королевы Эдуардом? В любом случае он кажется даже уместным. Главная идея сцены, хотя и выражена в

девяти строчках, — подлость и двуличие Ричарда. Герцог Глостер говорит брату, изображая почитание:

Свою любовь к родившему вас древу
Я докажу, целуя плод его.
(В сторону.)
Так целовал учителя Иуда,
Сказав: «Привет!» — и зло в душе тая.

Именно с таким впечатлением должна была уходить домой елизаветинская публика. Шекспир намеренно создавал злодейский образ Ричарда, которому посвятил свою последнюю и самую яркую историческую драму.

Но насколько этот образ верен с исторической точки зрения? Действительно ли Ричард был тем чудовищем, каким мы его видим на сцене? Эти вопросы задавались все последние четыреста лет. Задаются они и сегодня. В следующих двух главах мы и попытаемся на них ответить.

17

Король Эдуард V (1470—1483)

Р и ч а р д:

Принц милый, чистота и юность ваша
Мешают вам понять всю лживость мира.
Вы судите еще о человеке
По внешности, а знает Бог один,
Как часто внешность с сердцем не в ладу.
Те, кого ждали вы, опасны были;
Вы слышали лишь сладкие их речи,
Не видя яда, скрытого в сердцах.
Храни вас Бог от лживых всех друзей!

П р и н ц:

Храни Господь! Но ведь они не лживы.

«Король Ричард III»

Все двенадцать лет со времени битвы при Тьюксбери в субботу, 4 мая 1471 года, и до своей кончины в среду, 9 апреля 1483 года, король Эдуард IV правил Англией мудро и здраво, а длительный мир позволил стране прийти в себя после перенесенных страданий. Правда, летом 1475 года король совершил набег во Францию и так напугал Людовика XI, что тот, по свидетельству миланского посла, «чуть не рехнулся». Но войны не получилось. Людовик устроил в Амьене для англий-

ской армии трехдневное пиршество, после которого солдаты уже были не в состоянии сражаться. Затем он повстречался с Эдуардом в близлежащем городке Пикиньи, и короли заключили мирное соглашение. Людовик заплатил сразу 75 000 крон и обязался в дальнейшем выплачивать по 50 000 крон в год. Эдуард согласился уйти обратно в Англию, заодно договорившись об условиях выкупа Маргариты Анжуйской.

Дома проблемы создавали в основном принцы Кларенс и Глостер. Между братьями, самыми могущественными после короля властителями, было много общего. За первые двадцать лет своей жизни они не видели ничего, кроме войны. Принцы познали победы и поражения, изгнание и предательство. Собственноручно они умертвили немало душ, безжалостно и хладнокровно, оба отличались алчностью, тщеславием, эгоизмом и беспринципностью. Внешне же они были совершенно разными людьми. Кларенс походил на старшего брата Эдуарда великолепными физическими данными, благообразной внешностью, обаянием и красноречием. Глостер, возможно, и не был горбат, каким его представляет Шекспир, и левая рука, ввиду удали, проявляемой в бою, вероятно, не выглядела «иссохшей, как ветка пораженная». Однако все хронисты-современники отметили необычайно маленький рост принца и определенную уродливость фигуры: правое плечо было выше левого. А левая рука, судя по описанию Томасом Муром инцидента, произошедшего 13 июня 1483 года, уже была некоторым образом искалечена*. По свидетельству Полидора Вергилия, Глостер на самом деле был человеком «низкорослым и мрачным», хотя, когда надо, мог казаться и привлекательным. В любом случае братья не просто не ладили, а не переносили друг друга. В конце 1471 года они были готовы перерезать друг другу глотку, и повод для этого появился достаточно серьезный — огромное состояние Уорика, «делателя королей».

Уорик, погибший при Барнете, имел только двоих детей — дочерей. Старшая, Изабелла, вышла замуж за Кларенса; Анну,

---

* См. ниже.

которая была моложе ее на три года, обручили с Эдуардом, принцем Уэльским, но его убили под Тьюксбери, прежде чем они успели обвенчаться. Часть обширных поместий пока еще формально принадлежала вдове Уорика, укрывшейся в аббатстве Бьюли в Хэмпшире, однако Кларенс надеялся унаследовать все состояние. Ричард решил вступить в борьбу за наследство и жениться на шестнадцатилетней Анне, захваченной в плен после Тьюксбери вместе со свекровью Маргаритой Анжуйской. Прознав о намерениях брата, взбешенный Кларенс выкрал свояченицу и спрятал ее под видом посудомойки в доме одного из своих слуг. Ричард разыскал девушку, похитил ее и увез в церковь Сент-Мартин-ле-Гранд, где Анна провела несколько месяцев. Они обвенчались в феврале или марте 1472 года — без папского соизволения, необходимого для бракосочетания между родственниками, после чего Ричард забрал молодую жену в свою излюбленную северную резиденцию — Миддлхэм в Йоркшире, поместье, прежде принадлежавшее Уорика, но летом 1471 года переданное ему королем.

Ссора длилась три года, и только в феврале 1475 года поутихла. Но и тогда Кларенс продолжал дуться, полагая — и не без оснований, — что король доверяет ему меньше, чем другому брату, а к исходу следующего года у него появились новые причины для недовольства. 21 декабря из-за осложнений после родов умерла супруга. Через две недели скончался Карл Смелый, герцог Бургундский, и его вдова предложила Кларенсу в жены свою дочь Марию, ставшую теперь хозяйкой всех семейных владений. Кларенс, естественно, проявил горячее желание, но король Эдуард воспротивился. Женитьба на Марии не только сделала бы брата таким же богатым и могущественным, как он сам, но и затруднила бы его отношения с Францией. Король даже запретил вести какие-либо разговоры на эту тему — и еще больше настроил герцога против себя.

Кларенс всегда отличался неуравновешенностью характера, а в последнее время превратился в настоящего парано-

ика. Он начал распространять домыслы о нелегитимности Эдуарда, спровоцировав в Восточной Англии мятежи. Герцог заподозрил, будто его жену заколдовала и отравила королева Елизавета. По его наущению арестовали одну из бывших фрейлин королевы — она в то время служила при дворе. Несчастную женщину ограбили, избили и в Уорике устроили над ней судилище. Кларенс заставил судей вынести смертный приговор, и через двадцать четыре часа ее повесили. Поведение герцога становилось все более нетерпимым, и Эдуард решил показать зубы. Он повелел арестовать Джона Стейси из Мертон-колледжа Оксфорда, знаменитого тогда астролога и личного друга Кларенса. Под пытками Стейси признался, что именно он составил гороскопы короля и принца Уэльского, предсказавшие даты их смерти, и примешал к этому делу некоего Томаса Бердетта, одного из придворных герцога. Обоих джентльменов судили и, несмотря на мольбы о пощаде и невиновности, повесили в Тайберне 20 мая 1477 года. Это было ясное и грозное предупреждение, но Кларенс проигнорировал его. На следующий день он ворвался на заседание Тайного совета вместе с монахом-францисканцем, заставив его засвидетельствовать предсмертные заявления казненных жертв о невиновности. Терпение Эдуарда кончилось. В конце июня его несносный братец уже был в Тауэре.

Суд состоялся в Вестминстере в январе 1478 года. Герцога Кларенса обвинили в совершении, по словам короля, «самого злостного, противоестественного и омерзительного предательства» и приговорили к смертной казни. Мать герцога умоляла не подвергать его публичной казни, и 18 февраля Кларенса умертвили в Тауэре — почти наверняка утопив в бочке с мальвазией*. Герцога похоронили рядом с женой — по иронии судьбы в аббатстве Тьюксбери. Ему было двадцать восемь лет.

---

* История с бочкой звучит неправдоподобно, но ее истинность подтверждена по меньшей мере тремя хронистами. (Правда, как свидетельствует Манчини, в бочке было «сладкое фалернское вино».) Согласно Филиппу де Коммину, дочь Кларенса в память об отце всю жизнь носила браслет с изображением винной бочки.

Эдуард, как нам обычно рассказывают, впоследствии сожалел о смерти брата и корил себя за то, что допустил ее. Однако Кларенс, похоже, действительно зашел слишком далеко.

Трудно сказать, какие чувства испытывал Ричард Глостер в связи с казнью брата. Конечно, он изображал скорбь, но сэр Томас Мор не одинок во мнении о том, что смерть Кларенса была ему на руку. И если Ричард пытался выступить в защиту брата, то в истории такой факт не отмечен. Вряд ли он мог держаться в стороне от подобных событий, хотя, как и в случае с мировой, заключенной в Пикиньи в 1475 году и им не одобрявшейся, герцог, видимо, старался по возможности дистанцироваться от проблем короля. Помогало ему то обстоятельство, что он почти постоянно находился на севере, где главенствовали ланкастерцы, пытаясь наладить отношения с семействами Перси и Невилл, и где Эдуард предназначил ему занять место Уорика. Именно для этого король одарил его уорикскими замками Миддлхэм и Шериф-Хаттон в Йоркшире и Пенрит в Камберленде со всеми прилегающими землями. Он уже владел замками Понтефракт, Барнард и Скиптон-ин-Крейвен, к которым следует добавить Садели в Глостершире и обширные поместья на юге. К 1482 году герцог, вероятно, стал самым богатым и влиятельным магнатом в истории Англии, уступая в могуществе только монархам. И это еще не все. После того как в июне 1482 года Ричард в качестве наместника на севере и командующего двадцатитысячной армией вторгся в Шотландию и без единого выстрела оккупировал Эдинбург, он для многих англичан превратился в национального героя.

Тем временем его брат король опускался и морально и физически. Война держала его в форме, в мирных условиях он дал волю своим прихотям. Эдуард всегда питал слабость к женскому полу и, несмотря на очаровательность любовницы Джейн Шор — первый раз он уложил ее в свою постель еще в 1470 году, — король стал ненасытным и ярым бабником. «Замужняя или незамужняя, аристократка, служанка или девка с улицы — ему было все равно», — писал Манчини. Он

избегал лишь изнасилования. Эдуард завоевывал женщин «деньгами и обещаниями, а овладев, тут же бросал». Если бы блуд был его единственным пороком, то уже только одна эта страсть могла нанести достаточный ущерб здоровью, но король страдал еще в равной мере непреодолимым обжорством. В результате самый красивый когда-то принц Европы к сорока годам из-за разврата, возлияний и переедания превратился в непомерно тучного и преждевременно постаревшего человека. Конец наступил на Пасху в 1483 году. Уже в Страстную пятницу он испытывал мучения от острого несварения желудка, вызванного, как нам рассказывают историки, чрезмерным употреблением фруктов и овощей. Через день или два во время послеобеденной рыбалки на реке он переохладился, а вскоре последовало нечто похожее на апоплексический удар. Король умер 9 апреля, не дожив три недели до своего сорок первого дня рождения.

Старшему сыну Эдуарда от Елизаветы Вудвилл — новому королю Эдуарду V — исполнилось только двенадцать лет. Восемь лет назад, когда его отец находился с войском во Франции, Англией правили Вудвиллы, и они полагали, что будут делать то же самое и теперь. Их вождь лорд Риверс, брат королевы, уже официально шефствовал над мальчиком, а ее старший сын от сэра Джона Грея, теперь маркиз Дорсет, распоряжался казначейством. Лорд-гофмейстер лорд Гастингс, напомнил, что покойный король завещал Глостеру быть протектором. Вудвиллы ответили: последнее слово — за советом, в котором они, естественно, преобладали.

Но Вудвиллы недооценили противника. У Ричарда имелись свои планы на этот счет, и в них Вудвиллы не присутствовали. Его главным союзником был Генри Стаффорд, герцог Бекингем. Он приходился племянником 3-му и 4-му герцогам Сомерсетам, казненным с разрывом в семь лет, и был не только потомком Бофортов, а еще и очень красивым, богатым и чрезвычайно умным человеком. Неудивительно, что Эдуард IV ему не доверял. Малого того, герцог, насильно и несчастливо обвенчанный в возрасте одиннадцати лет с одной

из многочисленных сестер королевы, возненавидел весь клан Вудвиллов и готов был совершить любые деяния, лишь бы им насолить. И они с Ричардом начали собирать вокруг себя всех представителей «старого нобилитета» и их приверженцев, подстрекать и пугать угрозой всевластия Вудвиллов, распространять слухи, и правдоподобные и ложные, об их безнравственности. Ричард написал в совет благожелательное и уважительное послание, выразив в нем свою верность юному королю, но и напомнив о завещании брата и правомерности своих притязаний на достойное место в новом правительстве. Конечно же, он сделал все для того, чтобы письмо получило самую широкую огласку в королевстве, а поскольку герцог уже приобрел большую популярность — прошлогодние свершения в Шотландии еще не были забыты, — его заявление произвело необходимый эффект.

Общественное мнение подготовлено, пора действовать. Коронация назначена на воскресенье, 4 мая. После коронации Эдуарда V Вудвиллы могут спокойно провозгласить: в протекторате нет никакой необходимости, так как — и это уже имело место после коронации Генриха VI — функции протектора автоматически переходят к совету. Следовательно, Ричард во что бы то ни стало должен сорвать церемонию. Ему повезло: Эдуард находился в Ладлоу, откуда до Лондона добираться целую неделю. Вдобавок дядя мальчика, лорд Риверс, которому предстояло сопровождать Эдуарда, решил до отъезда отпраздновать День святого Георгия. Иными словами, они могли выехать из Ладлоу не раньше 24 апреля, что давало герцогу Глостеру достаточно времени для осуществления своих замыслов. Ричард написал Эдуарду: он и Беккингем, естественно, желали бы присутствовать при торжественном въезде короля в город, и потому встретят его в Нортгемптоне, чтобы вместе продолжить путь до столицы.

Герцоги прибыли в Нортгемптон 29 апреля, но королевский отряд уже миновал город и расположился в Стоуни-Стратфорде, в 14 милях к югу. Риверс и лорд Ричард Грей, младший сын королевы от первого брака, прискакали обрат-

но, чтобы специально разъяснить причины преждевременного отъезда: в Нортгемптоне недостаточно места для размещения двух свит. Вечером четверо мужчин весело попиروвали, после чего Риверс и Грей в благодушном настроении отправились спать на соседний постоялый двор, а утром обнаружили, что ворота заперты и люди герцогов заблокировали дорогу на юг. Когда они наконец освободились, разыскали Ричарда и потребовали объяснений, герцог обвинил их в настраивании против него племянника и подверг аресту. Затем Ричард и Бекингам поспешили в Стоуни-Стратфорд, завладели Эдуардом, увезли его в Нортгемптон и там уже начали убеждать мальчика: Вудвиллы умышленно свели в могилу отца и то же самое сделают с ним. Эдуард в слезах пытался защитить мать и свою семью, но взрослые дяди ему, конечно, не внимали. Все аристократы в свите короля были заключены под стражу, а слуг и служанок прогнали. Риверса и еще несколько человек отправили в Шерифф-Хаттон, замок Ричарда. Позднее его перевели в Понтефракт, где и казнили, по всей видимости, без суда 25 июня. Безусловно, он не заслужил такой участи. Его стремление отстаивать интересы семьи было естественным и правомерным. Это был человек высокообразованный, много путешествовавший по Италии и хорошо знавший ее историю и культуру, писатель и поэт, чьи отдельные произведения впоследствии опубликовал Уильям Кэкстон. Одно из них — его перевод «Изречения, или высказывания философов» (французской версии латинского оригинала, выполненной Жаном де Теонвилем) считается первым печатным изданием в Англии. Во время казни на нем была надета власяница.

Ричард Глостер привез племянника Эдуарда V в Лондон 4 мая, но в городе уже знали о перевороте. Королева с девятилетним сыном, герцогом Йоркским, и пятью дочерьми укрылась в покоях настоятеля Вестминстерского аббатства, взяв с собой мебелировку и все свои пожитки, которые можно было разместить в святилище. Горожане тоже нервничали.

Люди герцога, казалось, овладели всем Лондоном: заняли главные площади и перекрестки, угрожающе расхаживали по улицам, на лодках патрулировали реку. Поползли слухи о том, будто Ричард собирается захватить трон и ополчился не только против Вудвиллов, но и против юного короля.

Но страсти понемногу улеглись. Сначала лондонцев успокоил уважаемый всеми Гастингс, заверив в том, что им нечего бояться, а потом и сам Ричард, сопровождавший короля в церемониальной процессии к собору Святого Павла. Он гарцевал рядом с белокурым очаровательным отроком, низко кланялся народу, запрудившему улицы, и восклицал: «Зрите вашего государя и верховного владыку!» Увидев, с каким почтением Ричард относится к племяннику, лондонцы тут же забыли о своих сомнениях. На следующее утро поредевший совет утвердил Ричарда протектором и королевства и короля. Одновременно определилась новая дата долгожданной коронации — 22 июня.

И не обладая особой прозорливостью, об истинных намерениях Ричарда можно было догадаться уже тогда, когда он через десять дней после приезда в Лондон переселил юного короля из дворца лондонского епископа, примыкавшего к собору Святого Павла, в Тауэр. В XV веке Тауэр еще не приобрел зловещую репутацию мрачных застенков. Он тоже был дворцом — с великолепным банкетным залом и роскошными апартаментами, в которых в разное время располагались многие короли из династии Плантагенетов. Но там, конечно же, имелись и другие, менее удобные и желанные апартаменты, а грандиозные стены наглухо отгораживали его от остального мира. Изолировав Эдуарда, Ричард должен был теперь каким-то образом отправить в Тауэр и младшего брата короля. Герцог Йоркский формально тоже мог претендовать на корону, и не было никакого смысла в том, чтобы, заточив в темницу одного принца, оставлять на свободе другого. Препятствия чинила мать. Королева со своим семейством пребывала в убежище Вестминстерского аббатства и не спускала с сына глаз. Ее долго уламывали, приводя самые разные

доводы: королю-де скучно без брата; Эдуард все время зовет его к себе; не дело навеки запереть мальчика в монастыре в компании с «престарелыми и древними старцами»; убежища в святилищах предназначены для преступников, а не для принцев крови. Елизавета оставалась непреклонной. Она согласилась отпустить маленького герцога лишь после того, как с ней лично переговорил семидесятидевятилетний архиепископ Кентерберийский, кардинал Берчер, объяснивший королеве-матери: во-первых, ей все равно придется разрешить сыну присутствовать на коронации брата, и, во-вторых, если она и дальше будет упрямыться, то он пересмотрит свое решение о предоставлении ей убежища.

После заточения в Тауэр обоих принцев позиции Ричарда существенно усилились. Однако оставалось еще одно потенциальное препятствие для реализации его замыслов. Лорд-гофмейстер лорд Гастингс не испытывал особой любви к Вудвиллам, но как верный друг Эдуарда IV он, безусловно, мог поддержать и это семейство, и любого другого человека, желавшего блага юному королю. Лорд Стэнли вроде бы предупреждал его об опасности, но Гастингс не прислушался к его словам. У них с Ричардом прекрасные отношения, ответил лорд. Кроме того, ему постоянно докладывает обо всех совещаниях Ричарда со своими приспешниками один из самых надежных придворных — некий Уильям Кейтсби (Кетсби)*, которому полностью доверяет и герцог, и у гофмейстера нет никаких оснований для беспокойства, поскольку он знал бы заранее о готовящемся против него заговоре. Гастингс обманывал себя. Кейтсби был двойным агентом, и Ричард платил ему немалые деньги за то, чтобы он дезинформировал своего хозяина.

В пятницу, 13 июня, Ричард созвал совещание для обсуждения деталей коронации. Он не захотел сидеть рядом с Вудвиллами и разделил совет на две части. На этом совещании присутствовали в основном его сподвижники, а также Гас-

---

* Здесь и далее в скобках даются написания имен в русском переводе пьесы. Английское написание — Catesby. — *Примеч. пер.*

тингс, Стэнли, Томас Родерем (Ротрем)*, архиепископ Йоркский и Джон Мортон, епископ Илийский**. Ричард появился в девять утра в приподнятом настроении и попросил Мортон доставить немного клубники из сада своего дворца в Холборне. Начались дискуссии, вдруг герцог вышел из комнаты и через полчаса вернулся, насупившийся и отрешенный. За столом воцарилось гробовое молчание. «Чего заслуживают люди, вступившие в заговор против меня, кровного родственника короля, протектора его монаршего величества и его королевства?» — спросил он тихим голосом. Гастингс ответил сразу же: их надо наказать как изменников. Затем герцог назвал злоумышленников: «Эта ведьма, жена моего брата, и те, кто с ней... Сами увидите, — продолжал герцог, — как эта ведьма и другая колдунья из ее своры — жена Шора, — используя магию и ворожбу, изуродовали меня». Сказав это, Ричард засучил левый рукав кафтана и продемонстрировал иссохшую руку.

Ричард явно блефовал. Все присутствующие знали, что он родился с искаленной рукой. Однако это его несколько не смущало. Внезапно герцог повернулся к Гастингсу: не один год Джейн Шор была его любовницей, и он опрометчиво попытался ее защитить. «Да, они совершили это! — вскричал герцог. — И ты ответишь за это своей головой, предатель!» Ричард со всей силой ударил кулаком по столу, снаружи раздались возгласы «Измена!», в зал ворвались вооруженные люди. Один из них напал на Стэнли, тот нырнул под стол, кровь обагрила его лицо. Его заключили под стражу, а за ним — Родерема и Мортон. Но герцогу был нужен Гастингс. Ричард приказал ему немедленно найти священника и исповедаться, ибо, «клянусь именем святого Павла, я не могу спокойно отобедать, не увидев твою отрубленную голову».

---

* Rotherham.

** Мортон впоследствии стал архиепископом Кентерберийским и кардиналом. Почти наверняка именно он дал описание этого совещания, послужившее основой и для повествования сэра Томаса Мора, самого полного и обстоятельного из всех сохранившихся хроник.

Через час несчастного лорда-гофмейстера обезглавили возле Зеленой башни*. Королева по-прежнему пользовалась правом убежища и оставалась неприкосновенной. Джейн Шор арестовали, судили, сначала за колдовство, а когда не нашлось прямых доказательств — за распутство, от чего ей отречься было гораздо труднее. Ее приговорили, как и сорок два года назад герцогиню Глостер**, пройти босой по улицам Лондона с зажженной свечкой в руках. Наказание обратилось в торжество. Она выглядела столь обворожительной и прекрасной, что сердца всех мужчин, стоявших в толпе, таяли, и больше пострадала репутация не Джейн Шор, а Ричарда.

Расправившись с Вудвиллами и удерживая в своей власти маленьких принцев, Ричард мог теперь приступить к исполнению второй части плана. Сначала он должен был еще раз перенести время коронации племянника. Другая задача, гораздо более сложная, — убедить подданных в том, что именно он является подлинным и законным королем. Поскольку никто не сомневался в праве Эдуарда V наследовать отцу, Ричард мог прибегнуть только к одному способу захвата власти — обвинить Эдуарда IV, собственного брата, в незаконнорожденности и ради этого даже обесчестить таким образом мать, старую герцогиню Йоркскую, все еще находившуюся в добром здравии. Пропагандистская кампания началась с проповеди некоего доктора богословия Ральфа Шаа, Ша или Шоу***, брата мэра города, выступившего у креста Святого Павла перед собором в воскресенье, 22 июня 1483 года. Он наговорил много неприятных вещей: будто и Эдуард IV, и граф Ратленд, и герцог Кларенс — бастарды, и за-

---

* Гастингс похоронен в часовне Святого Георгия в Виндзоре, рядом с Эдуардом IV — так пожелал король.

** См. гл. 11.

*** И Мор и Холинshed называют его Джоном, однако настоящее имя проповедника, по версии Холла и Фабиана, видимо, Ральф или Рафф. У автора три варианта: Shaa, Sha, Shaw. — *Примеч. пер.*

коннорожденный лишь один Ричард; якобы и женитьбу Эдуарда на Елизавете нельзя считать действительной, поскольку он уже был помолвлен с леди Элеонорой Батлер, дочерью графа Шрусбери, родившей ему ребенка. Леди Элеонора и ее ребенок давно умерли, но они были еще живы во время венчания Эдуарда с Елизаветой, а в те далекие дни церковные каноны признавали помолвку, если она официально не расторгнута, такой же обязывающей, как и бракосочетание, и этого обстоятельства было вполне достаточно для того, чтобы их брак считать нелегитимным.

Щекотливую тему подхватили еще несколько видных проповедников, но лондонцы в целом реагировали вяло. Горожанам не нравилось, что на них пытаются оказать давление, а инсинуации Шоу оскорбляли их верования. Но по крайней мере они поняли, кем в действительности является Ричард: человеком без совести и принципов, готовым пойти на все ради удовлетворения своих амбиций. Он мог облачаться в какие угодно королевские наряды, разъезжать по городу в сопровождении тысячи, а то и более разодетых вельмож, потчевать у себя за столом каждый день сотни людей, но его популярность испарилась, как будто ее никогда и не было. Через два дня после проповеди Шоу герцог Бекингем лично обратился в ратуше к мэру, ольдерменам и знатным гражданам, расписывая перед ними беззакония и насилие, творившиеся при правлении Эдуарда IV, понося его за войны, убийство собственного брата Кларенса и неумемную похоть, от которой не могла уберечься ни одна женщина в городе. Не хотели бы все истинные патриоты прямо сейчас подняться и призвать «нашего благородного принца и протектора» стать нашим королем? Нет, они не желают сделать это. Огромный зал лишь гудел «как пчелиный рой».

Но отступить уже поздно. Если Ричард не может занять трон при всенародной поддержке, то получит его и без нее. В среду, 25 июня, Бекингем, его ближайшие сторонники и мэр со своей командой — к этому времени все они осознали, что от них требуется сделать и что их ожидает в случае отка-

за, — являются к Ричарду в его лондонский дворец — Бейнардский замок. Протектор вначале изображает изумление, потом несговорчивость. Он производит на всех впечатление своими актерскими способностями, и не более того: театральные аффекты никого не обманывают. В конце концов, демонстрируя нерешительность, герцог все-таки уступает уговорам визитеров. Вечером лорды, рыцари и почтенные граждане, приехавшие в Лондон на сессию уже упраздненного парламента, составляют петицию, одобряя и утверждая достигнутое соглашение. Выражения, в которых она сформулирована, никак не сочетаются с тем, что нам известно о налаженном и мирном правлении Эдуарда IV:

«...благосостояние этой земли с каждым днем убавлялось, бывшее процветание превращалось в нищенство... продолжались смертоубийства, вымогательства и угнетение бедных и беспомощных людей...

Ни один человек не чувствовал себя в безопасности, никто не мог не опасаться за свою жизнь, свою жену, дочь или служанку, всякая добропорядочная девица или женщина пребывала в постоянном страхе из-за того, что над ней в любой момент могли надругаться и изнасиловать...

Упомянутый король Эдуард и упомянутая Елизавета жили греховно и предосудительно, в прелюбодеянии и противоречии с законами Господа и Его церкви... Из всего этого со всей очевидностью следует, что все потомство и дети упомянутого короля Эдуарда являются бастардами и неправомочны наследовать или претендовать на наследование чего-либо в соответствии с законами и обычаями Англии».

В тот же день по приказу протектора в Понтефракте обезглавили графа Риверса и трех главных сподвижников Вудвиллов — лорда Ричарда Грея, сэра Томаса Вона (Вогена)* и сэра Ричарда Хота, а их обнаженные тела сбросили в общую могилу.

---

* Vaughan.

Переворот завершился в среду, 26 июня, когда Ричард со свитой торжественно прошествовал верхом на лошадях из Бейнардского замка в Вестминстер-Холл. Здесь в присутствии предводителей Суда королевской скамьи и Суда общих тяжб он уселся на мраморный трон — традиционное сиденье для королей как вершителей правосудия, на которое тщетно претендовал и его отец двадцать три года назад. Как полагается, Ричард принес присягу, а потом выступил с откровенно ханжеской речью, обещая аудитории отправлять правосудие безбоязненно и беспристрастно и напомнив ей о том, что перед законом все люди равны. Так началось правление нового короля — Ричарда III.

Коронация состоялась в воскресенье, 6 июля 1483 года. Ричард в камзоле из голубой с золотом парчи и в пурпурной бархатной мантии, отороченной горностаем, прогарцевал от Тауэра, где уже занял самые роскошные апартаменты, к Вестминстерскому дворцу. За ним в чудесном палантине ехала королева Анна в сопровождении пяти фрейлин, восседавших на лошадях. Следом в седлах покачивались герцог Бекингем, пэры, рыцари и самые знатные английские джентльмены. Постояв у дворца, король и королева, босые, вошли в аббатство, и там их должным образом короновали. Несмотря на явное неудовольствие и нежелание архиепископа Берчера — о чем свидетельствует его отказ присутствовать на последовавшем после коронации банкете, — церемония, по мнению очевидцев, получилась самой грандиозной из всех подобных процедур, проводившихся когда-либо в Лондоне.

Конечно, бросилось в глаза отсутствие некоторых важных персонажей. Вдова Эдуарда IV, королева Елизавета с дочерьми по-прежнему укрывалась в покоях аббата, откуда до нее, безусловно, доносился коронационный гвалт. Не было на торжестве и ее двух сыновей. В июне, когда герцог Йоркский присоединился к брату в Тауэре, люди еще иногда видели, как они вместе играют или упражняются в стрельбе из лука. В последнее время братья исчезли из поля зрения. Какими бы бастардами они ни были — очень немногие верили в эту легенду, — отроки

все же оставались племянниками короля. Мальчики непременно должны были находиться на коронации в аббатстве — их присутствие указало бы на то, что они примирились со своим новым положением и согласились стать подданными дяди. Помимо всего прочего, это развеяло бы и появившиеся уже слухи о том, будто от них тайком избавились.

Если верить Доминику Манчини — а его описание, насыщенное убедительными подробностями, предполагает глубокое знание предмета, — то сразу же после казни Гастингса 20 июня двух принцев «поместили в самое отдаленные комнаты Тауэра, и с каждым днем они все реже и реже подходили к решеткам окон, пока вообще не перестали показываться». Манчини сообщает: его друг доктор Джон Арджентин, королевский врач, посещавший Эдуарда в Тауэре, говорил, что принц каждодневно исповедовался и приносил покаяния, «словно ждал скорой гибели». Мы никогда не узнаем в точности, как мальчики приняли смерть, — нет никаких сомнений лишь в том, что их убили, и совсем мало сомнений в причастности к убийству короля. Первое и самое обстоятельное описание злодейского убийства дает нам Томас Мор. Рассказ его не всеми признается, но он основан, как утверждает автор, на сведениях тех, кто «знал много и мало причин имел для лжи», и, несмотря на все попытки весьма красноречивых защитников Ричарда доказать ложность свидетельств Мора, они по-прежнему представляются более убедительными, нежели какие-либо другие*. Слухи об убийении братьев появились еще во время коронации, когда король скорее всего только обдумывал такую возможность. По версии Мора, окончательное решение было принято в Уорике в середине августа, и Ричарда подтолкнули сообщения о заговорщиках, замысливших освободить принцев и вывезти за границу — возможно, в Голландию. Сначала задание умертвить мальчиков получил комендант Тауэра сэр Роберт Бра-

---

* Здесь не место для обсуждения различных толкований этой истории. Читателям можно порекомендовать исследование Дезмонда Сьюарда «Ричард III» издания 1997 г., с. 143—155.

кенбери (Брекенбери). К его чести, он наотрез отказался, и тогда Ричард обратился к рыцарю из Суффолка сэру Джеймсу Тиреллу, зная о его честолюбии, старательности и непоколебимой личной преданности. Томас Мор писал:

«Сэр Джеймс Тирелл решил умертвить их в постелях. Для исполнения этого он назначил Майлса Фореста... парня, запятнавшего себя когда-то убийством; к нему он присоединил Джона Дайтона, своего собственного стремянного, головореза огромного роста, широкоплечего и сильного. Все остальные были от принцев отстранены. И вот около полуночи, когда невинные дети спали в постелях, эти Майлс Форест и Джон Дайтон вошли в спальню, внезапно набросили на детей одежду и так закрутили и запутали их, зажав им рты периной и подушками, что в недолгий срок задушили принцев и прикончили. Дыхание их ослабело, и они отдали Богу свои невинные души на радость Небесам, оставив преступникам на ложе свои мертвые тела. И когда злодеи поняли, сначала по предсмертным их судорогам, а потом по долгой недвижимости, что дети уже совершенно мертвы, тогда они положили мертвые тела на кровать и пригласили сэра Джеймса посмотреть на них. Тот, взглянув, приказал убийцам похоронить их в земле под лестницей на должной глубине, навалив сверху груды камней»*.

Почти через два столетия, в 1674 году, рабочие, разбирая лестницу в Белой башне, наткнулись на деревянный ящик. Внутри лежали кости двоих детей. Карл II распорядился перевезти их в усыпальницу часовни Генриха VII в Вестминстерском аббатстве. В 1933 году кости были исследованы. Обнаружилось, что они принадлежали мальчикам ростом четыре фута десять дюймов (147, 3 сантиметра) и четыре фута шесть с половиной дюймов (138, 4 сантиметра). Одному было двенадцать, а другому десять лет.

---

* Пер. М.Л. Гаспарова и Е.В. Кузнецова. Мор Томас, «История Ричарда III». М.: Наука, 1973. — *Примеч. пер.*

18

Час расплаты (1483—1485)

Король Ричард:

Припомните, с кем боретесь вы нынче:
Со стадом плутов, беглецов, бродяг,
С бретонской сволочью и жалкой гнилью,
Что выблевала полная земля
Для гнусных подвигов и разрушений.
Был мирен сон ваш, мира вас лишили;
У вас земля, красивы ваши жены —
Им надо землю взять, жен обесчестить.
А кто ведет их? Жалкий тот нахлебник,
Что жил у матери моей в Бретани,
Молокосос, что холод испытал,
Лишь по снегу гуляя в башмаках!

«Король Ричард III»

Из Уорика король отправился в поездку, проехал через Ковентри, Лестер, Ноттингем и прибыл в Йорк, где ему устроили радушный прием. Он пользовался популярностью на севере. Здесь Ричард служил наместником в последние годы властвования брата Эдуарда, правил жестко, но и по справедливости. Мы не знаем, дошли ли до Йоркшира к этому времени слухи о печальной судьбе маленьких принцев. В любом случае их никто не мог бы подтвердить, и они вряд ли

изменили бы торжественность момента. Король воспользовался радушием северян для титулования своего девятилетнего сына Эдуарда Миддлхэмского принцем Уэльским в Йоркском кафедральном соборе, и церемония, как говорили потом, по пышности не уступала его собственной коронации, произошедшей два месяца назад. Однако все испортили гонцы, приехавшие с вестями, одинаково удивительными и тревожными. Самый давнишний друг и самый могущественный из подданных Генрих Стаффорд, герцог Бекингем поднял против короля мятеж.

Почему Бекингем взбунтовался — остается загадкой. По версии Шекспира, герцога возмутил отказ короля подарить ему обещанное графство Херефорд. Но Бекингем уже владел многими титулами и поместьями, и, кроме того, не было никаких оснований думать, что Ричард не выполнит обещание позднее, когда у него появится такое желание. Мы не должны забывать о том, что на юге царила совсем иная атмосфера, чем на севере. Правда о судьбе принцев постепенно доходила до сознания людей, и к концу лета 1483 года Лондон переполнили слухи о реальных и мнимых заговорах. Вполне возможно, что Бекингема беспокоило нарастание недружественных чувств к королю. Если Ричарда свергнут — а это казалось все более вероятным, — то и его выживание окажется под угрозой: значит, он должен как можно скорее порвать с королем. Сэр Томас Мор предположил, что свою роль сыграли и амбиции. Бекингем мог замахнуться на корону. Как-никак он считал себя потомком Бофортов, по материнской линии был внуком Эдмунда, 2-го герцога Сомерсета, убитого при Сент-Олбансе в 1455 году, и соответственно праправнуком Джона Гонта; его притязания, вероятно, имели под собой такие же основания, как и претензии Ричарда III*.

---

* Действительно, Генрих IV запретил Бофортам наследовать корону, внося в патент Ричарда II о легитимности детей Джона Гонта от любовницы и их прав существенное ограничение — *excepta dignitate regali* (исключая королевское звание) (см. гл. 13), однако не узаконил эту поправку посредством парламентского акта. В результате ограничение в правах потомства Бофортов не могло иметь законной силы.

Однако если молодой человек — мы не знаем, когда родился Бекингом, но полагаем, что ему еще не было тридцати лет, — и питал какие-то иллюзии в отношении прав наследования, то скоро от них избавился. Законным наследником Эдуарда IV была, без сомнения, старшая из его семи дочерей Елизавета Йоркская, хотя в те смутные времена избрание восемнадцатилетней девушки, которая, кстати, все еще находилась с матерью в священном убежище, могло иметь катастрофические последствия. Если и требовался деятельный претендент на трон, способный вести армии в сражения, то им мог стать только потомок Бофортов. Бекингом, без сомнения, таковым являлся по материнской линии. Однако его матушка вела свое происхождение от самого младшего из внуков Джона Гонта. Наследственные претензии Генриха Тюдора, графа Ричмонда, потомка старшего внука Гонта Джона, 1-го герцога Сомерсета, могли быть гораздо более основательными, и он существенно подкрепил бы их, женившись на Елизавете. Его бабушкой к тому же была Екатерина Валуа, вдова прославленного Генриха V. Этот факт, конечно, не играл в наследственных делах никакой роли, но имел немаловажное значение для репутации Генриха Тюдора.

Похоже — и это подтверждает Мор — на Бекингема оказывал влияние Джон Мортон, епископ Илийский. Мортон арестовали тогда же, когда брали под стражу Гастингса. Недолгое время он содержался в Тауэре, после чего епископа по просьбе Бекингема перевели в Бреконский замок герцога в Уэльсе. Святому отцу уже было за шестьдесят, и прежде он входил в число правоверных сторонников Ланкастеров: попал в плен при Таутоне, бежал из Тауэра к королеве Маргарите во Францию и вместе с ней дошел до Тьюксбери. Только после поражения в битве и гибели молодого принца Уэльского епископ переметнулся к Эдуарду IV, служа ему с такой же преданностью. Однако он совершенно иначе воспринял Ричарда. Возможно, епископ знал правду о малолетних принцах или догадывался о том, что с ними случилось, либо многоопытный священник просто-напросто понимал: из-за

явной непопулярности новый король на троне долго не продержится*. В любом случае Мортон, видимо, стал для Бекингема духовным отцом-наставником и во время долгих бесед в замке Брекон учил его уму-разуму.

Заручившись поддержкой герцога, Мортон начал осуществлять свой замысел с визита к Маргарите Бофорт, матери Генриха. В свои сорок лет очень набожная — говорили, будто она по шесть раз в день слушала обедни, — дочь Джона, герцога Сомерсета, и правнучка Джона Гонта обладала волевым и даже грозным нравом. Она родила Генриха в январе 1457 года, после смерти его отца Эдмунда Тюдора, графа Ричмонда, и незадолго до того, как ей исполнилось четырнадцать лет. Маргарита потом вышла замуж сначала за лорда Стаффорда, дядю Бекингема, а затем за лорда Стэнли, ставшего впоследствии графом Дерби. Последний раз она видела сына четверть века назад, когда ему было всего лишь два года — он воспитывался в Уэльсе у дяди Джаспера Тюдора, графа Пембрука. Тем не менее Маргарита Бофорт, как и Мортон, была твердо убеждена в том, что ее сын наилучшим образом подходит для английского трона. Она уже тайно переговорила с бывшей королевой в убежище Вестминстерского аббатства, предложив обручить Генриха с принцессой Елизаветой. Теперь же, узнав от Мортон о солидарности Бекингема, Маргарита отправила гонца к Генриху в Бретань с последними известиями и настоятельным требованием незамедлительно выехать в Англию и объединиться с герцогом в Уэльсе.

Мятежники собрались с силами довольно быстро. В их числе, естественно, оказались все Вудвиллы — они только и ждали этого момента, — многие ланкастерцы в Уэльсе, на западе и юго-востоке страны и просто честные люди, возму-

---

* Мортон получил больше известности, малоприятной для него и, наверное, незаслуженно, благодаря эпониму «вилка Мортон», особой разновидности сбора налогов, введенной при Генрихе VII, у которого он служил канцлером. В действительности изобрел эту «вилку» не Мортон: он всегда пытался умерить алчность короля.

щенные тем, что Ричард убил племянников и захватил трон, и жаждавшие наказать узурпатора. Координировать действия столь разношерстной и разобщенной массы людей было трудно, но тем не менее на 18 октября было назначено совместное выступление. Если бы мятежники действительно восстали одновременно, то при определенной доле везения могли бы и преуспеть. К несчастью, бунтовщики на юго-востоке поторопились и выступили преждевременно. Герцог Норфолк, находившийся в Лондоне, и лондонцы, все еще в большинстве своем сохранявшие верность Ричарду, не позволили людям из Кента перейти Темзу на воссоединение с союзниками. Мятежники отошли к Гилфорду и стали ждать прибытия отрядов, двигавшихся из Уэльса под командованием самого Бекингема.

Герцог отправился из Брекона, как и намечалось, 18 октября, но смог добраться только до Форест-Дина. В первый же день небеса словно разверзлись, и потоп непрерывно продолжался целую неделю, Северн и Уай вышли из берегов, затопив все вокруг на многие мили. Через десять дней томительного ожидания уже не оставалась никаких сомнений в том, что восстание потерпело неудачу. Армия рассеялась, Бекингом, переменяя одеяние, бежал в Шропшир и укрылся там у своего давнего придворного Ральфа Баннистера. Тысяча фунтов стерлингов, обещанная Ричардом за голову Бекингема, оказалась слишком соблазнительной для Баннистера, и слуга сдал его властям. Просьбу герцога о встрече с королем отклонили, и в День всех душ, в воскресенье 2 ноября, его обезглавили на рыночной площади в Солсбери. В последующие недели такая же участь постигла и многих сподвижников Бекингема: их земли и поместья были конфискованы и розданы северным прихлебателям Ричарда, что еще больше разожгло ненависть к королю на юге.

Неудачное выступление Бекингема имело только одно важное последствие — выдвинуло на политическую авансцену Генриха, графа Ричмонда. Прежде почти никому не известный Генрих теперь стал признанным претендентом на корону

от Ланкастеров, обретя многочисленных и достаточно пылких сторонников. В конце октября он под парусами вышел из Пемполя в Бретани и попал в такой же шторм, какой разрушил надежды Бекингема, а когда прибыл в Пул в Дорсете и увидел вооруженных людей в гавани, сразу понял, что восстание провалилось. Не колеблясь ни минуты, граф Ричмонд приказал капитанам повернуть обратно и возвратился в Бретань, где и убедился в правоте своих подозрений. Некоторые из мятежников — в том числе Томас Грей, маркиз Дорсет — смогли переправиться через пролив; с ними Генрих и обсудил план дальнейших действий, пригласив их в Ренн. Здесь, в местном соборе, утром в рождественский день 1483 года они преклонились перед ним, словно он уже был их помазанником Божьим, а Генрих в ответ поклялся жениться на Елизавете Йоркской, повести их снова в Англию и добиться победы.

К началу 1484 года король Ричард III выглядел как человек, которого что-то глубоко тревожит. Конечно, он вел роскошный образ жизни такого ренессансного уровня, какого не удостаивался еще ни один английский король. Однако сэра Томаса Мор писал:

«Душа его ни на миг не бывала спокойна, и он никогда не чувствовал себя в безопасности. Когда он выходил из дома, его глаза тревожно бегали вокруг, его тело было втайне прикрыто доспехами, рука всегда лежала на рукояти кинжала, выглядел он и держался так, словно всегда готов был нанести удар. По ночам он плохо отдыхал, долго лежал без сна, погруженный в размышления; тяжело утомленный заботами и бессонницей, он скорее дремал, чем спал, и его беспокоили ужасные сны. Иногда он внезапно вскакивал, бросался вон из постели и бегал по комнате...»

Предательство Бекингема короля ошеломило. На кого еще он мог теперь положиться? Лорд Стэнли, кому он передал пост констебля Англии, занимавшийся прежде Бекинге-

мом, проявлял верность, но — и Ричард это хорошо знал — в любой момент мог перейти в другой лагерь. Граф Нортумберленд, ставший теперь лордом-обер-гофмейстером, также не заслуживал особого доверия. Оставался лишь Джон Говард, произведенный им недавно в герцога Норфолка: испытанный и настоящий друг, но ему уже было далеко за пятьдесят — по тем временам преклонный возраст.

Скорее всего впустую Ричард пытался снять с сердца камень, тратя огромные средства на поминовение умерших в церковных приделах и часовнях. Он щедро вознаградил ричмондских францисканцев в Йоркшире за то, чтобы они отслужили тысячу обеден за упокой души Эдуарда IV. Немалые деньги король пожертвовал аббатствам Тикхилл и Нарсборо и планировал даже построить просторный придел к Йоркскому кафедральному собору с шестью алтарями и сотней священников, где обедни можно было бы отправлять круглосуточно. Особенно тревожил его Генрих VI, которого, как нам известно, он почти наверняка убил собственными руками. Большинство англичан почитали Генриха как святого: к его могиле в аббатстве Чертси не иссякал поток паломников, и здесь уже народ видел несколько чудес. Летом 1484 года Ричард решил переместить останки в более достойное святилище — в августе он специально приехал на перезахоронение Генриха в часовню Святого Георгия в Виндзорском замке. Там прах убиенного короля погребли в углу южнее главного алтаря.

Душа Ричарда не знала покоя и по другим причинам. Его единственный сын Эдуард Миддлхэм умер 9 апреля в возрасте десяти лет. Король остался без наследника. Он почувствовал себя совершенно одиноким и окруженным только врагами. Удивительно, но долгое время Ричард не замечал самого опасного из них: в прокламации, выпущенной 23 октября 1483 года, сразу же после неудавшегося восстания Бекингема, имя Генриха Ричмонда среди мятежников даже не упоминалось. Лишь спустя несколько месяцев король начал относиться к нему со всей серьезностью.

Понимал он шаткость и собственного положения. Весь 1484 год Ричард III пытался завоевать симпатии подданных: разъезжал по стране, выказывая показное великодушие и демонстрируя благие намерения, раздавал привилегии, чины и поместья, но все его потуги были напрасны. Уже весной 1484 года в народе открыто обсуждалась трагическая судьба принцев.

Тем временем число сторонников графа Ричмонда стремительно нарастало, и Ричард уже не мог не считаться с надвигающейся угрозой. К Генриху, помимо Дорсета, примкнули: его дядя Джаспер Тюдор, граф Пембрук; Эдуард Кортни, граф Девон; Ричард, лорд Риверс, горевший желанием отомстить за казненного брата; Ричард Фокс, епископ Эксетерский и будущий епископ Винчестерский, а также многие менее знатные рыцари и дворяне; всего их насчитывалось вначале порядка 500 человек. Мортон, находившийся во Фландрии, поддерживал постоянный контакт. Вероятно, в один из дней апреля король впервые обратился к герцогу Бретани Франциску и предложил ему некую сделку, с тем чтобы образумить графа Ричмонда. Как нам известно, в мае в Англию для переговоров приезжали агенты продажного Пьера Ландуа, главного министра герцога. 8 июня в Понтефракте было подписано соглашение с тайными договоренностями о том, что король согласен выплатить значительное вознаграждение — включая все доходы графства Ричмонд — в обмен на содержание под стражей Генриха Тюдора до определенного времени.

Поскольку герцог Франциск страдал от периодических приступов безумия, деньги Ландуа скорее всего прикарманил, а за дополнительную плату обещал сдать Генриха Ричарду. К счастью, сделать это ему не удалось. По свидетельству Полидора Вергилия, епископ Мортон, повсюду имевший осведомителей и потому вовремя узнавший о сговоре, успел и предупредить Генриха, и устроить побег во Францию. Где-то ближе к концу лета Генрих перебрался через границу в Анжу за час до того, как Ландуа послал за ним солдат.

Графу Ричмонду повезло: отношения между Францией и Бретанью были в то время особенно напряженными. У герцога Франциска не было сына-преемника, и все ожидали (с полным основанием), что после его смерти французский король попытается аннексировать герцогство, а король Англии, со своей стороны, будет этому противодействовать. В такой ситуации Генрих Ричмонд мог стать полезным союзником. Тринадцатилетний Карл VIII и его старшая сестра Анна де Божё, правившая страной вместо брата, приняли Генриха радушно, обещая в случае необходимости предоставить финансовую помощь. Все складывалось удачно. Вскоре после прибытия во Францию к Генриху Ричмонду присоединился один из самых ярких ланкастерцев Джон де Вер, граф Оксфорд. Еще в 1473 году граф Оксфорд при поддержке своего друга лорда Бомонта завладел горой Сант-Майкл в Корнуолле* и удерживал островок больше четырех месяцев. Это было предприятие донкихотское, и следующие десять лет он провел в заточении в замке Хаммес у Кале. За неделю или две до побега Генриха из Бретани граф Оксфорд уговорил капитана Джеймса Бланта освободить его и вместе пополнить ряды изгнанников при французском дворе. Когда-то он был лордом-верховным констеблем Англии и превосходным командующим, проявлявшим исключительную отвагу в битве. Генрих встретил обоих с объятиями и особенно порадовался тому, что Блант оставил жену командовать гарнизоном в замке Хаммес, наказав ей не сдавать крепость Ричарду. Его супруге действительно в скором времени пришлось выдержать длительную осаду королевских войск: она капитулировала лишь в конце января 1485 года, получив гарантии помилования для себя, своего мужа и всего гарнизона.

Консолидация оппозиционных сил во Франции уже по настоящему встревожила Ричарда. 7 декабря он выпустил первую прокламацию против «Генри Тиддера», готовящегося утолить свою «ненасытную алчность» совершением «са-

---

* См. гл. 16.

мых жестоких в истории христианства убийств, грабежей и других злодеяний». На следующий день король почти во все графства отправил комиссии по военному набору и уже 18 декабря потребовал от уполномоченных доложить о том, сколько дворян, джентри и вообще вооруженных воинов он может собрать за двенадцать часов. На Рождество Ричард устроил в Вестминстере помпезное торжество, но праздника не получилось: все уже предчувствовали, что грядет вторжение и возобновление гражданской войны, и думали больше о том, чью сторону занять, дабы выжить.

Появилась еще одна невзгода: умирала королева. Она так и не оправилась после смерти сына, случившейся восемь месяцев назад, однако ее собственная мертвенная бледность и скелетообразное состояние вызывалось не только тяжелой утратой. Неизбежно злые языки распустили слухи о том, будто ее отравил супруг. А он действительно не только относился к жене с подчеркнутой холодностью и отказывался ложиться с ней в одну постель, ссылаясь, правда, на рекомендации докторов, но и во всеуслышание жаловался на ее неспособность родить ему второго ребенка. К тому же ни для кого не было секретом его намерение жениться на племяннице Елизавете Йоркской: недавно он ввел ее в число придворных особ, и Елизавета, несмотря на то что ее официально объявили бастардом, зимой уже играла заметную роль в свите короля. Самое благовидное объяснение его повышенного внимания к племяннице — то, что он, возможно, хотел таким образом сорвать коварные замыслы графа Ричмонда*, хотя летописец из Кройленда туманно намекает и на «многие другие мотивы, о которых совестно писать». Не исключено, что отношения Ричарда с Елизаветой, превратившейся к этому времени в необычайно прелестную девятнадцатилетнюю девушку, выходили далеко за рамки стандартных дядюшкиных симпатий.

---

* Полидор Вергилий сообщает нам, что Генриха «задели за живое» слухи о намерениях Ричарда.

Королева Анна умерла 16 марта 1485 года, и ей было всего двадцать восемь лет. Несмотря на очевидную черствость Ричарда и затмение солнца, случившееся в тот же день, к суеверному ужасу всех, кто его наблюдал, более вероятным представляется то, что ее погубил не яд, а обыкновенный туберкулез. Так или иначе, Ричард не женился на Елизавете. Опять же по свидетельству летописца из Кройленда, король отказался от этой идеи по настоянию двух ближайших советников, Уильяма Кейтсби и сэра Ричарда Ратклиффа, сказавших ему откровенно и прямо: его подданные не потерпят такого надругательства над их чувствами. Мало того, советники предупредили: если король публично не заявит, что он и в мыслях не держал ничего подобного, то и северяне восстанут против него, обвинив в убийстве королевы — дочери их славного героя графа Уорика — ради удовлетворения своей преступной похоти. И 30 марта 1485 года — через две недели после кончины супруги — Ричард выступил в ските рыцарей ордена Святого Иоанна в Клеркенуэлле, провозгласив: ему и в голову не приходило жениться на племяннице, он никогда не желал смерти королевы, а скорбел и переживал как всякий муж. Елизавету король отослал в свой замок в Шерифф-Хаттон, где она и пребывала в компании с молодым графом Уориком, сыном Кларенса, до битвы при Босворте.

Тот же летописец сообщает нам, что во время праздника Крещенского сочельника в Вестминстер-Холле королю доставили срочную депешу от «его шпионов за морем». Агенты предупреждали: враги, без сомнения, вторгнутся в королевство уже летом. Рассказывали, будто Ричард ответил: ничто не могло его так обрадовать, как «это известие». Возможно, король говорил искренне. Он устал жить в постоянном напряжении, и до развязки оставалось ждать совсем немного.

Всю весну и начало лета 1485 года Генрих Ричмонд готовил армию и корабли для похода в Англию. Войско его было невелико, не больше 2000— 3000 человек, и лишь наполовину состояло из обученных военному делу профессио-

налов, в основном валлийцев; другую половину составляли, по описанию Коммина, «самые ненадежные люди, каких только можно было отыскать и набрать в Нормандии». К июлю приготовления закончились. 1 августа корабли отплыли, и через шесть дней, перед заходом солнца в воскресенье, 7 августа, флотилия бросила якоря у Милфорд-Хейвена в Южном Уэльсе. Начиная с весны, Ричард постоянно держал в Ла-Манше две флотилии, патрулировавшие пролив, но кораблям Генриха каким-то образом удалось их миновать и высадка происходила без помех. С другой стороны, Генриха не встретили ни чрезвычайно влиятельный валлийский дворянин Рис ап Томас, ни сэр Джон Савидж, родич Стэнли, ни сэр Гилберт Толбот, дядя молодого графа Шрусбери: все трое обещали ждать его на берегу. На французских солдат уже разлагающе начали действовать распространившиеся слухи о приближении армии Ричарда. Медлить было нельзя, и наутро Генрих повел свое войско на северо-восток, намереваясь у Шрусбери перейти через Северн.

И наконец фортуна ему улыбнулась. Перед ним сразу же открылись ворота города (для Бекингема они оставались закрытыми). В Ньюпорте на границе Стаффордшира к нему присоединился Рис ап Томас, приведя с собой около 1000 человек, а через день или два появился и сэр Гилберт Толбот с 500 воинами. Прибытие его людей имело для Генриха особое значение. Помимо нормандцев армия графа Ричмонда состояла в большинстве своем из валлийцев; теперь в нее влился солидный контингент местных йоменов из Шропшира. Если они согласились встать под его знамена с красным драконом, то за ними могут последовать и их земляки. По мере продвижения к Личфилду и Тамуорту численность его войск постепенно возрастала. Вначале подошли сэр Уолтер Хангерфорд и сэр Томас Берчер, бывшие придворные Эдуарда IV, уличенные в причастности к мятежу Бекингема. Ричард простил обоих, но не вернул конфискованные поместья, и их неопределенное положение вряд ли изменилось бы, если бы он продолжал властвовать. Вскоре показался и отряд

долгожданного сэра Джона Савиджа из Чешира, недавнего самого верного сторонника Ричарда.

Сам же король находился в Ноттингеме. Ричарда несколько беспокоило быстрое продвижение Генриха, однако он все не считал, что безвестный валлиец может угрожать его короне. Силы противника нарастали, но они в любом случае могли составить лишь малую толику той армии, которую он, законный король Англии, способен выставить как только пожелает. Первым ушат холодной воды на него вылил Томас, лорд Стэнли. Он вызывал подозрения уже тем, что был отчимом Генриха. Ричард вознаградил его разнообразными почестями, а сын Томаса, лорд Стрейндж, которого он держал при дворе в качестве заложника хорошего поведения отца, неустанно убеждал короля в неизменной преданности всего семейства. Однако примерно в один из тех грозных дней Стэнли уведомил Ричарда о своем недомогании и неспособности исполнить обещание и присоединиться к армии короля, а вскоре поймали Стрейнджа, пытавшегося сбежать. Под пытками сын Стэнли быстро признался в том, что он сам, его дядя сэр Уильям Стэнли и еще несколько лордов действительно собирались перейти на сторону графа Ричмонда, однако отец в эту группу якобы не входил. Ричард ему, естественно, не поверил. По его извращенным представлениям, Стрейндж просто-напросто спасал свою шкуру, но как сын мятежника, все еще оставался ценным заложником, хотя уже и был бесполезен как союзник. Стэнли же, отказавшись поддержать его, моментально превратился в изменника.

Продвигаясь на юг от Ноттингема к Лестеру, месту сосредоточения армии, Ричард все больше убеждался в том, что у Стэнли слишком много последователей. Пэры, рыцари, сельские помещики, если и не шли к графу Ричмонду, то и не вставали под знамена короля. Они предпочитали сидеть дома. Два года назад на коронации присутствовали 33 дворянина. Теперь, помимо Норфолка, Нортумберленда и явно ненадежного Стрейнджа, в его армии остались только сын Норфолка граф Суррей, лорды Ловелл, Феррерс и Зуш, да

еще, может быть, один или два соратника ждали его в Лестере. С рыцарями и джентри точно такая же история. Душой они в большинстве своем солидарны с Генрихом Тюдором. Они и признают Ричарда своим королем, коронованным и помазанным, и боятся его жестокосердия и мстительности.

Ранним утром в воскресенье, 21 августа, король Ричард III вышел из Лестера, помпезно и величественно ведя армию, состоявшую из 12 000 человек. На нем красовалась изящная золотая корона, и ее присутствие на монаршей голове указывало не столько на королевский сан обладателя, сколько на его неуверенность в собственном положении: ни один английский властитель не носил этот знак избранности с таким усердием. Ближе к вечеру, услышав приближение Ричмонда, Ричард расположился на возвышенности в двух милях к югу от современного городка Маркет-Босворт*. Генрих с войском, насчитывавшим, может быть, около 5000 человек, в это время находился милях в трех к юго-востоку. Вряд ли он горел большим желанием сразу же вступить в первое в своей жизни сражение, зная о превосходящих силах короля. Граф Ричмонд мог рассчитывать только на помощь лорда Стэнли и его брата сэра Уильяма: с ними у него состоялся продолжительный разговор в Атерстоне за день или два до битвы. Встреча была душевной, но намерения братьев так и не прояснились. (Король все еще держал заложником их сына и племянника.) Они привели к Босворту около 8000 воинов, и соотношение сил могло сложиться в пользу Генриха, если бы ему удалось привлечь их на свою сторону.

---

* Нам известно очень мало о битве при Босворте, по крайней мере гораздо меньше, чем о предшествовавших ей сражениях Войны роз. Помимо краткого упоминания в Кройлендской хронике мы располагаем еще описанием Полидора Вергилия. Хотя он прибыл в Англию лишь в 1502 г., ему, видимо, удалось получить свидетельства от некоторых очевидцев. В современном Центре битвы при Босворте, созданном, как предполагается, на месте побоища, дается живописное представление о сражении, хотя его историческая достоверность сомнительна.

На восходе солнца 22 августа армии уже выстроились в боевые порядки. Авангард короля занял вершину холма. Им командовал герцог Норфолк, авангард состоял из кавалерии и пехоты, лучников и стрелков. За ними встал Ричард, на его шлеме сиял золотой венец, в окружении отборного отряда тяжеловооруженных всадников и регулярной кавалерии. Далее расположились солдаты герцога Нортумберленда, 3000 человек. Армия Генриха Тюдора оказалась на менее выгодных позициях — у подножия холма. В центре стоял граф Оксфорд, слева от него — сэр Джон Савидж, а справа — сэр Гилберт Толбот. Сам же Генрих расположился позади Оксфорда, с ним был небольшой отряд всадников и тяжеловооруженных пеших воинов. Граф Ричмонд уже послал к братьям Стэнли гонца, прося их прийти на помощь, но получил обычный уклончивый ответ. Примерно в это же время к ним обратился с аналогичным запросом и Ричард, пригрозив убить Стрейнджа за отказ отца немедленно прийти с войском к королю. Генрих порадовался бы, если бы знал, что Стэнли по-прежнему медлил, и ответил Ричарду довольно резко и грубо: Стрейндж у него не единственный сын, есть и другие.

Не оставалось никаких сомнений в том, что братья Стэнли не двинутся с места до тех пор, пока не станет ясен ход сражения. Тянуть время уже было бессмысленно. Находясь в менее выгодном положении, Оксфорд понимал, что глупо ждать, когда на него сверху обрушится вражеская лавина, и ему надо с самого начала завладеть инициативой. Он дал приказ идти вверх по склону, и тогда с холма пошел в наступление Норфолк. Королевский союзник, обладая численным превосходством, мог выиграть битву одним ударом. Однако многоопытный Оксфорд заставил своих людей сгруппироваться в плотный клин — так чтобы никто из них не отходил от штандартов далее 10 футов. Лавина Норфолка, наткнувшись на непробиваемый клин, растеклась надвое, натиск потерял темп, и завязалась ожесточенная рукопашная схватка.

С этого момента битва превратилась в невысказанно хаотичную кровавую потасовку. Норфолк пал, очевидно, одним из первых: ему стрелой пробили горло после того, как Оксфорд расплющил его латный воротник. Похоже, Генрих решил еще раз попытаться уговорить Стэнли, поскольку внезапно поскакал в их сторону. Ричард, увидев его знамя, ринулся со своей свитой за ним. Два двора сцепились друг с другом в лучших традициях средневековых рыцарских боев, и Генриху впервые пришлось сражаться не на жизнь, а на смерть. Как нас убеждают, граф Ричмонд сражался мужественно, но в его группе было значительно меньше воинов и скоро стало ясно, что и он сам, и все Тюдоры терпят крах.

От неминуемого поражения его спас сэр Уильям Стэнли. Старший брат все еще колебался, но сэр Уильям, наблюдавший за битвой с расстояния в полмили, все-таки решился вступить в схватку. Он дал команду своему войску, уже давно ждавшему приказа идти в атаку, пришпорил коня и помчался на выручку к Генриху. Неожиданное появление на поле брани 3000 воинов, не успевших притомиться и жаждавших дать волю рукам, полностью изменило ход сражения. Под Ричардом убили его белого скакуна, и он дрался пешим. Соратники, видя, что битва проиграна, просили его уйти, но он продолжал отбиваться, размахивая тяжелой булавой, пока не свалился под чьими-то ударами. Он оставался на месте, бежала его армия. Ричард умер со словами: «Измена! Измена!» — но, как и хотел, королем Англии.

Битва при Босворте не относится к числу крупных сражений. Она длилась часа два и к восьми утра, по всей вероятности, закончилась. Если даже учесть и те жертвы, павшие в ходе преследования остатков королевской армии графом Оксфордом, то под Босвортом погибло менее 1000 человек. Тем не менее сражение стало поворотным событием в истории Англии. Оно подвело черту под правлением династии Плантагенетов и Войной роз и завершило Средневековье. Англия Генриха Тюдора и его преемников станет совершенно другой нацией, более осмысленной и благополучной.

Согласно легендам, Генриха VII короновали непосредственно на поле битвы — Стэнли снял золотой венец со шлема убитого короля и водрузил его на голову победителя. Новый король первым делом отдал приказ арестовать герцога Нортумберленда. В то же время он, напротив, должен был его благодарить. Нортумберленд, демонстрировавший Ричарду верность до битвы, после того как она началась, отказался выполнить приказ короля идти вперед, и его войско оставалось на вершине холма, равнодушно взирая на побоище, проходившее внизу. Сейчас же он преклонился перед Генрихом и присягнул ему. Однако короля эти жесты не тронули. Возможно, Генрих посчитал, что герцог предал их обоих — не только Ричарда. Нортумберленд слишком долго выжидал. Какое-то время он провел в заточении, но потом король вернул ему все его титулы и привилегии.

Сам же Генрих, безусловно, заслуживает хулы за надругательство над телом погибшего Ричарда. Составитель «Большой лондонской хроники» писал:

«Покойного короля Ричарда, столь славно покидавшего город утром, сегодня после обеда столь же непочтительно привезли в этот же город; с его тела сорвана вся одежда, не оставлено ничего, чем можно было бы прикрыть срамное место; его связали... как будто это была свинья или какое-то другое поганое животное. Обмазав грязью и помоями, его доставили в церковь в Лестере на всеобщее обозрение и удивление, а после с полным безразличием похоронили».

Позднее, много позднее Генрих VII распорядился установить надгробный камень на ничем не обозначенной могиле Ричарда в церкви францисканцев в Лестере. Это обошлось ему в десять фунтов и один шиллинг.

19

«Король Ричард III» (1471—1485)

К о р о л ь Р и ч а р д :

Меня природа лживая согнула
И обделила красотой и ростом.
Уродлив, исковеркан и до срока
Я послан в мир живой; я недоделан, —
Такой убогий и хромой, что псы,
Когда пред ними ковыляю, лают.
Чем в этот мирный и щедушный век
Мне наслаждаться? Разве что глядеть
На тень мою, что солнце удлиняет,
Да толковать мне о своем уродстве?
Раз не дано любовными речами
Мне занимать болтливый пышный век,
Решился стать я подлецом...

«Король Ричард III»

Со времен нормандского завоевания Ричард III был и остается в истории Англии единственным королем, убитым в сражении, и только его имя окружено суеверными легендами. В главной из них, рожденной Томасом Мором и художественно оформленной Шекспиром, он представлен увечным горбуном, в чьем уродливом теле заключена душа злодея. Побуждаемый неумным тщеславием, Ричард уби-

вает слабоумного Генриха VI, его сына Эдуарда, принца Уэльского, совращает Анну, жену Эдуарда, подстраивает смерть собственного брата Кларенса и избавляется от двух мальчишек-племянников, один из которых уже признан законным королем, заточая их в лондонский Тауэр. Скорее всего он отравил свою супругу и почти наверняка женился бы на племяннице, если бы не опасался негативной реакции общества. Он поступает подобно многим чудищам итальянского Ренессанса, в котором образцом государственного и политического деятеля был его современник Чезаре Борджиа, а типичным мыслителем и глашатаем — другой его современник Николо Макиавелли. Для них в достижении цели все средства были хороши, и никакое преступление или предательство не казалось им непозволительным, если оно совершалось ради поддержания власти правителя.

Уже в более недавние времена появилась другая легенда, постепенно вытеснившая первую. Согласно этому преданию, Ричард был великим и добрейшим человеком, без каких-либо физических недостатков, и если бы ему не помешали обстоятельства, то он бы восстановил мир и справедливость в своем королевстве. Однако он стал жертвой самой гнусной кампании очернительства в истории человеческих отношений. Его опорочили преднамеренно, и все злодейские преступления, в совершении которых он абсолютно невиновен, были приписаны ему. Из человека, потенциально способного стать одним из величайших английских монархов, сделали невероятно отвратительную личность.

Сторонников этой теории вряд ли можно поставить в один ряд с такими корифеями, как Томас Мор и Шекспир. Но среди них можно встретить и основоположника готического романа Хораса Уолпола, и авторитетных историков вроде Пола Марри Кендалла, и романистов, подобных Джозефине Тей: ее великолепная «Дочь времени», пожалуй, внесла самый большой вклад в прославление доброго имени Ричарда. Для них архизлодеем является, конечно, Генрих VII: он-то и есть настоящий узурпатор, хотя и имел на корону

гораздо меньше прав, чем его предшественник. Лишь выставив Ричарда в образе дьявола, Генрих мог оправдать собственные поступки. Если он сверг Ричарда, то с таким же успехом мог и убить двух малолетних принцев. Для этого у него были точно такие же основания, и он, без сомнения, причастен к другим казням — даже к умерщвлению в 1495 году сэра Уильяма Стэнли, десять лет назад помогшего ему в битве при Босворте.

Проблема с этой версией заключается в том, что она противоречит нашему лучшему свидетелю сэру Томасу Морю. Согласиться с ней — значит опорочить его так же, как он опорочил Ричарда, а сделать это вовсе не просто. Во-первых, Томас Мор не был, как думают некоторые, «более поздним историком». Он родился при Эдуарде IV, в год битвы при Босворте ему было семь лет, и Мор, безусловно, знал многих современников Ричарда, в том числе тех, кто занимал высокие посты при королевском дворе. Его предшественник на должности помощника казначея сэр Джон Каттс был у Ричарда распорядителем королевских земель. Отец Мора, видный лондонский адвокат, мог рассказать ему много интересного о событиях той эпохи. Можно ли считать тогда Томаса Мора бессовестным пропагандистом своего властелина Генриха VII? Конечно же, нет. Во всем, что нам известно о нем, нет даже намека на то, что он был способен поступиться своей честностью или писать заведомую ложь. И мы имеем в виду не только канонизированного церковью святого, но и человека, считавшегося лучшим юристом Европы не кем иным, как Эразмом Роттердамским. Важно и то, что достоверность его свидетельств подтверждается современниками. Доминик Манчини, Филипп де Коммин, анонимный автор «Продолжения Кройлендской хроники» — им почти наверняка был Джон Рассел, епископ Линкольна и канцлер Оксфордского университета — все они согласны с Томасом Мором. То же самое можно сказать и о Полидоре Вергилии: хотя он и появился в Англии в 1502 году, историк успел лично поговорить «со всеми престарелыми очевидцами, зани-

мавшими прежде высокое общественное положение». Таким образом, имеется множество свидетельств, не оставляющих никаких сомнений в том, что свою неблагоприятную репутацию Ричард завоевал еще при жизни и не было никакой надобности в его последующем злонамеренном очернительстве*.

Как мы уже знаем, Шекспир вольно обращается с хронологией. В пьесе «Ричард III» с этим мы сталкиваемся уже в первой сцене первого акта, открывающейся знаменитым монологом «нынче солнце Йорка злую зиму в ликующее лето превратило» и разговором Глостера с арестованным Кларенсом. Судя по тексту, они встретились в начале лета 1477 года, хотя следующая сцена — Ричард домогается леди Анны — проигрывается на фоне похорон Генриха VI, в действительности погребенного шесть лет назад. Мало того, Шекспир и в этом сюжете не желает считаться с датами. Генрих скончался 21 мая 1471 года, его похороны должны были состояться через день или два. Однако Ричард упоминает о том, что он заколол принца Уэльского «три месяца назад» — то есть вскоре после Тьюксбери, — и это обстоятельство датирует сцену с любовными домогательствами Ричарда и похоронами Генриха приблизительно началом августа. Естественно, Шекспира мало интересовало то, что Ричард скорее всего не был причастен к гибели принца. Анна же, хотя и была обручена с молодым человеком в 1470 году, реально так и не стала его женой.

Ричард с гордостью, но с точки зрения истории безосновательно, берет на себя ответственность за крах брата Кларенса. Мы нисколько не сомневаемся в его способностях в случае необходимости совершать негодные поступки. Кларенс избавил его от таких хлопот. Как мы уже знаем, он был первейшим врагом самому себе и сам накликнул на себя беду.

---

* Детально эти легенды рассмотрены в предисловии к книге Дезмонда Сьюарда «Ричард III» (Лондон, 1982), возможно, самом полном и интересном биографическом исследовании, изданном о короле в последнее время.

Действительно, в то время существовало поверье — и о нем говорили вслух, — будто потомки короля Эдуарда лишатся трона из-за человека, чье имя начинается с буквы Г, а герцога Кларенса звали Георгом (Джорджем)*. Однако у короля имелись гораздо более серьезные причины для того, чтобы ополчиться против него. Другая историческая неточность, хотя и малозначительная, связана с сэром Робертом Брекенбери (Бракенбери)** — вступление и четвертая сцена. Его назначили комендантом Тауэра только в 1483 году, и он не имел никакого отношения ни к заточению Кларенса, ни к его смерти.

Чрезвычайно трудно датировать третью сцену: нам приходится принимать за исторический факт появление королевы Маргариты Анжуйской, но и тогда наши допущения будут весьма приблизительными. Маргарита подверглась тюремному заключению после сражения при Тьюксбери и четыре года провела в условном заточении, пока ее в 1475 году не выкупил Людовик XI. Соответственно она могла появиться при английском дворе теоретически где-то в это время. Но было ли ей это позволено? Вряд ли. История становится еще запутаннее, когда Ричард спрашивает:

Не изгнана ли ты под страхом смерти?

И королева Маргарита отвечает:

Да, изгнана. Но мне изгнание хуже,
Чем смерть, что дома поразит меня.

Маргарита, как нам известно (и это, безусловно, знал Шекспир), не была изгнана. В четвертой сцене четвертого акта Шекспир вновь вводит ее в действие — после смерти

---

* Английское имя George. — *Примеч. пер.*

** В этой главе все английские имена при изложении содержания сцен даются по тексту русского перевода пьесы. — *Примеч. пер.*

двух малолетних принцев и ее собственной, поскольку она умерла в 1482 году, — и это лишь доказывает то, что автор вписал ее появление в обоих сюжетах, желая усилить театральный эффект и намеренно пренебрегая исторической правдой.

Четвертая и последняя сцена первого акта целиком посвящена умерщвлению Кларенса. Вначале герцог рассказывает о привидевшемся ему сне:

Я видел сотни кораблей погибших
И потонувших тысячи людей,
Которых жадно пожирали рыбы;
И будто по всему морскому дну
Разбросаны и золотые слитки,
И груды жемчуга, и якоря,
Бесценные камни и брильянты...
Тут буря началась в моей душе,
И будто мрачный лодочник, воспетый
Поэтами, через поток печальный
Меня в край вечной ночи перевез.
Скитальческую душу первый встретил
Мой знаменитый тесть, великий Уорик...
И он исчез. И вот за ним другая
Тень — ангела со светлыми кудрями,
Намокшими в крови: и мне кричит:
«Здесь Кларенс, лживый, вероломный Кларенс,
Злодей, под Тьюксбери меня убивший!»

Затем он упрашивает убийц сохранить ему жизнь: один из них настроен решительно, другого слегка мучают угрызения совести. Эта сцена, наполненная драматизмом и поэтичностью, написана пером великого мастера; ей не хватает лишь исторической достоверности. В конце предыдущей сцены мы присутствуем при том, как Ричард наставляет двух наемных убийц, и наемники перед убийством неоднократно называют своей жертве, не желающей им поверить, человека, чье пору-

чение они должны исполнить. Шекспир убеждает аудиторию: Ричард, помимо других злодеяний, совершил и братоубийство, в чем, как нам известно, он был совершенно невиновен. Эпизод с бочкой мальвазии*, естественно, сохранен: слишком красочен, чтобы его не использовать. Само утопление осталось за сценой — к неудовольствию публики и к радости актера, которому пришлось бы в этом участвовать.

Шекспировской версии братоубийства противоречит то, что в январе 1478 года Кларенс был приговорен к казни. Драматург решает эту проблему в первой сцене второго акта. Ричард сообщает о смерти герцога, и умирающий король выражает недоумение:

Как! Кларенс мертв? Был отменен приказ!

Ричард отвечает:

Бедняк по первому приказу умер.
Приказ тот вестник окрыленный нес;
Второй приказ нес мешкотный калека,
И он едва поспел к похоронам.

Надо полагать, в роли «мешкотного калеки» Ричард видел себя. Исторически не имеется никаких свидетельств, которые указывали бы на возможность помилования герцога. Весь эпизод придуман Шекспиром для того, чтобы окончательно возложить вину за его убийство на Глостера. Он позволяет также и Шекспиру и Ричарду насолить королю, который хотел примирить братьев с Вудвиллами, дабы умереть спокойно. Теперь же Эдуард будет мучиться от угрызений совести и ожиданий Божьей кары.

Болезнь и переживания короля — тоже изобретение Шекспира. Если не считать излишнего веса, то во время убийства Кларенса король находился в полном здравии. Сомнительно

---

* См. гл. 17.

также, чтобы умерщвление несносного братца вызвало у него какие-либо чувства вины. Сам умирающий король пережил Кларенса на целых пять лет, и о его смерти мы узнаем во второй сцене. Действие происходит сначала в 1478 году — дети Кларенса, в то время пятилетняя Маргарита Плантагенет и трехлетний Эдуард, расспрашивают бабушку о смерти своего отца — и без предупреждения перескакивает в 1483 год: появляется вдова-королева с «распущенными волосами», скорбящая по мужу, в сопровождении брата Риверса и сына Дорсета. Последовавшее за этим шоу, которое можно назвать состязанием стенаний — в нем побеждает старая герцогиня Йоркская, сумевшая одновременно оплакать не только покойного короля, но и супруга, похороненного двадцать три года назад, и другого сына, лежащего в земле пять лет, — прерывается только прибытием Ричарда, Бекингема, Стенли (Стэнли), Хестингса (Гастингса) и Ретклифа (Ратклиффа). Бекингом предлагает отправить делегацию в Ладлоу за принцем, новым королем. Риверс соглашается, все уходят, кроме Ричарда и Бекингема: они остаются, чтобы поразмыслить над дальнейшими действиями.

Затем трое горожан разыгрывают очень короткую сцену, иллюстрирующую озабоченность народа смертью короля. Ремарка первого горожанина сомнительна: Генрих VI не был «коронован в Париже в девятимесячном возрасте»*. Первый раз его короновали в Вестминстере, когда ему было восемь лет, в Париже повторили коронацию через два года**. В начале четвертой сцены архиепископ Йоркский сообщает о том, что Эдуард V и его свита подъезжают к Нортгемптону***, а потом происходит разговор, в котором младший брат ко-

---

* В русском переводе Париж и возраст не упоминаются: «При Генрихе Шестом все было так же; Он королем стал, будучи младенцем». — *Примеч. пер.*

** Шекспировский король Генрих пребывал в аналогичном заблуждении. См. гл. 16.

*** В русском переводе Эдуард V и его свита миновали Нортгемптон и находились на пути в Стоуни-Стратфорд. — *Примеч. пер.*

роля герцог Йоркский проявляет себя неприятно докучливым ребенком. В этот момент показывается гонец, доставивший известия об аресте и заточении в «Помфрет» Риверса и Грея. В действительности их отправили сначала в Шериф-Хаттон, замок Ричарда, а затем перевели в Понтефракт, чтобы впоследствии казнить. Шекспир не обращает внимания на такие мелочи. Для него важнее высветить решение королевы скрыться вместе с сыном. (Пять дочерей, бежавших с ней, даже не упоминаются.)

Удивительно и то, что Шекспир практически проигнорировал первый серьезный выпад Ричарда против Вудвиллов, — для драматурга, казалось бы, превосходный сюжет. Ему стоило только вообразить, как ночью в Нортгемптоне Ричард и Бекингом усиленно потчуют вином Риверса и Грея, а наутро сбрасывают все маски. Или встречу Ричарда и Бекингема с юным королем в Стоуни-Стратфорде, когда они обвиняют Вудвиллов в измене и пресекают его попытки защитить их. Шекспир же ограничился краткими и скучными разъяснениями гонца. Без сомнения, у Шекспира были свои соображения. Однако упущенные сюжеты прекрасно иллюстрируют характер Ричарда — его непорядочность, изворотливость и бессовестность. И нам остается лишь с досадой и сожалением перейти к третьему акту.

4 мая в Лондон прибывает юный король: его диалог с дядей дает нам некоторое представление о том, что могло происходить в Стоуни-Стратфорде. Эдуард с неохотой соглашается пожить в Тауэре — не только из-за зловещей репутации этого заведения (крепость приобрела ее в последующие столетия), но и потому (как мы догадываемся), что там совсем недавно были убиты король и принц крови*. Такова, безусловно, реакция мальчишки герцога Йоркского, тем не менее они оба и вместе уходят в Тауэр. (Исторически, как нам известно, ничего подобного не было. Кардиналу Берчеру

---

* Крепость заложил Вильгельм Завоеватель, а не Юлий Цезарь, как утверждает Бекингом.

потребовалось несколько дней для того, чтобы уговорить королеву Елизавету отпустить сына.) Первая сцена завершается тем, что Ричард и Бекингам наставляют своего прихвостня Уильяма Кетсби (Кейтсби) прозондировать отношение Хестингса (Гастингса) к захвату короны Ричардом и сообщить ему о предстоящей завтра в Понтефракте казни «злых его врагов» Риверса, Грея и двух их сторонников Томаса Вогена (Вона) и Ричарда Хота.

Во второй сцене Кетсби (Кейтсби) исполняет поручение. Хестингс (Гастингс) отвечает без обиняков:

Скорей дам голову свою срубить,
Чем так переместить венец позволю.

Тем не менее Хестингс (Гастингс) по-прежнему верит в доброе отношение к нему Ричарда и Бекингема и высмеивает лорда Стенли (Стэнли), пытающегося склонить его к побегу. Только в четвертой сцене — в промежутке узники помфретского замка перед казнью трогательно прощаются друг с другом — он избавляется от своего заблуждения, когда герцог Глостер на совете пэров и его посылает на плаху. Шекспир строго следует описаниям Мора и Холла (последний в свою хронику инкорпорировал версию Мора): внезапность обвинения, иссохшая рука, клубника епископа Илийского — сохранены даже такие подробности. Проблема, как всегда, с датами. Ведь нам известно, что Эдуард V прибыл в Лондон 4 мая, совет пэров состоялся 13 июня, узников Понтефракта обезглавили 25 июня, почти через две недели после казни Гастингса*. Исторически Гастингс не имел возможности испытывать удовлетворение оттого, что его враги отправились на плаху раньше, как это представлено в пьесе.

Последние эпизоды сцены тоже взяты из хроник Мора и Холла. Шекспир знакомит нас с легковерным лорд-мэром,

---

* Мор и Холл утверждают, что узников Понтефракта казнили «в тот же день и почти в тот же час, когда в лондонском Тауэре обезглавили лорда-гофмейстера».

представляющим «достойных граждан города»: Ричард и Бекингем, «в заржавленных, очень плохих доспехах», объясняют, почему им пришлось убить Хестингса (Гастингса). Затем Ричард посылает Бекингема в ратушу растрезвонить всем о том, что его братья — бастарды, и поручает другому прихлебателю, лорду Ловелу, привести Шоу, брата лорд-мэра — он вскоре должен будет выступить с льстивой проповедью, — а его приближенный сэр Ричард Ретклиф (Ратклифф)* уходит за монахом-августинцем Пенкером**. Оба эти персонажа — «блестящие проповедники, в большей мере ученые, нежели добродетельные, в большей мере известные, нежели ученые, и все-таки в большей мере ученые, нежели праведные». Пятая сцена***, монолог писца — всего четырнадцать строк, иллюстрирует вывод Мора о том, что пространная и тщательно составленная прокламация о смерти Гастингса была подготовлена задолго до его казни. Последняя сцена этого акта распадается на две части. В первом эпизоде, который можно датировать 24 июня, Бекингем докладывает Ричарду о своих бесплодных попытках побудить горожан у ратуши к восхвалению нового короля, а они

ни слова не сказали,
Как будто камни или истуканы,
И, бледные, глядели друг на друга.

Во втором эпизоде — в действительности он происходит на следующий день — к протектору в Бейнардский замок заявляются Бекингем, лорд-мэр, группа горожан и упрашивают его принять корону. Дважды он отказывается, потом с неохотой уступает их просьбам и предупреждает:

Но если безобразный срам, злословье
За вашим принуждением вслед придут, —
Да будет мне щитом насилье ваше

---

* В русском переводе за монахом Глостер посылает Кетсби. — *Примеч. пер.*

** Так монаха называет Холинshed. У Холла он — Пинки.

*** В русском переводе — шестая сцена. — *Примеч. пер.*

От грязной клеветы и от бесчестья.
Бог видит, видите теперь и вы,
Как от желаний этих я далек.

По пьесе и лорд-мэра, и горожан покорил благочестивый облик Ричарда, представшего перед ними с молитвенником в руках и в сопровождении двух святых отцов. С точки зрения исторической достоверности мы можем быть уверены в том, что к этому времени делегаты уже прекрасно знали: они участвуют в спектакле.

В начале четвертого акта мы вновь попадаем в мир шекспировской фантазии. Стенли (Стэнли) настоятельно просит леди Анну незамедлительно идти в Вестминстер на коронацию, и это обстоятельство ясно указывает на то, что сцена происходит в воскресенье, 6 июля. Вдова-королева Елизавета, направляющаяся к своим сыновьям, в это время в действительности все еще укрывалась в храме. С другой стороны, верно то, что и тогда, и по крайней мере в продолжение предыдущих двух недель к принцам в Тауэр никого не допускали. Маркиз Дорсет, сын Елизаветы от первого брака, тоже прятанный в храме, к тому времени бежал, и, хотя мы знаем, что Ричард гонялся за ним с собаками на «манер охотника», ему удалось уехать во Францию. Даже если бы его мать, переживавшая за сыновей, и собиралась идти в Тауэр, то он никак не мог бы ее сопровождать.

Во второй сцене Шекспир усиливает дьявольский образ Ричарда. Сначала король обсуждает с Бекингемом то, как ловчее избавиться от двух принцев, затем поручает Стенли (Стэнли)* распусть слухи о тяжелом заболевании своей супруги, имея в виду совсем ее устранить, и вслух выражает желание жениться на дочери брата. Здесь же Ричард дает кровожадные наставления сэру Джемсу Тирреллу** и отказы-

---

* В русском переводе Ричард дает это поручение Кетсби. — *Примеч. пер.*

** У автора — Джеймс Тирелл (James Tyrell). — *Примеч. пер.*

вается подарить Бекингеу обещанное графство Херефорд. В сущности, и эта, и последующая третья сцена основаны на исторических описаниях Мора. Шекспир лишь переносит смерть королевы Анны почти на два года вперед, совмещая ее по времени с убийством принцев. После того как Тиррел подтверждает их умерщвление, Ричард произносит такие слова:

Эдварда дети — в лоне Авраама;
Простилась королева с миром.

Ко времени убийства принцев, надо полагать, Стэнли (Стэнли) не успел даже начать распространение слухов о болезни леди Анны. Как нам известно, несчастная королева дожила до марта 1485 года и умерла, возможно, в результате постепенного отравления или скорее всего естественным путем.

Появление в четвертой сцене жуткой королевы Маргариты — безусловно, чистейший вымысел, и в ней вообще трудно признать королеву Маргариту. Она совершенно переменилась со времени биты при Тьюксбери. Перед нами нечто лишь отдаленно напоминающее человека, персонаж скорее из греческой трагедии, а не из английской истории, олицетворение кровной мести женщины, способной даже на то, чтобы испытывать удовлетворение от смерти малолетних принцев. Вторую часть сцены — Ричард демонстрирует исключительные способности в том, чтобы уговорить королеву Елизавету отдать за него свою дочь, — можно считать исторически верной, если мы признаем, а нам как аудитории Шекспира приходится это делать, что первая его жена Анна к тому времени действительно была мертва. В третьем эпизоде королю сначала сообщают о неминуемом выступлении против него Генриха Тюдора и Бекингема, а затем информируют о постигшей их неудаче и возвращении Генриха в Бретань. Поскольку Бекингом все еще жив, а нам известно, что его казнили 2 ноября, то мы с уверенностью

можем датировать заключительную часть сцены исходом октября 1483 года.

Крохотный пятый эпизод, завершающий четвертый акт, где лорд Стенли (Стэнли) объясняет, что он не может делом поддержать Ричмонда, так как Ричард держит его сына в заложниках, следовало бы поменять местами с первой сценой пятого акта. Действие явно происходит в августе 1485 года после высадки Ричмонда в Англии. (Причем Генрих сошел на берег не в Хаверфордуэсте или Пембруке, как утверждает сэра Кристофер Эрсуик, а в Милфорд-Хейвене.) Пятый акт на какое-то время возвращает нас в 1483 год и к казни Бекингема за бунт, но во второй сцене мы вновь оказываемся в 1485 году — Шекспир обходит вниманием 1484 год — и остаемся в нем до конца пьесы. Короткая сцена — Ричмонд с ближайшими сподвижниками находится где-то на пути к Босворту — предвещает битву. В последующих трех сценах — третьей, четвертой и пятой — отображается само сражение, а после гибели Ричарда и заключительного монолога Ричмонда, теперь короля Генриха VII, занавес опускается.

Третья сцена, самая продолжительная и наиболее важная, производит такое же сильное эмоциональное впечатление, как и воссоздание батальной атмосферы перед битвой при Азенкуре в «Генрихе V». Два вражеских лагеря готовятся к предстоящей схватке, и Ричард и Ричмонда беспокоит то, как поведет себя Стенли (Стэнли), но лорд под покровом ночи пробирается в стан Ричмонда и еще раз объясняет ему, что не может открыто встать на сторону пасынка, пока у короля в заложниках находится его родной сын. (Ночной визит, конечно же, придуман Шекспиром. Кроме того, драматург, стремясь упростить сюжет или экономя время, представляет нам только одного Стэнли и не упоминает сэра Уильяма, чье вмешательство сыграло решающую роль в исходе битвы.) Ночью же появляются духи — одиннадцать в общей сложности, — и каждый из них разговаривает то с Ричардом, понося его, то с Ричмондом, желая ему победы.

Затем Ричмонд и Ричард обращаются с речами к войскам, и сражение начинается.

Пятая сцена, помимо того что в ней содержится самая знаменитая фраза всей пьесы*, предназначена для демонстрации воинской доблести короля, жаждущего сразиться в единоборстве с Ричмондом. Здесь же дается недвусмысленный намек на трусость Ричмонда, заставившего еще несколько человек облачиться в такие же, как у него, доспехи. Ричард в пылу сражения кричит Кетсби (Кейтсби):

Мне кажется, шесть Ричмондов здесь в поле!
Убил я пятерых, но цел единый...

В данном случае мы, похоже, также имеем дело с шекспировским изобретением. Конечно, «двойники» на поле боя не были редкостью в войнах Средневековья**, но не имеется никаких свидетельств того, что нечто подобное происходило в битве при Босворте, а шлем Ричарда, например, украшала заметная королевская регалия — венец. Холл утверждает: Ричмонд «сам неистово искал встречи с ним, горел желанием сойтись с ним один на один, как мужчина с женщиной». В пятой сцене они действительно сражаются друг с другом, и Ричард погибает. На самом деле нам неизвестно, кто убил короля. Мы можем быть уверены лишь в том, что он пал на поле боя не от руки Ричмонда, в противном случае такое событие почти наверняка было бы зафиксировано очевидцами. Нам остается лишь простить автору эту небольшую драматургическую вольность.

Традиция передачи короны победителю, реализованная одним из братьев Стэнли, существовала задолго до Шекспира. Мы можем догадываться, что вручил ее Ричмонду сэръ Уильям, поскольку его брат так и не решился ввязаться в сражение. Заключительный монолог Ричмонда, конечно, в

---

* «Коня, коня! Венец мой за коня!»

** См. гл. 6.

истории не отмечен, но исполнен он превосходно. Вызывает возражение только стремление Ричмонда представить и Елизавету, и собственную персону «наследниками царственных домов». Елизавета, на которой он вскоре женился, действительно была наследницей дома Йорков, хотя Ричард после смерти единственного сына в 1484 году (не упомянутого Шекспиром) объявил своим наследником племянника Джона де ла Поля. Притязания Генриха на наследование дома Ланкастеров или того, что от него осталось, весьма сомнительные. Как бы то ни было, после битвы при Босворте немногие в Англии осмелились бы не преклонить колени перед Генрихом Тюдором, своим законным королем.

Эпилог

Книга охватывает полтора столетия истории Англии, больше всего заинтересовавшие Шекспира, посвятившего им девять выдающихся драматических хроник. Весь период — это почти непрерывная вооруженная борьба: Столетняя война с Францией и три десятилетия Войны Алой и Белой розы, во время которой англичане воевали уже не с французами, а друг с другом. Оба конфликта названы не совсем точно. Противоборство с Францией длилось дольше, чем подразумевается метафорой, а в гражданской войне не было никакой флористической романтики. С другой стороны, они не нанесли стране сколько-нибудь значительного ущерба. Войны велись средневековыми способами и средствами, и армии были карликовые по сравнению с современными вооруженными силами. Конечно, и тогда солдаты погибали или получали увечья, но выжившие возвращались домой, например из Франции, с карманами, набитыми деньгами, вырученными за освобождение пленных, таща за собой повозки с награбленным добром. Гражданская война, безусловно, сказывалась на жизни людей, особенно в тех местах, по которым проходили войска. Однако реальные сражения, какими бы кровопролитными они ни были, в общей сложности длились всего лишь тринадцать недель. Подданные

королей в большинстве своем были очень далеки от интересов, амбиций и междоусобных конфликтов дворянства. Их занимали другие проблемы: напасти стихий, экономические неурядицы, злобредность землевладельца, произвол чиновников. Основная масса населения продолжала вести привычный образ жизни.

Ущерб наносился скорее моральный, а не материальный. При старой феодальной системе вассал обязывался служить своему сеньору определенное количество дней в году за землю, предоставлявшуюся ему в пользование. Но прежний порядок рушился и возникла потребность в профессиональных или полупрофессиональных армиях, которые уже могли воевать в течение продолжительного времени. Такие солдаты служили за деньги и, не в последнюю очередь, в расчете на богатые трофеи; нанимались они необязательно к своему хозяину, а чаще к тому, кто больше заплатит. Как грибы выросли частные дружины, предлагавшие свои услуги всем, кто готов был им платить, а после сражений, оставаясь не у дел, эти отряды превращались в банды мародеров, разоряли деревню за деревней, отбирая у селян и еду и женщин.

Сильный правитель мог бы держать этих людей в узде. К несчастью, в XIV и XV веках Англии не везло с королями. Эдуард III был неплохой государь: по крайней мере он возродил престиж монархии после низложения и убийства презренного отца, однако развязанная им война за французскую корону (дабы занять своих магнатов, сеявших смуту дома) принесла невероятные страдания народу Франции и за следующие сто двадцать лет погубила бесчисленные тысячи англичан. Более того, и это в долгосрочном плане имело не менее катастрофические последствия, у него оказалось слишком много детей. Наличие в королевской семье семерых сыновей непременно должно было привести к конфликтам в эпоху, когда еще не существовало установленных правил престолонаследия, что с успехом и отобразил в своих драмах Шекспир.

Преждевременную смерть Черного Принца тоже можно считать несчастьем для Англии. Думал бы он о своем здоровье, пережил бы отца, кто знает, его сын Ричард II наследовал бы ему, а не деду, и это был бы другой Ричард, постарше и поумнее, Ричард, который мог бы перебороть в себе ту редчайшую и опасную смесь безответственности и высокомерия, со временем погубившую его. Он даже мог бы, наверное, извлечь уроки из падения прадеда Эдуарда II. Вместо этого Ричард, окружив себя никчемными и своекорыстными фаворитами и пренебрегая баронами, от которых зависела стабильность власти, практически пошел по его стопам, спровоцировав еще одну революцию и лишившись, как и Эдуард, и трона и жизни. Генриха IV, его низложившего, никак не назовешь бездарным правителем, но он так и не смог избавиться от чувства вины за узурпацию трона; ему постоянно докучал парламент — пожалуй, самый несговорчивый из всех действовавших до XVII века. Его сын Генрих V, подобно Эдуарду III, пытался разрешить внутренние проблемы войной с Францией. Мужественный, способный вдохновлять людей и в то же время довольно посредственный полководец, Генрих одержал блистательную, хотя во многом незаслуженную победу над французами, принесшую ему славу и огромную популярность. Но он ушел из жизни в тридцать четыре года, оставив страну в том же бедственном положении, в каком она была и до него.

Ранняя смерть монарха нередко приводила к тому, что на троне оказывался малолетний наследник: Ричарду II во время восшествия на престол было десять лет, Генриха VI еще носили на руках. К несчастью для Англии, он всю жизнь и оставался таким же несмышленным ребенком. Более сильный и волевой правитель мог бы предотвратить катастрофу. При Генрихе, которым, как игрушкой, помыкали и советники и королева, Войны роз было не миновать. Многие сказали бы, что его жизнь была не столько коротка, сколько чересчур длинна. Еще при его жизни стало ясно, что трон, раз нет подходящих ланкастерских наследников, должен перейти к

дому Йорков. Уже одно то, что у Генриха отобрали корону, а потом по прихоти нахального лорда вернули, говорит о слабости монархии. Смог бы Эдуард IV после второй коронации править страной так же достойно, как его прапрадед и тезка сто пятьдесят лет назад? Не исключено. Он обладал многими качествами, необходимыми для этого. Но он допустил одну роковую ошибку: женился на Елизавете Вудвилл. Этот брак разбил йоркистов на два лагеря; в результате ранняя смерть Эдуарда, чьи наследники были еще беззащитными детьми, привела к узурпации власти Ричардом III и — косвенно — к восшествию на трон Генриха Тюдора.

О Генрихе обычно говорят, что у него не было молодости. Суровое военное воспитание у дяди, годы юности и раннего возмужания, проведенные в изгнании, под постоянной угрозой быть пойманным и казненным, вряд ли могли сделать из него жизнерадостного весельчака. Ему не были свойственны ни порывы страсти, ни приступы ярости, которыми отличались его сын и внуки. Он был жесток и непреклонен, но во всех своих решениях и поступках Генрих руководствовался велениями разума, а не сердца. Очень часто он удивлял своих советников проявлениями милосердия и снисхождения, проистекавшими не из сочувствия или человеческой доброты, а из убеждения в том, что его главное предназначение состоит в успокоении раздоров, примирении и обуздании зарвавшейся аристократии. Наконец-то страна обрела настоящего короля, которого она ждала бог знает сколько лет.

История Англии конца XIV—XV веков полна драм и трагедий, предоставивших для пера Шекспира богатейший материал. Она отмечена не только династическими и территориальными конфликтами, нация сталкивалась и с другими угрозами, среди которых самой серьезной, пожалуй, была межрелигиозная вражда. Всего лишь за сорок лет до выхода в свет пьес Шекспира, при «Кровавой Мэри» англичане подвергались гонениям за протестантскую веру. Елизавета навела определенный порядок в этой сфере, но страсти не улеглись. Шекспир разрешил эту проблему самым простейшим

способом — проигнорировал ее. Среди его писателей-современников в самой Англии и в Европе мало найдется авторов, уделявших в своих работах столь незначительное внимание духовному началу. Если не считать выступления епископа Карлайла в четвертом акте «Ричарда II» и плохонького четверостишия на надгробии* (невозможно поверить в то, что оно написано им самим), то во всем собрании его сочинений едва ли отыщется хотя бы одна строка, в которой упоминается имя Иисуса Христа в его подлинном значении и в нужном контексте.

Сложнее дело обстояло с проблемами низложения Ричарда II и Генриха VI. Королева очень чувствительно относилась к таким вещам, а эти пьесы, как известно, писались Шекспиром в эпоху Елизаветы, а не Якова I. Кроме того, у ее величества имелись и основания для беспокойства. В пятницу, 6 февраля 1601 года, группа сторонников графа Эссекса потребовала устроить специальное представление «Ричарда II», пообещав заплатить сорок шиллингов и возместить актерам все возможные убытки. Через два дня Эссекса объявили изменником, а вечером он сам сдался властям.

Тем не менее главная тема пьес — верховенство и неизбежный триумф государства — была по душе королеве. Со времени смерти Генриха II в 1189 году и до восшествия на трон Эдуарда III в 1327-м в Англии был лишь один действительно компетентный монарх**: хотя государство и управлялось разумно, оно все еще оставалось незрелым. Последовав

---

* Друг, ради Господа не рой
Останков, взятых сей землей;
Нетронувший блажен в веках,
И проклят — тронувший мой прах.

(Пер. А. Величанского. В оригинале — Иисус (IESVS). — *Примеч. пер.*)

** Дед Эдуарда Эдуард I. Правившие до него Иоанн и Генрих III были полными ничтожествами, а предшественник Иоанна и его брат Ричард I (Coeur de Lion — Ричард Львиное Сердце), хотя и царствовал десять лет, едва говорил по-английски, абсолютно не интересовался страной и провел в Англии за всю жизнь менее года.

шие затем беды и несчастья, унижения и горести, вызванные глупыми поступками слишком многих безмозглых правителей, которые по своим способностям и в подметки не годились королеве Елизавете и ее деду, — все это приходится в ретроспективе считать неизбежными и, возможно, необходимыми элементами становления и выковывания сильной государственности.

И главным героем, и жертвой этого процесса, охватившего жизни пяти и даже больше поколений, была, конечно, Англия, невинная, как все истинные героини, но поруганная теми, кто брался ею править. Это они разрушали ее, глумились над ней и разрывали на части, фигурально выражаясь, от первой и до заключительной сцены шекспировских пьес. Разрушительный процесс остановился лишь за несколько минут до окончания последнего акта драмы «Ричард III». В эти минуты в битве при Босворте был убит Ричард III, его преемником стал Генрих Ланкастер, и Англия внезапно вырвалась из вековой темноты в светлое будущее Тюдоров. Резкий контраст между хаосом Плантагенетов и миром и спокойствием, привнесенными Генрихом и его преемниками, — такая интерпретация истории вполне устраивала королеву Елизавету.

Шекспир прекрасно это понимал. Возможно, ему не доставало источников, а те, которые имелись в наличии, были неудовлетворительными, и нехватку исторического материала он восполнял творческим воображением. Он не претендовал на историческую достоверность. Целью этой книги было установить, насколько Шекспир близок к исторической правде. В любом случае он был не историком, а драматургом. Он писал пьесы. И если ему удавалось своим творчеством не только удивлять и волновать, но еще и просвещать аудиторию, то этого более чем достаточно. Он делал это в свои годы и продолжает это уже четыреста лет. Его пьесы бессмертны.

Хронология

1327	Убийство Эдуарда II. Восшествие на трон Эдуарда III
1328	Смерть французского короля Карла IV. Восшествие на трон Филиппа VI
1329	Эдуард приносит оммаж Филиппу в Амьене
1330	Рождение Черного Принца
1332	Шотландцы захватывают Берик
1337	Филипп конфискует Гасконь; Эдуард предъявляет права на французскую корону: начинается Столетняя война
1339	Эдуард вторгается во Францию
1340	Битва при Слейсе; подписание перемирия в Эплешене; рождение Джона Гонта
1341	Шотландцы захватывают Ньюкасл
1346	Битва при Креси; начало осады Кале; захват короля Шотландии Давида
1347	Взятие Кале
1348	«Черная смерть» обрушивается на Францию
1349	«Черная смерть» обрушивается на Англию
1350	Смерть Филиппа VI; восшествие на трон Иоанна II
1356	Битва при Пуатье
1357	Выкуп короля Шотландии Давида

1360	Подписание мира в Бретиньи
1362	Эдуард передает Гасконь и Пуату Черному Принцу
1364	Смерть Иоанна II; восшествие на трон Карла V
1367	Рождение Ричарда II и Генриха IV; битва при Нахере
1368	Возобновление войны
1369	Смерть королевы Филиппы
1370	Уже больной Черный Принц осаждает Лимож
1375	Подписание перемирия в Брюгге
1376	Смерть Черного Принца
1377	Толпа громит Савойский дворец Джона Гонта; смерть Эдуарда III; восшествие на трон Ричарда II
1381	Восстание крестьян; смерть Эдмунда Мортимера, 3-го графа Марча
1382	Бракосочетание Ричарда II и Анны Богемской
1383	Экспедиция Генри Деспенсера, епископа Нориджского во Фландрию
1385	Смерть королевы Иоанны; экспедиция Ричарда в Шотландию
1386	Испанская экспедиция Джона Гонта; учреждение «Большого постоянного совета»
1387	Глостер, Арундел и Уорик оказывают открытое неповиновение королю; Болингброк наносит поражение де Веру у Рэдкот-Бриджа
1388	Апеллянты и «Безжалостный парламент» прижимают к ногтю короля; казни; шотландцы побивают англичан при Оттерберне (Чевин-Чейз)
1389	Джон Гонт возвращается в Англию
1394	Четырехлетнее перемирие с Францией; смерть Анны Богемской; Ричард отправляется в Ирландию
1395	Ричард возвращается из Ирландии
1396	Бракосочетание Ричарда с Изабеллой Французской; перемирие с Францией (длится 25 лет)
1397	Коронация Изабеллы; ликвидация Глостера, Арундела и Уорика

1398	Парламент в Шрусбери; Болингброк выдвигает обвинения против Моубри; оба приговариваются к изгнанию
1399	Смерть Джона Гонта; Ричард отплывает в Ирландию; Болингброк высаживается в Англии; низложение Ричарда; коронация Болингброка как Генриха IV
1400	Восстания в Шотландии и Уэльсе
1402	Бракосочетание Генриха с Иоанной Бретонской; битва при Хомилдон-Хилле
1403	Коронация Иоанны; бунт дома Перси; битва при Шрусбери
1404	Смерть Филиппа Храброго, герцога Бургундии; восшествие на престол Иоанна Бесстрашного
1405	Восстание на севере, поднятое Нортумберлендом и архиепископом Йоркским
1407	Убийство Людовика, герцога Орлеанского; наследование титула сыном Карлом
1408	Битва при Брамем-Муре; гибель Нортумберленда
1409	Падение Харлеха
1411	Экспедиция, посланная принцем Уэльским на помощь Бургундии
1412	Экспедиция Кларенса, отправленная королем на помощь Орлеану
1413	Смерть Генриха IV; восшествие на трон Генриха V
1414	Восстание лоллардов
1415	Генрих вторгается во Францию; заговор Кембриджа; осада Гарфлёра; Азенкур
1416	Снятие осады Гарфлёра; визит императора Сигизмунда
1417	Второй поход Генриха; взятие Кана
1418	Взятие Руана после длительной осады
1419	Убийство Иоанна Бесстрашного
1420	Договор в Труа; бракосочетание Генриха с Екатериной; Генрих въезжает в Париж
1421	Коронация Екатерины; битва при Божэ; последняя военная кампания Генриха; рождение Генриха VI

1422	Смерть Генриха; восшествие на трон Генриха VI; смерть Карла VI; восшествие на трон Карла VII
1428	Осада Орлеана; смерть Солсбери
1429	Коронация Генриха в Вестминстере; коронация Карла VII; битва при Патэ
1431	Сожжение Жанны д'Арк; коронация Генриха в Париже
1437	Въезд в Париж Карла VII
1441	Обвинение в колдовстве герцогини Глостер
1444	Перемирие с Францией; обручение Генриха с Маргаритой Анжуйской
1445	Бракосочетание (заочно) Генриха с Маргаритой
1447	Смерть герцога Хамфри Глостера; смерть кардинала Бофорта
1448	Уступка Мена Франции
1449	Разграбление Фужера Сомерсетом; французы отвоевывают Руан; Ричард Йорк отправляется в Ирландию
1450	Битва при Форминьи; опала Суффолка; его смерть; восстание Джека Кэда; Ричард Йорк самовольно возвращается из Ирландии
1452	Ричард Йорк идет на Лондон
1453	Серьезное заболевание Генриха; рождение сына; арест Сомерсета
1454	Ричард Йорк назначается протектором королевства; Генрих выздоравливает
1455	Сомерсет возвращается во власть; первое сражение в Сент-Олбансе
1460	Ричард Йорк предпринимает четвертый поход на Лондон и формально заявляет о правах на корону; «Акт согласия»; битва при Уэйкфилде; гибель Ричарда
1461	Битва при Мортимерс-Кроссе; второе сражение в Сент-Олбансе; лондонцы восстают против Ланкастеров; Эдуард IV притязает на трон; битва при Таутоне; смерть Карла VII; восшествие на престол Людовика XI
1462	Королева Маргарита взывает о помощи к Людовику XI

1464	Восстание на севере; битвы при Хеджли-Муре и Хексеме; Генрих VI бежит и блуждает в северной глуши почти год; Эдуард женится на Елизавете Вудвилл
1469	Джордж, герцог Кларенс, женится на Изабелле, дочери Уорика; мятеж Робина из Редесдейла; битва при Эджкоте; захват короля Эдуарда Уориком и Кларенсом
1470	Битва при Эрпингеме («Поле брошенных кафтанов»); Уорик и Кларенс бегут во Францию; примирение Маргариты с Уориком; Уорик высаживается в Девоне и требует восстановления Генриха VI; Эдуард, преданный Монтегю, скрывается в Голландии; Генрих VI восстановлен на троне, но властвует Уорик
1471	Эдуард возвращается в Англию; новая коронация; битва при Барнете; гибель Уорика; Маргарита с сыном Эдуардом высаживаются в Уэймуте; битва при Тьюксбери; смерть короля Генриха в Тауэре
1475	Эдуард ведет армию во Францию; достижение соглашения в Пикиньи; выкуп Маргариты
1478	Осуждение и смерть Кларенса
1482	Ричард Глостер идет с армией в Шотландию и оккупирует Эдинбург
1483	Смерть Эдуарда IV; переворот в Нортгемптоне; Ричард переводит двух малолетних принцев в Тауэр; Ричард устраивает дело так, чтобы его попросили принять корону; коронация; смерть принцев; бунт Бекингема
1484	Смерть сына Ричарда Эдуарда Миддлхэма
1485	Смерть королевы Анны; Генрих Тюдор высаживается в Милфорд-Хейвене; битва при Босворте

Библиография

THE PLAYS

The Arden Shakespeare. London, various editors and dates. (For *Edward III: Elizabethan History Plays* (ed.) William A. Armstrong, OUP 1965.

CONTEMPORARY WORKS

Adam of Usk. *Chronicle, 1377–1421*. Tr. and ed. E. M. Thompson, London 1904.

Anon. *The Famous Victories of Henry the Fifth*. 1594?–8.

Anon. *The First English Life of Henry V*. Ed. C. L. Kingsford, Oxford 1911.

Anon. *Gesta Henrici Quinti*. An account by an unknown chaplain to Henry V, ed. B. Williams for the English Historical Society, London 1830.

Anon. *Historie of the Arrivall of King Edward IV*. Ed. J. Bruce, Camden Society, London 1838.

Chandos Herald, The. *Life of the Black Prince*. Tr. and ed. M. K. Pope and E. C. Lodge, London 1910.

Commynes, Philippe de. *Mémoires*. Ed. J. Calmette and G. Durville, 3 vols, Paris 1924–5.

- Croyland Chronicle, The. *Historiae Croylandensis Continuatio*.
Tr. H. T. Riley as *Ingulph's Chronicles*, London 1893.
- Daniel, Samuel. *The First Fowre Bookes of the ciuile wars between
the two houses of Lancaster and Yorke*. In *Complete Works in
Verse and Prose*, ed. A. B. Grosart, London 1885.
- Fabyan, Robert. *The New Chronicles of England and France*. 1516,
republished by Sir Henry Ellis, 1816.
- Fox, John. *Actes and Monuments*. Repr. 1843-9.
- Froissart, Jean. *The Chronicle of Froissart translated out of French by
Sir John Bouchier Lord Bemers*. With introduction by W. P. Ker,
London 1903.
– *Chronicle*. Eng tr. abridged by G. Brereton, London 1968.
- Great Chronicle of London, The*. Ed. A. H. Thomas and I. D. Thorney,
London 1938.
- Hall, Edward. *Chronicle of the Vnion of the Two Noble and Illustre
Families of Lancastre and Yorke*. 1542, 1548, 1550. (Reprinted
London 1809)
- Holinshed, Raphael. *The firste volume of the chronicles of England,
Scotlande and Irelande*. 2nd edn, 1587. (See Nicoll, below)
- Jean de Venette. *Chronicle*. Tr. J. Birdsall. Ed. R. A. Newhall, New
York 1953.
- Knighton, Henry. *Compilatio de eventibus Angliae*. Ed. J. R. Lumby.
Rolls Series, London 1889–95. (Fifth book, by another author,
cover the reign of Richard II.)
- Mancini, Dominic. *De occupatione Regni Angliae per Riccardum
Tercium*. Tr. and ed. C. A. J. Armstrong, Oxford 1969.
- Monstrelet, Enguerrand de. *Chronique*. Ed. L. Douet d'Arcq for the
Société de l'Histoire de France, 6 vols, Paris 1857–62.
- More, Sir Thomas. *The History of King Richard the Third*. In *The
Complete Works of Sir Thomas More*, vol. II. Ed. R. S. Sylvester,
Yale 1963.
- Paston Letters, 1422–150Q*. Ed. J. Gairdner, Rolls Series, 1858.
- Polydore Vergil. *Three Books of Polydore Vergil's English History*. Ed.
H. Ellis, Camden Society, London 1844.
– *The Anglica Historia of Polydore Vergil, AD 1485-1573*. Tr. and ed.
D. Hay, Camden Series 1950.

- Saint-Rémy. *Chronique de Jean le Fèvre, Seigneur de Saint-Rémy*. Ed. F. Morand, Paris 1876.
- Titus Livius Forojuiliensis. The 1st English Life of Henry V, written 1513 by 'the Translator of Livius'. Ed. C. L. Kingsford, Oxford 1911.
- Walsingham, Thomas. *Historia Anglicana, 1272–1422*. Ed. H. T. Riley, 2 vols, Rolls Series, London 1863–4.
- *Chronicon Angliae, 1322–88*. Ed. E. M. Thompson, Rolls Series, London 1874.
- *Annales Ricardi Secundi*. Ed. H. T. Riley, Rolls Series, London 1866.
- Waurin, Jean de. *Recueil des chroniques*. Ed. W. and E. Hardy, London 1872–3.

MODERN WORKS

- Bagley, J. J. *Margaret of Anjou, Queen of England*. London.
- Barber, Richard. *Edward, Prince of Wales and Aquitaine: A Biography of the Black Prince*. London 1978.
- Black, M. W. *The Sources of Richard II*. J. Q. Adams Memorial Studies, Washington 1948.
- Bullough, Geoffrey. *Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare*. London 1960.
- Burgess, Anthony. *Shakespeare*. London 1970.
- The Cambridge Medieval History*, vol. vii. Cambridge 1932.
- Campbell, Lily B. *Shakespeare's 'Histories': Mirrors of Elizabethan Policy*. San Marino, California, 1947.
- Christie, Mabel E. *Henry VI*. London 1922.
- Churchill, G. B. *Richard III up to Shakespeare*. Berlin 1900.
- Clarke, M. V. *Fourteenth Century Studies*. Oxford 1937.
- The Dictionary of National Biography*.
- Elton, G. R. *England under the Tudors*. 3rd edn, London 1997.
- Gillingham, John. *The Wars of the Roses: Peace and Conflict in Fifteenth-Century England*. London 1981.
- Goodman, Anthony. *A History of England from Edward II to James I*. London 1977.
- Hanham, A. *Richard III and His Early Historians*. Oxford 1975.

- Hutchison, Harold F. *The Hollow Crown: A Life of Richard II*. London 1961.
- *Henry V: A Biography*. London 1967.
- Jacob, E. F. *The Fifteenth Century, 1399—1485*. Oxford 1961.
- Johnson, Paul. *The Life and Times of Edward III*. London 1973.
- Kantorowicz, E. H. *The Kings's Two Bodies*. Princeton 1957.
- Kendall, P. M. *Warwick the Kingmaker*. London 1957.
- *Richard III*. London 1955.
- Kirby, J. L. *Henry IV of England*. London 1970.
- The London Encyclopaedia*. Ed. Ben Weinreb and Christopher Hibbert, London 1983.
- McKisack, May. *The Fourteenth Century, 1307—1399*. Oxford 1959.
- McLeod, Enid. *Charles of Orleans: Prince and Poet*. London 1969.
- Mathew, Gervase. *The Court of Richard II*. London 1968.
- Metz, G. Harold. *Sources of Four Plays Ascribed to Shakespeare*. London 1989.
- Murray, Margaret. *Witchcraft in Western Europe*. Oxford 1921.
- Nicoll, A. & J., eds. *Holinshed's Chronicle as Used in Shakespeare's Plays*. London 1927.
- Packe, M. and Seaman, L. C. B. *King Edward III*. London 1983.
- Pollard, A.J. *The Wars of the Roses*. London 1988.
- *Richard III and the Princes*. London 1991.
- Ross, C. *Edward IV*. London 1974.
- *The Wars of the Roses*. London 1976.
- *Richard III*. London 1981.
- Rowse, A. L. *The Annotated Shakespeare*. London 1978. — *Bosworth Field and the Wars of the Roses*. London 1966. Saul, Nigel. *Richard II*. London 1997.
- Senior, Michael. *The Life and Times of Richard II*. London 1981.
- Seward, Desmond. *Richard III*. London 1982.
- A Shakespeare Encyclopaedia*. Ed. O. J. Campbell and E. G. Quinn. London 1966.
- Sprague, A. C. *Shakespeare's Histories: Plays for the Stage*. London 1964. Steel, A. *Richard II*. Cambridge 1941.
- Stubbs, William. *A Constitutional History of England*. 3 vols, Oxford 1874—8.

- Tillyard, E. M. W. *Shakespeare's History Plays*. London 1944.
- Trevelyan, G. M. *England in the Age of Wycliffe*. 4th edn, London 1909.
- Tuchman, Barbara. *A Distant Mirror*. London 1978.
- Walpole, Horace. *Historic Doubts on the Life and Reign of Richard III*.
London 1768.
- Weir, Alison. *The Wars of the Roses*. London 1995.
— *The Princes in the Tower*. London 1992.
- Wilson, J. Dover, ed. *Richard II*. Cambridge 1951.
- Wylie, J. H. *History of England under Henry the Fourth*. 4 vols, London 1884–98.
- Ziegler, P. *The Black Death*. London 1969.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Норвич Джон
История Англии и шекспировские короли

Научный редактор Н.Л. Зайцева
Ответственный корректор И.М. Цулая
Компьютерная верстка: Л.О. Огнева
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81

Всякий, кто читал шекспировские бессмертные «пьесы-хроники», уверен: король Эдуард III был образцом благородства, Ричард III – беспринципным убийцей, легкомысленный и обаятельный Генрих V – гениальным полководцем, Генрих VI – легковерным простаком.

Но какое отношение все это имеет к исторической реальности?

В своем исследовании «История Англии и шекспировские короли», равно интересном как для историков и литературоведов, так и для всех, кто знаком с произведениями Шекспира, сэр Джон Джулиус Норвич анализирует, насколько подлинные образы английских монархов XIV – XV веков соответствуют трактовке великого драматурга.

ISBN 978-5-271-43630-7

9 785271 436307